

НОВЫЙ

фантастический роман
из нового цикла **ТЕАТР ТЕНЕЙ**

Кир Булычев

ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ

Кир Булычев

Кир Булычев

ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ

Первый роман
фантастического цикла
ТЕАТР ТЕНЕЙ

 МОСКВА, 1998
АРМАДА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5
Б 90

Художник
И. Е. Воронин

ISBN 5-7632-0737-8

© Булычев Кир, 1998
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игре не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет тобой.

Омар Хайям

ПРОЛОГ

В комнате было душно, хотелось устроить сквозняк, но Манана сразу закрывала окно, потому что у нее был хронический бронхит.

— Сейчас бы пива выпить,— сказал Крогиус. Ему было так жарко, что очки вспотели.

— Катрин ждет моего звонка,— сказал я.

Только убежденный мазохист мог отправиться на свидание в шесть вечера, в разгар летней жары, подобной которой не припомнят даже ветераны синоптики.

— У бывшего памятника Свердлову,— сообщил Крогиус,— поставили белые столики.

Я набрал номер.

Хорошо бы Катрин отказалась от свидания — у нее незапланированное профсоюзное собрание: ее лаборатория намерена голодать, пока не выплатят зарплату за февраль.

Катрин сразу взяла трубку, словно сидела у телефона и ждала моего звонка. Такой преданности я недостоин.

Первым делом Катрин сообщила, что я мог бы позвонить раньше. В такую жару даже самые нежные девушки становятся сварливыми.

Крогиус положил хозяйственную сумку рядом с телефоном. Из нее вывалился пакет с сахарным песком. Значит,

Света ждет его, чтобы ехать на дачу, где идет подготовка к варке вишневого варенья. Крогиус нависал надо мной, глядя сверху собачьими глазами.

Катрин говорила так тихо, что я ничего не понимал.

— Говори в трубку! — потребовал я.

— Я и так кричу, — ответила Катрин.

— Гарик, — попросил Крогиус. — Я совсем забыл. Светка вот-вот уйдет с работы. Мне тогда лучше не жить.

— Полчаса телефон был свободен, — сказал я. — Неужели надо было ждать, пока я возьму трубку?

— Но ты же знаешь, какой у Светки характер!

— Ты меня еще слушаешь? — спросила в трубке Катрин.

— И очень внимательно.

— Повтори, что я только что сказала.

— Мы с тобой встречаемся через двадцать пять минут.

Там же, где всегда.

— А мне показалось, что ты меня не слушаешь.

— Все, — сказал я, нажал на рычаг и протянул трубку Крогиусу.

У выхода я врезался в девочку Соню из библиотеки. Почему-то ей захотелось выяснить со мной отношения в момент окончания рабочего дня. Соня сообщила, что у меня закрыт абонемент, потому что я не вернул шесть книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере три из них взял Гамлет. Гамлет уехал к себе в Армению, которая тут же стала независимым государством.

Покончив с неприятностями, Сонечка согнала с лица строгость и ласково спросила:

— Вы будете выступать в устном журнале?

А может, она не Сонечка? Розочка? Или Розалинда?

— К сожалению, я отбываю в командировку, — ответил я и улыбнулся как известный французский актер.

Сонечка узнала во мне Жана Поля Бельмондо и сказала, что у меня дар к перевоплощению. Во мне погибает великий артист. Я и без нее знал, что у меня есть дар к перевоплощению. Но погибает ли во мне великий артист?

— Как жаль, что вы не учитесь!

— Я уже все науки выучил.

— Ах, вы ужасный шутник!

— Я не шутил.

— С вами так интересно! Вы добрый.

— Вы заблуждаетесь, девушка,— возразил я.— Я только притворяюсь добрым. На деле же я...

Я осекся, потому что чуть было не показал ребенку голодного крокодила. Она бы испугалась до смерти.

На улице было даже хуже, чем в нашем полуподвале. Чтобы убить время, я пошел пешком. У подземного перехода продавали поникшие тепличные розы. Нет, если я куплю этих плакальщиц, то рядом с Катрин буду выглядеть неудачливым женихом.

Я вышел к памятнику Пушкину. У ног монумента лежал вылинявший букетик васильков.

Меня охватило странное чувство, будто все это уже было — и духота, и васильки, и фотограф у переносного стенда.

Я подошел к полукруглой мраморной скамье в тени недавно распустившихся лип. Катрин опаздывала. Я сел на пустой край скамьи. На скамейках потели туристы с покупками, с ними вперемежку сидели старички ветераны со свернутыми плакатами, ожидавшие начала демонстрации или митинга протеста, и кавалеры вроде меня.

Катрин пришла не одна.

Сбоку и на полшага сзади брел большой широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался проходимцем. Над красным лбом нависал козырек белой кепочки. Будь чуть прохладнее, он напялил бы свободно ниспадающий пиджак.

Я разглядывал мужчину, потому что Катрин не надо было разглядывать. Со вчерашнего дня она не изменилась. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей еще велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин издали увидела меня, подошла к скамейке и опустила рядом со мной. Мужчина сел с другой стороны, потеснив злого ветерана с комсомольским значком на черном пиджаке. Катрин сделала вид, что меня не знает, я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина бодро сказал:

— Какая жара! Самое время для теплового удара.

Катрин, окаменев, смотрела прямо перед собой, а мужчина замолк, любуясь ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее обнаженной руки, но он не осмеливался, и его пальцы, приподнявшись, нависли над ее кистью.

Лицо мужчины было мокрым, на кончике носа собиралась капля.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя на меня, прошептала:

— Превратись в паука! Испугай его до смерти. Только, чтобы я этого не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся наконец до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Тогда я наклонился вперед, и он вздрогнул от неожиданности.

Мне надо было встретиться с ним взглядом.

Затем я превратился в очень большого паука.

У меня было круглое тело в полметра диаметром и метровые мохнатые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные желтым смертельным ядом.

Мужчина не сразу сообразил, что же случилось.

Он зажмурился, но не оторвал пальцев от локтя Катрин.

Тогда я был вынужден превратить Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод хитинового панциря.

Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди, а другой рукой прикрыл глаза.

— Черт возьми! — произнес он. Ему показалось, что он заболел. Как многие большие, вялые мужчины, он был мнителен. Но, веря в здравый смысл, он заставил себя еще разок взглянуть на меня.

Тогда я протянул к нему передние лапы с когтями.

И он убежал.

Ему было стыдно убежать, но он не мог ничего поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками.

Старики начали подниматься, решив, что пришла пора народного гнева.

Катрин заразительно засмеялась, привычным жестом откинула с лица тяжелую русую прядь.

— Спасибо,— сказала она.— У тебя это здорово получается. Ели бы я не знала, наверняка бы испугалась. Хотя не поняла, что ты натворил на этот раз.

— Я превратил тебя в паучиху соответствующего размера.

— Как тебе не стыдно!

— Куда мы пойдём? — спросил я.

— Куда хочешь, мой властелин,— сказала Катрин.

— Я хочу пить пиво в парке и лежать на траве.

— Я слышала, что в Москве учредили полицию нравов,— заметила Катрин.

— Я постараюсь скромно валяться на траве и сдержанно пить пиво.

— У меня так не получится. Правда, там, наверное, много народу.

— Все, кто обладает средствами или садовым участком, толкуются в электричках,— сказал я.— В парке остались только бомжи.

— Тогда пошли в метро.

— Может, поймает машину? — спросил я.

— Тебе нравится шиковать, мой воздыхатель,— возразила Катрин.— Шикуй в одиночестве, я трижды обгону тебя в метро.

Мне хотелось принять вызов, но тогда бы я лишился общества Катрин. А мне не хотелось его лишаться.

Вагон был набит, почему-то каждый второй пассажир незастывший садовый инвентарь, а другая половина волокла чемоданы и сумки на колесиках. Но на «Комсомольской» все эти страшные потные люди выжались из вагонов, как паста из тюбика. Стало свободно, и даже можно было сесть.

— Жалко,— сказал я.— Жалко, что стало так свободно.

— Ты мазохист! — шепотом воскликнула Катрин.

— Нет, сладострастник,— возразил я.— Толпа так сладко прижимала меня к твоей груди.

Катрин чуть растерялась. Ее синие глаза сузились от неуверенности: то ли рассердиться на меня, то ли отыскать достойный ответ. Она предпочла второе.

— И как тебе моя грудь? — прошептала она.

— Твоя грудь божественна, — сказал я. — Ты можешь смело переходить в третье тысячелетие с его сексуальной свободой и полной эмансипацией.

— Чуть-чуть, — вздохнула Катрин, — ты чуть-чуть переборщил в своем мужском самомнении. И я тебе это припомню.

Шутя, она была серьезна. И я согласился с ней. Если переиграл, то умеи признаться.

Под большими деревьями у входа в парк «Сокольники» было прохладно, но нас обогнали другие любители пива. Они сидели на лавочках томными рядами и сосали пиво из бутылок. Ни один из банки, все — из бутылок. Здесь собирался народ серьезный, ценители и патриоты.

Я взял в киоске четыре банки «Будвайзера».

Впереди, за круглым бассейном, поднимался серебряный пластиковый купол какой-то очередной выставки. Нам бы в экспедицию такой купол — под ним свободно и не очень жарко. Под одним куполом можно устроить камералку, склад, столовую и танцевальный зал.

Нет, нельзя, придут заморенные, но гордые казачки и разрежут купол на полотна, а полотна унесут для хозяйственных надобностей. Если ты хочешь, чтобы археологическая экспедиция прожила на Кубани свой срок, то будь скромн, незаметн, плати рабочим достойно, но не очень много.

— Ты думаешь? — спросила Катрин.

Она была со мной одного роста — метр восемьдесят, и наши глаза, когда мы разговаривали, оказывались совсем рядом.

— Ты имеешь в виду процесс мышления? — уточнил я.

— Вот именно. Я вдруг тебя потеряла.

— Скоро в экспедицию, — сказал я.

— Почему ты вдруг об этом подумал?

— Увидел серебряную палатку, — показал я на купол.

— Пойдем левее,— предложила Катрин, будто не хотела, чтобы я думал об экспедиции.

Мы взяли левее.

... Скажите, почему мы должны зависеть от какого-то Нечипоренки, который и компьютера настоящего в глаза не видел? Крогиус клянется, что обсчитал бы бусы, пользуясь карманным вычислителем, быстрее, чем Нечипоренко с его лентями. А нам так хотелось получить данные до лета, чтобы успеть сдать тезисы к полевому сезону — тогда мы получим слово на сентябрьской конференции и совершим наш небольшой переворот в отечественной археологии. Нам не поверят, и на нас даже ссылаться не станут — мало ли кто совершал небольшие перевороты? А вятичи и ныне там!

Когда я очнулся от мыслей, то понял, что Катрин идет на некотором расстоянии от меня и глядит недобро.

— Я о другом думал,— поспешил я оправдаться.— Я думал о бусах и компьютере.

В лесу, изрезанном тропинками, но почти не загаженном, Катрин постелила на траву газету. Я поставил на газету банки с пивом и две из них открыл. Они были теплыми и плевались пеной.

Солнце пробивалось сквозь молодую и остро пахнущую березовую листву. Мне захотелось березового сока, но мы опоздали — раз пошла листва, сок не побежит.

— А в детском доме я писал стихи,— сказал я.— Меня звали Лермонтовым.

— Почему не Пушкиным? — спросила Катрин.

— Потому что я имел наглость сказать, что люблю Лермонтова больше.

— А теперь?

— И теперь больше.

— Прочти стихотворение,— попросила Катрин.

— Какое?

— О котором сейчас вспомнил.

— Ты слишком прозорлива, Катрин.

— Мужчина должен думать, что свободен в своих решениях... и капризах.

— Тогда я не буду читать.

- Все равно тебе хочется.
- Я его забыл.
- Ну, как хочешь...
- Только последнюю строфу.

... А капли стучат и плещут в стакане.
Весеннее утро. Рассвет невесом.
И с каждой каплей прозрачнее станет
Мутный сначала березовый сок.

- Это не Лермонтов. Это ты.
- Катрин открыла еще одну банку. Сдула пену. Я растянулся на траве и смотрел, прищурившись, на облака.
- Земля не холодная? — спросила Катрин.
- Я закаленный, я детдомовский.
- Для меня в этом есть анахронизм. Детские дома были сто лет назад. Ими командовал писатель Макаренко.
- И Железный Феликс.
- Если простудишься, раздружусь,— сказала Катрин.
- Мне хотелось поцеловать ее, но ей этого не хотелось.

Я спросил:

- Ты хотела бы летать?
- На самолете?
- Сама.
- Без крыльев?
- Без крыльев.
- Это называется левитацией,— назидательно сказала Катрин.— А левитации не бывает. Это мистика.
- Это мистика для первобытных землян, но не для существа высшего порядка...

Она склонилась надо мной и посмотрела на меня в упор.

- Угадай мои мысли! — потребовала она.
- Я не умею.
- Тогда почувствуй мои мысли!
- Не мучай меня. Я все равно не признаю, так как не хочу получить пощечину.
- Твое молчание тоже оскорбительно.

Она коротко размахнулась и дотронулась до моей щеки ладонью. Ладонь была сухой и горячей.

— Очень жарко,— сказала Катрин.— И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы наверх.

— Ты меня не спутала с кем-нибудь?

— Я тебя ни с кем не спутала. Неделью назад ты сказал мне, что любишь, когда у меня распущенные волосы.

— Ты мне нравишься в любом виде,— заверил я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Она сидела, опершись ладонью о траву. Рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин,— сказал я,— выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Ты меня не любишь,— возразила Катрин.

Я повернулся на бок, дотянулся губами до ее руки и поцеловал по очереди ее длинные загорелые пальцы.

— Если ты выйдешь за меня замуж,— сказал я,— то я всегда буду казаться тебе красивым. Как артист Янковский.

— Устанешь,— сказала Катрин.— И я устану.

— Давай попробуем.

— Ты сошел с ума,— заявила Катрин.— Ты же чужой человек. Опасный.

— Агент ЦРУ? — спросил я.

— Хуже, пришелец из космоса.

— Никто, кроме тебя, так не думает,— сказал я.— А гипнотизировать дураков я умею с детства. Ведь тебя мне не загипнотизировать?

— Разве я знаю? А может быть, я сижу здесь с тобой, потому что загипнотизирована?

Она сказала это как будто в шутку, а на самом деле серьезно. Она выпрямилась и забрала от меня свои пальцы.

— Нет,— сказал я.— Я позволил себе сделать это только один раз.

— Знаю. Когда у меня на Красной площади заболел зуб, правда?

— А ты мне даже спасибо не сказала.

Из леса вышла лосиха. У нее было грустное верблюжье лицо. Может, оттого, что она чувствовала себя неполноценной без рогов. Нас она будто не замечала. Понюхала

пивные банки, глубоко вздохнула и пошла в лес, медленно переставляя ноги, словно училась ходить.

— А больше ты мне ничего не внушал? — спросила Катрин.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила визита лосихи.

Я не ответил ей, потому что лосиха обернулась от густых кустов, в которых намеревалась скрыться, и посмотрела мне в глаза.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

Мы допили пиво, а пустые банки завернули в газету и положили ко мне в «дипломат». Мы были борцами за чистоту природы. Я впервые увидел Катрин на митинге «Гринпис» на Пушкинской площади. Она там была активисткой, а я проходил мимо и загляделся на нее.

Мы вышли из парка, когда загудели первые комары, отряхивая с крылышек сладостную жару, а у входа на круге зажглись фонари, желтые в синем воздухе.

Я проводил Катрин до ее подъезда, но она не пожелала поцеловать меня на прощание. Чем-то я ее прогневил, но чем, я не догадался.

Я пошел домой пешком. Мне было так грустно, что я придумал работающий вечный двигатель, а потом доказал, почему он не будет работать. Порой так хочется опровергнуть законы физики, но пока это у меня не выходило.

Доказательство и контрдоказательство были очень сложными, и я почти забыл о Катрин.

И вдруг я понял, что, когда вернусь домой, зазвонит телефон и расстроенный Крогиус, который поссорился со Светкой и не поехал на дачу, сообщит мне, что наше открытие не состоится. Может быть, из-за неумелого Нечипоренки, а может, потому, что мы с Крогиусом дураки.

Мне не хотелось обходить широкий газон, засаженный какими-то колючими, плохо цветущими и дурно пахнущими цветочками. Я решил через него перелететь. Лететь оказалось непросто, я все терял равновесие и валился на бок,

отталкивался рукой от земли, чтобы снова взлететь, и все повторялось.

Разочарованный, я пошел на четвертый этаж по лестнице. Пускай лифт отдохнет.

Когда я открывал дверь, то почувствовал, что в комнате, не зажигая света, сидит кто-то чужой.

Я аккуратно закрыл за собой дверь. Потом зажег свет в прихожей. Я старался вести себя так, словно ни о чем лишнем не догадываюсь.

Человек, который сидел в темной комнате, знал, что я его обнаружил, но молчал. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул,— соврал посетитель,— вас долго не было.

Входя в комнату, я нажал на кнопку выключателя и спросил:

— Кофе поставить?

— Только для себе,— ответил посетитель,— я не пью кофе.

Человек, поднявшийся с дивана при моем появлении, был обыкновенен и респектабелен. Западный клерк в русском исполнении. Чтобы ему не было скучно в одиночестве, я тоже принял вид чиновника по особым поручениям.

Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, лучше поставьте кофе.

Он прошел за мной на кухню и зажег газ, пока я наливал в чайник воду.

— Неужели вы пьете растворимку? — спросил он осуждающе.

— Пью,— признался я словно в преступлении.

— Вот уж не думал,— сказал гость.

Он смотрел, как я насыпаю кофе, наливаю кипяток, размешиваю. Когда он убедился в том, что я обеспечен кофе, то повернулся и пошел обратно в комнату. Я послушно проследовал за ним.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил гость, опускаясь на диван. Он двигался не очень уверенно, словно был немного пьян или ему давил под мышками пиджак.

— Мне некогда чувствовать себя одиноким,— сказал я. И удивился тому, что принимаю так спокойно пришельца, без спросу вторгшегося в мою квартиру поздним вечером.

— Даже сегодня?

— А чем сегодня хуже, чем вчера? — спросил я.

— Почему вы до сих пор не женились? — спросил гость.

Его лицо оставалось в тени, и я не видел, какого цвета у него глаза.

— Меня девушки не любят,— сказал я.

— А может быть, вы привыкли к одиночеству и предпочитаете остаться один?

— Я ценю одиночество, только вряд ли вы сможете понять почему.

— Попробуйте объяснить.

— Я провел много лет в детском доме, где слова «одиночество» не существует. И первое, что я сделал, получив эту квартиру, запер за собой дверь, разделся догола и весь день в таком виде бродил по комнате.

— Вы правы, мне это чувство непонятно,— согласился гость.

Теперь наступила моя очередь задавать вопросы, чем я и воспользовался.

— Как вы ко мне попали?

— Я прилетел,— ответил гость. Впрочем, этот ответ я предугадал.— Окно было открыто.

Он глядел на меня, чуть склонив голову набок, словно ожидал, что я выкажу изумление. Но я не изумился. Я сам не раз пытался полетать. Только никак не мог удержать равновесия. Это труднее, чем оторваться от земли.

Человек покачал головой.

Тут я заметил, что у него на носу очки — старенькие, в толстой пластиковой оправе. Разве у него раньше были очки?

— Были,— догадался гость.— Человек в очках выглядит безопасным. Наверное, оттого, что очки можно разбить одним ударом.

Человек с неудовольствием смотрел, как я отхлебываю кофе. Было душновато, а я пил кофе.

Человек отвернулся от меня и пошел вдоль стеллажей, читая названия книг.

— Много лишнего,— вынес он приговор.— Всего не перечитать. А если и перечитать, то ничего не получишь взамен. Чтение непроизводительно. Скоро вы это сами поймете.

Мне не хотелось ничего понимать. Я устал, и меня клонило в сон. Может же человек хотеть спать после трудового дня?

— Итак,— сказал гость, как бы пародируя доктора,— вы не раз задавали себе вопрос — почему я не такой, как другие? С раннего детства вы привыкли таиться, обманывать, лукавить, потому что нет большей опасности погибнуть в детской стае, чем показаться иным, умнее других, смелее других. Ты несешь друзьям свой талант, а друзья в отвращении отворачиваются или кидают в тебя камнями.

— Я такой, как все! — поспешил я с ответом, чем вызвал печальную ухмылку на никаком лице гостя.

— Я полагаю, что еще в младших классах ты учился лучше, чем остальные, и тебе не составляло усилий быть лучшим...— незаметно для меня он перешел на «ты». Бог с ним — он явно старше.— Когда я разыскивал тебя, Гарик,— продолжал гость,— то познакомился не только с характеристиками на тебя и анонимными письмами. Я убедился, что с годами ты все лучше умел притворяться, казаться тупее, чем был на самом деле.

— Чепуха!

— А кто сломал модель самолета, которая могла летать быстрее настоящего самолета?

— Это Петька Лукин на него нечаянно наступил!

— Ты толкнул Петьку Лукина. Он, кстати, в этом уверен.

— Вы и с ним говорили?

— И не только с ним.

— Вы знаете обо мне...

— Больше, чем ты сам. И знаю, как тяжело молодому человеку, мальчику заставлять себя таиться, пригибаться от славы, зная, что за вспышкой славы последует темь презрения, зависти, ненависти...

— А второй приз на районной математической олимпиаде? — спросил я, будто был не согласен с гостем.

— Второй! А почему не первый на городской олимпиаде? А специальную стипендию на физическом факультете университета ты не смог бы получить?

Я пожал плечами. К чему этот напор и натиск?

— И дернуло же тебя идти на исторический!

Я понял, что он говорит, не раскрывая рта. А я слышу его. Неужели он телепат?

— Не отвлекайся! — потребовал гость. — Ответь мне честно: зачем ты пошел на исторический — в эту тупиковую псевдонауку?

— Потому что я люблю историю. Потому что я родился археологом. Потому что вернуть к жизни прошлое — значит дать новую жизнь людям, которые надеялись на бессмертие и оказались забыты. Это мои счета с вечностью.

— Перестань! — приказал гость. — Прошлое не может интересовать сознательное существо. Есть только будущее. И туда должен быть устремлен разум.

— Видно, мы с вами по-разному относимся к мирозданию.

— Мы не можем относиться по-разному, — сказал гость, — потому что вся ваша история — это всплески молодой энергии, это тупиковые ветви растущего сознания.

— И я буду таким, как вы?

— Вот именно, — обрадовался гость. — Мы одной крови — ты и я.

— Не понимаю.

— Поймешь, сейчас поймешь. Давай задумаемся о твоих способностях, о тех качествах, которых лишены твои друзья и знакомые. Например, о силе внушения. Ты же можешь внушить любому человеку черт знает что!

Гость тут же превратился в небольшого каменного сфинкса. Сфинкс заговорил голосом гостя:

— Надеюсь, этим я тебя не удивил?

— Чего уж там, — ответил я и превратился в верблюда. Ведь сфинксу одиноко без нормального верблюда по соседству. Если бы нас увидела Катрин, она бы влезла на верблюда и стала кататься вокруг сфинкса.

— Отлично получается! — похвалил меня гость. — Но это лишь верхушка айсберга. Многие твои качества еще дремлют. И их открытие впереди.

— А что я умею делать?

— Скоро ты научишься летать. Невысоко и с большой гратой душевных сил, но научишься обязательно. Тебе уже хочется подняться в воздух.

— Разве это — не нарушение физических законов?

— Смотри каких законов, — проворчал гость. — Ты же не знаешь современной физики.

— Чего я еще не знаю? Современной химии? Современной биологии?

— Ты не безнадежен. Но продолжим перечисление твоих способностей. Ты быстро читаешь?

— Более-менее.

— Чепуха! Тебе достаточно взглянуть на страницу — и ты запоминаешь ее целиком. В классе ты тщательно тайл этот талант, чтобы не вызвать зависть друзей. Ты складываешь, вычитаешь, извлекаешь корни с такой легкостью и быстротой, что мог бы с успехом выступать на эстраде. Ты уже сейчас можешь не спать несколько суток и столько же обходиться без еды.

— Мне не приходилось еще обходиться несколько дней без еды.

— Попробуй. Как существу, обладающему особыми способностями, тебе неудивительны такие способности в других. Ты умудрился не удивиться моему появлению в закрытой квартире и заявлению, что я взлетел на четвертый этаж.

— Удивился, удивился!

Но он уже не слушал меня. Его голос дрожал от пафоса:

— По принятым меркам, ты — потенциальный гений! Но далеко не всеми своими способностями ты умеешь распорядиться и о большинстве их даже не подозреваешь.

— Значит, я, слава Богу, не гений! — прервал я. — Потому что просто гения не бывает. Гений — это особое развитие таланта. Конкретного таланта.

— Давай не будем спорить по пустякам!

— Ничего себе — пустяки! Ко мне приходит незнакомый человек и объявляет меня гением. Затем, правда, сообщает, что я еще ничего не могу и не умею. А вы умеете?

Ничего не ответив, гость растворился в воздухе и окликнул меня сзади, из дверного проема. Потом не спеша подошел к книжному стеллажу и показал другой фокус — вынул книгу и кинул ее перед собой. Книга замерла в воздухе. Мне очень хотелось, чтобы она, болезненная, поскорее упала куда-нибудь, не мучилась. Но через полминуты, с некоторым напряжением, скривив рот, гость поставил ее на место.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это далеко не все! — Гость говорил напыщенно, словно продавал мне Британскую энциклопедию, а я, дурак, не мог оценить величия этого многотомника.

— С меня достаточно.

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. В отличие от друзей-детдомовцев, я вижу тебя насквозь.

Я покорно склонил голову.

Нельзя сказать, что я не был заинтригован. Более того, я вовсе не думал, что мой гость — фокусник или жулик. В нем была сногшибательная искренность, граничившая с занудством. У таких людей не бывает чувства юмора.

— Однако я должен тебя предупредить, — сообщил гость, — что в полном объеме ты сможешь раскрыть свои возможности, только если окажешься в окружении себе подобных.

— Вы хотите сказать, что я мутант? — вздохнул я. — Что я генетический урод? Но не один в своей беде?

— Нет, — серьезно возразил гость, — объяснение твоим странностям лежит в том, что ты здесь чужой.

— Где здесь?

— На Земле.

— Нет, — я сопротивлялся как лев. — Я родился в поселке Дворцы Вологодской области. Мои родители погибли при лесном пожаре. Вернее всего, они были туристами. От

них и следа не осталось. А я выжил. Меня нашли пожарники и принесли в поселок.

— Ты это помнишь?

— Это есть в документах. Когда меня брали в детский приемник, то все это записали.

— Ты сам не уверен в том, что говоришь.

— Ну, я же был маленький! Вот такой маленький!

— Тогда выслушай правду. И не возражай, хотя она покажется невероятной. Тебя потеряли. Тебя потеряли и думали, что ты погиб вместе с родителями.

— Вот именно,— сказал я.

— Не перебивай. Твои родители находились на космическом корабле. На разведывательном космическом корабле. Их корабль потерпел бедствие. Он погиб. Тебя успели выбросить из корабля в спасательной капсуле. Потом корабль упал. Лес загорелся. Пожарники очень удивлялись, почему ты не пострадал. Но тебя же окружало силовое поле. До тех пор, пока твоей жизни грозила опасность.

Я слушал его и внутренне соглашался. Потому что он был вполне серьезен и деловит, как почтальон, принесший нам повестку в суд. Его дело — сообщить. Ваше дело — явиться. Но меня-то мучило совсем другое.

— Допустим,— сказал я,— что вы правы. Тогда как я должен выглядеть... как я выгляжу на самом деле?

— Примерно так же, как ты видишь себя в зеркале.

— То есть я — человек?

— Определение неточное. Но если ты слышал о пансермии...

— Да. Если верить этой теории, все люди в Галактике произошли из одного семени. Они все — люди!

— Именно так! Ты понимаешь, что мы не всемогущи. Как мы могли бы запрограммировать тебя на много лет вперед?

— Ну и слава Богу,— сообщил я с облегчением.— Я боялся, что вы сейчас сообщите, что я — разумный паук в человеческой оболочке.

— Глупости!

— И генетически я тоже человек?

— Разумеется. Ты можешь здесь жениться, иметь детей... Но этого не будет.

— Почему же?

— Неужели ты полагаешь, что мы потратили столько лет и невероятные усилия ради того, чтобы выслушать твой неразумный отказ?

— Может быть.

— Ты не поверил мне?

— Я вам поверил. Вы не умеете врать!

— Вот именно! — Впервые в его голосе прозвучало чувство. Он гордился своей правдивостью.

— А я научился.

— Разучишься. Тебе не понадобится более таиться и лгать.

— Не хотите ли вы сказать, что приглашаете меня в гости?

— Я предлагаю тебе вернуться домой.

— Тогда я должен позвонить Крогиусу. У нас с ним общая работа. Я не могу его подвести.

— Не надо ему звонить. Крогиус утешится через неделю. То, что вы с ним делаете, пока Земле не нужно. Вас не поймут. Над вами будут смеяться академики. Я вообще удивлен, как ты смог внушить Крогиусу эту дикую идею?

— Вы только что высоко отзывались о моих способностях.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил тебя не звонить Крогиусу.

— Хорошо, — ответил я и набрал телефон Катрин.

Гость аккуратно ткнул пальчиком в рычажок.

— Все это в прошлом, — сообщил он. — И твое бесконечное одиночество среди особей, столь уступающих тебе. Пришла пора человеку уйти из стаи горилл. Пойми же, что, если бы я не нашел тебя, ты бы погиб. Потому что ты не смог бы себя реализовать. С возрастом ты все более отказывался бы от своего «я». И стал бы приматом, подобно тем павианам, что тебя окружают.

Я подумал, что в чем-то с ним согласен. Среди моих знакомых встречаются павианы. И другие животные. Но порой можно встретить очень милого кроманьонца.

— Мы должны спешить,— продолжал мой гость.— Нас ждет корабль. Здесь наши корабли бывают редко... Запри квартиру, тебя никто не хватится.

Я колебался.

Ведь храбрился я скорее по инерции, так как чувство, схожее сразу и с восторгом и с отчаянием, держало меня в когтях. Я был лишен возможности трезво и разумно выбирать. По нескольким причинам. Во-первых, я был ошарашен самим фактом того, что среди нас, людей, встречаются космические пришельцы. И я — один из них. Может быть, уникальное существо, может быть, обыкновенное, как поганка. Но для меня это не важно. Для себя, неповторимого, я уникален.

На ошарашенность накладывалась необычность ситуации — появление незваного гостя, который может взлететь к тебе на четвертый этаж и знаком с деталями твоей прошлой жизни. Мне проще и спокойней было бы отнести эту историю к разряду снов или галлюцинаций. Но именно этого гость сделать не позволил. Он требовал от меня действий, решений, которые, оказывается, он за меня уже принял.

Поэтому я и старался шутить — так мозгу было легче справиться с безумием.

— Надо спешить,— сказал гость. Он снял очки, и очки исчезли в его руке.— Каждая секунда пребывания корабля на низкой орбите обходится в миллионы единиц энергии, которая нужна для других целей. Но мы никогда не покинем в беде соотечественников, даже если они об этом не подозревают.

— Но я должен позвонить, объяснить...

— Ты никому ничего не должен,— сказал гость.— О тебе уже завтра забудут.

«Ну уж не завтра!» — хотел возмутиться я. Но промолчал. Какое дело разумненькому гостю до моих личных проблем и связей с другими людьми?

— Ну чего ты медлишь?

— Трудно объяснить.

Гость взял меня за локоть и повлек к открытой двери на балкон.

— А может, выйдем через дверь?

— Зачем? Чтобы нас увидели и потом поднялись лишние пересуды?

— Какое нам с вами дело? — передразнил я гостя, но тому не были свойственны излишние чувства, и он игнорировал мою фразу. Ну хоть бы прислали кого-нибудь повеселее! Или у них... у нас там все такие?

— Ну хотя бы подумай, — заявил гость, ступая на балкон и выволакивая меня за собой, — подумай о новых впечатлениях, новых открытиях, новых свершениях! Неужели ты уже закис в этом болоте?

Так как я не закис в этом болоте, то, продолжая пребывать в шоке, я вышел на балкон и остановился у перил.

Внизу, во дворе, на скамейке под тополями, Валя-пижон из шестой квартиры играл на гитаре, неумело, но старательно изображая Элвиса Пресли. Вокруг, как всегда, томилась девица.

— Только не бойся. Держись за мою руку — ты не упадешь. Это даже приятно.

Рука у него была сухая и уверенная.

И тут зазвонил телефон. Я дернулся было обратно. Гость цепко держал меня.

— Это Крогиус? — спросил я у гостя.

— Это Крогиус, — уверенно ответил тот. — Он расстроен, он разочарован, он не уверен в себе, он намерен ближайший час плакать тебе в жилетку. Завтра он обо всем забудет.

— Конечно, вы правы, — согласился я. — Это Крогиус.

Лететь и в самом деле было приятно и совсем не страшно. Может быть, потому, что стояла теплая ночь.

Мы быстро долетели до корабля.

Корабль висел над Сетунью, над огородами и крапивными зарослями. Он был почти не виден — я догадался о его присутствии только потому, что в звездном небе обнаружилась черная дыра.

Я обернулся к строкам освещенных окон над обрывом.

— Постарайся преодолеть охватившую тебя печаль, — дал мне совет гость. — Она рождается внутри, она зависит от страха перед будущим. Прошлое тебя уже не интересует. Завтра ты лишь улыбнешься, вспомнив о мелких заботах и маленьких неприятностях, окружавших тебя в этом мире.

В черной бездне корабля открылся люк — круг светлячкового света. Гость подтолкнул меня к кругу, и я врезался головой в нечто мягкое, податливое, прорвал эту пленку и оказался внутри корабля, который, разумеется, ничем не был похож на космические корабли, привычные по фантастическим фильмам. Это было пустое помещение, гладкость стен и округлость потолка которого говорили о серьезности намерений и привычек его обитателей. Даже кнопок, столь обычных по фильмам, в корабле не оказалось. Правда, при моем появлении из пола поднялось низкое мягкое сиденье. А может быть, плаха. Нет, об этом говорить моему гостю не стоит, он может и не понять.

— Ну что ж,— сказал гость.— Прощайся со своим детством. Пора становиться взрослым.

Я почувствовал, как корабль начал медленно набирать высоту. Сквозь полупрозрачный пол просвечивали огоньки фонарей, окон, бегущих автомобилей...

— И чтобы у тебя не оставалось сомнений,— произнес гость,— я дам тебе послушать настоящую музыку. Музыка твоего мира...

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила мои чувства и понесла их к звездам. И была она гармонична, как само звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в периоды раздражения и усталости.

И тут сквозь музыку донесся звук телефона. Телефон шонил у меня в квартире, я в этом не сомневался.

Телефон звонил в покинутой, неприбранной квартире. Его ручка замотана изоляционной лентой, потому что кто-то из друзей скинул аппарат со стола, чтобы освободить место для шахматной доски. Ему, видите ли, захотелось поиграть в шахматы после трех банок пива!

— Я возвращаюсь,— сообщил я гостю.

— Куда? — не понял гость. Казалось бы, если ты телепат, то загляни ко мне в душу и погляди, какой там творится кавардак. Наверное, гость страдал самоуверенностью, качеством, которое погубило многих славных полководцев.

— Я возвращаюсь в мой старый дом. В тот самый, который грозит мне одиночеством и деградацией.

— Возвращаться поздно! — закричал гость.— Возвращение в прошлое невозможно. В далеком темном прошлом тебе нечего делать.

— До свидания, спасибо за урок!

— Какой урок! Все, что делалось, делалось ради тебя! Мы спасаем тебя!

— Скажите там, у себя, что не смогли меня обнаружить!

— Я не умею лгать!

— А я умею,— сказал я.

Я прошел сквозь люк, ибо уже знал, как это делается, и полетел к Земле. Было очень холодно и трудно дышать. Пришлось отключить дыхание. Ну и залетели мы! Сюда не доберется даже горный орел!

— Ты обрекаешь себя на жизнь, полную унижений и обманов,— булькал в ушах голос гостя.— Мы больше не сможем прилететь к тебе! Ты всю жизнь будешь стремиться возвратиться, но будет поздно.

Я полетел быстрее и чуть не врезался в землю. Если он еще что-нибудь говорил, то я не слышал — я был занят тем, как погасить скорость.

Дверь на балкон была по-прежнему распахнута. Телефон конечно же умолк. Не зажигая света, я нащупал трубку, позвонил Катрин и спросил ее:

— Катюш, ты мне звонила?

— У тебя занято. Это, наверное, твой сумасшедший Крогиус звонит! Он тебя по всему городу разыскивает, чтобы сообщить, как вы промахнулись со своими вятичами. Хоть этого тебе жалко?

Я прошел к выключателю, не выпуская из руки аппарата, включил верхний свет.

— А ты мне не звонила?

— Я боюсь, что ты всех соседей перебудил. Уже первый час.

— Так ты звонила?

— Зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что ты от меня без ума.

— Гарик, я иногда подозреваю, что ты — не наш человек. Ты — пришелец из космоса и притом моральный урод

с даром внушения. Я не могу с тобой дружить, потому что не знаю, когда целую тебя, а когда Жана Поля Бельмондо.

— Я повешусь!

— Пришельцы не вешаются.

— У нас гильотины,— вспомнил я.— Мягкие гильотины. Пуховые плахи.

— Ложись спать, а то я тебя возненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Гарик, что-нибудь случилось? Скажи честно! Какие-то неприятности? Может, надо к тебе приехать?

— Честная земная девушка не ездит ночью к космическим уродам.

— Я не честная. Я за тебя отвечаю.

— Может, ты тоже гость из космоса?

— Нет, я в тебя влюблена — и это катастрофа.

— Ты не ответила, когда ты завтра кончаешь работу?

— Тебя это не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной.

— Ладно, пускай с тобой,— быстро согласилась Катрин.— Но сначала позвони Крогиусу.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом лег спать и старался не думать о госте и тайне моего рождения. Это меня не касается. Я не любитель фантастики. А вот кофе дома не осталось — придется с утра сбегать на угол в палатку.

— Мне приснился странный сон,— сообщил я Катрин, когда мы сидели на террасе кафе в «Сокольниках» и пили почти настоящий капучино. В трех метрах от нас хлестал неожиданный дождь, от которого мы еле успели скрыться на этой террасе. Сразу стало прохладно, почти холодно, но зато мы здесь были одни.

— Наконец-то мы переходим в область снов и видений,— сказала Катрин. Она была задумчива, рассеянна и слушала мою исповедь без ожидаемого изумления. Я сказал:

— Честно говоря, не знаю, показалось мне все это... странно, если показалось. Уж очень подробно я помню все, о чем мы с ним говорили. И, когда мы расстались, я поглядел на часы. Прошло больше часа. Что ты думаешь?

— Это очень похоже на фантастическую правду,— сказала Катрин.— Знаешь, на ту правду, которая порождена трезвым сознанием. Без логических провалов. А тебя в самом деле нашли в горящем лесу?

— Я думал, что рассказывал тебе об этом.

— Как видишь, упустил. И я не спросила.

— Принести еще кофе?

— Давай.

Я принес две чашечки и поставил на стол.

— Что же мне теперь делать? — спросил я.

— Наверное, ничего,— сказала Катрин.— А может быть, ждать, не вернется ли он снова?

— Он может вернуться?

— Одно время мне снился один и тот же сон, правда, с вариациями, раз сто. Он мне так надоел, что я боялась идти спать.

— И о чем был сон?

Катрин задумалась. Я видел, как в ней борется желание поведать мне правду или, воспользовавшись случаем, удариться в какую-то выдумку.

— Сон был о том,— решила она наконец,— как мы с тобой расстанемся. По моей вине.

— Вот это уже интересно.

— Но, в отличие от твоего сна, мой — чистая правда.

— Мой сон тоже был чистой правдой.

— Неужели не понимаешь, что твое подсознание боролось с невозможностью объяснить с помощью Дарвина и Тимирязева некоторые свойства твоего организма?

— Значит, свойства существуют?

— Разумеется.

— Это уже шаг вперед. А может, допустить, что я космический подкидыш?

— Есть такая версия,— спокойно ответила Катрин. Я готов был ее разорвать — еще не хватало, чтобы и она оказалась пришельцем, готовым утащить меня с Земли.

— Не думай, что я — космический странник,— сказала Катрин.— Но сейчас я тебе расскажу мой сон и боюсь, что ты повернешься и уйдешь. А мне этого не хочется.

— Тогда не рассказывай.

— Я должна. Я обязана.

— Ну ладно, Катюша, если тебе не хочется...

— Сон такой: я работаю в Институте экспертизы...

— Нашла чем удивить!

— Но ты ни разу не удосужился спросить, чем мы занимаемся.

— Я знаю. Теорией криминалистики.

— Лучше бы спросил, чем гадать.

— Это секретная фирма.

— Настолько, насколько идиотов не пускают внутрь, чтобы они не сломали ценные часики.

— Значит, тебе рекомендовали познакомиться с космическим уродом? — догадался я. И мне стало грустно. Лучше бы я улетел.

— Рекомендовали,— сказала Катрин.

Чего ей стоило промолчать!

— Больше можешь ничего не говорить,— сказал я.

Катрин не стала возражать. Она смотрела на дождь, а я видел ее четкий профиль. Мне было видно, как блестят ее глаза, словно она собиралась разреветься.

— С моей склонностью к анализу...— начал я.

— С твоей чертовой склонностью все препарировать, словно перед тобой не люди, а бабочки!

— На этот раз в роли бабочки выступаю я. И мне, признаюсь, грустно. Потому что, если бы на твоём месте сидел некий гражданин Кошкин, я бы повернулся, ушел и забыл бы о Кошкине. А ты меня обидела.

— Честное слово, Гарик, я и не подозревала, что из этого выйдет. И если ты постарайся потерпеть немного, я расскажу тебе то, что знаю сама. Может, этого недостаточно, но, по крайней мере, ты будешь знать, какая роль в этом отведена мне.

— Господи,— сказал я,— капучино здесь без сахара!

— А ты размешай.

— Не выношу капучино.

— Тогда закажи себе водки.

— Ты лучше расскажи мне. Если это, конечно, сон.

— Конечно, сон! — Катрин облегченно улыбнулась. Больше всего на свете она боялась, когда я терял чувство юмора. Это было событием редким, но катастрофическим.

— Не тяни, я умираю, так хочу узнать, что вы обо мне знаете. То же, что мой гость? Или меньше?

— Ни черта мы о тебе не знаем! — призналась Катрин. — А как ты думаешь, дождик кончается?

Уголки ее полных розовых губ дрогнули.

— Только договорились — без слез, — сказал я. — Меня ведь обижает не то, что за мной кто-то наблюдает. За Пушкиным тоже наблюдало Третье отделение. Мне обидно, что некто изображает при этом нежные чувства и целуется со мной в подъезде, что я считаю более высоким проявлением любви, чем краткое свидание в квартире подруги Нелли.

— У меня нет подруги Нелли, — возразила Катрин.

— Тогда расскажи мне о подруге, которая велела тебе изображать чувства к отвратительному тебе существу!

— Ну, честное слово, честное-пречестное слово, я к тебе так отношусь... так отношусь, что ты просто глупый идиот, который не хочет ничего замечать! Если бы ты сказал, чтобы я поехала с тобой к подруге Нелли...

— Только не перегибай палку. Опошлить можно все, включая чувства. А склеить уже ничего нельзя. Так что, поплавав над черепками, расскажем жертве о тех ловушках, в которые она угодила.

— О каких ловушках?

— О твоих прекрасных синих глазах и твоих тонких щиколотках, о твоей высокой груди и очень красивых ушах...

— Гарик, мне нельзя этого рассказывать. Я нарушаю правила.

— Тогда не рассказывай.

— Я не расскажу, и ты улетишь на свою планету.

— Значит, в самом деле это не сон?

— Может быть, и не сон.

— Чем занимается твой институт?

— Всем на свете, — сказала Катрин.

— Чудесное объяснение! И что же вы можете сказать о падении популяции леммингов в Северной Норвегии?

— Если падение популяции вызвано необъяснимыми причинами, наш институт направит туда экспедицию или хотя бы одного специалиста.

— Точнее!

— А точнее — наш институт имеет дело с вещами, людьми и проблемами, которым нет разумного объяснения. И ищет им разумное объяснение.

— При чем тут я?

— Зачем задавать вопрос, если ты знаешь на него ответ? — спросила Катрин, взглянув наконец на меня. Глаза ее были глубоки и печальны.

— Какой ответ? — настаивал я.

— Наш институт получил сигнал о том, что в аспирантуре при Государственном историческом музее, в отделе археологии, трудится молодой человек, который обнаруживает странные способности. Настолько странные, что они были замечены его друзьями, и друзья рассказали о них знакомым, а знакомые своим женам, а их жены — своим приятельницам, а у одной из приятельниц муж трудится в нашем институте... До сих пор значительная часть информации попадает к нам таким вот первобытным путем.

— И тебя послали знакомиться со мной?

— С тобой не надо было знакомиться, — возразила Катрин. — При виде меня ты кинулся на бедную девушку, как птеродактиль на питекантропа.

— Никогда не видел, как птеродактили кидаются на лобычу, но помню, что увидел тебя на дне рождения Крогуса. Это он про меня сообщил куда надо?

— Куда надо на тебя, насколько мне известно, не сообщали. Все шло на более низком, любительском уровне.

— И вы доверились информации, полученной таким путем?

— Мы не жалеем сил проверять. Порой открываются любопытные вещи.

— А теперь ты поняла, что исследование закончилось, что все оказалось банальным сном о пришельцах. И прощаешься с подопытным кроликом Юрием Гагариным, наз-

ванным так в детском доме, потому что он имел счастье родиться в десятилетие героического полета первого космонавта. Знали бы мои крестные, как иронически обернется их предчувствие.

— Как бы мне хотелось так же шутить, как ты,— сказала Катрин.— А я не умею.

— Так плохо, мой следователь?

— Так плохо, потому что я потеряла тебя, мой Гарик. Ты не простишь мне того, что познакомилась с тобой специально. Что я наблюдала за тобой.

— Ты наблюдала за мной?

— Все эти недели. С марта месяца.

— Ну и как?

— Гарик, пойми, мне очень плохо!

— Не капай слезы в капучино. Кто будет допивать эту соленую бурду?

Катрин потянулась ко мне, но стол мешал — он умудрился встать точно между нами. Мне даже не пришлось отстраняться.

— Я, честное слово, очень расстроена.— Катрин старалась найти убедительные слова, чтобы я поверил, что лишь сначала она следила за мной, как за непонятым зверушкой, а потом уже общалась со мной, как с настоящим человеком. Я понимал ее и заранее знал все, что она хочет сказать. Но от этого моя обида на нее не проходила. Именно на нее, а не на идиотский Институт экспертизы, измышление нездорового ума. Институт не может целоваться, а Катрин целовалась сказочно, как самая страстная из десятиклассниц.

— Значит, сначала ты изучала, а потом заинтересовалась? — сказал я.

— Ты можешь издеваться надо мной сколько хочешь...

— Тебе надо было еще несколько недель потерпеть. Может, тогда бы всем это надоело и ты взяла бы расчет в институте... по собственному желанию.

— Я не могла...— Катрин достала платок и высморкалась. Это было неэстетично, но раздражения во мне не вызывало. У нее покраснел кончик носа, что тоже было неэстетично, но умилительно.— Я не могла, потому что

интра я должна привести тебя в институт и познакомить с нашей зав.лабораторией. С Калерией Петровной.

— Зачем? Я же не умею стоять на голове.

— Она предложит тебе переходить к нам на работу. Нам позарез нужны полевые сотрудники.

— Это тоже твоя инициатива?

— Я — винтик в машине, которая зовется Институтом экспертизы. Но нашему институту позарез нужны люди со всякими удивительными способностями. Потому что у нас бывают очень сложные экспедиции... и наши ребята даже порой... погибают.

— Значит, наблюдение за мной не прекращается, но изымается из твоего ведения?

— Значит, ты станешь одним из нас.

— Все это глупо, Катька,— сказал я.— И дождик совсем прошел. Пошли погуляем. Допивай свой соленый напиток — и смываемся, не заплатив.

— А как? — заинтересовалась Катрин.

Моральные устои мои рухнули. Одно дело быть равноправным членом общества, молодым ученым, с которым шорвается в коридоре сам директор института Александр Иванович Шкурко. Другое — чувствовать себя поднадзорным существом неизвестного происхождения. Ну откуда у существа такого происхождения могут быть принципы и мораль?

Я поманил к себе мелькнувшего в дверях официанта и показался ему в виде известного своей строгостью с цивильными людьми генерала Лебеда в парадной форме генерал-лейтенанта с орденами на груди, включая казачий крест за войну в Приднестровье, где генерал не воевал, но обеспечивал мир после войны.

— Слушай, парень,— сказал ему Лебедь.— В каких войсках ты служил?

— В пехоте, товарищ генерал-лейтенант,— обрадовался вниманию самого командарма-14 официант.— В семнадцатой отдельной мотострелковой бригаде.

— Вот это лишнее,— сказал генерал-лейтенант.— Всякому постороннему запрещается выдавать сведения военного характера.

— Ну какое же вы постороннее лицо? — удивился официант.

— Ладно, ладно, я не сержусь, — ответил генерал-лейтенант.

— А вы, значит, бумажник дома забыли? — спросил официант.

Такая прозорливость официанта сразила меня в образе генерала. Не знаю, как бы повел себя генерал в такой ситуации, но я грозно проревел:

— Это еще что за шутки?

И тут же заплатил за двоих и даже потребовал сдачу, потому что должен быть порядок в мотострелковых войсках!

Катрин отсмеялась на узкой аллее и остановилась, обернувшись ко мне. Ветки деревьев распрямлялись и сбрасывали на нас грозди капель.

— Ты уже не сердишься? — с надеждой спросила она.

— Я и не сердился, — ответил я. Такой ответ можно было трактовать двояко. Скорее всего, он был аналогичен старинному: «Бог простит», что означало: «Пока не будет соответствующего указания свыше, нет тебе прощения».

— Но ведь я совершенно не знала тебя, — сказала Катрин, глядя под ноги и обходя лужи, чтобы не замочить ноги. — Мне сказали просто: ознакомься с исходными, есть один странный парень, может быть, «чайник», а может, и в самом деле — по нашей части.

— По вашей части?

— Ну ты же понимаешь! Это значит, что в тебе есть некие свойства, которые явно отличают тебя от остальных людей. Мне предстояло узнать, существуют ли эти качества или придуманы сплетниками. А если есть, откуда они?

— Откуда же?

Катрин остановилась и обернулась ко мне. Ее глаза были совсем близко. Мне всегда казалось, что в них отражается небо, даже если она смотрела на красную стенку.

— Ты сегодня аккуратно положил последний кирпичик в стену, — сказала она, — рассказав о своем сне.

— Ты в него поверила?

— Я вообще неверующий человек,— ответила Катрин.— Веры и наука редко совместимы. Я проверяю, а потом сомневаюсь снова.

— Чудесное правило, мистер Дарвин,— согласился я.— Но если бы ты знала, как противно ощущать, что ты — лишь объект для наблюдений!

— Гарик!

— В чем я не прав?

— Когда я узнала тебя, когда я узнала, что ты... вот такой, я стала мучиться. Меня утешало лишь то, что все твои странности были легко объяснимы, ничего в них особенного не было. И я тебе честно скажу — до последних дней я надеялась, что все обойдется и я даже не стану докладывать о тебе... Скажу, что ты не представляешь интереса ни для кого, кроме меня...

Она снова шла рядом со мной, но уже не глядела под ноги и влетела в лужу, подняв столбик воды.

Я не успел подхватить ее, хотя обычно в таких случаях моя реакция быстрее, чем реакция среднего кавалера, и я всегда успевал вытаскивать Катрин из луж, ям и из-под машин.

— Когда ты вчера попрощался со мной, я стояла в подъезде у окошка и смотрела тебе вслед. А ты не знал, что за тобой следят. И даже не думал о том, как идешь... И через несколько шагов ты взлетел в воздух и пошел по воздуху — ты летел, думая, что идешь! Это меня ужаснуло!

— Нет, я шел!

— Ты думал о чем-то...

— О тебе, конечно!

— Ты глубоко задумался.

— Разумеется.

— А сегодня ты рассказываешь мне о своем сне, причем и сам не веришь в то, что это сон.

— А ты?

Мы шли некоторое время молча. Я был встревожен, встревожен неприятно, как человек, которому то ли в шутку, то ли всерьез предсказали, что ему суждено умереть от рака. Мне так хотелось вернуть жизнь в тот недалекий момент прошлого, когда главной моей заботой была статья, выкопированная с Крогиусом, или какой-нибудь каприз Катрин. А

оказывается, капризов не было — был холодный расчет исследователя, который дотрагивается проводами под напряжением к животу распятой лягушки, и она судорожно дергается, полагая, что это и есть любовный экстаз.

— Мне жаль,— сказал я,— мне жаль, что у нас с тобой больше не будет так, как раньше.

— Мне тоже. И может, еще жальче, потому что я чувствую себя виноватой.

— Чего уж... ты на работе.

— Я тебя почти люблю. И это не имеет отношения к работе.

— Не люблю я ваших «почти».

— Мальчики первые объясняются в любви. Но боюсь, что я этого уже не дождусь.

Я промолчал.

— Я хочу, чтобы ты приехал к нам в институт,— сказала Катрин.— Тебе у нас понравится.

— Зачем мне к вам ехать? Чтобы вы сняли с меня шкурку?

Катрин ответила не сразу.

— Ты не любишь говорить серьезно,— сказала она наконец.— Но иногда приходится вылезать из своей раковины. Я не знаю, будут ли они, твои соотечественники, предпринимать новые попытки тебя умыкнуть. Мы этого не знаем. Но я убеждена, что тебе лучше наладить контакт с нашей фирмой. По крайней мере, мы знаем о тебе больше всех, и мы хотим тебе добра... Единственное, о чем я тебя прошу,— встретиться с Калерией и поговорить с ней. Она — лапочка.

— Это специальность или должность?

— Это призвание.

— А сколько ей лет?

— Ей уже скоро сорок, но ты в нее, к сожалению, влюбишься.

— Почему? Она красива?

— Не в этом дело. Но лучше бы ты продолжал... хорошо относиться ко мне.

Мне стало смешно.

— Можно подумать, что все уже решено — я выбираю между перспективой стать космическим странником или институтом, в котором работает одна моя знакомая. В поль-

ю института. Завтра я вхожу туда в роли младшего научного кролика и влюбляюсь без памяти в заведующего сектором. Или в завлаба?

— У тебя нет выбора,— решительно заявила Катрин.— Цель на самом деле ты — отрезанный ломоть. Тебе страшно отправиться в твой сон, если он, конечно, не сон.

— Страшно?

— Конечно! Ты же привык быть первым павианом в списке — там окажешься самым махоньким и хроменьким. И дастся тебе хроменькая макака.

— Катрин, ваши шутки переходят все возможные границы!

— А я почти и не шучу. Поедем к нам в институт?

— Нет, нет и еще раз нет!

— Значит, ты на меня уже не так злишься?

— Ты намертво лишена логики.

— Ты недоволен?

— Ты же знаешь, что я зол, оскорблен и к тому же, честное слово, растерян. Оказывается, многие люди на Земле и в космосе знают обо мне больше, чем я сам... Кстати, и тебе не приходило в голову, что я могу оказаться инопланетным монстром?

— Меньше надо видео крутить,— заметила Катрин.— Значит, ты не идешь?

— Ни в коем случае!

Через две недели Нечипоренко опубликовал наши данные, получился скандал, Крогиус остался, а я подал заявление об уходе.

Институт экспертизы выглядел вполне пристойно — некогда там размещался особняк Гиреевых, потомков хана, вывезенного из Золотой Орды либо бежавшего оттуда в ходе родовых свар. От Гиреевых остался герб на фронте центрального трехэтажного корпуса, вернее не весь герб, а щит, на котором было изображено нечто недостойное великой страны социализма. Недостойное было сбито в период борьбы с недостойностями, а посреди щита появились серп и молот. Фасад главного корпуса выходил на

Спасопречистенский переулок, еще вчера — переулок Фабзавуча, а полуторазэтажные флигели загибались под прямым углом назад, как руки пловца, занесенные для гребка. В образовавшемся между флигелями дворе росло несколько деревьев, располагалась большая круглая клумба с давно высохшим фонтаном посредине, стоянка для автомобилей, а также небольшая свалка вещей и машин, которые разочаровали исследователей, но вывозить из института их не решились.

Как вы понимаете, все эти подробности, как и многие другие, я узнал не с первого взгляда на институт, а уже потом, когда я шлялся по нему, привыкая и осваиваясь. Но последовательность — не сестра рассказа, она губит неожиданность. Так что я позволю себе в рассказе забежать вперед и оглядываться в нетерпеливом ожидании читателя. Куда же ты запропастился, зайчик?

В небольшом холле, справа от гардероба, за обыкновенным ученическим столом сидел мрачного вида вахтер Матвеич, который пропускал людей в институт либо по знакомству, либо по интуиции, которую он называл жизненным опытом. Когда интуиция молчала, он покидал свой пост и уходил пить пиво. Матвеич покупал пиво в банках, осторожно переливал его в отечественные бутылки, а потом употреблял. Так он унижал западный мир.

Справа от Матвеича шла парадная лестница на второй этаж. Видно, ханы Гиреевы не выносили, чтобы кто-то шагал по лестнице рядом с ними, поэтому лестница была рассчитана на одного толстого человека. Люди расходились на ней, как машины на узком серпантине, — один из них прижимался к стене и втягивал живот. Каждый новый директор (а институтов в этом особняке за годы советской власти сменилось полдюжины) обещал коллективу первым делом расширить лестницу и открыть буфет. Но лестница так и осталась узкой, а ближайший буфет находился за квартал в Управлении бурых углей.

Лепнина на потолке была выполнена в виде восточного орнамента, а в приемной директора, которая, видимо, была гостиной, сохранилась, несмотря на социальные катаклизмы, люстра, какой не найдешь и в Бахчисарайском дворце.

Остальные помещения выглядели скромно, без затей. Вместо пяти залов и гаремных покоев в правом флигеле, и также общежития для прислуги в левом крыле в институте появилось пятьдесят помещений, пронумерованных и учтенных, размером чуть больше десяти квадратных метров каждое. Ни у кого не поднималась рука поломать загородки, так как это означало неминуемое сокращение штатов. Если же у тебя пятьдесят помещений, то ты обязан заполнить их научными сотрудниками.

Десятиметровым был даже кабинет всемогущего академика Бенгура, временно исполняющего обязанности директора Института экспертизы. Настоящий его директор доктор Полоний Лепид уже третий год как исчез, что, говорят, входило в долгосрочную программу института. Самое удивительное, что по личному указанию всеведущего Александра Федоровича Андреева ему продолжали начислять зарплату с учетом инфляции, все виды вознаграждений и даже вручили Ломоносовскую медаль, которую получил за доктора академик Бенгур.

Наступил тот, первый день, когда мы с Катрин подошли к дверям института на Полянке. На двери висела табличка, сообщавшая о том, что мы стоим у входа в Институт научно-технической экспертизы РАН, что не вызывало у прохожих никакого интереса. Впрочем, и я бы в иной день миновал табличку без трепета. Мало ли что положено прощурять этому институту?

В холле было прохладно и гулко. Матвеич продрал очи и спросил:

— Ты кого привела, Ольсен?

— К Калерии Петровне,— ответила Катрин.

— Так и запишем,— ответил Матвеич.

Но конечно же ничего записывать не стал. И нечем и не на чем.

— Калерия у Мироныча,— сказал вахтер.

— Мы подождем.

Катрин шла на шаг сзади и легонько подталкивала меня в спину, чтобы я не сбился с дороги. А сбиться я мог бы, потому что коридор шириной чуть меньше метра извивался вдоль здания, а так как был разгар утра и никто еще не

утомился, то десятки сотрудников института спешили по этому коридору, создавая пробки и не всегда улыбаясь при столкновении.

Потом мы уткнулись в дверь с табличкой золотом на черном стекле: «Лаборатория №16 Т.С.».

В лаборатории Т.С. было две комнаты, в одной сидела девушка Тамара, она вяло тыкала пальчиками по клавишам — на экране компьютера шустро бегали индейцы с томагавками. Тамара сразу в меня влюбилась, видно, понимала толк в мужчинах.

Второй человек мне не обрадовался. Он оказался лаборантом Сашей Добряком, юным джентльменом парикмахерской красоты с черными бакенбардами. Саша Добряк собрался в местную командировку, то есть в «Детский мир» покупать себе велосипед, а в присутствии Катрин он сбежать не смел.

— Гарик будет работать у нас,— сказала Катрин.

— Ой, как хорошо! — сказала влюбленная в меня Тамара.

— А у нас по штатному расписанию единиц нет,— отрезал Добряк.

Остальным про штатное расписание и единицы думать не хотелось.

— Тогда будем пить чай,— сказала Тамара.— Самое время начинать.

— Я буду кофе,— сказал Добряк.— И без сахара.

— Он у нас худеет,— сообщила Тамара.

Добряк был сказочно худ, но оказалось, что он худеет авансом, так как у него плохая наследственность.

Все окружающие посматривали на меня, словно знали, что я вот-вот погибну, но улыбались сдержанно и понимающе — я был не первой жертвой Калерии Петровны.

Надо сказать, что бывают обыкновенные дни, когда Калерия Петровна выглядит просто очаровательной женщиной и роковой опасности для мужчин не представляет. Наоборот, им хочется ее опекать, холить, лелеять и выделять кредиты на лабораторию — самую дорогостоящую лабораторию во всей Академии наук.

Но бывает Один-из-Тех-Дней.

Обычно раз в неделю, ближе к воскресенью.

Катрин, зная об этом, привела меня именно в такой день.

Катрин с Тamarой накрывали на столик, занимавший четверть площади выгородки завлаба. Добряк вяло развлекал меня разговорами о футболе. Разговор все время прерывался. Мои новые знакомые смотрели на дверь, затем обращали взоры ко мне, словно хотели сказать нечто важное, будто хотели предупредить меня — беги, — но в последний момент сдерживались.

Впрочем, я мог ложно истолковать эти взоры и вздохи. Состояние мое было нервным.

— Ничего в ней особенного нет, — сказал Добряк. — Завлаб как завлаб.

И окружающие согласно закивали.

И тут дверь резко распахнулась, и в ней, словно в драгоценной раме, оглядывая нас быстрым взглядом, остановилась женщина средних лет, среднего роста, сероглазая, русая, формально обыкновенная.

Но это был Один-из-Тех-Дней.

И я погиб.

У меня возникло желание тут же рухнуть на колени и юзопить:

«Госпожа моя, прекраснейшая из женщин Вселенной! Умоляю тебя, владей моим сердцем и душой, владей моими поступками и желаниями, ибо цель моей мелкой жизни, смысл ее заключается в том, чтобы стать твоим послушным рыбом и исполнять твои самые нелепые капризы».

— Вы — Гарик Гагарин! — произнесла Калерия Петровна низким, полным внутреннего звона голосом. — Мне опис много рассказывала Катрин. Ну как, надумали у нас поработать?

— Конечно, Калерия Петровна, — ответил я. — В рукоюдимой вами... вашей лаборатории. Только платить мне не надо...

— А я много платить и не смогу, — ответила Калерия Петровна и рассмеялась.

Остальные тоже смеялись.

Серебро, которое звенело в голосе Калерии, принадлежало английскому герцогскому сервизу.

Калерия Петровна обнаружила свои способности в восьмом классе средней школы, когда, к негодованию таких школьных звезд, как Алиса Шарапова и Тамарка Петкова, внимание всех подростков было обращено к ней. Но следует признать, что она вызывала чувства возвышенные, добрые и нежные, так что даже ее собственные родители ни о чем не догадывались, пока из ревности чуть было не отравилась Людмила Н. из соседнего класса.

Следует отдать Калерии должное — она старалась не привлекать внимания мальчиков и мужчин и рано вышла замуж за молодого человека, который отличался от остальных юношей тем, что почти не обращал на Леру внимания.

С возрастом таинственное качество — способность очаровать любого мужчину куда стремительней шемаханской царицы — лишь усиливалось. Наконец ею заинтересовались психологи, а затем Леру пригласили в Институт экспертизы, где ее изучал, и безуспешно при том, сам доктор Полоний Лепид. Затем он пригласил ее в институт на работу. И Калерия, будучи женщиной решительной и неглупой, в несколько лет прошла путь от младшего научного сотрудника до завлаба и доктора биологии.

Лаборатория занималась Тупиковыми Ситуациями. То есть ей доставались проблемы, от которых отказались все остальные отделы и лаборатории института. Процент провалов в работе Калерии и ее сподвижников был высок, зато и достижения, если случались, были невероятны.

Так что я был не первым уродом, которого позвали в институт, чтобы находился под рукой.

Разумно.

Но я не знал, что кроме меня в институте трудится целый коллектив людей и нелюдей, которые не укладываются в нормы, придуманные для «сапиенсов».

В тот момент я мечтал только об одном — чтобы меня взяли на работу в лабораторию Калерии Петровны.

— Конченный человек, — отозвался обо мне Добряк.

— Может быть, я его убью, — сказала негромко Катрин.

— Ты его никогда не убьешь,— ответила Калерия и прогнула мне узкую жесткую ладонь.— Калерия Петровна, индустриальная лаборатория. Гожусь вам...

— В старшие сестры,— подсказала Тамара.— Гарику двадцать семь, а вам тридцать шесть.

— Пока тридцать пять,— поправила ее Калерия Петровна, у которой тоже были маленькие слабости.

— Я хотел бы работать в вашей лаборатории,— сказал моими устами Гарик.— Я родом из детдома, ничто меня к жизни не привязывает. Так что можете рассчитывать на меня...

— Он хочет, чтобы мы заменили ему семью,— сказал Добряк, саркастически улыбаясь.

— Я провожу Гарика в отдел кадров,— сказала Тамара.— Чтобы Катрин по дороге не выцарапала ему глаза.

Они смеялись, я им казался забавен.

Но с того дня я, честный советский инопланетянин и ридовой дезертир-археолог, стал полевым сотрудником лаборатории Тупиковых Ситуаций Института экспертизы Российской академии наук.

Я могу рассказать немало интересного о первых моих месяцах в институте. Если отыщу в себе талант новеллиста. Девяносто процентов дел, которые мы расследуем, оказываются на поверку чепухой, девять процентов достойны лишь краткой новеллы, и даже не по научной значимости дела, а по человеческим отношениям, открывающимся во время расследования. Лишь один процент — раз в год, раз в три года — оказывается достоин романа.

С романом, который чуть не стоил мне жизни и унес с собой жизни многих людей, я столкнулся через семь месяцев после прихода в нашу лабораторию. А до того участвовал в трех расследованиях, из которых одно стоит новеллы, а два других недостойны упоминания в анналах.

Новелла, которую я мог бы написать, касалась письма из поселка Каруй Вологодской области, где сообщалось, что у них там приземлился беспилотный космический ко-

рабль явно неземного происхождения. Так как письмо показалось беспредметной шуткой, позвонили в тамошний руководящий орган — не помню уж, как он назывался, но каруйское руководство начало темнить, не отрицая факта, и доказывало, что сам по себе он не стоит упоминания. Наконец каруйцы признались, что корабль на самом деле приземлялся, был взят под охрану милицией, а потом отправлен в область, потому что был небольшого размера и помещался в кузове КамАЗа. С Иваном Дмитриевым из космического отдела мы поехали на поезде в Каруй и отыскали там свидетелей космического чуда, уверенных в том, что чуждый посланец инопланетного разума уже давно разобран на винтики в Академии наук, потому что эта Москва все лучшее берет себе.

Мне понравился Каруй и тамошний народ — серьезный, неторопливый, верящий в то, что небо бесконечно, а на Марсе тоже живут люди. Москву каруйцы не любили с XV века, когда она начала завоевывать каруйские земли и устанавливать налоги.

Нам с Иваном показали воронку на месте падения космического корабля, познакомили с милыми очевидцами — собирателями рыжиков, рассказали, как из Каруя шли настоячивые письма с просьбами забрать у них космический корабль, который принесет большую пользу национальной науке. Но ответа не дождались.

Потом едва не получилась трагедия. Каким-то чудом одно из писем достигло Японии, и японцы прислали свою делегацию с массой йен и подъемных кранов, чтобы увезти бесхозный корабль, утверждая даже, что он был ими и запущен. Японцев погубило то, что они не сообразили поменять йены на доллары еще до отъезда с родины. А никого подкупить на непонятные йены в городе не удалось. Тем временем в опасении других иностранных вторжений корабль отвезли на грузовике до Пьяного Бора, откуда на железнодорожной платформе отправили в Вологду.

Мы с Иваном поехали в Вологду. Вологда была реставрирована для иностранных туристов, на Сухоне стояли декоративные пароходики, набережная на той стороне све-

гилась реставрационными красками. Никаких следов корабля мы не отыскали.

Не буду отнимать у вас время. Но скажу лишь, что по гуманным наводкам, которым можно было верить, а можно и не верить, мы побывали в Котласе, потом в Архангельске и даже в Инте. Корабль был похож на нужного тебе человека, который только что был, «чай с нами пил», да вот вышел, а куда — неизвестно.

В общем, наш поход занял три недели, мы загорели, испортили себе желудки столовской пищей, но корабля так и не нашли. У нас были его рисунки, сделанные по памяти местными юными художниками, несколько любительских фотографий, на которых перед кораблем или вокруг него стояли толпами местные жители, отчего рассмотреть корабль в деталях было невозможно.

Но в целом материалов оказалось достаточно, чтобы ребята из конструкторского бюро нашего института сделали модель корабля и даже на основе ее смогли доказать, что скорость у корабля была невероятной, а сделан он был далеко за пределами Солнечной системы.

Три генерал-лейтенанта космической службы и шесть капитанов при них долго вздыхали и обещали институту сказочные дотации. Нам все обещают сказочные дотации, пока не доходит дело до выплаты. Тогда дотации исчезают.

А потом, еще дня через три, мы стояли и курили во дворе, в той его части, где свалены железки и прочие неудавшиеся гениальные приборы и вечные двигатели. Среди этих предметов была известная нам и не очень удобная скамейка синего металла с высокой прямой спинкой.

Иван с Саней и Борькой Коганом из компьютерного обеспечения травил анекдоты, а я стоял в сторонке и думал, что же мне эта скамейка напоминает. Потом я догадался, что если склонить голову так, чтобы она располагалась горизонтально, то вместо скамейки увидишь тот самый космический корабль. Я об этом сказал ребятам, они посмеялись надо мной, но поставили скамейку на попа, и в самом деле получился тот самый космический корабль.

К вечеру об этом знал не только институт, но и вся научная общественность Москвы. К сожалению, за три

месяца, пока корабль неизвестными нам путями добирался до института, чтобы занять место на курилке, он был выпотрошен до звенящей пустоты.

Но все равно примчавшимся вновь генералам и капитанам корабль был интересен — сплавом, пропорциями и черт знает чем. Корабль от нас увезли, а Боряка Коган из компьютерного обеспечения до сих пор клянется, что железяка на курилке стояла три года, тогда как корабль в Каруе упал лишь этой весной.

Я рассказал об этом, чтобы показать, сколько еще в природе неразгаданных тайн и подобных глупостей.

А теперь пора переходить к первому визиту полковника Миши, с которым мне еще не раз придется в жизни встретиться.

Часть первая

ГАРИК ГАГАРИН

Я до сих пор совершенно не уверен, что Мишу зовут Мишей, что он на самом деле скромный милицейский полковник, я даже не знаю, похож ли он внешне на того Мишу, который возвращается со службы домой и садится ужинать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Кроме одного — у полковника Миши нет чувства юмора, вернее, оно у него спрятано так далеко, как солоноватая вода в пустынном каракумском колодце: копай — не докопаешься.

Мы с Катрин пили кофе и мирно беседовали о незначительных вещах. За открытым окном надрывался кран, грузивший на трейлер случайно обретенный космический корабль.

Прошедшие месяцы не сблизили нас. Нет, мы не расстались совсем, мы несколько раз ходили вдвоем в захаровский театр, на Майкла Джексона, на выставку Шемякина, в китайский ресторан... Катрин говорит, что я не смог простить ей того, что она выполняла задание, общаясь со мной. Разумеется, все не так просто. Вернее, мы стали сотрудниками, и, если роман продолжать, он станет романом служебным, а это, согласитесь, вносит в него элемент банальности. Конечно, Катрин мне очень нравится. Порой безумно нравится...

Открылась дверь, и в лабораторию заглянул высокий худой человек со скучным лицом. Волосы у него были зачесаны назад слишком правильно, нос был великоват, чуть нависал над верхней губой, но не более чем допустимо. Глаза у него были невыразительного серого цвета, в тон костюму. На вид этому человеку было лет сорок — сорок пять. Если бы я встретил его на улице через полчаса, то ни за что бы не узнал.

— Здравствуйте,— сказал человек,— Калерия Петровна не приходила?

— Она у шефа, Михаил Степанович,— сказала Катрин, улыбаясь человеку как хорошему знакомому.— Кофе будете?

Человек кивнул и уткнулся в меня зрачками. Это был неприятный взгляд, какой бывает у кобры, перед тем как она решила воткнуть в вас ядовитые зубы. Узкие губы шевельнулись, и слова прозвучали как при неточном дубляже:

— У вас новый сотрудник? Мне кофе, пожалуйста, и один кусочек сахара.

Он протянул мне широкую теплую ладонь и представился:

— Михаил.

— Юрий,— ответил я.— Но как-то неловко...

— Гарик, не говорите мне о разнице в возрасте,— ответил гость и уселся за стол.— Я не люблю отчеств. Не потому, что преклоняюсь перед Западом в такой отвратительной форме, а потому, что взаимное величание незаконно и требует запоминать массу лишних слов.

Вот тогда я впервые подумал, что у него все же есть чувство юмора, но очень глубоко запрятанное. Недаром он дал понять, что изучил мою биографию перед визитом. Он знал, что меня зовут Гарик.

Катрин положила в чашку Мише четыре куска сахара. Он видел это и не возразил.

Но потом заметил мое удивление и сказал:

— Катрин знает мои вкусы лучше меня самого. Я порой забываю о своих привычках.

Странно. Я здесь уже три месяца, а ни разу не встречал этого посетителя.

— У нас проблемы? — спросила Катрин.

— Как всегда.

Миша отпивал кофе маленькими аккуратными глотками, наверное, оно капало ему в желудок.

— Что дали последние исследования? — он обратился ко мне.

— Какие исследования?

— Вашего организма, Гарик.

— Разумеется, ничего не дали, — ответил я грубо. Мне было неприятно, что какой-то чужой чекист имеет наглость при Катрин обсуждать особенности моего организма. Ну а если бы что-нибудь оказалось не как у людей — Мише до этого какое дело?

— Не сердись, Гарик, — сказал Миша. — Я по специальности сыщик. Мне интересно все, что происходит в этом институте.

— В институте, но не в сотрудниках, — уточнил я.

Пришла Калерия и прервала наш разговор.

— Миша, — спросила она с порога, — что-нибудь серьезное?

— Почему ты так думаешь? Я просто проезжал мимо...

— Когда ты позвонил мне, у тебя был особенный голос, — сказала Калерия. — И не надо рассказывать, как ты стосковался обо мне.

— Надо поговорить, — признался Миша. — Пойдем к тебе?

— Бессмысленно. Перегородки у нас тонкие, Катрин с Гариком все равно услышат. Ты познакомился с Гариком?

Миша кивнул, я кивнул. Но Калерия сочла нужным все же представить нас друг другу:

— Полковник Михаил Порецкий. Сыщик. Я правильно назвала твою редкую специальность?

— Правильно.

— А это Гарик Гагарин — наш относительно новый сотрудник. Уже успел отличиться. Участвовал в поисках космического корабля. Нашел его во дворе института. К тому

же ты знаешь — у меня нет секретов от моих людей. За пределами института они будут молчать.

— Исключая Тамару.

— Ты недооцениваешь Тамару,— сказала Калерия.— Мне чашку без сахара.

Она уселась за стол.

Из-за чужого человека в лаборатории было тесно.

— Начинай, Миша,— сказала Калерия Петровна.— Вряд ли у тебя много свободного времени.

— О том, что я пришел к тебе, никто в моей фирме не знает,— неожиданно сообщил нам Миша.— Там усомнились бы в моем психическом состоянии.

— Уже интересно,— сказала Калерия.— Похоже, что ты пришел по адресу.

— Мы никогда не смеемся над болезными,— сказала Катрин, и я понял, что она давно и близко знакома с полковником Мишей, что мне не понравилось.

— Но если вы согласитесь сотрудничать,— продолжал Миша, походя улыбнувшись Катрин,— то я поставлю командование в известность.

Руки у Миши лежали на столе неподвижно. Полежат-полежат, поднимут осторожно чашечку, поднесут ко рту, потом поставят чашку на блюдце и снова улягутся на стол.

— Как вы знаете,— сказал полковник Миша,— в последнее время пропадает много людей.

Никто не удивился. Миша вздохнул, словно ожидал другой реакции.

— Пропадают десятки тысяч людей. Их можно разделить на категории. Категория первая — старики, находящиеся в склерозе. Они замерзают, тонут, умирают в лесу... это всегда есть и будет. Надо лучше охранять родителей и строить побольше приличных домов для престарелых. Правильно?

Все мы согласились, что правильно.

— Вторая категория — жертвы ограбления или изнасилования. Объяснять не буду — откройте газету, и все станет ясно. Третья категория — это те, кто не входит в первые две категории. И речь пойдет о третьей категории.

«Он классический зануда,— подумал я.— Неужели никто этого не замечает?»

— С развалом Советского Союза, с увеличением числа беженцев и возникновением локальных конфликтов исчезновение людей в расцвете лет стало массовым явлением. Причин тому много, от бандитизма до наемничества, до проживания под чужими документами или ухода за границу. Вам все ясно?

Нашим молчанием он был удовлетворен.

— Но на все есть своя статистика. Мы примерно знаем и даже можем предсказать, когда и откуда исчезнут люди, какой они составят процент от населения, включая пенсионеров. Мы знаем, что такой статистике свойственна динамика. То есть тот или иной процент пять лет назад был ниже, чем сегодня.

— Миша, дорогой,— сказала Калерия Петровна.— Давай завершим вступительную часть и перейдем к делу. Ведь ты пришел сюда не просвещать нас, а просить о помощи?

— Я пришел к вам посоветоваться,— поправил ее Миша.

— Тогда переходи к делу.

Миша глубоко и даже как-то обиженно вздохнул. Он не любил, когда ему указывали, что надо делать.

— Исчезновение людей определенной категории нарушает законы статистики,— сообщил он и вновь поднес к губам чашечку.

— Какую категорию ты имеешь в виду? — спросила Калерия.

— Сексуальный маньяк! — подсказала Тамара, которая незаметно вошла в комнату и стояла, прижавшись спиной к двери.— Он уничтожает нас во цвете лет.

— Тмарочка,— сказала Калерия.— Или мы с тобой молчим, или ты уходишь на урок английского языка. Он начался в шестнадцатой комнате три минуты назад.

У Калерии есть отвратительное качество — она всегда в курсе всех наших прегрешений и ошибок.

— Я тихо,— сказала Тамара.— Здравствуйте, дядя Миша.

Полковник улыбнулся губами, не потому, что ему было смешно, скорее — забавно. Оценивать забавность ситуации можно и без чувства юмора.

— Пропадают без вести большей частью молодые люди, обычно холостые или одинокие с почти обязательным условием: они прошли какую-то войну — афганскую, чеченскую, приднестровскую, — но прошли.

— Они едут еще на какую-то войну, — сказала Катрин.

— Значит ли это, — спросила Калерия, — что вас беспокоит негласный отток ветеранов, потому что вы опасаетесь нового и еще неизвестно где зреющего вооруженного конфликта?

— Нет, — сказал Миша. — Это мы проверили.

— Объясни подробнее, — попросила Калерия.

— Допустим, — сказал Миша, — что в... ну где же, где?

— В Абхазии, — подсказала Тамара.

— В Нагорном Карабахе, — не воспользовался подсказкой Миша, — готовится новая война, и в Россию приезжают вербовщики, чтобы набирать людей.

— Они могут обойтись и без вербовщиков, — сказала Катрин. — Они могут использовать посредников — казаков, всякие там ветеранские организации...

— Вот именно! — обрадовался Миша. — Мы тоже так предположили. Но ничего из этого не вышло.

Мы молчали. Миша завладел нашим вниманием и, понимая это, держал паузу.

— Схема исчезновения людей, назовем их условно ветеранами, не подходит к стандартным схемам, не укладывается в них. Началось с того, что мы получили сигнал об исчезновении всех или почти всех холостых и одиноких ветеранов в одном районном центре. А таких набежало человек шестьдесят. Представляете? В один прекрасный день в городе исчезают шестьдесят человек, в основном молодых, заметных. И ни записки, ни свидетеля, ни следа, ничего!

— И все же не исключена случайность, — сказала Калерия.

— Да мы зачесались только после четвертого сигнала! — принял удар полковник Миша. — Когда в четвертом подряд небольшом городе произошло совершенно адекватное событие, мы послали туда людей. И люди вернулись ни с

чем. А затем все это случилось снова. Словно корова языком слизнула!

— До сих пор никто из журналистов не докопался? — спросила Калерия.

— Одна девица из НТВ почуяла неладное, мы с ней договорились — она нам не мешает, а мы ей гарантируем первую реальную информацию. Но мы не знаем, сколько она еще будет молчать. Она же журналистка, это специфические люди.

И стало ясно, что слово «специфический» в лексиконе полковника относится к числу бранных.

— Когда это началось? — спросила Калерия.

— Четыре месяца назад, — ответил Миша. — Ты магнитофон не трогай, мало ли какой слесарь его случайно включит. У меня сможете просмотреть все материалы.

— К нам чужие слесари не ходят, — сказала Тамара с сожалением, — у нас охрана.

— Я сквозь эту охрану танк вынесу, — сказал Миша.

— У нас нет танка! — оценила шутку Тамара и приятно смеялась.

— А какова механика исчезновения? — спросила Калерия.

— Не понял.

— Пропадают ли они в течение недели или одновременно из своих домов? Может, идут в кино и из зала больше не выходят или, наконец, все вместе садятся в пригородный поезд?

— Последнее вероятней всего, — сказал Миша. — Во всех четырех случаях ветераны... кандидаты на исчезновение, собирались вместе. На собрание, на прогулку...

— Они специально одевались для этого? Брали с собой рюкзаки, чемоданы?

— Ничего подобного! В этом и заключается основная загадка. Давай мы с тобой, Лера, как разумные жители нашей сумасшедшей страны, предположим самое реальное решение загадки: наших ветеранов, одиноких, малосемейных, не нашедших места в мирной жизни, некто соблазняет поездкой в Бурунди или Перу. Зная человеческую натуру, мы предположим, что кандидаты будут уезжать в пункт

сбора поодиночке, возьмут с собой по сумке или чемодану, наверняка кто-то из них пропьет полученный аванс и проговорится знакомой девушке или собутыльнику. Другого мы случайно задержим на таможне, а третий просто передумает... не может быть, чтобы часть населения четырех городов исчезла без следа, не взяв с собой бритв, запасных рубашек или кроссовок.

— Их убили,— сказала Тамара.— Их достал Достоевский с топором.

Образование свое Тамара черпала не из школьной программы, а скорее у экрана телевизора. Кое-что смешалось в ее хорошенькой головке, а это приводит порой к комическим эффектам.

— Лично Достоевский? — серьезно спросил Миша.

— Я в переносном смысле! — спохватилась Тамара.— Главное, что они мешали Чубайсу.

— А он тут при чем?

— Он разворовал страну вместо приватизации,— сообщила Тамара фразу, явно подслушанную в транспорте.— И теперь боится справедливого возмездия.

— Хорошо,— сказал Миша,— перерыв на смешки закончен. Поговорим о деле.

— Что вы еще узнали? Например, готовились ли исчезнувшие к этой акции? — спросила Калерия.— Может, кто-то из них продал дом, другой загадочно вел себя с соседкой?

— Проверяли,— сказал Миша.— Ничего не обнаружили.

— Только не смейтесь,— сказала Тамара.— Я как член коллектива имею право на ошибку. Но может быть, вы читали легенду о том, как один бременский музыкант увел из города сразу всех крыс и детей.

— Они так и шли парочками,— не выдержала Катрин,— девочка и крысочка.

— Не хохочи! Сейчас есть потрясные приборы, они воздействуют тебе на мозг — и ты пошел! У меня есть подруга, Римма, вы ее не знаете. За ней ходил один Фархад. Она — ноль внимания. Тогда он начал воздействовать на ее сознание на расстоянии, из своей гостиницы. И знаете, чем дело кончилось?

— Знаем,— сказал я,— она купила билет и улетела на его историческую родину, где они построили счастливую семью.

— Ты неудачно пошутил, Гарик,— с торжеством сообщила Тамара.— Его зарезали на Коптевском рынке.

Все замолчали, переваривая сложную информацию.

Затем Калерия сказала:

— А вы версию с крысоловом проверяли?

— Как ее проверишь? — развел руками Миша.

При нашей тесноте его руки стукнулись об углы шкафов.

— Простите,— сказал Миша шкафам.

Шкафы промолчали. Миша продолжал:

— Беда в том, что до последнего инцидента мое начальство считало, что я выжил из ума.

— И что же случилось?

— В Вязьму мы послали нашего сотрудника. Из афганцев. Он должен был проверить, когда и как это случится.

— Ну и что? — спросила Тамара.

Калерия подняла бровь. Умница. Она уже готова была шпатель мой вопрос, но почему-то медлила.

— Почему вы послали его именно в Вязьму? — Я не выдержал.

Калерия кивнула, она не сердилась на меня за то, что я полез в пекло поперед мамки.

— Поймите же, Калерия,— он обращался к ней, видно по чину было так положено,— здесь действует простая арифметика. На первый случай никто не обратил внимания. На второй почти никто не обратил внимания, но у меня есть один въедливый лейтенант, который как раз поехал в Кимры к брату и услышал, какой шум стоит в городе... и утихает за его пределами. Он прискакал ко мне на боевом коне и кричит: «Миха Степанович! Полгорода без вести пропало». Я ему ответил, что так не бывает, потому что так не может быть никогда,— это лучший ответ начальника, если он чего-то не понимает. А мой упрямый лейтенант в нерабочее время стал искать в компьютере информацию о массовых исчезновениях людей примерно одного возраста и пола. Он отыскал аналогичный случай в Талдоме и положил мне на стол. Я, разумеется, отмахнулся. Ну поймите

меня — разве не может статься, что в двух русских городах появляются вербовщики и вытаскивают молодцев... или вдруг прошел слух, что в Китае можно хорошо заработать, — да мало ли что может произойти в нашем государстве? Вам интересно?

— Кури, у нас курят, — сказала Калерия.

— Ну вот, — Миша закурил от старого «Ронсона» и хлопнул крышку зажигалки. — Мой лейтенант Коля Полянский стал ждать продолжения. Правда, никто, кроме меня, в управлении о его теории организованного злодейства не знал. И тут пришло известие из Калязина. Вы представляете, где это?

— Верхняя Волга, — сказал я, — чуть ниже Кимр. Талдом тоже в том районе.

— А мой Коля даже провел кривую, соединяющую эти три центра, и попросился у меня в командировку. Благо, что недалеко и недорого. И в Калязине он также не обнаружил следов пропавших людей. А там провалились сквозь землю шестьдесят два человека.

— А в Талдоме, в Кимрах? — спросила Калерия.

— В Талдоме тридцать один человек, — полковник был готов к такому вопросу, — а вот в Кимрах больше всех. Очевидно, около девяноста.

— И в один день?

— В один день.

— И в Москве даже не поднялась паника?

— Поставь себя на место калязинской власти. Разве у них других дел нет, как считать парней? Тем более что мы запустили в компьютер их дела, чтобы найти закономерности, и оказалось, что практически все исчезнувшие одиноки.

— Чего же вы Москвой не занялись? — спросила Тамара. — Увидели бы, что у нас тысячами пропадают.

Полковник игнорировал ремарку:

— Мой Полянский был убежден в том, что здесь есть система. И преступная притом.

— А дальше Полянский сделал предсказание, — предположила Калерия.

— С чего ты так решила?

— Это так просто. У вас есть три точки, у вас есть даты, у нас, наконец, есть событие.

Дядя Миша погасил сигарету:

— В принципе ты права.

— И следующий пункт был Углич? Мышкин? Кашин?

— Кашин, Кашин! — Полковник был недоволен тем, что его загадки так просты для аудитории.

— А дата? — спросила Катрин.

— Дата? — Полковник почему-то принялся чертить пальцем по столу, изображая забывчивого старикашку, а Тамара не выдержала напряжения:

— Неужели вы не послали туда отряд?

— Дата нам была известна лишь приблизительно, — сказал Миша. — А кто даст людей для проверки диких гипотез?

— Хорошо, и чем все это кончилось? Что увидел и узнал лейтенант Полянский?

— К сожалению, на этот вопрос я не могу ответить, — сказал Миша. — Полянский погиб.

— Погиб? Не может быть! — сказала Тамара. — Он же милиционер.

— В ту ночь, когда люди исчезли из Кашина... Полянский утонул в Волге.

— Простите, — произнес я. — В студенческие годы мы ходили на байдарках по Верхней Волге. Я те места неплохо знаю. Кашин стоит не на Волге. Он стоит на Медведице. Правильно? А Медведица впадает в Волгу. И там несколько километров...

— Не Медведица, а Кашинка, — поправил меня полковник. — До Волги от Кашина далеко, и у нас нет никаких оснований связывать смерть Полянского с событиями в Кашине.

— Они его убили, — возразила Тамара, — а потом бросили в Волгу. Обычная манера мафии.

— Никаких следов насилия, — сказал полковник. — Лишь повышенное содержание алкоголя в крови.

— Он пил?

— Не больше чем мы с вами, Тamarочка, — ответил дядя Миша.

— Значит, изредка, — сказала Тамара.

Полковник снова закурил, потом нарушил общее молчание:

— Больше мне нечего рассказывать.

— Врешь, Миша,— сказала Калерия.— Прежде чем пойти к нам, ты побывал в Кашине, ты перерыл там землю, ты привез с собой экспертов...

— Ничего подобного,— сказал Миша.— С точки зрения элементарного ментовского поведения, я так бы себя и вел. И всех спугнул. Поэтому все расследование вели люди из Кашина, я там был, конечно, но инкогнито.

— Если, конечно, у них не было сообщников в милиции,— заметила Катрин,— иначе ваше инкогнито не поможет.

— Там, кажется, курорт? — спросила Калерия.

— Старый среднерусский курорт. Милейшее место. Но сейчас выдохся. Хотя санаторий существует. Там в санатории и отдыхал мой лейтенант по документам инженера-технолога, которому не по карману Канарские острова.

— Он знакомился с окрестностями, как Тургенев,— сказала Тамара.

— И чего ты ждешь? — спросила Калерия.

— Я жду нового факта,— ответил полковник.— Или в Бежецке, или в Меховске. Примерно через две недели. Точные данные у меня в конторе. Я хочу понять, кому и с какой целью понадобились все эти люди? Куда их смаывают? Ну и, конечно, я отыщу тех, кто погубил Колю Полянского.

— Ясно. Ты посылаешь своих людей?

— Это мои проблемы,— сказал полковник.— Но мои люди — сыщики и размышляют как сыщики. Это совсем другой тип мышления.

— Значит, два городка...— произнесла Калерия.

— Не совсем так. По мнению нашего компьютера, девяносто два процента за то, что следующий инцидент произойдет в Меховске, шесть — за Бежецк, два — за то, что он не произойдет вообще.

— Замечательно,— сказала Калерия.— Все это очень интересно. Осталось нам узнать всего ничего. Что же привело тебя к нам?

- Нехватка кадров,— сказал Миша.
- Точнее.
- Дай мне на две недели Гарика Гагарина.
- Так я и знала,— вмешалась в разговор Тамара.— Голько мужчина мне понравился, как его посылают на верную смерть в Афганистан.
- Это несерьезно,— сказала Калерия.— Гарик работает у нас без году неделя. И к тому же он сам испытуемый. Я не сдержал вздоха. Диагноз никуда не годился.
- Мне нужны некоторые его качества,— сказал Миша.
- Откуда они тебе известны?
- От верблюда. Ты отлично знаешь, что за вашим институтом мы внимательно наблюдаем. И по мере сил помогаем. Разве не так?
- Но Гарика я не отдам.
- Мне нужен полевой агент,— сказал Миша,— который может воздействовать на психику врага, который, говорят, даже может левитировать. Я правильно произнес?
- У меня не всегда получается,— сказал я.
- Мне нужен свой парень, надежный товарищ, честный человек...
- И это все о нем! — сказала Тамара.— Такого типа я лучше оставляю себе.
- Для вашей работы,— сказала Калерия,— люди готовятся десятилетиями. Вы же ничего не добились. Больше того, твой сотрудник погиб.
- Я не погибну! — сообщил я. Эти слова вырвались из моих уст произвольно.
- Он будет не один.
- Но предупреждаю,— сказала Тамара.— Если вы поделились с милицией или ФСБ, наш Гарик погибнет без следа. Утонет.
- Тамара не хотела, чтобы я утонул. Как приятно.
- Нет,— твердо сказала Калерия.— Гарик и сам не понимает риска, которому вы его подвергаете.
- Мы с этой дамой на «ты» уже десять лет,— сообщил шим полковник Миша.— Видно, она очень на меня сердита. А зря.
- Иди к директору. Посмотрим, что он тебе скажет.

— Я был у вашего директора,— ответил Миша. И тут я увидел, каким он может стать, если захочет.— Директор согласился с моими доводами, но оставил право окончательного решения за тобой и младшим научным сотрудником без степени Гагариным. Директор института отлично понимает, что сложившаяся ситуация, вернее всего, выходит за рамки обычного милицейского расследования. В течение двух месяцев в Средней России пропало бесследно около двухсот человек. Ни один не вернулся, ни один труп не найден, ни одно письмо от них не пришло. Поэтому у нас есть все основания отнести случившееся к разряду необъяснимых явлений. Поэтому я обратился к вам.

— Почему этим не занялись чекисты? — спросила Калерия.— Казалось бы, им и карты в руки.

— Они в курсе дел. Но так как с самого начала этим занялись мы, они не вмешиваются. До поры до времени.

И тогда я понял, что, помимо всего прочего, Мишей руководит уязвленное самолюбие. И к нам он пришел, потому что почуял, что дело вот-вот отнимет ФСБ. А у него, у Миши, свои счета с вербовщиками или похитителями — ему надо рассчитаться с ними за лейтенанта Полянского.

— Допустим, Калерия,— продолжал полковник,— что мы столкнулись с каким-то явлением не только всероссийского, но и международного масштаба. И организация, которая может таким образом организовать исчезновение людей, достаточно сильна, чтобы угрожать всем. И всей нашей стране.

— Вернее всего, ты преувеличиваешь.

— А ты включи воображение, Лера. Подумай, что может произойти завтра.

— Может и не произойти.— Калерия упрямылась. Я такой ее еще не видел. Неужели она в самом деле боится за меня?

— Если не произойдет, то твой сотрудник возвратится через две-три недели и приступит к исполнению своих обязанностей. В целостности и сохранности, отдохнувший на свежем воздухе.

— Калерия Петровна,— сказал я.— Мне очень хочется провести две-три недели на свежем воздухе и помочь родной милиции.

— Ты еще мальчишка, Гарик,— отрезала Калерия. Она вновь обернулась к полковнику: — А какую роль вы ему придумали?

— Мы обсудим это с ним. У меня.

— Почему не здесь?

— Наша беседа будет совершенно конфиденциальной.

— Ты не доверяешь даже нам? — удивилась Калерия.

— Он недобитый бериевец,— констатировала Тамара.— Столько лет скрывался.

— Тамара! — оборвала ее Калерия.

— Я всем верю. И тебе, и Кате, и Тамаре с ее слишком длинным языком,— ответил Миша.— Но я не хочу повторить ошибок. Кто-то узнал о поездке Полянского. Где? В Москве? В моем управлении? В Кашине? Я ручаюсь тебе, Лера, что о том, с кем работает Гарик, кроме меня будет известно лишь моему начальнику. Но ему не надо знать настоящего имени Гарика.

Мы встретились с полковником Мишей на его секретной квартире. На такой, что фигурируют в романах о КГБ или М-5. Он дал мне адрес и время. Простой девятиэтажный дом. Башня. На Пресне. Внизу воняет из-за сломанного мусоропровода, на синей масляной краске лестничных стенок — граффити — переписка местной молодежи с сообщениями, кто кого любит, а кто кого хочет, а также названия неизвестных мне групп. Толстая струя черного распылителя поверх этих скромных надписей сообщала: «Лебедя в президенты!» Лампочка в лифте была выбита, и мне пришлось ощупью искать кнопку седьмого этажа.

Полковник Миша был в тренировочном костюме и шлепанцах.

— Вы в самом деле здесь живете? — спросил я.

— К счастью, нет,— сказал тот, проводя меня в однокомнатную стандартную квартирку.— Посидим на кухне, я кофе приготовил.

Кофе он готовил славно. Обычно полковники этого делать не умеют. А он умел.

— Как мне показалось,— сказал Миша,— вы не возражаете против командировки?

— Не возражаю,— согласился я.

— Я надеялся на это. Но...— он поднял указательный палец,— нужно, чтобы вы... можно я вас на «ты» буду называть?

— Разумеется, а то мне даже неловко.

— Отлично. Но ты мне будешь нужен только при одном условии — если ты сможешь сделать больше, чем сделали мои сотрудники раньше, и если ты останешься живым.

— Наши интересы совпадают,— сказал я легкомысленно, и полковник нахмурился. Все же у него не было чувства юмора. А может быть, он воспринимал только юмор, направленный сверху. Юмор снизу он полагал фрондой.

Полковник разложил на кухонном столе небольшую схему города Меховска.

— Про историю и так далее говорить не буду — прочтешь в библиотеке. У тебя завтра целый день на сборы,— сказал полковник.— Начнем с тобой ориентироваться на местности. Ты ведь там уже был?

— Нет,— сказал я тупо,— не был.

— Мальчишкой был. Там у тебя двоюродный брат живет. И дядя жил. Вот здесь... ну где эта чертова улица? Вот — улица Желябова. Знаешь, кто такой Желябов?

— Наверное, революционер.

— Мне стыдно за нынешнее поколение. Желябов — народовец, убийца царей.

— Почему я должен знать про ископаемых террористов?

— Гарик, именами террористов улицы не называют. А у нас в любом областном центре или улица Перовской, или Каляевская. И так, давай поглядим внимательнее. Старая часть города протянулась вот здесь по высокому левому берегу Мологи. За ручьем... как он называется? Нет названия. А ведь наверняка местные жители его как-то зовут. Вот тут за ручьем лет пятнадцать назад построили десяток четырехэтажных хрущоб. Для текстильной фабрики. На этой фабрике работал твой дядя. Все документы и фото-

графии вон в той папке, у тебя будет время их изучить. Гюй дядя Борис Венедиктович. Тут дом, тут квартира — теперь живет твой кузен Аркадий. Только слово «кузен» в Меховске не употребляется. Он тебе двоюродный.

— Он женат?

— У него есть подруга. Она с тобой незнакома. Ты давно пропал. Как в Афганистан тебя послали, в восемьдесят селымом, мальчишкой. Потом ты где-то работал.

— Как так — где-то?

— В Москве ты был недолго, потом пошел в контрактники, добровольно поехал в Приднестровье.

— Там везде было много свидетелей,— сказал я.— Проверьте, не было ли кого-нибудь из меховских в Абхазии. Я предпочел бы потеряться там.

— Молодец, мальчик! Умница. Абхазия куда более экзотический район. Давай дальше займемся твоей биографией. Времени у нас в обрез — я боюсь, что в любой момент в Меховск может приехать вербовщик.

— Или охотник за черепами,— опять неудачно пошутил я.

— Мы в Кимрах и Кашине прочесали окрестности — ты что думаешь, легко полсотни трупов закопать?

— А река?

— Волга там как проходной двор, на каждом шагу по моторке.

Он меня не убедил.

— Ладно,— сказал полковник,— мне замминистра уже шивил, что видит в этом чеченский след. Так что можешь не размышлять на эту тему.

— Но у меня должны быть документы, письма, фотографии. А вдруг кто-нибудь всерьез заинтересуется моей скромной особой?

— Фотографии ты принципиально не носишь — чтобы не засвечиваться. Были у тебя нелады с правоохранительными органами. Какие? Не важно — на свободе остался, и дело с концом. Документы у тебя будут. Имя тебе оставим, а фамилию поменяем. На всякий случай. Ты сам подсказал — найдем парня, который не вернулся из Абхазии. Юрия или Георгия.

Он сразу делал пометки в небольшой книжечке, лежавшей у его правой руки.

— А зачем я туда приехал? Просто навестить кузена или жить?

— Ты и сам еще не знаешь.

— Аркадий? У него же другая фамилия?

— Борис Венедиктович — брат твоей покойной мамы.

— Аркадий у вас работает?

— Ни в коем случае! — почему-то резко возразил Миша. — Но он нам обязан. Он верный человек. Работает на текстильной фабрике.

— Он тоже ветеран?

— Нет, он хромой. Он с детства хромой. Он кладовщик.

— Это создаст трудности, — сказал я, будто играл роль в шпионском фильме, где агента забрасывают в тыл к врагу. — Он никого не знает из ветеранов. Он мне не сможет помочь.

— Он всех знает. Он там родился и прожил жизнь. Он учился в школе.

— Вы правы.

— Теперь — главное. В Меховске есть отделение «Союза ветеранов — XX век».

— Афганцы?

— Нет, это сравнительно новая и любопытная организация. Она должна объединить ветеранов всех малых и больших войн.

— Это официальный союз?

— Совершенно официальный, лояльный, склоняющийся в сторону сильной власти, однако умеренно оппозиционный, но не по идеологическим соображениям, а потому, что опоздал к дележу привилегий и лицензий.

— Значит, водкой не торгуют?

— Ты у нас можешь создать фонд имени дедушки Крылова, добиться для него таких таможенных льгот, что вся страна пошатнется. Но эти ветераны не суетятся, хотя что-то для своих членов достают.

— А почему этот союз вас заинтересовал?

— Потому что он — плод новой идеи. Его основатель Рустем Марков подумал о том, сколько ветеранов у нас остались бесхозными. Даже о ветеранах Куликовской битвы никто не радеет. Он сразу получил поддержку неутомимых

делушек, которые умеют и любят проникать в высокие кабинеты, позванивая иконостасами юбилейных медалей.

— Вы не любите Рустема Маркова?

— И все его окружение. И почетного председателя генерала Чулкова, и Порейку из Меховска.

— Меховск — его центр?

— При чем тут Меховск? У них даже в парламенте есть свои люди. Это тебе знать необязательно. Тем более что мы и сами пока что до корней не добрались — кто-то этот союз подкармливает, лелеет, но не афиширует свою заботу. Мои аналитики могли ошибиться, но большинство из исчезнувших людей состояли в этом союзе.

Миша включил видик, и мы стали смотреть кассету о городе Меховске — его сотрудники работали оперативно. Одноэтажный каменный вокзал, построенный при Александре III, — тогда, по-моему, и расцвела такая кирпичная архитектура. Потом пыльная улица — сплошные заборы, между которыми вставлены деревянные домики в три или четыре окна. Заборы плотные, высокие, ворота крепкие. Ближе к центру дома полукаменные и двухэтажные, главная улица — Советская, значит, местным демократам в свое время не удалось вернуть ей старое название: Николаевская или Екатерининская. В самом центре дома были двухэтажными, каменными, остались в наследство от купцов. Советская улица пересекала площадь, посреди которой стоял Гостиный двор. Он был невелик, но окружен галереей с торическими пузатыми колоннами. На выложенной булыжником, а частично залитой асфальтом площади разместился также собор, недавно покрашенный, с вызолоченными крестами, трехэтажное — сборные плиты и стекло — государственное здание и другое, тоже в три этажа, но из красного кирпича — бывшая гимназия. Теперь, как пояснил Миша, там обитает сельхозтехникум. В прошлом году его переименовали было в сельхозакадемию, но область не утвердила нового статуса, может, потому, что в ней самой еще не было ни одной академии.

За скудным, видно, пленку снимали в начале лета, месяца два назад, рынком, где в тени крытых прилавков томилась десятка два продавцов, темнел городской сквер —

ну до чего же они все одинаковы, наши среднерусские городки! А там, за ручьем, Черемушки, — четырехэтажные тоскливые дома и сама текстильная фабрика, тоже красного кирпича. Возле нее такие же красные корпуса — дореволюционные казармы для ткачей. В стороне по высокому берегу над Мологой тянется Гоголевская улица и пристань — дебаркадер, который давно пора бы покрасить.

С городком я познакомился. И узнал, что ресторан на первом этаже отеля «Молога» сразу за Гостиным двором зовется «Мологой», что там есть кафе «Синий ветер» и универмаг, — мы прокрутили кассеты еще два раза, хоть я все сразу запомнил. Но я не хотел огорчать Мишу, уверенного в том, что его агентам все надо показывать и объяснять трижды — видно, ему раньше с агентами не везло.

Я не спорил еще и потому, что с каждым разом фиксировал детали, незаметные даже глазу моего нового шефа. Я запоминал людей — снимали днем, видно, работал турист, вернее, человек, притворявшийся туристом. И на него внимания никто не обращал.

Полезные мне лица включали в себя хозяев лавочек и киосков на базарной площади, местного городского начальника, который поехал обедать на своей серой «Волге», лицо его шофера, а также лица двух милиционеров.

К тому же я был теперь уверен, что не заблужусь в Меховске ни днем ни ночью и знаю в нем почти каждый дом, — к счастью, оператор был дотошным и терпеливым.

— Теперь смотри на своих родственников — у меня есть их фотографии, но нет пленки, сам понимаешь — не посылать же человека, чтобы снимал в рабочем квартале. Послушай еще раз — что ты знаешь о любимом дяде Боре, покойнике, о живой еще тете Нине, его жене, о братишке Аркадии и его сожительнице Маргарите, что работает медсестрой в поликлинике.

Дядя на меня не произвел впечатления, тетя Нина оказалась доброй, а брат Аркадий... У него было тонкое лицо горбуна и два стальных зуба спереди — за собой он не следил.

Твой круг знакомых этим не ограничится. Честно говоря, сначала я решил было не показывать тебе физиономий тех людей, кого ты не знаешь и знать не должен.

— Ветеранов?

— Ты ведь не профессионал. Если знаешь лицо человека лучше, то можешь себя выдать.

— Но потом передумали?

— Передумал.

— Почему?

— Ты вроде бы умеешь собой владеть. Есть малый шанс, что кого-то из них случайно увидишь. По крайней мере, будешь настороже.

Я видел, что дядя Миша ничего не может с собой поделать — этот «Союз ветеранов» настолько ему не нравился, что он забыл о презумпции невиновности.

Все фотографии были сделаны «Полароидом». Как удалось фотографу не только снять крупные планы, но и позицировать героев в тюремные позы: фас — профиль — ума не приложу.

Первый был человек средних лет, с оливковой кожей, черными редкими волосами, на макушке они пересекали лысину поперек в несколько рядов черных блестящих ленточек и проволочек. Глаза у этого человека были карими, под ними — мешки — что-то с почками. Плечи оказались узкими — даже под пиджаком видно.

— Это Порейко, — сказал дядя Миша. Имени-отчества он не сообщил, видно решил, что узнаю это при знакомстве.

Затем он положил передо мной две фотографии кудлатого брюнета с черной повязкой через левый глаз.

— Одноглазый Джо, — сказал он. — Правая рука и телохранитель Порейки. Воевал в Приднестровье или, по крайней мере, там побывал.

Наконец он показал мне фотографию самого генерала Матвея Семеновича Чулкова — его второй подбородок лежал на тугом воротнике, туда же спускались брылы, а вот глазки так затянуло свиным жиром, что их трудно было разглядеть. К сожалению, генерал был в фуражке и потому растительность на голове я не рассмотрел.

Четвертым персонажем, которого мне дали лицезреть, был сам Рустем Марков, человек, судя по имени и фамилии, смешанного происхождения. Но внешность Марков унаследовал от кавказских предков: был он горбонос, черноглаз, с хорошо организованной курчавой прической, единственное, что подкачало, — подбородок. Подбородок убежал к кадыку. Такие подбородки бывали и у Габсбургов, и ничего — правили империей.

— Отдохни, просмотри еще раз кассету, вот семейный альбом, познакомься со своей мамой, бабушкой и так далее — там везде есть подписи. А я сейчас свяжусь с нашим человеком, который работает по Абхазии. У тебя должна быть непотопляемая «легенда».

Миша ушел в комнату, хотя телефонный аппарат стоял и на кухне. Но мало ли о чем хочет поговорить полковник со своими майорами. Я же принялся за наш семейный альбом.

Смешно, но я стал воображать, что это и есть мои настоящие родители. Да и ничего странного в том нет — типичный комплекс детдомовца. Вот этот дядя — сначала молодой, на лыжной вылазке, в старомодном костюме, потом постарше — сержант, оказался моим отцом. А это свадебная фотография — папа с мамой. Мама у меня — просто красавица. Правда, красавицей она была лишь на одной свадебной фотографии. Видно, умелая парикмахерша попалась.

— Где мы жили тогда? — спросил я у полковника, когда он вернулся на кухню.

— В Вологде, — ответил Миша. — Вы все северяне — у тебя еще один дядя есть, — он в Архангельске живет.

— А мама жива?

— Мать твоя умерла относительно молодой. Попала под машину. А отец давно ушел от вас, женился на другой, связей с ним ты не поддерживаешь.

— Я уже запутался, — взмолился я. — Где здесь правда, а где моя «легенда»?

— Мы не стали бы так придумывать тебе семью — мало ли, Аркадий рассказывал женщинам, да и дядя с тетей у тебя живы. Нет, все правда. Только настоящий Юра без вести пропал в Абхазии.

— Почему я вернулся?

— Надоело скитаться. Хочешь осесть, работу найти, семью поможет. У тебя же на самом деле, кроме Аркадия и тети Нины, никого нет.

— Но почему они должны меня признать и принять?

— Сегодня вечером нам привезут материальные следы твоей биографии, потом начнешь готовиться к экзамену.

— К какому еще экзамену?

— Ты в жизни где-нибудь воевал?

— Я действительно служил, после школы.

— Вот именно. А твой герой, то есть Юрий Старицкий, прошел три войны. Ты должен знать современное оружие как свои пять пальцев, ты должен знать слова, песни, отношения уставные и неуставные — не дай Бог тебе опозориться, попасться на пустяке. У тебя три дня.

— Мало.

— Я бы никогда не рискнул провести такую операцию с простым человеком. Потому я и просил тебя у Калерии. Понимаешь, от твоего поведения, от твоих знаний и умения зависит очень многое.

— Значит, у вас уже есть подозрения?

— Нет, никаких подозрений нет!

Он ответил так решительно и даже сердито, что я понял: какие-то подозрения существуют и очень не нравятся моему новому начальнику. Хотя у меня нет начальников. Я вольная птица.

— Что ж, — сказал я, — поехали учиться.

Экзамен я кое-как сдал, правда, не на третий день, а на пятый. Но прежде чем отбыть в командировку, мне пришлось в очередной раз пройти всю бюрократическую цепочку — выписать удостоверение, получить деньги, а также подвергнуться специфическим испытаниям, принятым в нашей системе.

Ничего смешного здесь нет.

Я сдал чемодан и рюкзачок на проверку в наш спецотдел, где «прекрасная девушка Нина, та, что в спецотделе живет», прошла по вещам, а потом и по мне частым электронным и интуитивным гребнем, чтобы убедиться — на мне и во мне нет ничего, могущего указывать на связь с институтом.

Кстати, еще разок меня проверили в ведомстве полковника Миши на следующий день.

А потом притащили к Воробышку.

Воробышек — существо махонькое, ничтожное, робкое, в миру его зовут Яковом Савельевичем, и никто его не боится, хотя гениев от медицины надо бояться, чтобы не изобрели лишнего.

Яков Савельевич, которого Воробышком прозвали в институте, был подчеркнуто вежлив, но настырен, как голодный овод.

В его компьютере я содержался до последней клетки организма. Правда, найдя тысячу отклонений от нормы, он вынужден был в свое время признать, что при всем том я остаюсь «гомо сапиенсом» и отношусь к тому же виду, что и Воробышек, только к другой национальности. Что касается его национальности, то она была еврейской, что касается моей — то паспорт, относивший меня к русской нации, ошибался на несколько парсеков.

— Гарик,— взмолился Яков Савельевич,— Лерочка просила заблокировать травматические центры. Тебе не будет больно. Клянусь здоровьем мамы!

Маме было девяносто, и он отправил ее в Иерусалим, где более теплый климат.

Воробышек взмахнул крылышками, встрепенулся и, пока я пытался понять, что они с Калерией задумали, командовал своим помощницам, чтобы меня готовили к имплантации.

Так как я пытался сопротивляться, Воробышек вызвал Калерию, и та поклялась, что моему здоровью и возможности заводить семью ничего не угрожает.

— Ангел мой,— сказала она.— Мы не знаем, куда ты попадешь. И ты этого не знаешь. Нам лишь известно, что некто для каких-то непонятных нам целей крадет молодых людей. Современные средства обработки психики открывают...

— Опаснейшие возможности! — подхватил Воробышек.

Я поглядывал на стеклянную дверь в операционную, которую здесь почему-то называли процедурной. Там покачивалась широкая спина анестезиолога Гриши, который

еще сегодня утром стрельнул у меня сигарету. И вот вместо благодарности он участвует в пытках!

— Гарик, не отвлекайся,— сказала Калерия.— Я хочу быть уверена, что они ничего не сотворят с твоим мозгом. Если они лишат тебя памяти или способности логически рассуждать, то все наше участие в операции летит к чертовой бабушке, а я буду вынуждена отправить тебя на пенсию в двадцать пять лет.

— Маловероятно,— сказал я.— Зачем им лишать меня памяти?

— Но раз мы не знаем, то должны подстраховаться! — кричал Воробышек.— Я бесконечно благодарен Лере, что она подумала о таком блоке.

— А Яков Савельевич,— ответила комплиментом Калерия,— сделает так, что воздействия на тебя через мозг будут сведены до минимума. Если там тобой постараются командовать, вызывая в тебе радостные повизгивания, как у лабораторной крысы, страх или душевную боль,— все эти чувства и воздействия ты будешь ощущать в стократ ослабленными. Но будешь знать о их существовании и потому сможешь имитировать нужную реакцию.

— То есть «малыш уж отморозил пальчик»,— сказал Воробышек,— а ты вопишь, что вся рука побелела и вот-вот отвалится.

— Две проблемы,— сказал я и постарался показаться моим мучителям несчастным ребенком, которого бросили родители.— Первая: не сунете ли вы мне в мозг чего-то лишнего, забыв сказать об этом? И вторая: не забудете ли вы вытащить шарики и датчики, когда я вернусь к вам в одном куске? Если, конечно, я вернусь в одном куске...

— Перестань гипнотизировать,— сказала Калерия.— Прибереги свои способности для аутсайдеров. Это первое. А второе — раз ты пришел к нам работать, то приходится идти на некоторые жертвы. Учти, что институту нужны нормальные, здоровые и желательно умные люди. До этого момента я тебя к ним и относила.

Я подумал, что Калерия вовсе не такая красивая, как мне вчера показалась.

— Договорились,— сказал я. Они с Воробышком были правы. Судя по всему, мне придется работать в сложной обстановке. Они же хотят подстраховаться. Ради меня самого.

Калерия обернулась к доктору:

— Яков Савельевич, а вы гарантируете, что никаких следов вашей операции внешне не будет?

— Мы же говорили! — вспорхнул куда-то под потолок мой мучитель.— Я же обещал! Ни одна драная собака не заметит дурного!

И я покорно пошел в соседнюю комнату, в процедурную.

Я приехал в Меховск через шесть дней. Три дня были нереальным сроком даже для энергичного полковника Миши и его команды. Но и через шесть дней в моей «легенде» оставались зияющие провалы. И если бы кто-нибудь решил всерьез заняться моей проверкой, он бы скоро меня разоблачил. Надежда была на то, что никому не придет в голову этим заниматься.

Добра у меня было рюкзак через плечо и турецкий чемодан. Небольшой, мягкий и не слишком набитый. Я не вез с собой гостинцев.

Поезд замер минуты на две. Я сошел на прибитую недавним дождем пыль меж путей. Не знаю, почему на не очень загруженной дороге надо останавливаться на третьем пути,— наверное, чтобы несподручнее было «челнокам» тащить полосатые, как матрасы, баулы. Вся Россия тащит за собой такие баулы размером с бабушкин сундук. В зависимости от силы носильщика и содержимого баула его положено тащить в руке или крепить к тележке. Чего возят из города в город, из страны в страну мои соотечественники, не знаю. Наверное, все, кроме лыж. В том, что из моего поезда в рассветный Меховск вывалилось с полдюжины «челноков», не было ничего удивительного. Удивительней было то, что на путях нас ждали другие «челноки», которые волочили «матрасы» из Меховска в иные края. Им всем продали билеты в один вагон, видно, кассирша обладала

испорченным характером, и я даже замер в сторонке, потрясенный скоростью и энергией, с которой все меховские «челноки» успели за две минуты втолкнуть в вагон десятка или объемистых сум и залезть сами, — правда, с проклятиями, которые пошатывали старинное кирпичное здание вокзала, и с зарядом ненависти, которого хватило бы на штурм Зимнего дворца.

Меня никто не встречал, но я, конечно, помнил город — все улицы были знакомы, даже дома. И приятно было узнавать их в натуре и истинном масштабе.

Я пошел не спеша, не самой близкой дорогой, чтобы поглядеть на центр города, выкурил сигарету в городском сквере, поглядел, как на автобусной остановке толпятся грибники, — видно, лес начинался близко от города и не стоило было уезжать с вечера.

Птицы пели оглушительно. Наверное, сюда, в чистые края, слетелись птицы из Черновцов-12, Магнитогорска-18, Челябинска-46 — из всех тех страшных мест, где под предлогом будущего уничтожения империалистов травят и природу, и местных жителей, и конечно же лесную живность. Вот птицы и слетелись в Меховск.

Городок был таким мирным, таким российски идиллическим, так деликатно поскрипывали телеги, съезжаясь к рынку, что было совершенно невозможно даже допустить вероятность какого-то преступления, большой беды, грозящей этому миру.

По дорожке, ведущей через сквер, прошли быстрым шагом две монашки с сумками — спешили на рынок. А я и не знал, что здесь где-то есть монастырь. Вернее всего, догадался я, его открыли совсем недавно, и управление дяди Миши еще не получило сведений от своих агентов. Впрочем, вернее всего, и для меня информация — лишняя.

Впитав в себя запахи пыли и отцветающей сирени, согретой солнцем травы и теплого хлеба, я поднялся и пошел к ручью, к современным домам. Домов было немного, не больше дюжины, были они четырехэтажными — скучными, одинаковыми, запущенными и своим существованием на окраине городка угрожали его будущему.

Сама фабрика была старой, из красного кирпича, но сбоку от здания поднимался на три этажа новый административный корпус, — как говорится, стекло и бетон, а вернее, немые стекла и бетонные панели, обсыпавшиеся на стыках.

Солнце уже поднялось и пронизывало еще не пыльную листву, но на улицах было малоллюдно: люди досыпали свои последние сны — половина седьмого.

Мне бы побережь сладкий сон моего кузена Аркадия, но ошиваться возле дома, когда здесь каждая собака на виду, смысла не было. Чем менее я буду замечен, тем лучше для всех, включая меня самого.

Служба есть служба. На ней всегда недосыпают.

Я поднялся на третий этаж. Дверь была обита клеенкой и поделена на ромбы кнопками. Я позвонил. Коротко, чтобы не пугать человека. Аркадий должен быть один — тетя Нина уехала в деревню. Она всегда летом уезжает в нашу деревню, там сохранился дедушкин дом, она все лето занимается хозяйством, пашет, получает удовольствие, и внука тоже берет. У Аркадия раньше была жена Клавдия, бросила его лет шесть назад, живет в Курске.

Я не подумал, что Аркадий может быть не один.

Он открыл быстро. Как был, в трусах и майке. Длиннолицый, красивый, болезненный, мягкие волосы слежались от подушки.

— Впустишь? — спросил я. — Привет тебе от дяди Миши.

— Чего? — Глаза у него были сонные, мутные, даже не блестели. — Какой еще дядя Миша?

— Кто там? — хриплый голос выбрался из комнаты. Мужской или женский — непонятно. Наверное, там — Маргарита.

Ну что мне оставалось делать?

— Аркаша, — сказал я, — неужели я так изменился? Я же твой брат двоюродный, тети Зины сын? Ты что, протри глаза! Я же тебе письмо посылал и телеграмму.

Разум медленно освещал глаза кузена.

— А сколько времени? — спросил он.

— Скоро семь. Я с поезда. Немного погулял, а потом решил — досплю уж у тебя.

В дверях комнаты появилась молодая женщина, высокая, широкоплечая, у нее были медовые волосы — не накинешь рыжими, но и не блондинка. Волосы были распущены, покрывали плечи халата. Она стояла босиком.

— Это... — сказал неуверенно кузен, — Гарик.

— Какой еще Гарик? — спросила женщина. — Откуда в семь утра Гарики ходят?

Даже в полумраке маленькой прихожей было видно, что у женщины очень белая кожа, какая бывает у рыжих.

— Гарик! — более уверенно произнес мой кузен. — Ты чего здесь стоишь, заходи на кухню. У меня в комнате не убрано.

— Спасибо, — я прошел на кухню. Кухня была махонькой, половину занимал стол с остатками вчерашней трапезы.

— У меня тут ребята были, — сказал Аркадий. — Друзья, понимаешь? А потом, когда убираться?

— Ты Гарик или Алик? — спросила женщина. Она была пьяной. Словно не спала ночью, она хранила в себе выпивку, а Аркадий спал, вот и получился мрачным, сонным, но трезвым.

— Погоди, Ритка, — сказал Аркадий. — И без тебя тошно.

— Со мной тошнее? Недоволен? Да я с тобой время грочу, потому что в этой дыре никого лучше не найдешь. Аркадий только отмахнулся.

— Ты подожди на кухне, — сказал он, — я оденусь.

— А ты меня познакомишь? — спросила Рита, которая ушла в комнату за кузеном. Оттуда мне все было слышно.

— Брат мой, — сказал Аркадий. — Двоюродный.

— А почему раньше не говорил?

— А чего тебе отчитываться?

— А он далеко был?

— Слушай, Ритка, заткнись, хоть джинсы натяни, далеко он был, далеко, понимаешь?

— Так бы и говорил.

Я стоял на кухне, бутылка была не допита и не закуорена. Значит, они сильно были пьяные, когда пошли

спать. Русский человек пробку всегда завернет, чтобы не выдыхалось.

Голоса из комнаты стали невнятными, они там заговорили вполголоса, не хотели, чтобы я слышал. Я подошел к окну. Пространство между домами было вытоптано, деревья какие-то недокормленные — а странно, ведь край здесь лесной. Цепочкой пробежали бродячие собаки. В доме напротив открылось окно — на кухне возилась хозяйка. В ванной шумела вода.

— Теперь познакомимся,— сказала Рита за моей спиной.

Я обернулся. Она была в свитере и джинсах. Волосы были убраны назад, но выбивались и падали волнистыми прядями на щеки. По белой коже были рассеяны веснушки, они густели к переносице. Вообще-то лицо у нее было веселое, нормальное, приятное лицо.

— Я блудный брат,— сказал я.— Зовут Юрием, иногда Гариком.

— А я вас буду звать Гошей,— сказала Рита.

— Как хотите. Только мне это имя не нравится.

— Почему?

— Получается толстый мальчик в очках и говорит писклявым голосом.

— Жалко,— сказала Рита.— У меня парень был, давно еще, в юности, он в баскет играл. Гоша Арзуманян.

— Я не возражаю,— повторил я.

— Ну я пошла,— сказала Рита.— Мне на работу пора. Вы сами за собой ухаживайте.

— Что-то рано у вас работа начинается,— сказал я.

— Какая есть.

Она сняла с вешалки куртку из искусственной кожи. Накинула ее и ушла, больше не сказав ни слова.

Она как раз вышла из подъезда и обернулась. Увидела меня в окне и подняла руку, прощаясь.

Из ванной вышел Аркадий. Он был аккуратно причесан, побрит, в чистой рубашке. С отвращением поглядел на стол. Говоря со мной, он принялся убирать посуду со стола и складывать в мойку, а бутылки, консервные банки, пустые баллоны из-под пепси кидал в ведро.

— Чего им надо? — спросил Аркадий.— Мне сказали — придет человек. Братишка. Но больше ни слова — конспираторы.

— Я хочу пожить у вас немного.

— Где здесь жить? Они что, забыли, что у нас одна комната?

— Я ваш двоюродный брат,— сказал я.

— Знаю, мне сообщили. Когда мать дома, я на раскладушке сплю.

— Тогда давайте подумаем,— сказал я,— как нам лучше поступить. Ведь если я стану устраиваться в гостиницу, об этом все узнают. Это странно — приехал к брату, живет в гостинице.

— Да, неестественно.

— Я не хочу, чтобы все сорвалось из-за пустяка. И может быть, будем привыкать обращаться друг к другу на «ты»? А то еще глупее будет.

— Хорошо, значит, ты — Гарик?

— Да, Гарик, сын тети Зины.

— Хорошо, что мои в деревне.

— Иначе дядя Миша придумал бы другую версию,— предположил я.

— А ты надолго?

— По расчетам дядя Миши — на две недели.

— Я с Риткой поговорю,— сказал Аркадий.— Может, я у нее эти дни поживу. Перекантуюсь как-нибудь.

— Как знаешь. Мне нужно только, чтобы мой приезд и моя встреча с тобой ни у кого, ни у одной живой души, не вызвали подозрений.

— А кого опасаясь?

— Не знаю — значит, всех.

— А что я о тебе знаю?

На столе было чисто, Аркадий вытер пластик мокрой тряпкой, поставил чайник, вымытые чашки, достал с полки завернутый в пластиковый мешок батон и порезал его на тарелку.

— Ты голодный? — спросил он, не дав мне ответить на предыдущий вопрос.

— Спасибо, не голодный.

— Сейчас скажешь, что в поезде тебе завтрак давали.

— Я из дома взял,— соврал я.

Аркадий открыл масленку, порезал колбасы.

— Ладно, рассказывай теперь, что я о тебе должен знать.

А то получается, как в шпионском романе. Ты обо мне знаешь все, а я — ничего.

— Меньше будешь знать, меньше проболтаешься,— не тактично ответил я.

— Так дело не пойдет,— сказал Аркадий. Он ждал, что отступлю, иначе получалось как-то не по-людски.

Лицо у него было нерусское, большой хрящеватый, туго обтянутый кожей нос, острые скулы, глаза в глубоких впадинах, под черными бровями. Такое лицо обычнее встретить где-то в Испании. Недоброе лицо, но красивое.

— Я вкратце расскажу? — спросил я.

— Только вкратце. А то я из-за тебя не выспался.— Все ему было неладно.

Я рассказал о том, как было уговорено с дядей Мишей. Здесь слово «полковник» забылось — осталось «дядя».

— Мне нужно будет познакомиться с ребятами, которые служили в Чечне. Афганцы тоже подойдут, но они для меня староваты. У вас есть отделение «Союза ветеранов — XX век»?

— Я от этого далек,— сказал он.— Я не служил.

— Ты не слыхал — среди твоих знакомых никто в Абхазии не бывал?

— Ты имеешь в виду отдых или что?

— Нет, войну.

— А чего там делать?

— Некоторые воевали. Как наемники.

— Дурачье везде найдется.

— Значит, не знаешь?

— У нас один парень на фабрике в Приднестровье воевал. Только за кого — не знаю. Он себя казаком называет.

— Вот он мне и нужен. Познакомишь?

— Не пойдет. Он меня на дух не выносит. Я про этих воителей ему как-то сказал, что думал.

— И что?

— Хотели меня наказать. Но, к счастью, за мной ребята из моего цеха шли. Вот и сбежали твои казачки.

— Это не мои казачки.

— Так что же ты с ними в Абхазии делал?

Он налил мне чаю и подвинул по клеенке бутерброд.

— Давай договоримся,— сказал я миролюбиво.— У тебя какое отношение к дяде Мише? Ты ему доверяешь?

— Я ему обязан,— ответил Аркадий, не глядя на меня.

— Я спросил — доверяешь?

— У меня нет другого выхода,— сказал Аркадий.— Я ему обязан.

— Допустим, что все же доверяешь. И тогда постарайся доверять мне. Где я был, где я не был — не твое дело. Но если я был, то выполнял задание. И здесь тоже выполняю задание. Я думаю, что мы с тобой по одну сторону баррикады, если тебе это что-нибудь говорит.

— Значит, тебе надо внедриться к ветеранам?

— Значит, так.

— Только этот казачок из Приднестровья как узнает, что ты мой двоюродный, тебя сильно не полюбит.

— Это мои проблемы. Ты мне только его покажи... И подумай, пожалуйста, может быть, есть кто-то еще. Ну чтобы не был к тебе враждебен. Просто ветеран. Должны же здесь быть ребята, которые служили в горячих точках.

— Пойди в военкомат.

Нет, расположения родственника я так и не добился.

Он долил себе кипятку в чашку и сказал задумчиво:

— А вы там, в Москве, меня разрабатывали. Как Кальтенбруннера.

— Не гордись. Просто дядя Миша не хотел завалить тебя, меня и все наше дело.

— Я в вашем деле не участвую.

— Ни в коем случае. Ты мне только помогаешь.

Аркадий стал собирать со стола.

— Мы так и не решили,— сказал я,— где я буду жить.

— Ладно, поживешь у меня. Куда тебе деваться? В Дом колхозника, что ли?

— А он есть?

— Его нету. Там дискотека. Смешно?

— А как я буду спать?

— Я раскладушку у соседей возьму.

— А Рита?

— А я к ней сам схожу,— ответил Аркадий. Ему бы тут улыбнуться, но он был совершенно серьезен.

Было уже около восьми, Аркадий стал собираться на службу.

— Ты, конечно, можешь дома посидеть, но, если пойдешь куда, оставь ключ под половиком на лестнице.

— Не боишься?

— У меня брать нечего,— сказал Аркадий.

Когда он ушел, я не спеша осмотрел квартиру. Я не обыскивал ее, не мое это дело, хотя дядя Миша осторожно сказал: «При первой возможности осмотрись — мы Аркадия давно не трогали, мало ли что могло измениться. Погляди, какие он письма получает, какие сувениры хранит и так далее...»

Я сказал тогда, что к этому не готов. Пускай они посылают еще одного человека. Специалиста.

— Некогда,— всерьез ответил дядя Миша,— хотя следовало бы. Ну ладно, надеюсь, тебя не покоробит моя просьба: поглядеть, какие он выписывает газеты и какие читает книжки. Не покоробит?

— Нет, не покоробит. Если увижу портрет президента, значит, наш человек, если значок с Анпиловым, то возвращаюсь в Москву?

— Будешь действовать по обстановке. Для нас Аркадий — как оболочка для куколки — под ней не видно, какие у тебя красивые крылья.

Нет, пожалуй, у дяди Миши было определенное чувство юмора.

Так что я послушался полковника.

Я прошел в комнату — там была широкая тахта, наскоро прибранная,— видно, Рита спешила, стол под цветной скатертью, шкаф, две полки с книгами. В самом деле Аркадий жил скудно.

Газет он не получал. Вернее, я нашел номер местной, городской газеты, но есть ли у нее политическое лицо, мне в Москве забыли сказать.

Значков тоже не было, а вместо портрета президента на стене висел коврик — такие, наверное, из Турции привезли — с двумя оленями на фоне леса. Один смотрел на тебя, другой перед собой, поджидая опасность.

Я собрался в город. Закрыл дверь, положил ключ под коврик. Когда я занимался этим, открылась соседняя дверь, и мне выглянула худая женщина лет пятидесяти и вопрошительно поглядела на меня. Надо было оправдываться.

— Здравствуйте,— сказал я.— Меня Юрием зовут. Я двоюродный брат Аркадия, в гости приехал. Так что вы не волнуйтесь.

Я включил все свое обаяние. На ее лице, для улыбки не приспособленной, возникло ее подобие.

— Очень приятно,— сказала она.— Меня Дашей зовут. Если что надо, соль или масло — вы ко мне заходите, не стесняйтесь. Мы с мамой живем, она у меня пожилая. А ты Аркадий-то у вас небогатый.

— Правда, я заметил,— согласился я с женщиной.— А он что, пьет разве?

Я старался быть таким же обаятельным, доверчивым и вызывающим доверие.

— Да зарплату им уже полгода не платят,— сказала Даша.— А он не очень энергичный. Другие у нас с этой фабрики давно уж ушли — кто в бизнес, а кто уехал. А Аркадий, он, знаете, какой-то вялый. Пьет он, конечно, ну кто не пьет? Но в общем не особенно. Просто нет денег.

— А как Рита? — спросил я, чувствуя, что мы с Дашей уже подружки и она от меня ничего не скроет.

— Рита? Шалава. В худшем смысле слова,— сказала Даша.— И про людей плохо не говорю, но лучше бы Аркаше забыть про нее. У нее же муж есть.

— А он...

Я дал возможность ей развить начало фразы.

— Он-то, конечно, алкаш проклятый, но все равно это хорошо не кончится. Она, говорят, с милиционером жила и с Порейкой.

Тут я насторожился. Фамилия редкая. А я знал, что это глава «XX века».

— А он, Порейко, не возражает?

— Ты смешной, Юрик,— сказала Даша.— Он ее боится. Он только на митингах выступать умеет, а так она его пришибет — ведь моральных устоев никаких, вы меня понимаете? У нее знакомства — вся торговля. Там бандит на бандите ездит, бандитом погоняет.

— Извините,— я улыбнулся самой трогательной из набора моих улыбок.— А она какое отношение имеет к торговле?

— Торгует,— ответила Даша с отвращением. Она осталась советским человеком.— В Турцию ездит, кожу возит. Докатилась.

Это было хуже распутства.

Конечно, я мог пойти прямо к Порейке или даже в комнатку, которую Союз снимал в горисполкоме, но не хотелось спешить — мне надо было сделать так, чтобы меня туда привели свои люди, местные ветераны.

Я вышел на улицу. Было уже позднее утро. Можно было подъехать до центра на автобусе, он как раз остановился возле наших домов, но народ лез в автобус с таким отчаянием, словно это был последний дилижанс на Клондаик.

Городок оказался оживленным и бестолковым, так как улицы тянулись по склонам, прорезанным ручьями, порой у улицы была всего одна сторона, вторая круто обрывалась к воде.

На площади, куда я добрался минут через десять, я увидел киоск с газетами и журналами. Купил местную, районную «Вперед!», основанную в 1926 году и даже украшенную орденом «Знак Почета». В ней мирно уживалась таблица с данными по косовице в колхозах района и объявления вполне столичного характера, включая сообщения о гигиенических прокладках.

— А центральную прессу получаете? — спросил я у толстой грустной женщины армянского вида, которая заполняла собой все свободное пространство внутри киоска, так что ей трудно было поворачиваться.

— Центральная пресса на пятый день прибывает,— пропела женщина с гортанным кавказским акцентом.

Потом я пошел к продуктовым ларькам. Они стояли в ряд, все голубые и одинаковой формы,— видно, в городе были приняты соответствующие решения по эстетике.

Риту я там не встретил, хотя заглядывал в маленькие нишечки, и в последнем не выдержал, спросил:

— Рита не заходила?

Маленький человек в пенсне — это было удивительно, может быть, свежая мода? — высунулся наружу:

— Какую такую Риту?

Он сразу понял, что я — чужой.

— Рыжую, — сказал я.

— А зачем она вам?

— По делу.

— Не знаю никакой Риты.

И спрятался, как белка в дупле.

Придется идти в пивную. Пора показывать себя городку.

Спросить о пивной было некого — ведь еще неизвестно, где кто здесь собирается.

Но тут я увидел кафе «Синий ветер». Кафе занимало первый этаж каменного двухэтажного дома неподалеку от рынка. Кафе было знакомо — по фильму. Я, помню, обратил внимание, что здесь работает хорошенькая официантка. Агент запечатлел ее крупным планом.

Кафе оказалось столовой, переделанной под заведение более высокого класса. На стенах висели картины местного пейзажиста, столики были покрыты черным пластиком, стулья тоже выписали откуда-то издалека. Добавилась и полукруглая стойка — и уже совсем экзотично рядом с Гостиным двором выглядели иностранные бутылки за спиной бармена, читавшего дамский роман, — я даже прочел название — «Страсть без конца».

За одним из столиков сидел какой-то местный чиновник, умеренно одетый и умеренно сытый. Я спросил:

— У вас самообслуживание?

— Сейчас подойдет, — ответил бармен, не поднимая головы. И крикнул: — Александра, клиент пришел!

— Иду, — откликнулась откуда-то Александра и тут же появилась из-за занавески, заменявшей дверь на кухню. Она сразу увидела меня и подошла, вытаскивая из кармашка передника блокнотик.

Наш оператор не польстил ей — Одри Хёпбёрн меховского края замерла надо мной с изяществом горной серны (в жизни не приходилось видеть горную серну!).

— Что будем заказывать? — спросила она добродушно, с легкой улыбкой девушки из хорошей детской. Я сразу понял, кто она такая: дочь английского посла, которая проходит летнюю практику в русском кафе, готовя диссертацию по психологии русского мещанина.

— А что у нас есть, Александра? — спросил я. — Только честно!

Взгляд ее, до того блуждавший где-то чуть выше моего затылка, тут же упал на мое лицо, в озерных глазах отразилось любопытство русалки.

— Я вас не знаю, — сказала она твердо.

Бармен отложил книжку и тоже стал смотреть на меня, словно я нарушил правила поведения и достоин того, чтобы меня вышибли из порядочного заведения.

— Я вас тоже в первый раз вижу, — сказал я. — Честное слово. Но очень рад.

— И я вас.

— Бармен вас назвал. Только что. Мне ничего не оставалось, как подслушать.

Загадка разрешилась буднично, и глаза ее стали обыкновенными и равнодушными.

Сам по себе я для нее интереса не представлял, что, разумеется, задело меня за живое, и я задумался: кто бы мог понравиться такой девушке? Ален Делон или Депардьё? Скорей, первый.

— Александра, — сказал я официантке, превращаясь для нее, и только для нее, в Алена Делона средних лет. И попросил, пытаюсь внести смятение в ее неокрепшую душу: — Можно сделать яичницу с ветчиной из шести яиц?

Нет, я не угадал. Она и в грош не ставила Алена Делона.

— Нет ветчины, — сказала Александра и добавила: — А из шести яиц яичницу не делают.

Депардьё, сказал я себе мысленно, вот кто меня спасет! И тут же подбородок Алена стал увеличиваться, и лицо приобрело характерный для Депардьё грубый вид.

— Тогда с беконом, — сказал я, чуть играя голосом.

— Ну не привезли еще,— ответила Александра, глядя поверх прекрасной головы несчастного актера.

Ну кто же, кто же ее кумир? Как жаль, что я плохо знаю американцев. Может, попробовать Николсона? Но у Николсона отрицательное обаяние, ему только бы чертей и оборотней играть.

Размышляя так, я непроизвольно превратился в Николсона и понял, что Александра смотрит на меня с любопытством.

Я понадеялся, что она уже забыла о моих прежних отличиях. Мои жертвы обычно забывали о них мгновенно.

Девушка гладела на меня так, как я хотел бы, чтобы она гладела на меня. То есть на Гарика Гагарина, а не на проклятого Николсона.

— А если с сосисками? — спросила она.— У нас сосиски хорошие, местные.

— Отлично,— сказал я.— А вы сами-то завтракали?

— А я сама не завтракаю вообще,— с готовностью сообщила официантка.— Я фигуру берегу. Потерять легко, а потом ищи как ветра в поле.

— Разумно,— согласился я,— очень разумно.

Хотя мог бы поклясться, что еще лет двадцать ей придется оставаться горной серной. А может быть, на всю жизнь.

— Значит, две яичницы, сосиски... Гарнир будет?

— Ну разумеется... а вы где так научились по-русски говорить?

— Вы имеете в виду Николсона? — спросил я.

Она кивнула, уже готовая к горькому разочарованию.

— Я прошу вас, умоляю,— прошептал я,— никто не должен знать, что я родом из этих мест. Меня мать в сорок первом отсюда вывезла, на Украину, спасала. Вот я и попал в руки гестапо. Она вырастила меня в приюте, и еще мальчиком меня выкрали агенты ЦРУ...

Я говорил тихо, быстро, настойчиво. Ни черта она не запомнит, кроме памяти о том, что я несчастен с детства и меня желательно согреть и спасти.

— Тогда яичницу, сосиски, два апельсиновых сока и два кофе — быстро! — приказал я, завершая монолог.

Бармен снова взял книжку, но читал еле-еле, ему хотелось подслушать, о чем мы так воодушевленно, но негромко говорим. Но не услышал.

Я надеялся, что не нарушил каких-нибудь местных табу. Ведь, допустим, в Москве вряд ли можно было пригласить за стол официантку... но мне нужно было, чтобы она побыла со мной, запомнила меня (конечно же не Николсона) и, может быть, рассказала обо мне своим друзьям. У официантки в провинциальном кафе весь городок должен быть в знакомых.

Но все получилось не так, как я рассчитывал, лицедействуя перед принцессой официанток. В тот момент, когда она выплыла с тяжелым подносом из кухни и стала расставлять на столе тарелки и чашки, в кафе стало чуть темнее, я сразу поглядел вправо — тень падала от окна. Там, уперев в стекло рожу, стоял коротко стриженный амбал, бык, качок, — черт знает, как их еще называют. Плечи его легли как раз по ширине окна.

Александра тоже заметила наблюдателя и мгновенно вышла из транса. Так гипнотизер может потерять клиента в одно мгновение, если в зале раздастся неожиданный свист.

Бац — поднос, который она держала на весу, шлепнулся о стол, плеснул на черный пластик оранжевый сок из высоких стаканов, я еле успел подхватить кофейник, решивший было прыгнуть на пол.

— Простите, — сказала Александра, глядя на окно.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Ничего, — сказала Александра. — Совсем ничего.

Качок всем телом отодвинулся от окна, словно был широкой доской, поставленной на попа.

Он исчез из моего поля зрения.

— Яичница скоро будет, — сказала Александра.

— А вы?

Качок уже был в кафе, он направился к нашему столу. Бармен увлеченно уткнулся в книгу.

Нет, это был не Порейко — его я знал по фильму и фотографиям. Это действующее лицо мне было незнакомо.

— Санька, — сказал качок, и мне показалось, что он пьян, — ты чего перед ним рассыпаешься? Я разве не вижу?

Кирилл,— Александра инстинктивно закрылась подножом, прижав его к переднику как щит,— Кирилл, ты бы отстал от меня.

Кирилл хотел боя, Кирилл был недоволен, и я показался ему замечательной добычей.

Он наступал на Александру и оказался рядом со мной. Но пока он ограничивался упрёками, я не вмешивался и стоял, опустив руки.

Такие вещи в незнакомых вертепах недопустимы.

Он мгновенно развернулся и врезал мне в плечо — целил в челюсть, и тогда я бы наверняка попал в нокаут, но он не рассчитал, забыв, что я выше его, хоть он, конечно, шире меня в плечах.

Я должен честно признаться, что, в отличие от героев быжников, никогда не обучался у-шу, у-ку-шу или переку-шу, каратистов видел только на экране, а боксерской секции в детдоме не было. Но мне свойственно некоторое тщеславие. Люблю быть первым. Вернее, любил, пока не поумнел. А для этого в детдоме надо драться куда отчаяннее, чем на любой улице. Там сама жизнь ценилась ниже, чем у домашних людей. К шестнадцати, когда я на год раньше срока покидал детдом, я был независим. И не потому, что стремился к особому положению среди прочих, и потому, что люблю одиночество и не выношу, если меня трогают руками.

— Кирилл! — закричала Александра и замахнулась на него подносом.

Этот крик прошел сквозь меня, как сквозь кисель, потому что в тот момент я еще совершал странное волчковое движение. Я чудом удержался на ногах, правда, притом опрокинул соседний столик и разбил вазочку с полевыми цветами, поставленную на него Александрой.

Я не рассердился. В конце концов, я на чужой территории. Но если я разрешу себя бить, мне лучше сегодня же сматываться из Меховска.

Поэтому я позволил себе (говорю о том с сожалением) кинуться на глупого тяжелого амбала и нанести ему несколько болезненных и неожиданных ударов по ухмыляющейся физиономии. Конечно же этот дурак был непово-

ротлив, и, даже если бы он оказался втрое сильнее меня, все равно в драке со мной он был обречен.

Когда он поднялся с пола, то принялся грязно ругаться и, естественно, полез за ножиком.

Тут очнулся бармен и стал кричать на Александру:

— Уходи, не видишь, что ли!

Непонятно было, что такого она могла увидеть. Ведь с грязными выражениями она, несмотря на свою хрупкую красоту, была отлично знакома.

Кирилл изображал, и довольно удачно, гориллу, идущую на случку, но его ножик опасности не представлял. Для того чтобы Кирилл обрел опасность для настоящих соперников, ему надо дать в лапы «калашникова», но, к счастью, «калашникова» ему не дали. В Меховске он, видно, пугал соперников видом мускулатуры.

Я отобрал у него ножик, и мне, чтобы получить передышку, пришлось, завернув ему за спину лапу и делая больно, вывести Кирилла из кафе и наподдать ему в зад так, чтобы он побежал, согнувшись вперед, стараясь удержать равновесие, но не удержал и кончил свой бег нырком по асфальту.

Тогда я возвратился в кафе.

Бармена не было.

Александра вела себя безукоризненно. Она перенесла мой завтрак на соседний, чистый столик. Была она притом печальна, лет сто назад я сказал бы, что она охвачена скорбью.

— Это ваш друг? — спросил я, стараясь вести себя солидно и естественно, хотя сердце колотилось и дыхание срывалось — давно мне не приходилось драться.

— Это мой враг, — ответила в тон Александра. — Но он очень опасный парень.

— Почему? Ведь он ушел?

— Он бандит, — сказала Александра.

— Настоящий?

— Они все ларьки держат, и здесь, и на базаре.

Говоря, она поглядывала в окно. Но я сидел к окну боком и изо всех сил боролся с искушением посмотреть, что делается на площади.

— Он и ваше кафе... охраняет?

— Нет. Только он на мне жениться хочет. Смешно, правда?

— Смешно, — согласился я.

— А вы откуда? — спросила она, все поглядывая на окно.

— Я к тетке приехал, только ее сейчас нет.

— А зачем вы приехали?

— Хочу отдохнуть, может, устроюсь на фабрику. Я — шофер и механик. Я в армии шофером служил.

— Чего же вы — один живете?

— Нет, — сказал я. — Тут мой брат двоюродный живет. И у него пока остановился.

— Брат?

— Аркадий, — сказал я, доверчиво улыбаясь. — Может, вы знаете? Аркадий Полухин.

— А вы меня не разыгрываете? — спросила она с неожиданной для постороннего подозрительностью.

— А зачем мне вас разыгрывать?

Она не успела ответить.

— Бегите! — приказала она.

Тут уж я услышал такую тревогу в ее голосе, что невольно посмотрел в сторону окна.

Они шли вчетвером. Как ходят пешие ковбои, чтобы навести порядок в салуне. Меня ждала веревка, если шериф не успеет прискакать на вороном коне.

Александра потянула меня к двери на кухню.

Я подчинился. Я приехал сюда знакомиться с людьми и дружить по мере сил с местным населением. Но не лишиться рук и ног...

Мы пробежали в заднюю дверь.

И тут же я услышал, как народные мстители вошли в пивничек кафе. Нет, не вошли — вломились, врезались, рухнули.

Как назло в полутьме у заднего хода я свалил какую-то бочку, бандиты услышали шум и затопотали следом.

Мы оказались во дворе, с левой стороны был открытый сарай, справа — распахнутые в высоком деревянном заборе ворота, около них поленница, по краям и углам двора росла трава.

— Прячься в сарай! — приказала Александра.

— А вы?

— Прячься, говорю, меня они не тронут. Я позову Диму.

— Не хочу в сарае прятаться, как в норе.

Последнее рассуждение было лишним, — пока я произносил эту фразу, преследователи вывалились во двор. Александра, добежавшая уже до ворот, остановилась, потому что я оказался в положении неприятном — до сарая добежать не успевал. Впрочем, если я бегаю быстрее... Но бежать мне не хотелось. Я готов был даже получить пару синяков, но завоевать краешек сердца Александры.

Они ворвались во двор разгоряченные, полные справедливого гнева и желания стаи волков расправиться с наглым кроликом.

Нервы мои не выдержали, и я кинулся следом за Александрой.

Они настигли меня у самых ворот, кто-то толкнул в спину, я полетел вперед, покатился по траве, стараясь сохранить власть над собственными членами и, даже падая, ускользнуть от ударов.

Это мне удалось, я почти успел подняться на ноги спиной к забору, но все же крайний из них врезался в меня, припечатав к доскам так, что у меня вылетел весь воздух из легких. Похоже, что я переоценил свои силы...

Я отмахивался достаточно быстро и, как мне казалось, эффективно, но мне все же попали в скулу и чуть не оторвали голову.

Совсем близко визжала женщина — это была Александра, — я потом уж понял, когда в голове прояснилось. Она колотила их кулачками по спинам, даже ногами дралась, но молодцы были заняты тем, как бы им получше свалить меня себе под ноги, а я из последних сил отбивался, чтобы не упасть — иначе они переломали бы мне все ребра.

Краем глаза я увидел, как один из бандитов, осерчев, развернулся и врезал по щеке Александре, так что она упала в пыль.

И именно в этот момент во двор следом за барменом, который, оказывается, совсем не зря покидал свой пост, вбежал Дима Порейко в камуфляже и с газовым пистолетом в руке.

Лучше бы у него был простой пистолет, ну пристрелил бы кого из бандитов — одним меньше, остальные бы остались живы. Но Порейко не придумал ничего лучше, как выпустить всю обойму в нашу сторону. Так что пострадали все — и нападающие и жертва. И даже Александра, которая лежала на земле.

С другой стороны, враги были достаточно деморализованы и сразу отступили, обливаясь слезами, кашляя и зажимаясь, а Одноглазый Джо, верный адъютант Порейки, в поношенном мундире с погонами без звездочек, как он был атаманом Меховского казачьего войска, погнал их нагайкой и дикими воплями. Бармен помогал ему, а Порейко разрывался между желанием красиво спасти свою возлюбленную и отомстить негодьям.

Я его сразу узнал. И стало не так обидно, что меня помяли и покалечили. Мне не понадобится помощь Аркадии, я сам познакомлюсь с нужным человеком.

Опираясь рукой о забор, я пошел к большой бочке с водой, что стояла у заднего входа в кафе. Неверными руками стал плескать себе на лицо холодную дождевую стоялую воду. На виске кожа была сорвана и сочилась кровь. На виске не страшно, а вот глаз будет резко выделяться на черном фоне — тут мне заехали удачно.

Охладив физиономию, я поплелся в кафе — мне не хотелось, чтобы обо мне забыли.

Александра сидела на табуретке у плиты. Она прижимала мокрый платок к щеке.

— Привет,— сказала она.— Еще живой?

— Немного живой,— сказал я. И обернулся к Порейке, который вынул расческу и стал укладывать длинные редкие черные волосы поперек ранней лысины.

Смотрел он как-то сквозь меня.

— Спасибо,— сказал я.— Вы, коллега, подоспели вовремя.

— Я не к тебе подоспел,— сообщил Порейко.

Он был среднего роста, но фигура его была устроена неудачно, она была узкой в плечах и расширялась к земле, словно он был облачен в юбку восемнадцатого века. Жен-

ственность не уменьшалась от камуфляжа, который на нем выглядел вовсе не воинственно.

— Ты скажи ему спасибо,— произнесла Александра и скривилась от боли — говорить ей было трудно, и в прекрасных глазах английской кинозвезды стояла глубокая влага.— Ведь этот Кирилл совсем с ума сошел. Полез ко мне приставать прямо в кафе.

Александра чуть лукавила, но я понял, что ей хочется представить виноватым во всем Кирилла и о нашем сомнительном со стороны знакомстве она рассказывать Порейке не будет.

— А Гарик, то есть Георгий, его хотел остановить. Правда, Гоша?

Гошей оказался бармен. Он с готовностью подтвердил слова Александры.

— А почему Гарик? — спросил Порейко.— Это что за фамильярности?

На вид ему было лет под сорок, лицо было бледным, нездоровым, изгрызенным ямами от юношеских фурункулов.

— А Гарик — Аркаши Полухина двоюродный брат. Он здесь уже был, лет десять назад.

— Двадцать,— поправил я Александру. Мы с ней как будто разыгрывали спектакль.

— Ясно.— Порейко принял объяснение, посмотрел на Александру и спросил: — Может, до поликлиники дойдешь?

— Еще чего не хватало! — ответила Александра.— У меня здесь пластырь есть.

Она выдвинула ящик хозяйственного стола и достала пластырь — на щеке была основательная ссадина.

— Сходите в поликлинику,— сказал я,— а то инфекция может попасть. Раздует еще.

— Джо,— приказал Порейко,— отведешь Александру в поликлинику к дежурной сестре.

— Знаю,— сказал Джо.

Из-под фуражки у него торчал чуб странного, почти оранжевого цвета, как будто надевался вместе с фуражкой,

ник на детском карнавале. Черная повязка и черная шеверюра над ушами подчеркивали опереточность этого типа.

— Пошли,— приказал Джо. И спросил у Порейки: — Может, пистолет дашь?

— Я всю обойму расстрелял,— признался Порейко.— Если что — зови ребят. Но я думаю, они не посмеют. Нет, не посмеют. Мы тогда их взорвем к чертовой бабушке.

Когда Александра в сопровождении Одноглазого Джо покинула кафе, Порейко сказал Гоше:

— Быстро накрой нам — бутылец, бутербродов с рыбкой и мое любимое.

Его любимое оказалось крабовыми палочками. У каждого свои склонности.

Порейко разлил по рюмкам из мгновенно появившейся перед нами бутылки.

— С приездом,— сказал он.

Глаза у него были светло-карие, почти зеленые, кошачьи, злые.

— Спасибо,— сказал я.— Со знакомством.

Он внимательно смотрел, как я пью. Я пил не спеша, без жадности.

Порейко удовлетворенно кивнул и залпом кинул в рот содержимое своей рюмки.

— И чем же ты им не понравился? — спросил Порейко.

— Могу предположить,— ответил я.— Один из них по имени Кирилл увидел, как я разговариваю с Александрой, и решил меня наказать.

— А как же ты разговаривал?

— Обыкновенно. Мне интересно было на Александру поглядеть. Она красивая.

— А ты, парень, наглец!

— Посмотреть никому не запретишь.

Порейко достал гребешок и снова принялся раскладывать черные волосы поперек лысины. Видно, это было его любимым занятием.

— И что же ты сказал Кирюше? — спросил Порейко.

— Я его не трогал. Не лез. Но не люблю, когда руки распускают.

— А Александра сказала тебе, что у него черный пояс по каратэ? — спросил Порейко.

— Она ничего сказать не успела. Я его раньше выкинул.

— Не похоже.

— Спросите у бармена.

— Спрошу. И у Александры спрошу.

Любопытно, подумал я. Бывают люди, которых до старости зовут Сашками, а Александру называют Адександрой. Значит, в ней что-то есть...

— А ты хоть знаешь, кто такой Кирилл? — спросил Порейко, пряча расческу в карман.

— Теперь знаю, — сказал я. — Ваш местный бандит.

— Шантрапа, — заметил Порейко. — Но они не в законе, они отмороженные. Тебе это что-нибудь говорит?

— Говорит. Старших не уважают.

— Их приходится наказывать, — сказал Порейко и вздохнул, как палач, уставший от этих висельников. — Еще по одной?

— Как скажете.

Я никак не мог найти с ним правильный тон. То в ответ на его «тыканье» я тоже обращался к нему на «ты», то вспоминал о том, что он лет на пятнадцать старше меня, и становился вежливым.

— А ты вообще-то употребляешь?

— Когда надо, могу пить.

— А сейчас надо?

— Я хотел бы здесь осесть на время. Может, на работу устроюсь. Мне с вами ссориться не хотелось бы.

— Почему?

— Потому что вы авторитетный человек.

— Это тебе Аркашка сказал?

— С Аркадием мы о вас не говорили. Мы вообще мало с ним говорили. Я на утреннем поезде приехал, а потом он на службу ушел.

— Значит, ты полседьмого пришел?

— Примерно.

Порейко, довольный, засмеялся. Он шурился и мотал головой, тщательно уложенные пряди рассыпались, упали на нос.

— Ох, Ритка тебе и задала! — заявил он утвердительно. Я ничего не ответил. Маленький городок, все спальни под рентгеном...

— И куда же ты работать намылился? — спросил Порейко. Он снова достал расческу, чтобы привести волосы в порядок.

— Я в армии механиком-водителем был.

— Генерала возил? — Порейко улыбнулся, улыбался он некрасиво, недобро.

— Разных людей приходилось возить, — сказал я. — И разные машины осваивал.

— Может, и БМП?

— Может быть.

— И танк?

— Может быть.

Я надеялся, что танка у них здесь нет и они не смогут меня проверить. Шофер я хороший, в двигателях разбираюсь, но танк водить не приходилось. Хотя, впрочем, это тот же трактор.

— А точнее? — спросил Порейко.

— Надо будет, расскажу и точнее.

— Вот сейчас и надо, — приказал Порейко.

— Не понял! — Я хотел, чтобы мой голос прозвучал агрессивно, но не слишком.

— Ладно, — сказал Порейко. — Пошли ко мне.

— Куда?

— Слушай, парень, — рассердился Порейко. — Мы здесь люди солидные. Хотим тебе помочь. Не пойдешь — придут.

— Меня пугать не надо, — сказал я.

Порейко поднялся.

Бутылка водки осталась на две трети полной. Порейко жалостью поглядел на нее, и мне вдруг подумалось, что сейчас он ее сунет в карман и унесет. Но если он и хотел так поступить, то сообразил, что при мне так делать не стоит. Он громко сказал бармену:

— Посуду заberi, чтобы не пропала.

Бармен, который наливал пиво из крана двум девицам багровыми рожками бомжей, кивнул.

— Пошли.— Порейко, не оглядываясь, пошел к выходу. Я последовал после секундной паузы. Все пока шло по моему плану, однако мне надо было показать некоторое сопротивление, чтобы Порейко убедился в том, что я подчиняюсь ему принудительно.

Мы вышли на улицу не рядом, а последовательно — я шел в двух шагах сзади.

Улица была пустынной, лишь возле ларьков бродили женщины, а у одного из них разгружали «газель».

Навстречу нам шел Одноглазый Джо.

— Ну что? — спросил у него Порейко.

— Жить будет, — ответил Джо и расхохотался. Он любил громко смеяться. Я видел его «дело» у полковника Миши. «Дело» умещалось на листке компьютерной распечатки, но от этого его биография не становилась проще. У него было две судимости за хулиганство, он проходил совсем близко от посадки в деле о групповом изнасиловании — неприятный тип.

— Ты проще, Джо, — мягко сказал Порейко, но это тоже звучало как приказ.

— Смазали и пластырь наложили. Но она сказала, что голова болит, и ее домой отправили. Сказали, чтобы полежала, потому что есть опасность сотрясения мозга.

И тут уж Джо нельзя было остановить.

— Ты чего? — прервал его смех Порейко. — Что тебя, идиота, веселит?

— Мозги, — признался Джо. — У нее мозги!

— Куда больше, чем у тебя, — сказал Порейко. — Понял?

— Так точно, — сказал Джо, не обидевшись. — Вы к себе идете?

— Вот веду юношу в офис, — сказал Порейко. — Побалакаем.

— Юношу! — И Джо поплелся за нами, взывая от приступов смеха.

Идти было недалеко. Мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж. Дверь в ближайшую комнату была приоткрыта. Из-за нее доносился стук пишущей машинки.

— Заходи, — сказал Порейко.

Одноглазый Джо толкнул меня в спину, но я промолчал. И должен быть хитрым, как змей, и осторожным, как пугливая лань.

Это была большая комната в два окна. В ней помещались шкаф и два письменных стола. На стене висело красное знамя, рядом с ним портрет императора Николая II, который отвернулся от знамени, видно возмущенный таким соседством.

Кроме того, к стенам были приклеены какие-то листовки, плакатики, записки, карикатура на Гайдара и большой плакат из военного кабинета, на котором был показан в общем виде и в разрезе автомат Калашникова и объяснялось, как его разбирать и смазывать.

За одним из столов сидел молодой человек при усиках и в черной кожаной куртке.

Ну как? — спросил Порейко. — Кончаешь?

— Скоро кончу, Дмитрий Трофимович, — ответил молодой человек.

Порейко обогнул второй стол, что стоял как раз между портретом и знаменем, и уселся за него. Я оглянулся в поисках стула. Стула не оказалось.

— Ты садись, садись, — сказал Порейко, который отлично видел, что стула в комнате нет.

Я молча направился к другому столу и сказал молодому человеку с усиками:

— Привстань.

— Зачем?

— Привстань!

Тот вскочил. Я взялся за спинку стула, перенес его к столу. Одноглазый Джо ринулся было ко мне, но Порейко остановил его, подняв ладонь.

— Дмитрий Трофимович, — пожаловался усатик, — я так не успею.

— Пиши стоя, — ответил Порейко.

Смотри-ка, а он находчив и хладнокровен и, видно, привык общаться с нахалами вроде меня!

— Ты из той комнаты принеси, — подсказал Джо и широко улыбнулся. А когда парень ушел, он сказал: — Ну, ты идешь!

— Помолчи,— велел ему Порейко.— Иди погуляй, пивка выпей, и Жору с собой заberi.

— Будет сделано,— сказал Джо.

Мы остались одни.

— А теперь рассказывай,— ровным вялым голосом произнес Порейко,— кто и зачем тебя сюда прислал. Что тебе нужно от нас?

— Это вместо здравствуйте? — спросил я.

— Ты говори, говори...

— Слушайте, мне такой разговор не нравится,— сказал я.— Я к вам не напрашивался, вы меня позвали, а теперь все наоборот?

Я должен быть прост, но не так уж и прост.

— Город у нас небольшой, каждый человек на виду. С чего бы тебе к нам приезжать?

— Повторяю по буквам,— сказал я.— Можете проверить у Аркадия, тем более что вы с ним знакомы. Пошлите телеграмму тете Нине. Что вам еще показать?

— Паспорт,— сказал Порейко, протягивая открытую ладонь.

— Зачем я буду вам паспорт показывать?

— Покажи.

Я отрицательно покачал головой.

— Ты в самом деле собираешься в нашем городе жить? — спросил Порейко.— Так учти, что за первый же день нажил себе опасных врагов. И они тебя на улице тут же подхватят. Зачем тебе ее враги? Это же смертный приговор.

Я подумал — недолго, секунд пять,— достал из внутреннего кармана бумажник, из него — паспорт.

Паспорт был самый настоящий, с моей фотографией, только некоторые данные были изменены. Но умеренно. Так, чтобы при проверке не возникло подозрений. Моя мать, Зинаида, вышла замуж за одного железнодорожника, когда мне было пять лет, и уехала из нашей деревни. Так что мое рождение и родственные связи с семейством Полухиных подтвердились.

Докопаться до правды было возможно, но этого надо было очень захотеть. Я надеялся, что такого желания не возникнет. Если я буду вести себя естественно.

Порейко перелистал паспорт.

Прописан в Каунасе. Это еще что такое?

Я женился там,— ответил я. Мне сделали эту женитьбу, надеясь, что проверить мое прошлое в Литве будет сложнее, чем в Калуге.

— На литовке? — Я понял, что литовцы для него хуже неужив.

— На нашей,— успокоил я Порейку.— Только мы расстались.

— Ага,— сказал Порейко.— ... зарегистрирован с гражданкой Кузнецовой... И почему же расстались?

— Не сидится мне на месте,— ответил я.

— Паспорт пока побудет у меня,— сказал Порейко. Он прихлопнул его ладонью.

— Я что, к ментам попал? — спросил я.

— Ты к серьезным людям попал. Так что рассказывай лишь свою биографию.

— Не пойдет,— сказал я.— Надоело мне. Что за странности? Обойдусь я без вашего покровительства.

— Не обойдешься. Рассказывай дальше.

— Но хоть скажите, кто вы такой,— взмолился я.

Порейко смилостивился.

— Тайны тут нет,— сказал он.— Я председатель меховской секции «Союза ветеранов — XX век». Слышал о таком секторе?

— Союз ветеранов Афганистана? — спросил я.

— Не совсем так. «Союз ветеранов — XX век». Мы объединяем все здоровые силы в ветеранском движении под лозунгами единства и нерушимости нашей родины. Ясно?

Текст был прочитан как с плаката, хотелось посмотреть по стенам — откуда же он прочел эти громкие слова?

— Ну что ж,— сказал я, даже без особого желания, так, к слову пришлось,— значит, мне у вас надо зарегистрироваться.

— А ты что, ветеран? — Порейко был удивлен.— Ты же сказал, что только на действительной был.

— И еще три года,— сказал я.

— И где же служил?

— Я много где служил.

— А ты говори, нам спешить некуда.

Я принялся рассказывать вымышленную боевую биографию, путь советского конкистадора конца XX века. Моя «легенда» была относительно скромной, чтобы максимально снизить риск от встречи с бывшим однополчанином. Правда, дядя Миша не успел толком проверить все личные дела меховских ветеранов, но он был почти уверен, что там не было абхазцев и никто из них не побывал в Африке, Африку придумал я сам — наемник в Сомали! Я еле спасся, когда власть переменилась. Но везде — механик-водитель, не снайпер, не террорист — избави Боже, просто хотелось посмотреть мир и немного заработать. Мир кое-как посмотрел, большей частью через прорезь в БМП, заработать не удалось — плохо у меня держатся деньги.

Порейко слушал меня, почти не перебивая, делал пометки в черном блокноте. Когда я бежал из Сомали в Киншасу, скептически покачал головой и сказал: «Клубинопутешествий».

— Да ты, может, снаряды возил для черных! — взвился Порейко.

— А ты считал? — спросил я. — Кто эти снаряды возил и кто дачи себе строил? Там и без снарядов было что возить.

Я закончил рассказ своим появлением здесь. Захотелось осмотреться, может, осесть, хотя люблю я больше крупные города, а может, отправлюсь дальше. Как получится. Главное — я мирный человек, приехал с дружескими намерениями и вступать в войны не желаю.

— Черт ты знает, — сказал по завершении моей одиссеи Порейко. — Черт вас всех знает.

— Мне можно идти? — спросил я.

— Нет, — сказал Порейко.

Он поднялся, решительно кинул мой паспорт в ящик своего стола, вернее, ему показалось, что он кинул мой паспорт в ящик стола — на самом деле паспорт уже был у меня в кармане. Но мало ли кому что кажется.

— Пойдем с тобой вместе, — сказал он.

Стоя, он расчесал свои кудри, распределив по лысине параллельными прядками, кликнул Одноглазого Джо и велел усатику садиться за завершение какого-то документа.

— Сейчас навестим Одуванчика,— сказал он своему адъютанту.

— Он сейчас в мастерской занят,— с почтением в голосе ответил Джо.

Порейко вылетел из комнаты подобно Петру Первому на каком-то полотне Лансере и помчался, поднимая ветер. За ним бежал Одноглазый Джо и сзади — я.

День уже разгорелся, солнце светило жарко и влажно, под ним подушками лежали сизые тучи.

Люди оборачивались, глядя на нас, Порейку узнавали, некоторые пытались приветствовать его. Но Порейко никого не видел.

Мы промчались вдоль рядов рынка, в конце их у забора была мастерская «Металлоремонт», типичная хижина дяди Тома с окошком, как в заводской кассе.

Но мы не стали заказывать ключ, Порейко обогнул мастерскую сбоку, толкнул дверь, а мы с Джо остались снаружи, на пороге, потому что места внутри хватало лишь для длинного верстака с вальцами, половинки стола, где были сложены инструменты, и стула, на котором сидел хозяин мастерской Одуванчик.

Я сразу понял, почему его зовут Одуванчиком. Он был смуглым, загорелым или с детства смуглым, а тонкие завитые волосы вокруг лысинки-тыквы казались одуванчиковым белым пухом. А лицо у него было гладким и добрым, с большими бараньими глазами.

— Все знаю,— сказал он, не оборачиваясь и не переставая обтачивать болванку.— Все слышал. Страшно недонолен. Всех накажу. А ты, Трофимыч, своих тоже накажи.

— Я там сам был,— сказал Порейко.— Знаю, кого называть.

— Зачем волнуешься, гипертонию подхватишь.

— Ты предупреди, Артем Давидович,— сказал Порейко,— ты предупреди Кирилла, чтобы он глупостей не делал. А я тебе хочу представить (он так и сказал: представить) моего нового человека, прибыл к нам из самой столицы, состоит моим личным водителем. Познакомься, Юрик, и проникнись уважением к единственному в наших краях «авторитету».

— Преувеличение.— Мастер Одуванчик обернулся ко мне. Он отложил болванку и вытирал ветошью пальцы.— «Авторитетов» в Меховске нет, а вот авторитетные люди имеются в наличии.

Он протянул мне руку.

Ладонь и пальцы были жесткими, как у человека, который занимается ручным — металлическим или каменным — трудом.

— Не могу без работы,— сказал Одуванчик.— Руки мои тянутся к труду. И вроде пенсия у меня хорошая, и квартира есть, а все продолжаю приносить пользу людям.

— Значит, договорились? — спросил Порейко.

— Что-то твой Юрик очень злой, это плохо,— сказал Одуванчик.— Людей надо любить, а не калечить.

— Александра в больнице,— ответил также коротко Порейко.— Люблю я Александру, жениться на ней собрался.

— Неужели Александру обидели? Значит, я был прав, когда рассердился на бездельников. Но за Александру они от меня вдвое получают. Так что иди, Трофимыч, гуляй, воспитывай своих молодых ветеранов. Нам с тобой делить нечего.

Мы вышли наружу. Тучи подобрались к самому солнцу. Воздух был тяжким, мокрым, парным.

— Врет он все,— сказал Порейко.

Одноглазый Джо уже пошел вдоль рядов, остановился возле торговки, стал прицениваться к огурчикам.

— Ты думаешь, что он чудак — Одуванчик? — сказал Порейко.

— Я так не думаю.

— Он на рынке сидит как паук. Контролирует рынок, а когда рядом хозяйский глаз, всегда можно пожаловаться или совета попросить.

— Он вас не любит? — спросил я.

— Конечно, не любит, но ссориться со мной не будет. И особенно ему неприятно, что Александру задела. Это уж совсем не по-людски. Но он ничего поделаться со своими не может. Они же отмороженные, надо с ними разобраться. А ты как думаешь?

Мы вышли с рынка и остановились. Порейко закурил.

— Не знаю ваших возможностей,— сказал я.
— Правильно, и я спешить не буду,— сказал Порейко.—
Но когда время придет, я их отправлю куда положено.

— А куда?

— Так вот что тебе надо? Я специально, гад, тебя испытывал!

— А это не я спросил. Это Джо спросил,— ответил я.

— Точно,— согласился Джо.— Куда ты их отправишь, Грохфимыч?

— А пошел ты!

Вдруг Порейко остановился и погрозил кому-то пальцем.

Я поглядел в ту сторону. За воротами рынка стоял Кирилл. Смотрел он на меня с нескрываемой ненавистью.

— Я бы ему не доверял,— заметил Порейко.

— Даже после вашей беседы с Одуванчиком? — спросил я.

— Эффект есть,— ответил Порейко.— По крайней мере, он не кидается на прохожих. Обратил внимание?

— Обратил. Только я бы на вашем месте тоже был с ним осторожен.

— Почему? — Порейко смотрел на меня, чуть склонив голову, ветерок, предвестник близкой грозы, разметал его параллельную конструкцию на голове.

— Любовь — великий катализатор,— сказал я.— А он равнодушен к Александре.

— Это точно! — откликнулся Одноглазый Джо.

— Молчать! — прикрикнул на нас Порейко.— Пошли, поглядишь на мой кар, мне водила нужен.

Солнце зашло, ветер становился все сильнее, и Порейко прятая достал свою расческу — ветер поднимал пряди вертикально.

Мы побежали. Мы бежали долго, квартала два, потом, выпыхавшись, влетели в полуоткрытую калитку, в заросший такой ровной зеленой травой двор, словно здесь трудился английский газонокосильщик.

Первые капли дождя ударили по пыли и траве.

Во дворе расположился красный кирпичный гараж с железными воротами.

Порейко достал связку ключей, самым большим из них открыл ворота. Налетел отчаянный порыв ветра, который намеревался свалить нас с ног. Мы спрятались в гараж. Хлынул ливень.

В сарае стоял «Мерседес-600», синий в искру, с затемненными стеклами.

— Видел такую? — спросил Порейко.

— Видел,— сказал я.

— Водить приходилось?

— Ну не эту точно, но «мерседес» водил.

— Здесь автоматическая коробка передач.

Порейко относился к машине, как мальчик к игрушке, он ее гладил и готов был лизнуть.

— Я ее сам водил,— сказал Порейко.— Дело простое. Но мне авторитет не позволяет. Я давно шофера ищу. Настоящего. Если у тебя выйдет, считай, что трудовой книжкой ты обеспечен.

Он осмотрел меня с ног до головы. Я сначала не сообразил зачем, но он сам сказал:

— Если у тебя на джинсах грязь — лучше близко не подходи.

— Я не напрашивался,— сказал я.

— А я и не интересовался,— ответил Порейко.

Он обежал машину, залез на место рядом с водителем, потом откинулся назад, чтобы открыть дверь для Джо, и налево, чтобы впустить меня.

Я сел на водительское место. По правде говоря, «мерседес» я не водил, но «ауди» знаю и поездил на джипах.

Главное было — не проявить неуверенности, он должен поверить, что для меня его «мерс» прост, как «Запорожец».

Машина завелась сразу, заурчала, бензин полился ей в глотку, она вздрогнула, побуждая меня понукать ее.

Я выкатил машину задом из гаража.

Мальчик, взявшийся неизвестно откуда, отворил ворота. Порейко сунул ему скомканный доллар. Мне хотелось засмеяться — мы выезжали со двора в городишке Меховске на «Мерседесе-600», а хозяин давал на чай мальчишке долларами.

— Куда поедет, шеф? — спросил я.

— Давай направо,— сказал Порейко.— Только не спеши. Едем навестить Александру.

Я медленно ехал по улице. Вести машину было одно наслаждение. Какие черные дела скрываются под ее шкуркой? Ведь куплена она мелким жучком ветеранской организации в районном городке — и он не таит ее, не скрывает от любопытных соседских взглядов. Больше того, обзавелся шофером...

— Надо тебя приодеть,— перебил Порейко мои мысли.— Мне с таким водилой как бы несолидно.

— Приоденьте,— согласился я.

Одноглазый Джо, сидевший сзади, давал мне указания, куда повернуть. Порейко до этого не снисходил. Он думал. И лодумался.

— И все же я тебе не доверяю,— сказал он, когда мы повернули на длинную, сбегавшую к реке улицу одноэтажных домов за высокими сплошными заборами.— Остановись вот здесь,— сказал он без связи с предыдущей фразой.

Он протянул руку налево и нажал на клаксон.

Машина издала благородный звук, словно великий баритон проверял связки перед концертом.

Дом как дом, забор как забор.

— Ты будешь заходить? — спросил Порейко.

— Здесь Александра живет?

— А то ты не знаешь,— заметил Порейко.

— Если можно, зайду,— сказал я.

— Тебя не остановить, будешь бегать тайком. А кому это нужно?

Джо остался стеречь машину, а мы пошли в дом. Калитка была не заперта, куры разбежались из-под ног.

Мы поднялись на крыльцо, Порейко стукнул в дверь костяшками пальцев, и мы тут же вошли. Маленькая женщина, похожая на гнома, встретила нас в сенях.

— Она не спит? — спросил Порейко.

— Заходите, она все равно услышала.

Александра стояла у окна. Халатик просвечивал, и мы жестикулировали в дверях, любуясь ее легкой фигурой.

Она живо обернулась, будто наши взгляды дотронулись до нее.

— Ну и как? — спросил Порейко. — Сотрясение мозга наблюдается?

Так он шутил.

— Обошлось, — сказала Александра. — Навестить пришли?

— Разумеется, — сказал Порейко. — Дуся чаем угостит?

— Ты с компанией? — спросила Александра.

— Да вот, новый шофер. Теперь мой «мерс» в надежных руках. В надежных, Юрик?

Я кивнул.

— Быстро у тебя это получается, — слова относились к Порейке.

— Люди меня любят, — ответил Порейко, усаживаясь за стол, покрытый плюшевой скатертью. — Люди хотят мне помочь. Дуся, чаю нам сделаешь?

— Уже! — откликнулась из кухни хозяйка. — Уже чайник поставила.

Вечером я пришел позже Аркадия. Дела на фабрике были так себе, работали четыре дня в неделю и то до обеда.

Аркадий встретил меня неприветливо.

— Ничего не натворил? — спросил он.

— Все в порядке.

— А что на роже?

— На дверь налетел.

— Ясно. Тогда рассказывай.

Я выложил на кухонный стол продукты, которые купил по дороге.

— Это лишнее, — сказал Аркадий, но тут же смирился, поставил воду для пельменей.

— Пиво употребляешь? — спросил я Аркадия. Шесть банок «Хейникена» украсили стол.

— Ты долго жить у меня собираешься?

— По нашим расчетам, дней десять, может, две недели. Но если у тебя будут проблемы с Ритой, я всегда могу уйти.

— Спасибо, благодетель,— буркнул Аркадий.— Докладывай, кого видел, с кем познакомился.

— Тебе еще не доложили?

— Мне доложить не могут. Я целый день на фабрике. Хромой, сам понимаешь, счетовод.

— Сначала я познакомился с Александрой,— сказал я.— Из кафе «Синий ветер».

— Зачем? — вскинулся кузен. Он знал ее!

— А затем, что она живет с Порейкой,— ответил я.

— Враки!

— Нет, и ты об этом знаешь. Мне нужно было выйти на Порейку, но случайно. Понимаешь, я мог бы прийти к нему в Союз — хочу встать на учет. Но он заподозрил бы неладное.

— А теперь не заподозрил?

— Нет.

— Врешь! Почему?

— Два объяснения,— сказал я.— Или он мне доверяет после боя с друзьями Одуванчика...

— Ты и с ним познакомился? Ну, ты даешь, лейтенант! До лейтенанта я в армии не дослужился и не стремился к этому.

— Второе объяснение лежит в том, что он мне совсем не поверил. И хочет держать при себе, чтобы за мной присматривать.

— Почему он должен был тебе не поверить?

— Приезжает в город человек, неизвестно откуда, неизвестно кто, уверяет, что он — твой брат. Вы хорошо знакомы?

— Нам нечего делить. Как ты его встретил?

Я рассказал о событиях в кафе «Синий ветер» сдержанно, кратко, но не упустив ничего важного. Потом о том, как мы достали «мерседес» и я получил место шофера.

— Значит, ты все же сам вышел на Порейку? — вопрос у Аркадия получился утвердительным.— А я тебе знакомство с Мельником устраивал.

— С Мельником я познакомлюсь,— сказал я. Мельник был председателем Союза ветеранов Афганистана. Но он меня интересовал куда меньше, чем Порейко, потому что

исчезали в основном члены СВ-ХХ. К тому же теперь знакомство с Мельником могло помешать моей работе. Если Порейко узнает о моих новых контактах, то его доверие ко мне рухнет окончательно.

— Мельник мужик нормальный, — сказал Аркадий. — Для него важнее власть, чем деньги. Он играет в бату — как в партизанском отряде.

— А Порейко?

— Порейко — дерьмо.

— А говорил, что вам нечего делить.

— Город небольшой. Воруешь — все знают. У Порейки транспортная компания. Трайлеры. Его ветераны — шоферы и охрана. Считается, что все прибыли должны идти на ветеранов. Но Мельник еще как-никак делится, а Порейко с друзьями всю прибыль прикарманивают.

— И кто же тогда Одуванчик?

— А этот просто бандит. Его мальчики, их зовут посадскими, потому что большая часть банды с того берега Мологи, берут дань со всех ларьков и киосков, у них в подчинении рынок и часть магазинов — после милиции это главная банда.

— И у них имущественный конфликт с Порейкой?

— У них были стычки, но сейчас вроде бы мир. Им выгодней мир — одни возят добро, другие берут дань.

— Почему же тогда Кирилл сегодня напал на меня?

— Кирилл? Какой еще Кирилл?

— Бандит из компании Одуванчика. Амбал, с голым затылком... ну, типичный такой. И ребят потом привел таких же...

— Понял, о ком ты говоришь, хотя не имею чести. А зачем ему было своих ребят приводить?

— Чтобы отомстить.

— Хочешь сказать, что ты его обидел?

— Не в этом дело. Обидеть я его обидел — но с самого начала ему незачем было на меня нападать.

— Из-за Александры?

— Мне надо было выйти на Порейку, но нечаянно, не привлекая тебя.

— Ты сказал ей, что мой брат?

- Сказал.
- Ты понимаешь, что меня подставил?
- Не сердись, Аркадий. Я не хочу делать секрета из инших родственных отношений. Лучше, чтобы это было известно с самого начала.
- Не знаю, не знаю. Порейко меня не выносит. И вдруг берет тебя шофером, в первый же день, без проверки.
- Он у меня паспорт взял.
- И ты ему отдал?
- Отдал, потом обратно забрал. Оставлять у него не стал.
- Ну и то слава Богу — они бы его по своим каналам послали на проверку. Он видел, что ты паспорт забрал?
- Нет.
- Тогда завтра жди скандала. Еще пельменей положить?
- Положи.
- Времена меняются, — сказал Аркадий. — Ты не думай, что я последний человек в Меховске. Семь лет назад меня прочили в мэры. Честное слово.
- Я не знал.
- Такие вещи быстро забываются. Вождь демократов Станкевич к нам приезжал, руку мне жал, а за две недели до выборов меня сбило машиной. Я подозреваю, кто и шчем это сделал. Они хотели меня до смерти пришибить, и я выжил. Пока болел, к власти пришли гниды.
- Они и сейчас при власти?
- И сейчас.
- Аркадий собрал тарелки, свалил их в мойку, поставил на стол чашки, достал с полки банку с вареньем, почти полную.
- Меня интересует Александра, — сказал я.
- Она многих здесь интересует.
- И тебя?
- Я не интересуюсь недоступными вещами и женщинами.
- Это значит, что она тебе нравится?
- Чудак ты, Юра. Я и так благодарен судьбе, что Маргарита меня до сих пор не бросила.
- Ты меня не убедил.

— Они с Маргаритой... корешились. Когда Александра к нам приехала, она сначала в поликлинику пошла, медсестрой. Они с Маргаритой сблизились. Александра здесь бывала, вот на этом стуле сидела.

— А потом?

— Потом появился Порейко. И перевел ее в кафе официанткой. Мы с Риткой удивились.

— Может, он ей понравился?

— Нет,— Аркадий ответил уверенно. Жестко.

— Большие деньги предложил?

— Предложил. И это странно. Хотя кто в женщине разберется?

— И они поссорились с Маргаритой?

Аркадий снял чайник с плиты, налил кипятка в заварочный чайник.

— Александра прекратила отношения.

— Может, Маргарита ее чем-нибудь обидела, ну, высказала свое неодобрение?

— Из-за такого дружба не нарушается.

— А Маргарита с Порейкой раньше были знакомы?

— Ты не поверишь, но моя Ритка была медсестрой в Приднестровье. Я шутил раньше, что она — «белые колготки». Знаешь, кто это?

— Снайперы, девушки-снайперы. Легенда локальных войн.

— Образованный.

Он разлил чай по чашкам. Сел напротив меня, принялся мешать в чашке ложечкой.

— Давно Александра приехала сюда? — спросил я.

— Не очень давно, месяца два назад.

— Всего два месяца! — Я полагал, что разговор идет о годах.

— Твое дело размышлять и подозревать,— сказал Аркадий.— Я в это уже не играю.

Но я совершенно не представлял, в чем можно заподозрить Александру. Хотя что-то здесь было неладно.

— Дядя Миша знает, что любовница Порейки появилась здесь всего два месяца назад?

— А ты словами не кидайся. Тем более терминами.

Я не сразу его понял.

Он пояснил:

— Она живет отдельно от него. У нее однокомнатная квартира. Порейко ей снял. И это еще ни о чем не говорит.

— Извини.— Я с ним согласился. Легче всего повесить рылык на одинокую молодую женщину. Особенно если ее нет рядом.— Откуда она приехала?

— У Ритки надо спросить. То ли из Ярославля, то ли из Самары.

Мы пили чай молча, словно устали говорить. Мне хотелось спать. Аркадий приготовил мне раскладушку. Сам лег на широком диване. Он сказал, что на этом диване спит его мать. Раньше спала с отцом.

— Ты сможешь сообщить в Москву, что я вышел на Порейку и пока все у меня в порядке?

— Сообщу,— сказал Аркадий.

Я не стал рисковать — вдруг на почте сидят люди Порейки или Одуванчика, и им будет интересно узнать, что новый шофер любит поговорить с Москвой.

— Только ты осторожнее,— сказал я,— они теперь могут за нами обоими следить.

— Они не догадаются,— сказал Аркадий.

Рита в тот вечер, разумеется, не пришла. Заснул я не сразу. Размышлял.

Такой тихий городок, а оказывается, в нем не один, а несколько центров опасности. В Москве дядя Миша думал о Порейке, о его Союзе, но вдруг возник еще Одуванчик. И еще мне предстоит осторожно присмотреться к Мельнику...

Утром, как договорились, я дошел пешком до гаража. У забора сидел на корточках усатик Жора из конторы Порейки.

Он был вежливым и даже подобострастным юношей и потому мне не понравился.

— Я вас уже полчаса жду,— жалобно сообщил он.

— А что, приказано выступать на рассвете?

Жора показал в улыбке красивые зубы.

— Не, Трофимыч еще спит. Но он приказал мне к семи быть, я к семи и пришел. Я его боюсь.

Мы с ним зашли в гараж.

— Здесь автолавка есть? — спросил я.

— За рынком на улице Софьи Перовской, — сообщил Жора. У него были маленькие, близко посаженные к переносице рыжие глазки и черные, коротко остриженные волосы.

— Мне надо будет купить кое-что для машины, — сказал я. — Тут, видишь, не гараж, а сарай, а такая тачка не любит, когда с ней обращаются, как с козой.

Жора достал из заднего кармана джинсов бумажник и заглянул в него, словно ждал, что оттуда выскочит кузнечик.

— Ты купишь, — сказал он, — я заплачу.

— Ты из своих платить будешь?

— Не клади в голову, — сказал молодой человек.

Что-то в его фигуре, манере держаться говорило мне, что Жора очень молод, почти подросток. А кожа лица, мешки под глазами принадлежали немолодому человеку.

— Тебе сколько лет? — спросил я.

— Лишний вопрос, — ответил Жора.

— Ясно.

Я выкатил машину на улицу, открыл переднюю дверцу для Жоры.

— И кем ты числишься в нашей конторе? — спросил я.

— Агент по связи с прессой и населением, — ответил

Жора вполне серьезно.

— Это важно, — сказал я.

— А вообще-то я телохранитель, — повторил Жора. Он гордился профессией.

— Что же ты умеешь делать как телохранитель?

— Не могу тебе показать, — сказал он, — потому что ты за рулем.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Как приедем на место, покажешь?

— Чего ж не показать хорошему человеку?

Он говорил слишком серьезно. Я улыбался, а он — нет.

Недолгое путешествие по городу закончилось у стоявшего у дороги стеллажа, на полках которого стояли иностранного происхождения банки и спреи. Возле стеллажа сидел на раскладном стульчике, какие носят с собой художники, знакомый мне Кирилл. Вот так встреча! Я-то думал, что Кирилл — вольный агент, пенитель морей. А оказывается, что в Меховске ширится движение за совмещение редких профессий.

Кирилл со мной не поздоровался. Нос у него был вспухшим и цветом отдавал в синеву. Но так как у меня самого под глазом была дуля, то мы, можно считать, были квиты.

— Чего тебе? — спросил он у Жоры. Здраваться его еще не научили.

— Юра скажет, — ответил Жора, вынимая бумажник.

Я выбирал нужные мне вещи, у Кирилла нашлись замшевые лоскуты, чтобы протереть красавицу.

На меня Кирилл не смотрел.

— Кстати, — сказал Жора, расплачиваясь, — надеюсь, тебе Одуванчик вчера объяснил неправильность твоего поведения? Ты теперь будешь хорошо себя вести?

Кирилл тихо, но внятно выругался.

— Ну вот и ладно, — сказал Жора. — Только учти, что я не выношу грубых слов.

И как он это сделал — ума не приложу, но Кирилл тут же оказался в пыли под своим стеллажом.

— Заплатишь за все сам, — сказал наставительно Жора. — И Одуванчику ни слова не скажешь. И ругаться больше — ни-ни!

Это был очень грозный птенчик. Я подумал, хорошо, если он не злопамятный и забыл о том, как я вчера вытащил из-под него стул.

Жора обернулся ко мне.

— А за тобой должок, — сказал он. — Ты вчера меня в офисе немного обидел.

Но я был готов к его движению, потому что, к счастью, вспомнил об инциденте за секунду до того, как Жора открыл рот.

Я ушел в сторону от его захвата, и он ткнулся носом в машину.

— А вот так себя вести не стоит,— сказал я.— Можно машину попортить.

Жора выпрямился. Он смотрел на меня узко посаженными глазами кобры.

— Как же ты успел? — удивился он.

— Случайно,— признался я.

— Тогда тебе повезло.— Жора не стал больше повторять своих трюков. Он вытащил из бумажника зеленую десятку и протянул мне:— Твоя доля за покупки.

Кирилл зашевелился и начал водить ручищами по пыли.

— Поехали, что ли? — спросил Жора.— Большая разборка может начаться, а Трофимычу она ни к чему.

Мы поехали на бензоколонку Платил Жора.

Когда снова сели в «мерс», он сказал:

— Ты не думай, что я небольшой. Я как ядовитая змея. Честное слово, мне даже необидно, если про меня как про гадюку думают. Все считают, что телохранитель должен быть амбалом, так чтобы при виде его с копыт падали. А это все чепуха. Меня не должны опасаться, меня замечать не нужно. Зато ко мне человек поворачивается незащищенным боком, а я кусаю. До смерти. Усек?

— Понял,— сказал я.— Хороший урок. Я ведь тоже принял тебя за недоразвитого счетовода и подставил тебе незащищенный бок. А ты еще и философ...

— Вот ты из-под меня стул вытащил. И твое счастье, что шеф дал мне сигнал — у нас с ним есть система сигналов,— дал мне сигнал, чтобы я тебя не трогал. А то бы ты с этим стулом так бы и остался при своих.

— А чья заправка? — спросил я.— У вас ведь все схвачено.

— Заправка не наша, заправка у нашего городского головы, у мэра, они с милицией власть делят. Но нас не трогают. И мы их не трогаем.

Порейко жил в двухэтажном доме. В отличие от прочих домов, двери которых выходили во двор, этот дом имел собственный подъезд.

— Дай сигнал,— сказал Жора.

Порейко с Александрой вышли на сигнал сразу, словно ждали в подъезде за дверью.

Александра была в коротком синем платье, в скромном платье, призванном показать, какая она робкая, тихая, послушная. А эффект был иной — ты сразу видел, что это опасная кошка.

— Юрик,— сказала она, улыбнувшись мне,— как тебе на новом месте, не дует?

И какого черта ей работать в этом «Синем ветре», если у Порейки «мерседес» с шофером-инопланетянином? Впрочем, об этом мы им не скажем. На мгновение я превратился в ее глазах в Николсона, вызвав растерянность. И тут же все вернулось на свои места.

Телохранитель Жора выскочил из машины, придержал дверь, как в хронике о приезде израильского премьера на переговоры с палестинцами. Порейко уселся сзади, держа ружьесу, как пистолет.

Мы завезли Александру на работу. По дороге Порейко опять спросил меня:

— Как там Аркадий? Не болеет? У них вроде зарплату придерживают?

— Он мне говорил об этом,— согласился я.

— Общественной работой занимается?

— Не знаю, не говорили мы об этом.

Александра, выходя из машины, заглянула ко мне в окошко и сказала:

— Спасибо. Гладко водишь.

Я не стал ни в кого превращаться. Она мне нравилась, и было в ней нечто, сигнализировавшее об опасности.

Когда мы остались в машине без чужих, Порейко сразу спросил:

— Где твой паспорт?

— У меня,— ответил я.

— Когда ты успел свистнуть его?

— Считайте, что вы мне его отдали.

— Дай мне его сюда.

— Я его дома оставил.

— Почему?

— Манера здесь странная — чуть что, сразу паспорт требуют, как в Москве.

— Потом принесешь,— приказал Порейко. Он задумался. Видно, пытался восстановить в памяти вчерашние движения — почему бы он отдал мне паспорт? И в комнате я один не оставался.

Он помотал головой и принялся причесываться. Значит, отчаялся припомнить. Мне он был виден в зеркале, но я старался не заглядывать в зеркало слишком очевидно.

— А как у тебя с грузовиком? — спросил Порейко.

— В каком смысле?

— Водил?

— Лишний вопрос — чего я только не водил!

— Сегодня ночью будет работа. Так что останешься у меня в офисе с ребятами, чтобы потом из дома не выходить.

— Надо Аркадию сказать,— ответил я.

— Ничего с твоим Аркадием не случится.

— Он будет волноваться.

— С чего бы?

— Подумает, что вы меня зарезали.

— Не зарежем, не бойся.

— Я не о себе говорю. Я-то не боюсь.

— А Аркаша — твой начальник, что ли? — легко спросил Порейко.

Я остановил машину возле офиса. Порейко выскочил первым. У него были узкая сутулая спина и широкий зад. Я остался за рулем.

Порейко крикнул мне, обернувшись от двери:

— Подожди, сейчас поедем.

«Мерс» все еще был непривычен в Меховске. Ребята, шедшие в школу, замерли возле него, оглядывая, как в зоопарке, когда смотрят на настоящего льва. Надо бы выйти, протереть машину еще разок, чтобы блестела,— да Бог с ним, обойдется.

Через пять минут Порейко выбежал из подъезда, за ним Жора.

Наконец в дверях показался Одноглазый Джо, который, садясь рядом со мной, поздоровался. Его чуб был рыжим, словно он окунул его в сурик, а на остальные волосы не хватило.

— Сейчас прямо,— сказал Джо, который знал, куда ехать. Затем мы повернули направо, там, на широкой улице, по которой мне еще не приходилось ходить, стояла покрашенная в зеленый цвет трибуна — небольшая трибуна для демонстраций. Тут положено стоять городскому начальству.

За трибуной возвышался на высоком постаменте потемневший от дождей бронзовый Ленин по грудь, без рук. Фоном этому великолепию служило длинное здание с колоннами.

— Что здесь раньше было? — спросил я у Джо.

— Горком,— ответил тот.

— А еще раньше?

— Всегда был горком,— сказал Джо, полагая меня психом.

— Реальное училище,— сказал Порейко.

— Ну это, наверное, еще до революции,— сказал Джо.— А я думал, ты спрашиваешь, что раньше было.

На этот раз Жора остался со мной. Шефа сопровождал в желтое здание только Джо. Перед зданием стояли два милиционера с автоматами и в бронежилетах — на что здесь милиционеры в бронежилетах, один Бог знает. Наверное, местным властям очень хотелось, чтобы Меховск был похож на настоящий шикарный областной центр.

В стороне, между трибуной для парадов и монументом Ильича, стоял пикет — человек шесть или семь с одной рукой написанными плакатиками: «Живите сами на нашу пенсию!» и «Позор губителям Советского Союза. Под суд преступников Беловежской пуши!».

Ничего нового оппозиционеры здесь не придумали.

— Шеф тебе не доверяет,— сказал Жора.

— Спасибо за откровенность,— сказал я.— Чем же я провинился?

— Приехал неизвестно откуда, живешь у Аркашки, «мерс» водишь, как собственную тачку.

— А Аркадий при чем?

— Шеф его на дух не выносит. Может, он на Александру глаз положил? Или наоборот? Не жить ему здесь.

— Спасибо за подсказку.

- А я тебе тоже не доверяю,— сообщил Жора.
— Жалко.
— Ох и будет тебя шеф проверять!
— Правильно,— согласился я.— Я бы тоже на его месте меня проверял. Подумай: приехал неизвестно откуда, живу у Аркашки, «мерс» вожу, как собственную тачку.
К сожалению, Жора не почувствовал сарказма.
— А куда мы приехали? — спросил я.
— Не знаешь, что ли? — Удивление было равно удивлению москвича, приехавшего в Кремль с человеком, который не знает, как эта штука называется.
— Нет.
— Он с Мельником беседует
— А что за Мельник?
— Председатель Союза ветеранов Афгана. Не слышал?
— Я здесь второй день.
Мы помолчали. Жора переваривал удивительную информацию — он познакомился с человеком, который не знает Мельника!
— А что, раньше у Порейки не было шофера? — спросил я.
— Почему? Был.
— И что?
— Весь вышел.
— Ты не темни. Мы вместе работаем,— рассердился я.— Что я тебе, белополяк, что ли?
— Какой еще белополяк? — изумился Жора.
— Были такие враги у советской власти.
Жора замолчал, потрясенный моей эрудицией.
— Мельник кто — городской голова?
— Не мели чепухи,— сказал Жора.— Мельник — это Мельник. И пускай тебе шеф обо всем рассказывает. Мое дело маленькое.
— Ладно уж, я пошутил,— сказал я.— Знаю я, кто такой Мельник. Мне брат говорил. А разве у вас общие дела?
— Вот вернется шеф и объяснит.
Шеф вернулся как раз в этот момент. Был он задумчив и даже мрачен.
— Чего он ко мне вяжется? — сразу наступал на меня Жора.— Да кто такой Мельник, да что у вас за дела?

— Вяжется? Ну мы его быстро развяжем,— сказал Порейко.

— Куда ехать? — спросил я голосом английского дворянского — ни следа эмоций.

— На станцию,— сказал Порейко.

На станции мы встали за грузовыми пакгаузами, и все ушли, оставив меня минут на двадцать. Вылезать из машины и не рискнул, хотя было жарковато. Потом они вернулись и в сопровождении милиционера и еще пошептались немного в углу склада.

Я все время был настороже. Порейко играл со мной. Конечно же он не должен был допускать до себя невесть откуда заявившегося человека, даже доверять ему машину. В то же время именно подозрительность Порейки и заставила его не отпускать меня ни на шаг. Ладно, посмотрим, кто кого перехитрит.

Перекусили мы в «Синем ветре», скромно, с пивом, но без крепких напитков, а я даже и пива не пригубил: такая привычка — за рулем не пить. И никто меня не неволил.

Подавала нам Александра. Я перехватил ее внимательный взгляд, но отвернулся, потому что всей шкурой чувствовал, как Порейко не спускает с меня глаз.

После обеда собрались в штаб-квартире «Союза ветеранов — XX век». Народу собралось человек пятнадцать. Окна не открывали. Курить Порейко не велел.

— Я собрал вас, мальчики,— начал Порейко (Сейчас он вытащит расческу и начнет приводить в порядок камуфляж на своей лысине. Так и случилось),— чтобы сообщить: в ближайшие два дня город не покидаем. Ждем поступления груза. Важного груза. Понадобится ваша физическая сила и дисциплина. Могут быть возражения, но в вакууме живем.

Присутствующие согласились коллективным мычанием, в чем я принял участие.

— Если кто болен или у кого бабушка требует ухода, сообщите мне сразу. У меня каждый человек на счету, так что прогульщиков не потерплю.

Никто не стал отказываться от работы.

Я смог приглядеться к моим новым товарищам. Народ они были тертый, если среди них и были обыкновенные мирные ветераны, то меньшинство. Большею частью они относились к тем неприкаянным душам, рожденным нашими окаянными днями, которые научились убивать и разучились строить. Они осели здесь на какое-то время и тянутся к Порейке и его Союзу, потому что это как бы замена казармы, банды, отряда, группы. Поодиночке такие люди жить и действовать не любят. Они привыкли быть экипажем, группой захвата, отделением.

— А у нас прибавление в семействе, — сказал добродушно Порейко. И мне не понравился его тон. — Вот Юрик, Юрик Старицкий, приехал к нам из матушки-Москвы, к своему братану, Аркаше Хромому, вы его знаете, на фабрике работает, известный дерьмократ, агент МВД.

Кто-то кивнул, кто-то прогудел, но без радости — я понял, что здесь те, кто знает Аркадия, большой любви к нему не испытывают.

— Юрик тоже ветеран. Побывал в горячих точках, добровольно. Правильно я излагаю, Юрик?

— Правильно, — согласился я.

— Скажи товарищам, где и в какие годы ты побывал. А вдруг сослуживец отыщется?

Они рассматривали меня, как новую девицу на танцплощадке. Впрочем, Порейко был прав. Он подозревал меня, он держал меня при себе, полагая, что так легче меня контролировать, он, наконец, созвал свою бригаду, чтобы не потерять шанса меня разоблачить.

Я тоже разглядывал товарищей. Кроме Одноглазого Джо и телохранителя Жоры, знакомых среди них не оказалось.

Я начал не спеша рассказывать, где служил, когда служил — все это проверялось, но проверялось с трудом. Начало — пограничная застава на Дальнем Востоке. Потом попытки ходить матросом на траулере — нет, оттуда у нас в Меховске никого нет. А потом поездка моя в Карабах. И карабахцев не нашлось. На это мы и рассчитывали. И наконец, Абхазия, но не просто Абхазия, а горные ущелья, откуда мы выкуривали грузинские заставы. Один парень, приземистый, с ранним брюшком, оказывается, в Абхазии

побывал, но в «МС», после меня. А потом я поведал им, как в последние два года подался в Африку и старался отыскать себе кусок хлеба с маслом. Таких здесь не было, мой рассказ, сдержанный, недлинный, вызывал ко мне уважение. Они поверили, что я не вру. И я внушал им, что не вру, насколько хватало сил.

Порейку я не убедил. Но оснований растерзать меня не нашлось.

— Жаль,— сказал он по окончании смотрин,— я так надеялся, что ты найдешь земляка, с которым у костра сидел или в одном окопе ошивался.

— Нет, к сожалению, мне опять не повезло,— согласился я.

— Тогда все свободны,— сказал Порейко.— Совершенно свободны. Кроме того, Юрик, не любишь ты чистить мою тачку, а учти, что от ее состояния зависит мой авторитет. Сегодня вечером встречаем важных гостей, и чтобы машина сверкала, как водопад Ниагара.

Он не был лишен образного мышления.

Я спустился вниз, там меня ждали двое из ветеранов, просто так, потрепаться, как там в Москве, что говорят о пенсиях. Поговорили и о простых вещах, как собираюсь жить, где, не делить же квартирку с Аркашкой, у него мать приезжает из деревни — чертов городишко, где нельзя укрываться!

Они предложили было выпить, но я был на службе, так что все разошлись, я постарался запомнить их имена — но имена были такими же стертыми и незначительными, как их лица. Так, неприкаянный народ, пушечное мясо, правда пока еще живое.

Будет война, она их востребует и уничтожит. А пока они пережидают паузу.

Я протер машину, потом еще разок протер, лучше уж и буду хорошим шофером, пускай Порейко ищет придирки и другом. Мне так даже интереснее.

Шеф вышел через четыре часа, я уж испекся на солнце, к тому же хотелось пить.

Порейко вышел так, как выходят министры, — видно, ему приходилось в жизни занимать, может, и невысокие, но ответственные должности.

— Вы бы сказали, что столько проторчите, — буркнул я, — я бы выкупаться сбегал.

— Я сюда не купаться приезжал, — отрезал шеф.

Видно, он никогда не купался, даже не раздевался на свежем воздухе, у него была чиновничья, писарская сероватая кожа.

— Заедем за Александрой, — сказал он, — потом на вокзал.

Я лихо тормознул у «Синего ветра», Порейко гуднул — гудок у нашего зверя был милиционерским.

Потом он закурил.

Александра вышла минут через пять, на ней было дорогое, длиннее чем ей шло, сиреневое платье, волосы уложены в пучок на затылке — она была благородна до безобразия. Мне захотелось поцеловать пыль у ее ног. Это была опасная женщина, но Порейко об этом вроде бы не догадывался.

На этот раз в машине был только телохранитель Жора. Он выскочил, отворил дверь, привычно, — он не впервые открывал ей дверь.

В ответ на мое приветствие Александра чуть кивнула.

— На вокзал? — спросил я.

— Я два раза свои указания не повторяю.

Все же он был неумен. Он позволял гордыни овладеть собой. Он был всего-навсего прапорщиком по интендантской части, а ощущал себя Наполеоном на том самом мосту.

Мы поехали на станцию. Наверное, ее Порейко именовал вокзалом. Впрочем, я был предвзят — все в том городке называли станцию вокзалом. Этим городок сравнивался с Тверью.

Мы все вышли на платформу: Порейко велел и мне его сопровождать. Видно, ждали какого-то друга или начальника, и Порейке надо было показаться со свитой.

Народу на перроне было немного. Несколько торговков с ранними огурчиками, простоквашей и творогом, мили-

ционер и будущие пассажиры с баулами и полосатыми сумками.

— Они будут в третьем вагоне,— сказал Порейко Александру.— Наверное, надо бы цветов принести, букетик. Купим?

— Где его здесь купишь? — удивился Одноглазый Джо.— Может, я до дому добегу, у нас пионы не отцвели.

— Пионы! — В это слово Порейко вложил все возможное презрение. В его представлении подношение букета пионов, плебейского цветка, было равнозначно оскорблению высокого лица. Именно тогда я понял, что люди, которых мы встречаем, относятся именно к высоким лицам.

Александра хмыкнула. Она не была, видно, приучена к тонкостям вокзального этикета.

Почувствовав скрытое сопротивление в своей команде, Порейко решил объяснить нам, как положено себя вести грифьям.

— Вот если встречаешь или на свадьбу идешь,— сообщил он,— то преподносишь розы, смотря по своему имущественному состоянию. Но обязательно розы или, в крайнем случае, гвоздики. Потому что эти цветы выращивают специально для торжественных случаев.

— А если похороны? — совершенно серьезно спросил Одноглазый Джо, который хотел расширить свой кругозор, и не смел смеяться над учителем и наставником.

— Дурак ты, при чем тут похороны! Мы же Матвея с сменыча встречаем.

— Я не в том смысле,— сказал Джо.— Я не хотел.

Тут вышел на платформу начальник станции и, приложив руки рупором к губам, крикнул, что через пять минут на первую (и единственную) платформу прибывает скорый поезд Тверь — Архангельск. Номера вагонов с головы поезда.

— Они в третьем вагоне будут. В купейном, потому что здесь СВ вагонов нету. Они себе отдельное купе взяли. Мне был звонок,— сообщил нам вождь, нервничая и теребя блестящие пуговицы военного френча.

Поезд проявил себя сначала приближающимся шумом, затем вполз и замер перед станцией, прогремев всеми су-

ставами. Поезд был старым, ржавчина просвечивала сквозь зеленую краску вагонов.

Проезжающие посыпались из вагонов — поезду стоять всего пять минут, а надо купить продуктов, заглянуть в буфет, а может, купить областную газету в киоске, открывшемся специально для такого случая.

Мы поспешили к вагону номер три.

Сначала из него выползли какие-то одинаковые мужики в тренировочных брюках и несвежих майках, а потом наступила пауза, и на площадку вышел настоящий генерал, орел, молодец, я его, кажется, даже видел как-то на телеэкране. Матвей Семенович Чулков собственной персоной.

Почетный председатель был немолод, даже скорее стар. Но из тех неутомимых толстячков, которые красят и укладывают волосы и даже носят корсет и играют в городки. Генерал красиво помахал нам рукой и начал осторожно, медленно, изображая бодрость, спускаться по ступенькам вагона.

Порейко кинулся к вагону и подставил руку генералу.

— Я сам, сам! — прохрипел генерал. Ему было нелегко, но он отличался сильным духом.

В конце концов, помогла генералу Александра. Она, оттолкнув Порейку, протянула генералу руку словно для поцелуя — и опереться на такую руку мог каждый, даже Геркулесу не стыдно.

Следом за генералом спустился кавказский человек — сам Рустем Марков! Как нам повезло!

Про него достаточно было сказать — яростный! Никакая другая характеристика не выдержала бы сравнения. Несмотря на теплый вечер, Марков был в шляпе и в том слишком большом и широком пальто, которое таскают нувориши, чтобы отличаться от меня.

Когда все эти люди оказались на земле, Порейко, покачавшись на месте, схватил лицо генерала в жадные ладони и впился в него губами (а может, и зубами — зрелище было страшное). Но генерал не испугался, он был боевой генерал. Он обнял пухлыми лапками плечи Порейки, потянул к себе, чтобы удобнее было ответить поцелуями на поцелуй. Затем, полагая, что ему надо целоваться и дальше, генерал

кинулся ко мне, а я, не ожидая нападения, убежать не успел. Он меня тискал, как насильник в подъезде, урчал, слюнявил, и от него воняло чесноком и водкой.

— Все! — закричала Александра. — Хватит, мальчики. Все в порядке.

Тут я увидел третьего из приезжих. Он изображал из себя марковского или корниловского офицера — я, честно говоря, не помню, какой из белогвардейских полков носил черные мундиры с черепом на левом предплечье. Фуражка у него была тоже черная. Он был красив и суров красотой гестаповских плакатов. И притом скрипел множеством ремней и портупей. Несколько снижался образ гауптштурм-фюрера тем, что в руке он тащил объемистый генеральский чемодан.

— Рад, — сообщил генерал, как только поцелуйная часть кончилась. — Очень польщен. Наслышан о ваших успехах, мать твою.

Окончание фразы было несколько неожиданным, но потом я понял — генерал испугался, не сочтут ли его слишком интеллигентным, и пресек заранее подобные подозрения.

— Куда идти? — спросил он почти сердито.

— Сюда, товарищ Чулков, — показал Порейко.

Он показал генералу, куда идти, а мне махнул, чтобы и спешил к машине.

Я подчинился.

Как в лучших британских фильмах, я открыл все возможные двери в «мерседесе». Генерал радостно ахнул:

— Вот и сюда, в дальние уголки, проникла цивилизация.

— Вы будете обеспечены всем необходимым, — предупредил его Порейко.

— Куда ехать-то? — спросил я шоферским голосом.

— В «Мологу».

«Мологой» именуется наша гостиница.

— Мы подготовили для вас номера «полулюкс», — сообщил Порейко генералу, который втаскивал пузо на заднее сиденье. — Высший класс, по нашим меркам.

Корниловец хлопнул крышкой багажника так, что Порейко посмотрел на него с ненавистью.

Одноглазый Джо и Жора стояли поодаль с грустным видом — им места в машине не оставалось, значит, придется тащиться в гостиницу на автобусе. Несolidно.

— Нам обещали загородный пансионат,— рявкнул Рустем Марков.

— Пансионат, к сожалению, сгорел,— сказал Порейко.

— Поджог? — спросил генерал. Он снял фуражку и протирал синим платком потную лысину.

— Неизвестно,— ответил Порейко.— Он назывался «Лесные поляны».

Я не знал о гибели «Лесных полян».

— Но гостиница три звезды. Все мобилизовано. И питание в том числе.

Порейко боялся, что гости рассердятся на то, что он непредусмотрительно сжег «Лесные поляны».

— Похоже на диверсию,— сказал генерал.— Прямо перед нашим приездом ликвидируется наша лесная база. Вы как думаете, Рустем Борисович?

— Я думаю, что вы правы,— строго сказал Марков.— В этом надо разобраться.

— Не надо разбираться,— ответила Александра.

Я как раз мягко тронул с места, чтобы не растрясти.

— Не надо разбираться, потому что «Лесные поляны» сгорели еще в том месяце. Тогда даже вы не знали, что к нам приедете, правда?

— Так что же ты тогда нам мозги пудришь? — рассердился генерал.

— Но все гости, если у нас бывали гости из центра, все гости всегда жили в «Лесных полянах»,— ответил Порейко. Для него не важно было, когда сгорели эти несчастные «Поляны»,— важен был лишь факт — теперь генералу придется жить, как простому командированному.

Бывают дни, когда все неладно.

В гостинице — двухэтажной, желтой, пахнувшей керосином от политуры,— нас заставили просидеть полчаса под гигантским фикусом, какого, наверное, и на его родине нет. Оказывается, из номера выехал какой-то певец, который выступал вчера в Доме культуры речников, и сейчас

номер приводили в порядок и отмывали. Певец нахулиганил и вел себя непристойно.

Рустем Марков обиделся. Он сидел, зажав ладони меж колен, и смотрел прямо перед собой.

Генерал был не так привередлив.

Ему понравилась Александра.

— И что же вы делаете в организации? — спрашивал он.

— А я в ней состою, — вежливо отвечала Александра.

— Вы тоже, простите, ветеран? — Он хотел бы сказать что-нибудь весьма сомнительное, но рядом сидели мы с Порейко, а в дверь как раз вошли взмыленные наши телохранители и остановились на почтительном расстоянии.

— Своего рода, — вежливо ответила Александра. В ответе звучала двусмысленность, но толстяк не посмел ее угадать.

Порейко погнал Жору наверх узнать, как там идет уборка мало ли чем занимаются горничные, может, чай пьют! Оказалось, что и в самом деле пьют чай. Наверху возник страшный шум — Жора разбил чашку, вылил чай на пол, показал силу, хотя, пожалуй, этого делать не стоило. Госграница тоже организация и, как таковая, имеет «крышу», и «крыша» у нее милицейская. Так что не успела окончиться уборка, как на мотоцикле приехал пропыленный и злой сержант, чтобы составить протокол, и Порейке пришлось шептаться с ним за фикусом и отстегивать какие-то деньги. Это было унизительно делать на глазах генерала и Маркова.

Наконец мир был достигнут и номера готовы.

Порейко проводил гостей наверх, я не мог подняться с ним — не звали. Хотя мне очень хотелось узнать, когда они собираются встретиться, чтобы не спеша поговорить.

Я рассчитывал на свои преимущества как шофера. Порейко захочет отправиться на встречу в машине.

Я угадал.

Спустившись от генерала, Порейко велел мне отвезти себя домой, а потом к восьми вечера подать тачку к подъезду.

— Может, вас куда-нибудь подвезти? — спросил я Александру. Я был не виноват — она сама дарила мне взгляды, которые расшифровываются однозначно.

— Нет,— ответил за нее Порейко.— Мы будем заняты до вечера.

— В следующий раз,— подтвердила Александра. И опять же не голосом, а взглядом сказала куда больше, чем заключалось в этой фразе.

Я пришел домой. Я легко привыкаю к новым местам. Вот и Аркашину квартиру считаю домом.

Аркадий был дома, и не один. Но я об этом догадался не сразу и повел себя нетактично.

Я прошел на кухню, где Аркадий сидел у маленького телевизора — смотрел футбол. Я выложил на стол колбасу, сыр и поставил банку растворимки.

— Ну как тебе у нас служится? — спросил кузен.

— Встречал начальство.

— Значит, операцию готовят.

— Какую?

— Контрабанду. А может, разборку. Обо мне он не спрашивал?

— Порейко считает, что ты связан с милицией.

— Почему?

— Меня он не информировал. Но Жора сказал, что Александре ты мог понравиться.

— Не было ничего,— начал Аркадий, но потом замолк, вспомнив нечто неприятное. И обернулся к двери в комнату.

— Ну и идиот,— сказала Рита, появившись в халате из комнаты, где она, оказывается, спала на диване.— Она же на Аркашку глаз положила. Я ее за это отшила.

— Здравствуй,— сказал я.

— Не перебивай! — вскинулась Рита.— Ты не представляешь, какая это дрянь, шлюха продажная! Ах, я ветка, я травинка — она травинка из железа. Для нее мужики — ступеньки в лестнице. Скажи спасибо, что живым остался.

— Это была случайность,— возразил Аркадий.

— Случайность? Только ты мне об этом не рассказывай. У меня от вашей лапши все уши отсохли.

Они говорили, как будто меня не было в комнате.

Я прервал перепалку.

— Порейко сегодня угрожал Аркадию. Мне не понравилось, как он говорил, — сказал я. — У меня создалось впечатление, что он, то есть его люди, не выносят Аркадия.

— И тебя? — спросила Рита.

Она забрала тяжелые медовые волосы в пук на затылке и, взяв со стола резинку, перетянула ею хвост.

— И меня, — признался я.

— Поэтому и позвали в шоферы?

— Отчасти. А что, у него не было шофера?

— Хорошего шофера не было, — сказал Аркадий. — Был один парень, но его порезали в какой-то разборке, до сих пор в больнице отлеживается, в областной.

— Ты бы уехал куда-нибудь, Аркадий, — сказала Рита. — Хочешь, я с тобой уеду?

— В круиз за пять тысяч баксов? — спросил Аркадий.

— В Курскую область, — сказал я, — к родственникам. (Отдохни. Сейчас ты вряд ли особенно нужен на фабрике.

— Как раз сейчас я и нужен, — возразил Аркадий. — У нас многое решается.

— А черт с ним, пускай его пристрелят, — сказала Рита. — (Он сам нарывается.

— Ничего они не сделают, шакалы. Только ты эту тачку паршивую у моих окон не ставь. А то я тебя с тачкой вышвырну подальше, — сказал Аркадий.

Я спустился, отогнал машину немного в сторону, благо место было, а когда вернулся, Рита уже ушла.

Я не заметил, как она вышла из подъезда.

Я улегся на диван и спросил Аркадия:

— Надеюсь, ты работаешь с дядей Мишей не только потому, что не выносишь Порейку.

— Все не так просто, — ответил Аркадий и невесело рассмеялся.

— Тогда слушай внимательно, — сказал я. — Сегодня мы с Порейкой встречали людей из центра.

— Ты уже говорил.

— Приехал почетный председатель генерал Чулков. С ним реальный хозяин Фонда — Рустем Марков. Запомнил?

— Несложно.

— Третий — на подхвате, но характерно, что он или из «Памяти», или «баркашовец», я их плохо различаю — черный мундир, много ремней, и сапоги скрипят. Однако он у них прислуга — носит чемоданы. Они остановились в гостинице. Немного поскандалили, поэтому местный милиционер приходил объясняться, и Порейко ему что-то сунул.

— Ничего удивительного, — сказал Аркадий. — Гостиница у милиции под «крышей». Они следят, чтобы был порядок.

— Сегодня вечером они будут что-то обсуждать. Я постараюсь подслушать. Пока мы будем в гостинице, пожалуйста, передай в Москву информацию о приезде генерала Чулкова.

— Не талдычь. Сделаю.

— И тут же, как сообщишь, уходи. Прошу тебя. Приказать не могу, но очень прошу. И Рита просит. Ты ей доверяешь?

— Нечестный прием, — улыбнулся Аркадий. — Ритка здесь ни при чем.

— Когда я вернусь ночью — чтобы тебя не было. Остаешься в Курске, пока тебе не скажут возвращаться. Ключ под половиком.

— Ну ладно, ладно, — сказал Аркадий.

Он открыл шкаф и стал вынимать что-то, — наверное, белье. Мне было очень неловко. Какого черта я заставляю людей срываться с места, куда-то нестись, как преступников?

Без десяти восемь я попрощался с Аркадием.

— Послание мое отправишь, не забудешь? — спросил я.

— Не забуду.

Он почти обнял меня, коснулся ладонями плеч и отстранился.

Я спустился вниз, к машине, и погнал ее к дому Порейки, не хотел опаздывать — шофер должен быть безукоризненным.

Я прибыл вовремя — мои хозяева уже стояли возле дверей.

— Чего опаздываешь? — буркнул Порейко.

Я выразительно посмотрел на часы.

— Не сюда в восемь, а там надо быть в восемь,— про-
юрчал шеф.

— Ты не прав, Дмитрий,— сказала Александра.— Ты ве-
лел ему здесь к восьми быть.

— А ты бы помолчала,— сказал Порейко.

Александра чуть улыбнулась, как улыбается мудрая мать,
слушая вопли своего младенца.

Вечер был бархатным, темнело, жужжали комары.

У гостиницы нас ждал Одноглазый Джо. Жоры не было.

Порейко первым вбежал в гостиницу, словно боялся
что-то на минуту опоздать. Александра задержалась у машины.

— Александра,— сказал я.— Я боюсь, что они замыш-
ляют что-то плохое против Аркадия. Ты могла бы этому
помешать?

— Ты бы лучше о себе думал,— ответила Александра.—
Ты на подозрении, хуже чем Аркашка.

Она быстро ушла в гостиницу следом за Порейкой.

Уже темнело, вечер обещал быть длинным и облачным,
но будут бесконечные сумерки.

Мне надо было подслушать их разговор. Может быть,
тогда все и решится.

Но я не знаю, какая из комнат — «полулюкс». Ведь не
иначе как там будут идти переговоры.

Я вышел из машины, закрыл ее, чтобы не соблазнять
мелких преступников блестящими штучками, перешел на дру-
гую сторону улицы, соображая, где находится «полулюкс»,
гостиница была массивная, обширная, даром что двухэтажная,
но половину первого этажа занимал ресторан и вторую —
служебные помещения. Номера были на втором этаже.

Я прошел по улице. За гостиницей были полуоткрытые
юрота — они вели на хозяйственный двор. Двор был об-
ширным, с конюшнями, где стояли разные, видно не только
гостиничные, машины, у одного из складов под желтой в
полумраке лампой сгружали с грузовика овощи.

Гостиница была построена в виде буквы «Г», причем
длинная полоска шла перпендикулярно улице, выходя во
двор, а с другой стороны...

Я вышел снова на улицу и посмотрел с другой стороны.
Там шел высокий забор, затем начиналось здание магазина

«Промтовары». Вернее, он раньше был магазином «Промтовары», а нынче назывался «Кутюр», черт знает, что этим они хотели сказать. Но вывеску «Промтовары» закрасили кое-как, так что я догадался, чем в нем торговали раньше.

Из-за высокого забора между магазином и гостиницей поднимались купы яблонь с небольшими пока плодами. Там был сад. Но чей? Возможно, он тянулся параллельно улице.

Я попал в глупое положение. Если бежать вокруг квартала и искать, как заглянуть в чужое окно, то за это время кто-нибудь обязательно выйдет проверить и меня не найдет возле машины. Заниматься обычной левитацией на центральной улице города нелогично. Неизвестно, куда тебя потащат сначала, в сумасшедший дом или милицию.

В глубокой задумчивости, свойственной лишь кинорежиссерам и героям авантюрных романов, я отправился обратно, поравнялся с машиной и тут совершенно явственно услышал знакомый голос Порейки:

— А этот тост разрешите поднять за присутствующего среди нас освободителя Европы от фашистского ига!

Господи, и я собирался летать по воздуху и лазить по крышам в то время, как эти бездельники праздновали встречу друзей в ресторане, у открытого окна, не обращая внимания на шоферов и лакеев.

В этот момент грянул оркестр, и все мои радужные надежды разлетелись в пыль. Для того чтобы подслушивать их и дальше, мне пришлось бы сесть на стол, а это вызвало бы удивление.

У меня оставалась надежда на то, что им захочется всерьез поговорить после славного ужина. Надо же на что-то надеяться.

Время у меня было, но мыслей как назло — никаких. В результате я не придумал ничего лучше, как заглянуть в холл. Там никого не было. Я осторожно прошел к входу в ресторан, прикрытому лиловыми портьерами, видно оставшимися со славных купеческих времен. Все столы длинного скучного зала, разрисованного по стенам плодами южных земель, были заняты. Толстяк танцевал с Александрой, Ру-стем чокался с Порейкой. Жора с Одноглазым Джо сидели

и соседним столиком, пили водку со скудной закуской и всех охраняли. Мне показалось, что Александра увидела меня и подмигнула. Хотя, может, мне хотелось, чтобы она подмигнула.

В зале было дымно, и освещен он был несколькими цветными прожекторами, которые мельтешили, стараясь создать атмосферу непринужденного праздника.

Я вышел из зала и, подойдя к дежурной, показался ей проверяющим. Не важно каким, — может, по электрической части, может, по газовой. Я спросил, как пройти в «поллюкс».

Проходить я никуда не стал, а возвратился к машине. Как я и предполагал, окна «поллюкса» выходили в сад. Два окна — третье и четвертое от дальнего конца. Информация есть, но пользы от нее пока мало.

Зато штора в ресторане была прикрыта не до конца, так что я точно увидел, как они, расплатившись, покинули ресторан.

Было без десяти десять. Стемнело, но ночью это серебряное сияние назвать было нельзя. В такую погоду в Питере выходят в два часа ночи посмотреть, как разводят мосты. Люди и предметы приобрели некий полупрозрачный вид и потеряли свой цвет — все было сиреневым и смутным.

Деятельность на гостиничном дворе давно уже прекратилась. Сторож прикрыл ворота и куда-то отошел, возможно, он ждет проказников во дворе.

Через дверь я поглядел, как вся честная компания поднималась наверх. Первым шел генерал, а дальше построением немецких псов-рыцарей, известным по нашему кинематографу как «свинья», шествовали Рустем с Александрой, а затем латники — простые ратники — Порейко и Джо с Жорой и телохранитель в черном, скрипевший ремнями на весь район.

Значит, они решили никого мне в помощь не присылать и вообще списали меня со счетов. Обидно, но удобно.

Меховск рано ложится спать или прилипает к телевизорам, чтобы лучше разбираться в мировом искусстве и политике. Если не считать золотой молодежи, которая догуливала в ресторане, постепенно переходя от рока к при-

сядке, да случайных прохожих, улица была пуста. Теперь можно было рискнуть.

Я сделал так: дошел до магазина и резким прыжком поднялся на его крышу. С непривычки я потянул ногу, и мне пришлось минуты три корчиться за трубой от боли. Все летающие люди из фантастических романов померли бы от смеха, увидев, до чего дошла левитация в наши дни.

Не поднимая высоко головы, я перебрался на другой скат крыши и разглядел сад. Он в самом деле относился к какому-то большому зданию — больнице или школе, нет, скорее больнице, потому что несколько окон в нем светилось.

Окна длинного крыла гостиницы выходили в этот сад. Мне не стоило труда увидеть свет в «полулюксе», где жил генерал. В обоих окнах.

К счастью, не все деревья в том саду были яблонями. Среди них встречались и более солидные создания. На ветвях одного из них, — кажется, липы — я устроился, готовый, если надо, взлететь.

Я должен сказать, что летал я по обязанности, без всякого удовольствия и понимал проблему Икара, который предпочел свалиться в море, только бы не шастать между облаками.

Начало каждого полета требовало такой концентрации всей душевной и физической энергии, что начинал болеть живот и ломить в затылке. Боюсь, что, если бы мне в такой момент смирли давление, оказалось бы, что меня надо срочно класть в больницу.

Нет, я не птица и не создан для полета.

Рассуждая так, я устраивался поудобнее на ветке, глядя в открытое окно номера «полулюкс».

Как раз, когда я еще шумел и потрескивал ветвями, Порейко подошел к окну и стал вглядываться в полутьму.

— Как бы кто не подслушал, — сказал он.

— Вы же знаете, это больничный сад. Ну кто в него ночью пойдет? — ответил Одноглазый Джо.

— Кому не надо, тот и пойдет, — ответил Порейко.

Он стал закрывать занавеску, но изнутри комнаты сразу откликнулся генерал.

— Можно оставить немного свежего воздуха? — спросил он. — Как говорится, голова в холоде, ноги в тепле. Суворов. Штору закрывать не стали.

Генерал пил кефир из квадратного пакета. Ему нравилось пить кефир.

— Не то, что алкогольные напитки, — сообщил он.

— Я надеюсь, что здесь никто не услышит, — сказал Порейко. — Хотя я продолжаю думать — неплохо бы закрыть окно.

— И не думай, — воспротивился генерал.

Порейко вернулся к окну. Он смотрел вниз, словно кто-то мог подобраться к дому и подложить бомбу. Он курил, и, когда затягивался, его лицо становилось оранжевым от разгоревшегося уголька.

— Я рассчитывал на большее количество живой силы, — сказал генерал. — Моя статистика показывала другие величины.

Наверное, он был генералом по интендантству. Хотя в политику обычно уходили генералы из политорганов.

Я ощутил вечернюю тишину. И запах листвы. Где-то далеко залаяла собака. Вечер был безветренным, парным, и каждое слово, сказанное в комнате, мне было слышно, будто я сидел среди собеседников.

— В общей сложности, — ответил Порейко, отвернувшись от окна и возвратившись в комнату, — мы достигнем нужного числа. Добавим со стороны.

— Ни-ни! — возразил Рустем. Перед ним стояли в ряд несколько банок с пивом «Хейникен», он открывал их по очереди, слизывал пену и потом высасывал банку до дна. — Никакой самодеятельности. Мы мобилизуем наших людей, спецконтингент. Мне надоели объяснения. К тому же, по некоторым сведениям, к нашей деятельности проявляет интерес департамент Мясоедова.

— Это в МВД? — спросил Порейко.

Теперь к окну подошла Александра.

— Ты куда? — спросил Порейко.

— Душно у вас, накурено, — сказала она.

Нас разделяла пропасть в десять метров, если бы она смотрела прямо на меня, наверняка бы углядела в листве.

Я замер, превратившись в сук. Сук был не очень убедителен, но она меня не заметила.

— В МВД,— сказал Марков и почесал убегающий подбородок,— но у нас к ним хода пока нет. Пока.

— Как же так, с вашими-то деньгами, с вашим влиянием?

— Я тоже удивлен,— сказал генерал.

Он пил кефир, расплывшись на стуле, видно, спине привычной было опираться на прямую твердую доску.

— Это дело времени. Департамент невелик — одно слово, что департамент. Но они решили, что, чем меньше людей, тем меньше утечки. Купим. Обязательно купим.

Я подумал, что разговор идет о департаменте полковника Миши. Мне хотелось, чтобы существовал департамент, куда еще никто не смог залезть, купить, развратить и уничтожить.

— Это опасно,— сказал генерал.— Поймите, что я обладаю высокой репутацией. Если что-то просочится в продажную прессу, моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб.

— Непоправимых ущербов не бывает,— Рустем открыл еще одну банку пива,— все забывается. На этот счет есть поговорка, но я ее забыл.— Он говорил без акцента, но жестко произносил согласные.

Он сыто засмеялся, словно забыл поговорку нарочно, чтобы подшутить над собеседниками.

— Так, и что же? — спросил Порейко.— Что им известно?

— Им известны предыдущие мобилизации,— сказал Рустем.— Они уже вычисляют, что произошло, и даже, мне сообщили, просили прикрытия для того, чтобы послать агентуру в пункты, где могут произойти новые казусы.

— К нам тоже? — Александра отвернулась от окна и кинула вопрос в густую полутьму комнаты. Им бы свет зажечь. И, как бы услышав мою мысль, генерал произнес:

— Совсем ничего не видно, я этого не выношу. Даже в блиндаже у меня всегда было освещение проведено. Я помню, сидели мы в Грозном под вокзалом, и я говорю ребятам: «А ну-ка сделайте мне свет!» Сделали, черти полосатые!

Генерал врал. Не был он в Грозном под вокзалом, потому что и в прошлом и в позапрошлом году ему были все те же восемьдесят лет. Такой генерал годен только для митингов.

— Значит, к нам прислали агента? — спросила Александра.

— Вот именно это и я хотел спросить, — произнес Порейко.

Александра зажгла торшер. Его уютный свет как бы сплотил людей, словно на полотне Рембрандта, — остальной мир перестал существовать, растворившись в теплой темноте.

— Не исключено, — сказал толстый. — Мясоедов отличает методичностью.

— А если у нас возникли подозрения? Даже без ваших предупреждений. Что нам делать? — спросил Порейко.

— В двух словах попрошу изложить суть дела, — приказал генерал.

— Недавно у нас в городе появился человек лет двадцати пяти. По биографии и документам — ветеран. Но что меня смутило с самого начала — он остановился в доме у некоего Аркадия Полухина, личности подозрительной и, по нашим сведениям, тайного сотрудника органов.

— Какие основания? — спросил Марков. — Я спрашиваю, чтобы призвать вас к осторожности. Наши товарищи и других местах часто ударяются в подозрительность. А излишняя подозрительность так же опасна, как излишняя доверчивость. Мы можем оттолкнуть, а то и погубить хорошего, преданного идее человека. И главное — привлечь к себе внимание органов. Учтите, не все у нас еще куплено, не все еще нам подвластно. Мы стремимся к этому и в центре, и на местах. Но работа нелегкая, ох нелегкая.

Марков подвигал козырьком и с тоской посмотрел, как уменьшается ряд пивных банок. Перед ним оставалось три или четыре.

Александра перехватила взгляд и, улыбнувшись, сказала:

— Мы можем нашего человека послать. Он всегда киоск откроет.

— Киоск не надо! — предупредил Порейко.— Киоски контролируются враждебной нам группой.

— И вы допускаете? — удивился генерал. Он постучал доннышком кефирного пакета о столик, стук получился авторитетным и даже строгим.

— У каждого свои проблемы,— сказала Александра.— Вы не можете навести порядок в Москве, а мы не можем разобраться со всеми противниками в маленьком Меховске. Чувствуете сходство ситуации?

— У вас молодые, сильные, смелые ребята! — рассердился генерал.— Поднимите их, направьте, дайте цель, лозунги, и пускай они все сделают.

— Командарм,— сказал Рустем,— ты требуешь от ребят невозможного. Сам говорил, что они нам могут выделить слишком мало людей, а хочешь, чтобы они схватили весь город. В Меховске действует параллельная организация?

— Действует, ох как действует! — поспешил с ответом Порейко.— Союз ветеранов Афганистана во главе с неким Мельником. Мы не наладили с ними связи.

— И не надо,— согласился Марков.— Это не наши люди. Но если вам удастся оттянуть от них в свою структуру отдельных ребят, сделайте это. И если завтра вы позовете на дело кого-то, мы только скажем спасибо.

— Понимаю, как не понять,— согласился Порейко.— Но все не так просто, как кажется.

— А мне ничего не кажется,— сказал Марков.— Ваше дело подчиняться, а наше — принимать решения.

— Вам хорошо оттуда рассуждать,— пытался сопротивляться Порейко.

— Вы лучше скажите мне о шпионе,— сказал генерал.— Многие операции, должен вам сказать, срывались от того, что в ряды наших сил внедряли их разведчика. Так что, попрошу вас, по порядку, а мы уж будем принимать решения.

— Юрий,— сказал Порейко,— Юрий Иванович Старицкий.

— Хорошая фамилия,— сообщил генерал,— из столбовых дворян.

— Я у него изъяс паспорт, а он его у меня потом выкрал,— сказал Порейко.

— Как выкрал? — спросил Марков.

— Честно говоря, не знаю. И это мне тем более не нравится. Я у него изъяс паспорт для проверки и регистрации, положил в стол, а когда хотел вечером изучить — нет паспорта! Где паспорт?

— Мало ли куда вы его сунули!

— Он сам признался, что украл.

— Это еще не аргумент, — сказал генерал. — Давайте нам другие аргументы.

— Мне не понравилось, что он сразу же пошел искать Александру.

— Кого? — спросил генерал.

— Меня, — сказала Александра.

— Как так пошел искать?

— Я работаю официанткой в кафе, — сказала Александра. — А он пришел в то кафе завтракать.

— И много у вас в городе кафе? — спросил Чулков. — Есть выбор?

— Есть еще на станции буфет и ресторан... в котором мы сидели.

— Ясно, — сказал Рустем. — Значит, если человек хочет поесть, то ему лучше всего пойти в кафе, где работает Александра. Что же подозрительного он совершил?

— Мне он не понравился, — сказала Александра. — Представляете, он предложил мне с ним позавтракать.

— Хорошее предложение, — усмехнулся Рустем. — Благодарное. Я бы тоже предложил. Сначала поужинать, потом позавтракать.

— Так не делают, — возразил генерал. — Обслуживающий персонал не имеет права присаживаться за стол к клиентуре. Это дисциплинарное нарушение.

— Помолчи, командарм, — сказал Рустем. — Я отлично понимаю этого парня.

Александра отвернулась от него. Почти демонстративно. Мне непонятно было, зачем Порейко затащил ее в эту компанию. Я знаю, как важно при переговорах на обедах и встречах иметь красивую женщину. Очень полезно. Но гут шла встреча доверительного характера.

Рустем, который и был здесь главным, продолжал:

— Чем еще проштрафился этот... Старицкий?
— Не нравится он мне,— сказал Порейко.— Не вовремя возник. Ну шел бы к Мельнику, к его ветеранам.
— А он в Афгане воевал?
— Нет, молодой для этого.
— Тогда ему некуда деваться, только к тебе, наш осторожненький.

— И в драку ввязался.
— В какую еще драку? — сердито спросил генерал.— Я не позволяю рукоприкладства в моем округе. Немедленно доложите.

— Он был ни при чем,— сказала Александра.— Один мой поклонник, из бандитов, увидел через окно, что мы разговариваем. И ворвался. Вот Юра и уложил его. А Кирилл привел с собой еще людей. Тут уж пришлось вмешаться нашему шефу.

— Все обошлось? — спросил Рустем.— Мне еще не хватало милицейского дела накануне операции!

Это были первые очень нужные мне слова. Операция состоится завтра. Или на днях. Но какая-то операция, о которой не положено знать милиции, готовилась. У меня зашекотало под сердцем. Это было подобно лотерее — один номер совпал, второй номер совпал, теперь третий...

— Еще обвинения против этого парня есть?

— Обвинений нет. Я сделал его своим шофером. Он говорит, что воевал в Абхазии и даже в Африке. Был механиком-водителем. А мне как раз нужен водитель. Я решил — пускай будет у меня на глазах.

— С одной стороны, мудрое решение, решение настоящего контрразведчика,— заметил генерал.— С другой стороны — рискованное решение.

— Я тоже думаю, что рискованное решение,— сказал Марков.

— Вы, наверное, не совсем понимаете,— сказала Александра.— Мы живем в маленьком городе. Наш город поделен на сферы влияния. Бандиты, с которыми дрался Юра, нам не подчиняются. Если мы его оставим одного, без прикрытия,— его сегодня же ночью зарежут.

— Так круто? — спросил Рустем и засмеялся своим мыслям. Потом добавил: — Надо вас прорезать. Знаете, бывает лес слишком густой, деревья друг дружке мешают, душат друг друга вопреки законам товарища Лысенко. Их тогда прорезают, чтобы росли свободно. Поняли?

Интересно, он помнит о Лысенко. Впрочем, ему на вид лет под пятьдесят. Он вполне мог застать отголоски той биологической борьбы в школе. А впрочем, что я о нем знаю?

— Вы считаете, что я должен его выгнать? — голос Порейки дрогнул. Он был из тех вождей, которые очень решительны на словах, но, когда доходит до дела, у них начинается геморрой.

— Нет, — улыбнулся Рустем. — Зачем? Нам такой человек нужен. Драчливый, смелый, с опытом. Пускай поживет еще немного. Вместе с другими борцами.

Этой фразы я не понял.

— Меня тянет в сон. Простите, у меня строгий режим, — сказал генерал. — Но требуется до наступления моего сна обсудить все важные детали.

Он посмотрел на Александра.

Черт возьми! Я готов был выругаться.

— А мне домой пора, — сказала Александра, — я с вами тут заболталась. А то хозяйка беспокоится.

— Вот и отлично, — сказал Рустем и, не поднимаясь, протянул ей руку. — Рад был познакомиться. Надеюсь, встреча не последняя. Вы там будете?

— Собираюсь, если Дмитрий Трофимович возьмет.

— Тебя Юра подвезет, — сказал Порейко.

— Я сама дойду, — улыбнулась Александра. — Кто меня тронет?

— Не уверен, не уверен, — возразил Порейко. — К тому же мы еще полчаса здесь поговорим. Он успеет тебя проюдить. Но ребят не трогай. Ребята пускай здесь остаются.

Александра чуть поклонилась генералу.

— С Богом, девочка, с Богом, — сказал генерал.

Александра пошла к двери. Она еще не успела уйти, как Рустем заговорил вновь, застав меня в движении, — я

как раз пытался высвободиться из ветвей, которые меня столь надежно укрывали:

— Вы начали говорить об Аркадии Полухине... Это бывший кандидат. Он хромает?

— Полиомиелит,— сказал Порейко.

— Он нам много крови попортил.

— И еще попортит,— сказал Рустем.

Но я не мог здесь оставаться. Александра поднимет крик...

Я взлетел над деревом и, сиганув через крышу, опустился у самого входа в магазин. Магазин был закрыт, но на ступеньках у него нежил недопитую бутылку местный бомж. Рядом с ним я и опустился.

— Привет,— сказал он.— Ангел Божий. Не желаешь ли просветить?

— Не желаю,— ответил я грубее, чем разговаривают с бомжами ангелы.

И побежал к машине.

Я подошел к ней в тот момент, когда из дверей гостиницы вышла Александра. На всякий случай за ней следовал Одноглазый Джо, но когда он увидел меня стоявшим у машины, то успокоился и начальственным тоном приказал:

— Отвезешь Александру и сразу обратно. Не задерживаться. В любую минуту можешь понадобиться шефу.

— Это так? — спросил я Александру, показывая, что ставлю ее ступенькой выше Одноглазого Джо. Александра поняла, негромко зажурчала горловым смехом и сказала:

— Он не посмел бы соврать.

Джо надулся, но проглотил обиду. Александру они все побаивались, фаворитка всегда опаснее самого шефа.

— Соскучился? — спросила Александра, садясь рядом со мной.

— Нет, время пробежало как одно мгновение,— ответил я цитатой из дамского романа.

Она жила далеко от центра. В отличие от соседних домов, забор в ее доме был невысок. В окнах горел свет. Когда машина затормозила, занавеска на открытом окошке откинулась, высунулась женская голова, всматриваясь в сумрак, загустевший как черносмородиновый компот.

Александра шлепнула меня ладошкой по руке, лежавшей на руле, и сказала:

— Спасибо, Юрик. Проводи меня до калитки, мало ли кто здесь может притаиться.

Притаиться там никто не мог, но я не стал спорить с женщиной, которая ходит сама по себе.

Мы вышли из машины.

Она заговорила тихо, глядя на свой палисадник в сторону от машины.

— Я знаю, они жучок в машине ставили. Трофимыч сим провоцирует тех, кто с ним поехал, на всякие разговоры, и потом слушает. Он коллекционер подлостей, понимаешь?

Я кивнул.

Она перешла на шепот:

— Они тебе не верят, Юрик. Они думают, что ты легальный, так что береги каждый свой шаг, оглядывайся.

— Зачем же он меня в шоферы взял? — наивно спросил я.

— Дурак, чтобы ты всегда был под рукой, чтобы глаз с тебя не спускать. Кстати, и за Аркашкой приглядывай. Тут такая штука... — Ей как будто не хотелось говорить, боялась она, но все же сказала: — Ты здоровый, ты им нужен, а Аркашка хромой, на что он им?

— Для чего я нужен?

— Не могу же я этого сказать! Иди, иди, а то Трофимыч подсчитает, сколько тебя не было, и решит, что ты меня под забором трахнул. А ты хотел бы?

— У тебя и без меня коллекция богатая.

— Это не ответ мужчины.

— Будет время, будет и ответ, — дипломатично заявил я.

— Александра! — послышался женский голос от двери. — Сколько тебя ждать?

— Квартирная хозяйка, — сказала Александра. — Добрая гетка. Я ей вместо дочки.

Она легонько, но больно щелкнула меня ладошкой по щеке.

— Ты не стоишь жалости, — сказала она. — Понял? Я тебе честно скажу, ни один из вас, козлов, мне не нужен.

Хлопнула калитка.

Она побежала к двери. Хозяйка, ворча, проследовала за ней. Дверь громко хлопнула.

Трудно ей тут, подумал я, забираясь в машину. Какая бы она ни была, распутная, жадная, легкомысленная, запуганная, не знаю, будет ли время разобраться,— ей тут трудно. Это не город, а какой-то скорпионник.

Я за пять минут доехал до гостиницы. На пороге стоял Жора.

— Тебя только за смертью посылать,— буркнул он и побежал внутрь.

Через три минуты появился недовольный Порейко в сопровождении Одноглазого Джо.

— Что случилось? Тебя полчаса не было.

— С Александрой разговаривали,— сказал я.— О смысле жизни.

— Без шуток! — велел Порейко.— Когда тебя спрашивают.

— А я не шучу. Спросите сами у нее.

— Не о чем вам разговаривать,— сообщил мне Порейко.

Он сел в машину один.

Я обернулся к оставшимся у входа в гостиницу холуям.

— А личная охрана? — спросил я.

— Они сами доберутся,— сказал Порейко.— Им недалеко.

Мы проехали полдороги до его дома, и тут Порейко передумал. Он велел мне поворачивать к гаражу. Он сообщил мне, что обстановка в городе неспокойна — они обсуждали ее с гостями, руководителями центральной организации.

— А в гараже спокойнее? — удивился я.— Это же простой сарай.

— Все же под замком и за воротами — не так легко надругаться.

Я не стал спорить — его воля, тем более что от гаража мне до дома даже ближе, чем от его дома.

Мы быстро доехали до гаража, открыли ворота и загнали машину в сарай. Порейко был молчалив, только рассказал мне, что товарищ Рустем — большой человек в Москве, его знают в ВПК. Но главное — он считает, что в нашей стране

пора установить настоящий порядок. Для этого надо уже сейчас готовиться к тому, чтобы подобрать власть, когда она упадет на землю,— а ведь каждый понимает, что наша власть, как груша,— перезрела, вот-вот шмякнется.

Когда я запер сарай, он отобрал у меня ключ и сказал, блестя в темноте золотыми клыками:

— Я тебе, Юрик, прости, пока не доверяю. Оставишь тебе ключ, а ты возьмешь ночью машину и уедешь с девочками кататься. Учти, Александре доверять нельзя. Тот мужчина, который этой сучке доверяет, считай — труп в прямом и переносном смысле. Нет, ключ завтра получишь.

— Так что, я за ним к вам домой пойду?

— Не так строго,— засмеялся Порейко.— Тебя в восемь часов Жора ждать будет. Вы с ним за мной и заедете. Добро? Мы вышли на улицу.

— Ну что ж, прощайте, до завтра,— сказал я.

— Нет, у меня к тебе просьба будет,— ответил Порейко.— Проводи меня до дому. Уж очень у меня много в этом городе недоброжелателей. Ты не поверишь.

— Чего же вы ваших охранников не взяли?

— А зачем мне охранники, когда ты один десяти стоишь? Стоишь, правда?

— Мне спать хочется, я устал.

— Чего тебе усталость! — Он жестко взял меня за предплечье и повел за собой.— Не отказывай мне, не надо. Мы с тобой ветераны, а ветеран своего командира никогда не бросит на враждебной территории.

— Ничего себе — враждебная территория...

— А тут каждый куст стрельнуть может,— убежденно сказал Порейко.

От него несло алкоголем и луком, он все норовил взять меня под руку, но я не доверял его приятельству.

— Ты мне лучше расскажи свою биографию,— сказал он,— вроде мы с тобой одного поля ягоды, должны все о себе знать, а мне мало что известно. Разве это порядок? Это непорядок.

— Вы уже знаете мою биографию.

— А ты не формально, по-человечески. Например, братья, сестры у тебя остались?

— Есть сестра, в Сызрани.

— Замужем?

— И двое детей. Мужа зовут Георгием, он брюнет, работает в рыбинспекции, у них двухкомнатная квартира...

— Хватит. С ним все ясно. Фамилия Георгия?

— Аругюнян.

У них нет времени проверять. И не будет он проверять. Порейко планирует для меня какую-то другую судьбу.

— А вот когда ты из Африки вернулся, то где жил?

— Я жил в Москве, у любовницы. Мою любовницу зовут Любой, она кончает курсы иностранных языков, сама темная блондинка, глаза серые, шрамов пока не заметил...

— Нормально, спасибо.— Порейко делал вид, что идет нормальная беседа.— Мы и ее проверим. Фамилию не забыл?

— Не забыл. Кузнецова, Любовь Викторовна.

— А теперь расскажи...

К счастью, тут мы добрались до дома Порейки, и я его не успел придушить. Может быть, мой отчаянный поступок и сорвал бы всю нашу операцию, но принес бы пользу человечеству в целом. Я почему-то вспомнил рассуждения Маркова о том, как прореживают лес. Самый главный сорняк шагал рядом со мной и делал вид, что принимает на веру мои глупости. Но в тот момент я еще не подозревал, насколько он опасен.

Я позвонил, Аркадий не открыл. Наверное, пошел провожать Риту, почему-то подумал я. Я толкнул дверь. Дверь была отперта. Это тоже меня не удивило. Я не знал привычек Аркадия. Но был уверен, что красть у него дома нечего. Так что он вполне мог оставлять дверь открытой настежь.

Я прошел на кухню. Там стояли две недопитые чашки.

И вот тут я, несмотря на открытые окна, почувствовал запах крови. У меня удивительное, звериное обоняние, я никому в этом не признаюсь, скорее во избежание шуток.

Я вошел в комнату, уже зная, что они убили Аркадия.

Впрочем, к такому выводу давно надо было бы прийти.

Надо было бы прийти к такому выводу, а не гулять по ночным улицам, создавая алиби Порейке, как будто он был моим задушевым другом.

Аркадий лежал в углу между тахтой и стеной, опершись спиной о прикроватный столик. Он, видно, отступал от них, но не звал на помощь, что-то не позволяло ему звать ни помощь. Он отступал, потом отступить больше было некуда, и они его достали и зарезали. Причем он видел, что они хотят сделать, отбивался и хватался руками за лезвие — его пальцы были окровавлены и изрезаны.

Они разрезали ему горло большим кухонным ножом.

Нож валялся тут же, они бросили его.

Но я сначала сел на корточки и стал шупать пульс, потом приподнял веко — это был пустой труд, — Аркадий был мертв уже несколько минут, а может быть, и полчаса — и не знаю, с какой скоростью охлаждается тело, тем более в такой теплый вечер. Тело еще было теплым.

Я знал, что есть телефон у соседа напротив.

Я вышел на лестничную площадку и постучал в дверь напротив. Но не сильно, не тревожно, как мне хотелось, и заставил себя позвонить робко и коротко, будто я пришел шнить соли.

В двери был глазок, меня долго разглядывали, потом мужской голос спросил:

— Чего тебе?

— Я напротив живу, — сказал я, — я брат Аркадия.

— Ага, — сказал голос, — я тебя видел.

— Скажите, откуда можно позвонить?

— А зачем?

Господи, ну в какой стране я живу!

— С Аркадием несчастье, мне нужно вызвать «скорую».

— Подрались, что ли?

Чтобы слышать друг друга, нам приходилось говорить громко, почти кричать, но моего собеседника это совершенно не смущало.

— Да вы скажите, где телефон?

— Нет телефона, — сказал голос. — А ты в больницу сходи.

— А где больница?

— А как выйдешь из подъезда, так поверни направо и по тропке, по тропке, не отклоняйся, еще два дома будет, там спросишь.

Я понял, что пользы от него больше не добыю, и кинулся бежать.

Тропинка повела меня сквозь заросли сорных кустов. В кустах кто-то возился и страстно подвывал.

— Эй, где больница? — крикнул я.

В кустах замолчали, затаили дыхание.

— Я тебя спрашиваю! — крикнул я и двинулся в кусты в направлении голоса.

— Вы правильно идете, — ответил девичий голос, — скоро дорожка асфальтовая будет.

В больнице было сонно, пустынно, а дежурный врач ушел домой спать. Так объяснила сестра — единственное существо в белом халате. Но из больницы мне удалось, по крайней мере, дозвониться до милиции. Этот город безобразно рано ложился спать, его даже не волновали поздние телевизионные сериалы. Но постепенно моя деятельность возвращала его к жизни — медсестра побежала в соседний дом будить шофера «скорой помощи», я дозвонился еще и до врача, врач пытался отговориться от выезда, раз мой брат мертв, но я припугнул его, сказав, что не уверен в его смерти. А вот если он умрет в ближайший час, то я дойду до министра.

Шофер «скорой помощи» был в майке и тренировочных брюках, но, по крайней мере, он не тянул время и не изображал невинную жертву моего заговора. Вместо врача, которого мы так и не дождались, поехала ночная медсестра. Когда мы прибыли, милицейский «газик» как раз подъехал к подъезду. Возле квартиры стояла небольшая толпа, какие-то люди, видно соседи, ходили по квартире, милиционер стал их гнать. Он сказал мне доверительно:

— Так я и думал, все вещдоки затоптали.

Я подумал, что затапывать особенно нечего, тем более что в «газике» было лишь двое патрульных, а что касается экспертов, то раньше утра их не ждали.

Медсестра вместе с милиционером осмотрели Аркадия.

Конечно же он был мертв.

Милиционер сразу накинулся на меня как на главного подозреваемого. Как у подозреваемого у меня было одно достоинство — я оказался под рукой. Он спрашивал меня, когда я пришел домой, почему не пришел раньше, я оп-

равдывался, просил уточнить у медсестры — она должна знать — или милиционеры должны знать — их же учили чему-то! — сколько часов назад убит Аркадий.

— Недавно,— сказала сестра,— час-полтора, совсем недавно.

— Значит, перед моим приходом,— сказал я.

— Или сразу после вашего прихода,— уточнил милиционер. Он отобрал у меня паспорт и велел пройти с ним в отделение.

Но тут, на мое счастье, прибежала Рита. Откуда-то эта медовая красавица узнала о смерти Аркадия — так быстро вести разлетаются по городу.

Волосы во все стороны, лицо красное, некрасивая, грубая, крикливая.

Она думала, что Аркадий еще в квартире, но когда узнала, что его увезли в морг, ринулась было туда и тут увидела, что меня ведут к «газику».

— А его зачем? — спросила она сквозь рыдания и неинятные обвинения в адрес убийц.

— Он тут был.

— Ты видел? — Она удивилась.— Когда ты приехал?

— В одиннадцать двадцать,— сказал я.— Я время всегда отмечаю.

— И Аркашка уже был мертв?

— Конечно. Я сначала это понял, а потом побежал в больницу.

— Ну пошли, пошли,— тянул меня за рукав милиционер.

— Да оставь ты его! — закричала Рита.— Или меня бери. Я от него в одиннадцать ушла. Ты понимаешь, что я в одиннадцать, ну, может, без четверти одиннадцать ушла, и еще с ним поссорилась, как следует поссорилась.

— Ну и что? — спросил милиционер.— Ты поссорилась, и он пришел и убил.

— Ну зачем мне? Подумайте — я прихожу домой и убиваю брата?

— А вот зачем — разберемся. Но оставлять тебя на свободе я не буду. А ты, Маргарита, иди домой, дети плачут. Хватит.

— Ты не издевайся, Петров,— сказала Маргарита грозно.— Я ведь и пришибить могу. Я тебе сказала — Юру отпусти. Юра ни при чем. Я знаю, кто Аркашку убил, кто к нему подбирался.

— А кто?

— Я сама до них доберусь. Они жить не будут.

— Ну пошли, пошли,— повторил милиционер. Толпа вокруг стояла тесно, чтобы не пропустить ни слова.

— Ты только попробуй! — пригрозила Рита.— Тебя завтра здесь не будет. А ну, отпусти Юрика!

В толпе засмеялись.

— А мне в больницу надо, ты же понимаешь — я хочу Аркашку увидеть,— сказала Рита.

— Ладно,— сказал милиционер, который, видно, не чаял, как отсюда убраться,— давай по дороге тебя завезем.

Второй милиционер, что сидел за рулем, вообще не вылезал из машины.

— По пьянке? — спросил он и посмотрел на меня.

— А потом в больницу побежал — нервы у них сдают.— Милиционер не желал отказаться от своей версии.

Милиционер отправил нас на заднее сиденье — это был самый обыкновенный «газик», — а сам сел спереди.

— Юрка,— спросила Рита меня как своего, словно беда сблизила нас.— А ты чего сегодня так поздно пришел? Ведь Аркашка ждал тебя. Он очень ждал, ты же понимаешь.

— Меня шеф не отпускал,— сказал я.— К нему люди из Москвы приехали, а потом я у ресторана стоял, ждал их.

— Об этом я знаю.— Рита перевела дух, сглотнула слезы,— но потом почему домой не поспешил? Ничего бы не было.

— Вот это мне и не нравится,— сказал я.

— Ага, ты чуешь, чуешь, говори!

— Шеф один со мной остался, велел машину в гараж поставить, а потом его до дома провожать.

— Вдвоем?

— Только вдвоем.

— И сколько же у них времени было?

— Ну уж не меньше чем полчаса.

— Они! — закричала Рита. — Они, суки! Ну они у меня жить не будут! Стой!

«Газик» остановился у больницы.

Она выскочила и сказала милиционеру:

— Юрка пойдет со мной. Мне провожатый нужен.

— А кого же я в отделение привезу? — удивился милиционер.

— Слушай, Петров, ты еще не догадался, кого ты в своем «газике» возишь и подозреваешь?

— Кого-кого, сам знаю кого!

— А вот не знаешь. Ты возишь личного водилу товарища Порейки! С его личного «мерседеса», это тебе что-нибудь говорит?

— Врешь! — сказал милиционер.

— А я думаю — чего это мне его харя знакома, — сказал второй милиционер. — Это точно порейковский шофер. Да?

— Да, — сказал я.

— Тогда мотай отсюда, пока цел, — приказал мне милиционер, забыв о своем решении отвезти меня в околоток.

Я выскочил наружу. Машина газанула и умчалась, визжа тормозами на поворотах.

— А ты знаешь, где морг? — спросила Рита.

Она подняла полные руки, заправляя назад густые, даже под светом луны золотые волосы.

— Нет.

— А мне страшно, Юрик, ой как мне страшно!

— Пойдем к главному корпусу, спросим.

— Пошли по этой вот тропинке. Там ведь свет должен гореть.

На морг мы наткнулись через десять шагов. Это было одноэтажное кирпичное строение, совсем маленькое, окна были забраны решетками, свет не горел.

Рита потянула дверь, дверь была заперта.

— Ну вот, — сказала она, — не могу я в больницу идти.

Я вынул из кармана связку ключей — среди ключей была отмычка. Я ведь не всегда был законопослушным ищущим сотрудником. Я и сейчас, если кто из знакомых геряет ключ, всегда прихожу на помощь. Я легко открыл шмок — простой был замок, хоть и большой. Амбарный.

— Смотри-ка...

Непонятно было, одобрила ли она мою помощь или осудила. Мы вошли. Я пошарил рукой справа от двери — нашел выключатель. За маленькими сенями была прозекторская. В ней стояли два оцинкованных стола. Один пустой, на втором — Аркаша. Они его даже не раздели до конца, оставили в трусах и в майке, — видно, спешили домой. Ничего, завтра разденут.

Лицо у Аркадия осунулось, стало лицом мертвеца. Чужое лицо. Волосы неопрятно сбились вбок. Рита сначала ахнула, потом глубоко вздохнула и произнесла:

— Расческа у тебя есть?

Она принялась расчесывать его, будто это играло роль.

— Я так и знала, что они его убьют, — говорила Рита тихо. Голая двухсотваттная лампочка светила сверху, и потому волосы светились, а лицо было страшным, из фильма ужасов.

— И ты в этом виноват, — продолжала она. — Конечно, такая у тебя работа. Он тоже мог отказаться, но они ему в Москве доверяли, а в милиции тут все купленные. Я ему говорила — рано или поздно они тебя заподозрят и тогда церемониться не станут. Даже странно, что он так долго прожил. Александра ведь тоже знала.

Я кивнул:

— Кое-что о нем она знала.

— Значит, и Порейко знал.

— Возможно.

— Ты учти — она как гадюка, как скорпион смертоносный.

— Если она хотела, чтобы он умер...

— Ты не понимаешь, Юрик. — Она возвратила мне расческу. — Порейко ждал, когда к Аркадию пришлют связника или он себя чем-то проявит. А как только ты появился, они своего дождались. Наверно, и ты проговорился или не то показал.

— Может быть, — согласился я.

— Так ты знал? — Она говорила все так же тихо, но в голосе булькали злые слезы.

— Я сегодня вечером почувствовал,— сказал я.— Но я не предполагал, что они так сделают.

— Как сделают?

— Заставят меня остаться на лишнем полчаса с Порейской, а за это время пришлют своих убийц. И одним ударом справятся со всеми — и со мной, и с ним.

— Что-то они с тобой не расправились,— сказала Рита.— Но почему? Я не понимаю!

— Я тоже не понимаю. У них какие-то планы относительно меня.

— Ты не обманываешь?

— Рита, ты же знаешь, что я тебя не обманываю. Иначе бы ты сюда со мной не пошла.

— Они должны были тебя тоже убрать. Они ведь ничего не боятся.

Говоря, она гладила Аркадия по плечу, произвольно. Потом вдруг отдернула руку.

— Холодный,— сказала она,— мертвый.

Из глаз, по выдающимся крутым скулам, по упругим щекам, как дождь по стеклу, текли слезы.

— Я же говорила — уедем, Аркаша,— сказала она.— А он говорит — они меня не тронут. Я им нужен. Чего им меня бояться?

— Именно сейчас они очень испугались,— сказал я.— И они могли предположить, что он мой связник. Тогда они завтра будут следить за мной — что же я сделаю, какие другие пути буду искать. А вдруг я здесь не один?

— Сложно,— сказала Рита,— сложно рассуждаешь.

— Ничего сложного. Они как бы перекрыли плотиной речку и смотрят — есть ли другое русло, куда повернет вода.

— А куда ты повернешь?

— Лучше я тебе не скажу об этом.

— Ты мне не доверяешь, что ли?

— Я за тебя боюсь,— ответил я.— Сейчас ты не знаешь, что я собираюсь делать, и ты в относительной безопасности. Если тебя даже будут допрашивать, ты все равно не ответишь.

— Глупости,— сказала Рита.— Главное, что мы должны их наказать!

— Мы с тобой ничего не можем доказать.
— Но мы знаем, что это — Порейко.
— Мы подозреваем его. Не более того. Почему не предположить, что Аркадий еще кому-то мешал?
— Кому же? Одуванчику? С ними он и не общался. Милиции?

— Не знаю, Рита, честное слово, не знаю.
— А я знаю. И они не уйдут от меня живыми.
— Рита, будь осторожна. Извини, если тебе покажется, что я говорю как по учебнику, но месть никогда не была хорошим советчиком.

— Иди ты знаешь куда!

Она кинулась в угол, там на стуле лежала смятая простыня. Рита развернула ее, и я увидел на простыне какие-то бурые пятна. Но Рита не думала об этом. Она накрыла простыней Аркадия, с головой. И он сразу исчез — как будто ушел свидетель. Мы остались одни.

— Рита,— спросил я,— ты не знаешь, где у него был факс? — спросил я.— Мне сейчас очень нужен факс — я должен доложить о том, что произошло.

— Не знаю. Он тоже считал, что месть плохой советчик.

— Здесь часто проходят поезда? — спросил я.

— Зачем тебе?

— Чтобы доехать до Рыбинска или Ржева и к утру вернуться.

— Здесь редко ходят поезда. Ночью только один, и ты к утру не вернешься.

— Хорошо,— сказал я.— Тогда мне надо идти.

— И что ты придумал?

— Не знаю. Проводить тебя?

— Я останусь здесь,— сказала она.

Она наклонилась над ним, отогнула простыню, будто закрытый белой тканью с головой Аркадий раздражал ее, потом подвинула табурет, села возле Аркадия и стала смотреть на него.

— До свидания, Рита.

— Убирайся отсюда, пока живой,— сказала она.— Очень тебя прошу. И от имени Аркаши тоже.

— До свидания,— повторил я и ушел.

Я вышел на улицу. Еще недавно я бежал по ней к больнице. Больничный корпус тянулся в стороне от дороги. В одном только окошке на первом этаже еще горел свет. Кому-то там было плохо.

Я пошел к вокзалу. Я думал, что если поездов не будет, то, по крайней мере, рядом автобусная станция и может быть поздний автобус. На площади перед станцией бывают чепаки, ждут запоздалых пассажиров.

Я проверил по карманам — денег было немного, меньше двухсот тысяч.

Правда, под пяткой у меня были спрятаны триста долларов на крайний случай.

Рита была слишком спокойна. Словно она уже решила, что будет делать. Одна она ничего не может... но помочь ей — означает выдать себя и провалить дело. А я всей шкурой чувствовал, что нахожусь на пороге открытия — то, что должно произойти, произойдет в ближайшие дни, именно в Меховске, и полковник должен быть предупрежден об этом.

Если он узнает обо всем завтра, может быть поздно.

Я быстро шел по улице, которая должна была привести меня к станции. Я мог бы и подняться, воспарить... но мой мозг подсказывал, что к скоростным перелетам я не готов и не знаю, научусь ли летать быстро. Так что лучше всего бежать. Но бежать я не хотел, чтобы не привлечь к себе постороннего внимания.

Сзади меня догоняла машина. Она ехала не очень быстро. Я подумал, что, если водитель смилостивится или захочет заработать — пускай подбросит меня до станции. Все же километра два.

Шагая по улице, я теряю драгоценные минуты. Может, именно сейчас отбывает автобус до Кашина.

Не понимаю, как я мог настолько потерять осторожность.

Только последний идиот мог остановиться на обочине и поднять руку, голосуя.

Машина послушно тормознула. Я шагнул к ней.

Ну что бы мне притвориться кем-то другим!

Я склонился к открытому окошку.

И тогда сообразил, что меня догнал знакомый милицкий «газик». Тот самый милиционер сказал, глядя на меня с ухмылкой:

— Садись назад. Тебе куда?

Я колебался — бежать или подчиниться. Но как назло справа от меня тянулся высокий забор. Пока буду перелезать, наверняка пристрелят.

— Спасибо,— сказал я. Задняя дверца открылась, приглашая меня внутрь.

Внутри сидел Одноглазый Джо. Но я узнал его, только когда он заговорил, как всегда, со смешком:

— Куда собрался? На вокзал или автобусную станцию?

Не оборачиваясь, милиционер предупредил меня:

— Только ничего не придумывай. Я хорошо стреляю.

Я решил — говорить как можно ближе к правде. Не объяснять же, что я дышал свежим воздухом!

— Я хотел уехать,— сказал я.— Немедленно. К чертовой матери от вас всех подальше. Мне еще не хватало уголовки. Ведь на меня повесите.

— С чего ты такой умный? — спросил Одноглазый Джо.

— А я самый удобный клиент. Я даже думаю, что те, кто Аркашку убил, на меня и рассчитывали. Приехал какой-то братан, неизвестно зачем, лучший кандидат в убийцы.

— Зачем же тебе Аркашку убивать? — спросил милиционер.— Мы тебя и не подозревали сначала. Отпустили же?

— А ты с Риткой в морг побежал. Зачем вы с Риткой в морг побежали? — спросил Джо.

— Она же увидит Аркашку хотела! — воскликнул я.— Разве непонятно?

— Мы бы тебя отвезли на автобусную станцию,— сказал второй милиционер,— но последний автобус уже ушел. Христом Богом клянусь, что ушел. Так что неизвестно, куда тебя доставить. В отделение, что ли?

— Не надо обижать Юрика,— сказал Одноглазый Джо.— Не надо его подозревать. Он у товарища Порейко работает шофером, может, вы слышали, сержант?

— Кажется, слышал,— сказал милиционер.— Но нам он кажется подозрительным.

— А ты почему в милицейской машине ночью разъезжаешь? — спросил я Одноглазого.

— Смотри, какой любопытный. Неужели не догадался, что мы тебя ищем, волнуемся, переживаем? Мало ли что может случиться с мальчиком в незнакомом городе? У нас здесь мальчиков иногда насилуют.

Одноглазый Джо принялся смеяться. Если милиционеры и смеялись, то беззвучно.

— Конечно, можно отправить тебя в милицию, — продолжал Джо, — но я нашей родной рабоче-крестьянской не доверяю. Вроде бы все повязаны, а интересы у них свои. Вдруг кому-то захочется другую карьеру сделать или кто на Мельника работает? Разве не так, Петров?

— Все может быть, — равнодушно откликнулся милиционер.

— Так что закиньте его к нам, наш шеф с ним поговорить хочет.

«Газик» остановился возле дома Порейки. У подъезда нас ждал Жора.

Дело мое было плохо. И как назло я за день устал настолько, что моя попытка на лестнице убедить моих конюиров, что я вовсе не Юра, а их собственный начальник Порейко, с грохотом провалилась.

— Что-то у меня в глазах рябит, — сообщил Жора Одноглазому Джо, который в силу простого своего устройства вообще не был подвластен гипнозу или какому-нибудь умственному воздействию.

Провели они меня не в квартиру, на что я надеялся — из любого окна, даже с сотого этажа, я уйду без труда, — а в подвал. В котельной у них было место для сведения счетов.

Подвал двухэтажного каменного дома был переоборудован под котельную. Но там оставалось и место для камеры из фильма ужасов — за бурой железной дверью, открывшейся с отвратительным скрипом, была длинная комната, по дальней стене которой тянулись кабели и трубы, посреди стоял ученический стол, за ним — стул.

Напротив стола ближе к двери стояла табуретка, такая же, как в морге, но не белая, а грязно-голубая. Мое обоняние сразу определило комплекс свежих и застарелых запахов — перегара, страха, крови, тупой жестокости...

— Садись,— сказал Одноглазый Джо, показывая на табуретку.

— Зачем?

Жора вытащил пистолет. Самый настоящий пистолет. Они не намеревались со мной шутить.

Вошел Порейко. Не ложившийся спать, но готовый к боям. При виде меня он изобразил на лице радость. Причесываться не стал, а прошел за стол и уселся на стул так, как делает опоздавший к началу торжественного заседания член президиума. В руке он нес диктофон. Положил его на стол.

— Молодцы, что привезли.

— Сам попросился,— засмеялся Джо,— мы за ним ехали, а он к станции бежал.

— Знаю,— Порейко укоризненно наклонил голову,— убежал.

— А мы его догоняли. Думали, погоняемся, а он остановился и нам голосует. Мы его и подсадили.

— Значит, спешил. Бежал. Думал, что попутка подбросит. Денег у него много?

— Двести тысяч нашли.

— Аркашину квартиру обыскали?

— Там пусто.

— Дурачье, значит, плохо обыскивали. Или он успел избавиться. У него должны быть деньги. И оружие.

— Не было у него денег! И оружия не было. Мы хорошо смотрели, Трофимыч.

— Плохо. Но не в этом дело.

Он обратил свой взор ко мне.

В подвале горела лишь одна яркая лампочка, без абажура, за спиной Порейки. Так что он меня видел отлично, а я его — с трудом.

— Значит, убил своего брата,— сказал Порейко,— а потом сбежал. Чего не поделили с Аркашкой?

— Кончайте,— сказал я.— Вы же знаете, что не убивал я Аркадия. Ну за что мне его убивать?

— Вот это мы и хотим выяснить.

— В то время я был с вами. Вы же знаете. Я в любой милиции это повторю.

— Ты уже это повторял. Да кто тебе поверит? Ты у нас чужой. Наблюдатель. Но, наверное, хочешь жить. Хочешь жить?

— Хочу,— сказал я.

— Тогда придется тебе признаться. Напишешь объяснение, что убил в пьяной драке из-за обладания женщиной Маргаритой Савельевой своего случайного знакомого.

— Двоюродного брата,— подсказал Одноглазый Джо, который, видно, решил, что шеф ошибся.

— Не лезь,— отмахнулся Порейко. И продолжал: — В пьяной драке. Вы оба уголовники, наркоманы — ты не сомневайся, травку вам в квартиру подложим. Завтра при обыске найдут.

— Ну ладно,— сказал я миролюбиво,— чего вам от меня нужно? Вы же все знаете, а говорите.

— А я хочу знать,— сказал Порейко,— кто тебя к нам прислал, что вы тут с Аркадием вынюхивали, кто еще с ними на связи. Все расскажешь,— отпустим, будешь запереться,— сделаем из тебя котлету, потом сдадим в милицию, и там тебя пристрелят при попытке к бегству. Понимаешь, мне в этом городе даже убивать не надо. За меня все делают.

— А кто это сделал с Аркашей? — спросил я.

Порейко как будто не услышал моих слов.

— Начнем с самого начала,— произнес он.— Твое настоящее имя, отчество и прочие анкетные данные. И не надо возражать, потому что спешить нам некуда, мы все равно из тебя все вытряхнем. У нас для этого и медицина есть, слышал об уколах — один кубик, и ты уже мечтаешь, как бы нам все рассказать.

— Глупости все это,— сказал я.— Честное слово, глупости. И если я узнаю, кто Аркашку убил, я до него доберусь.

Порейко вздохнул:

— Это ты у Ритки наслушался, когда вы в морге говорили? Много лишнего наговорили.

Идиот! Это я — идиот. Как я мог не подумать, что они нас подслушивают?

— Ну, будешь говорить?

Я не понял, почему он прикрыл глаза, взглянул на стоявшего за моей спиной Джо. Поэтому я не был готов к удару — такому, что я полетел на пол с табуретки.

Я оказался в нокдауне — это я сейчас понимаю, что оказался в нокдауне, потому что следующее, что я помню, как они бьют меня ногами по спине, по почкам, а я стараюсь откатиться от них, спрятаться в угол, а встать на ноги они мне не дают, сразу сбивают снова. Я ни о чем не думал — просто прятался от ударов, и это мне не удавалось.

А очнулся я, когда меня перестали бить, — Порейко приказал остановиться.

Я не слышал, как и что он сказал, но понял, что у меня есть перерыв. Пускай маленький перерыв, но я должен собрать все свои силы, чтобы не дать им восторжествовать надо мной. Конечно, такое высокое слово, как «восторжествовать», в ту минуту в моем растерянном и полном болью мозгу уместиться не могло — это позднейшие размышления.

Я лежал неподвижно. Пока я лежу неподвижно, они не знают, что со мной, не перестарались ли они.

— Эй! — крикнул Порейко — и голос донесся издалека. — Вставай, ты чего разлегся?

Теперь придется потерпеть — но уже сознательно. Я быстро прихожу в себя — мне доводилось отчаянно драться в детдоме, и я знаю — главное, чтобы противник тебя недооценил, чтобы он считал тебя слабее. Пускай он думает, что я неопасен. А я мысленно проверяю все уголки своего тела — что повреждено, где болит, что сломано. Ко мне как бы сбегались гонцы, рапортуя: щека рассечена, и бровь кровоточит, гематомы на спине, ушиб правой почки... Мои земные братья такой способности не имеют. И не могут, как я, тут же послать гонцов обратно, чтобы тело, пожирая ресурсы, немедленно принялось за починку важных повреждений. Щека и бровь подождут...

— Посмотри, — услышал я голос Порейки, — чего он там притворяется.

Я знал, что сейчас последует удар. Я уже все знал за секунду до события. Как и бывает в ситуации крайней

опасности, во мне возникало предупредительное чувство — пусть за жалкое мгновение, но я знал, что со мной сделают.

Он ударит меня в спину, по ребрам.

Ребра, расслабьтесь! Мышцы, разойдитесь — не сопротивляйтесь удару, поглотите его!

Было больно. Я даже не вздрогнул.

— Да ты что! Прекрати сейчас же! — Порейко, видно, смотрел на меня и испугался именно моей неподвижностью. — Жорка! Где вода?

— Наверху.

— Какой, к черту, наверху, за дверью в котельной кран!

— А во что я ее наберу?

— Через минуту принесешь воду!

Порейко склонился надо мной, перевалил на спину, открыл мне глаз, я закатил их чуть-чуть. Порейко стал щупать мой пульс.

Я не йог, пульс мне не остановить — но я мог ускорить или замедлить... замедлить и сделать чуть слышным.

— Если вы его мне убили, — тихо произнес Порейко, — если вы, сволочи, его убили, вам тоже не жить! Идиоты!

— Да я же его рукой бил! Чего могло случиться? Я же не камнем бил! — Джо говорил плаксивым голосом. Он был напуган.

— Не дрожи ты! Когда Аркашку убивал, не дрожал.

— Аркашку не я! Честное слово, Жорка. Я только в дверь позвонил. Вы же знаете, я с ножом совсем не умею.

— Где этот гребаный Жорка! Убийца нашелся, мать его!

Вместо Жоры появился другой свидетель. Я узнал голос Рустема:

— Я слышу — шум, думаю, почему до меня доносится шум. А что, простите, у вас весь этот дом откуплен? Чужих нет?

— Чужих нет, — откликнулся Порейко. — Извините, Рустем Борисович, мы не хотели вас разбудить. Мы тут проводим свое расследование...

— Так, так, так, — сказал вождь. — Я уж на подходе сюда слышал, как вы проводите расследование. Как вы отлично умеете проводить расследование! — Голос его поднимался с каждым словом и кончился высоким криком. — Гнать вас надо

с вашими замороженными «Майданеками»! Тоже мне, Берия!

— Ну вот это — лишнее, — неуверенно возразил Порейко. — Мы проводим расследование.

— Вы не проводите расследование, а пытаете людей.

— Я почти уверен, что он — агент органов.

— А что он говорит?

— Он молчит, сволочь.

— И правильно делает.

Он наклонился надо мной, я чувствовал запах, исходящий от него, — дорогих мужских духов, вонючего пота, коньяка с шашлыком — Господи, бывают же такие комбинации!

Он потрепал меня по щеке, крепко схватил пальцами за щеку, чтобы раскрылся рот, потом сказал:

— Жив и будет жить. Но вот я вас попрошу, голубчики, чтобы никаких больше физических повреждений ему нанесено не было. Этот парень нам пригодится.

— Ему нельзя доверять!

— А я и не собираюсь ему доверять. Я собираюсь с ним работать. Ты меня слышишь?

У меня возник соблазн подтвердить, но я сдержался.

— Слышишь, — сказал уверенно Рустем. — Ты у нас умный. Лежи отдыхай. А вы, Порейко, разговаривать с ним будете лишь по его доброй воле. И кстати, пришлите вашу сожительницу, чтобы она промыла ему раны и заклеила пластырем.

— Я не могу его отправить со всеми. Люди удивятся.

— А я вас не спрашиваю, — ответил Рустем. — Есть вещи, которые вам не положено знать... Я устал, я хочу спать, а вы тут устроили пыточные камеры. Напакостили тут. Стыдно.

Я услышал, как Рустем уходит, и испугался. Мне захотелось крикнуть ему вслед, чтобы он меня не оставлял одного, они меня убьют. Но я лежал и терпел. Страх тоже можно терпеть.

— И что будем делать? — спросил Одноглазый Джо.

— Ничего, запри его здесь, пускай отлежится.

— И Александру будить не будете?

— Ты что, оболтус, в самом деле его слова всерьез принял? Да пускай он в своем дерьме захлебнется.

Джо промолчал.

— Еле нашел,— сказал из дверей Жора.— На втором этаже графин. Я из него цветы выбросил.

— Убью! — закричал Порейко.— Ты где, гад, шлялся? Жора что-то отвечал, но Порейко перебил его:

— Давай сюда, да давай же!

Раздался звон разбитого графина — он его долбанул о цементный пол!

И тут же застучали шаги — Порейко кинулся прочь.

— Чего это он? — шепотом спросил Жора.

— А пошел ты! — закричал на Жору Одноглазый Джо.

— Понял,— покорно сказал Жора.

— Пошли! — Джо был зол.

— А этого?

— А с этим завтра пускай начальство разберется. Мне что, больше всех нужно?

— Но ведь мы же обещали Петрову, что в милицию его привезем. Когда обработаем, отвезем. Им нужен клиент, который Аркашу пришил.

— Обойдутся.

— Они сердиться будут.

— Пускай на шефа сердятся.

Джо пошел прочь, Жора остался и спросил вслед:

— А свет тушить?

— Туши, туши!

Свет погас. Жора вышел, и страшно закричала дверь. Потом я услышал, как Жора закрывает замок. Он все еще пребывал в растерянности, и даже сквозь дверь было слышно, как он ворчал: «А чего я? Я как сказали, так и принес...»

Когда стало тихо, я поднялся, зажег свет. Было очень больно,— видно, все же отбили мне почки. Потом я проверил, хорошо ли заперта дверь. Дверь была заперта как следует.

Я отыскал в углу чью-то замасленную куртку. Сложил ее, скатал. Потом потушил свет и лег, подложив ее под голову.

И заставил себя заснуть. Мне обязательно надо было заснуть — на пять или шесть часов. Чтобы восстановиться.

Я заставил себя не думать. Я заставил себя заснуть.

Я очнулся от боли. Боль преследовала меня и во сне, из-за чего мне грезились схватки, падения, пытки. Но все же за несколько часов сна мне удалось почти привести себя в порядок. Даже ссадины и царапины подсохли.

Я пересилил себя и поднялся, понимая, что лишь в движении мои мышцы смогут преодолеть постоянную боль, добрался до выключателя. Свет был слишком ярким, неживым, запахи вызывали тошноту.

Я обошел отсек подвала. Нет, выбраться отсюда мне не удастся. К сожалению, я не супермен и взламывание стен не моя специальность.

Тогда я принялся за гимнастику. К предстоящей встрече с врагами я должен быть наготове. Я потягивался, массировал мышцы, отжимался, страдал от жажды настолько, что забыл о голоде, и отвлекал себя рассуждениями, в основном пустыми. Например, почему они убили Аркашу, а пожалели меня? Ведь если они заподозрили нас в связях с милицией, зачем такая избирательность? В конце концов, места в подвале хватило бы для двоих. И уж конечно колченогий Аркадий представлял куда меньшую опасность, чем я.

Я не догадывался тогда о главном, хотя понимал, что ничто здесь не делается без смысла и появление всевластного Рустема, так неожиданно взявшего меня под защиту, имеет простое объяснение.

Но я не приблизился к догадке больше, чем в первый момент моего появления в Меховске.

Было ли мне страшно? Надеялся ли я на спасение? Вот врывается в Меховск дядя Миша на танке и наводит порядок...

Вряд ли и даже нежелательно. Ведь если так случится, то преступники спрячут концы в воду, затаятся и вся операция провалится. Так что в случае, если грядущие события достаточно серьезны, то дядя Миша уже пожертвовал Аркадием и может пожертвовать мною. А почему нет? Я же ветеран. Погиб в Абхазии или Приднестровье. Кто меня хватится, детдомовца?

Страшно не было, но мною овладела вполне понятная грусть.

Я постарался представить себе, как у нас в лаборатории за рабочим столом усаживаются пить кофе Катрин с Тамирой. И рассуждают — как там наш Гарик. Не скучает ли у нас в командировке? Скучаю. Скучаю... но вызвать перед внутренним взором благополучные картинки я не смог. Вместо них все вставала страшная сцена в морге, когда Рита плакала над мертвым Аркадием. Хорошо бы они ее не тронули... а она бы не натворила бед.

Время тянулось, я улегся на прохладный пол. Потом встал и пошел щупать трубы — горячие были сухими, одна из труб была холодной и влажной, но не более того.

Мне очень хотелось подойти к двери, постучать в нее и объяснить тюремщикам, что я не объявлял сухой голодовки.

Сколько времени? Восемь утра. С ума сойти! Пора встать.

Мне пришлось справить нужду в углу подвала, и почему-то мне было очень стыдно, что, когда люди войдут, они это учуют и будут смеяться.

Потом я решил заснуть снова.

Ничего из сна не вышло. Слишком хотелось пить. Я лежал и считал. Досчитал до четырех тысяч восьмисот, — может быть, сбился раз или два. Потом проснулся. Все же можно себя усыпить!

Было чуть меньше двенадцати.

В половине второго, когда я уже готов был откусить себе палец, чтобы выпить кровь, я услышал шаги. Дверь шизжала на ржавых петлях. В дверях стоял Жора с пистолетом. Он не хотел рисковать.

Я сидел на полу, привалившись спиной к стене, вдали от него.

— Живой еще? — спросил Жора.

Он кинул мне от двери пластиковый баллон с пепси-колой.

— Благодарю Рустема Борисовича, — сказал он. — Это он приказал тебя напоить, а то, говорит, не доживешь до праздника.

Жора стоял и смотрел на меня. Я не делал попытки дотянуться до баллона, потому что был уверен, что Жора имел в виду какую-то подлую каверзу.

Жоре надоело ждать, и он приказал:

— Бери, а то унесу!

Я просто смотрел на него и молчал. Такие животные, как Жора, не выдерживают упорного взгляда.

— Ну и сиди в своем дерьме! — закричал он со злостью и, выскочив за дверь, навалился на нее, закрывая, — видно, боялся, что я успею схватиться за ручку.

А у меня не было сил.

Так я и не узнал, какую каверзу готовил мне телохранитель.

Только когда дверь закрылась и Жора ушел, я протянул руку — пластиковая бутылка, такая прохладная, лежала на расстоянии вытянутой руки. Я медленно подкатил ее к себе. Я оттягивал момент счастья, может, потому, что не до конца верил в него, может, потому, что боялся — внутри окажется не пепси, а, допустим, моча. С них бы стало.

Но бутылка была пластиковая, рифленая крышечка бутылки была закупорена фабрично. Потребовалось усилие, чтобы отвинтить ее. Вода зашипела и пошла через край, а я ловил языком пену и всасывал ее. Погоди, не пей, не кидайся, успеешь. Главное, что они не будут тебя убивать, — не будут, потому что они не стали бы тебя поить перед смертью. Ах какой милый и добрый человек — Рустем дал мне индульгенцию! Но такие, как он, лишены чувства жалости. Значит, у него есть цель. Может, и в самом деле он намерен вколоть мне какой-нибудь «трус-драгз» — состав, вызывающий неконтролируемую болтливость. Смогу ли я удержаться? А потом меня (к тому времени я уже отхлебнул три или четыре раза из бутылки) обрадовала мысль: а что я могу им сказать, даже если они найдут способ меня одолеть? Что в Москве подозревают неладное из-за исчезновения в некоторых городах ветеранов последних войн? Разумеется, и генерал и Рустем об этом информированы. Или что Меховск избран как один из возможных будущих пунктов исчезновения людей? Вернее всего, они к этому готовы. Главное — мы не знаем, зачем это происходит и почему.

Я поставил себе предел — четверть банки. Она полуторалитровая, значит, на ладонь сверху. Потом я заставил себя закрутить крышечку и задумался — а прав ли я? Мой

организм обезвожен и тем более нездоров, он нуждается во влаге. Ведь не будут они меня держать здесь неделю? Я выпью половину — этого пока достаточно. У меня останется чуть ли не литр.

Что я и сделал.

А потом снова разлегся на полу, на этот раз я был почти в мире с самим собой. Потом я постарался испытать себя: и поднялся в воздух и небожно ударился головой в низкий потолок — в двух метрах от пола.

Перебирая руками по потолку, я пропутешествовал из конца в конец подвала, как муха, затем спустился по стене. Ничего, получается, надо развивать свои способности, а то ведь неизвестно, может, понадобится ходить по потолку.

Вдруг я испугался, что они за мной подглядывают. В подвале была лишь решетка вентиляции в углу — больше отверстия я не заметил. Но ведь современная техника делает чудеса. Я от испуга грохнулся на пол, сведя на нет все свои усилия по самолечению.

Отлежавшись и отругав себя, я в качестве утешения отхлебнул еще один большой глоток из баллона.

День клонился к закату. А обо мне не вспоминали.

Я еще раз поспал, потом попытался сочинить стихотворение в честь Катрин, однако вдохновения не хватило.

Вечерние часы прошли как в тумане, единственное, что помню — искреннее сочувствие к судьбе графа Монте-Кристо, который просидел в такой вот котельной примерно в десять тысяч раз больше, чем я.

Так прошел этот день, о котором в настоящем романе и не рассказывают, а, пропустив его, сообщают: «На рассвете следующего дня...»

Наступила ночь, и, за исключением последнего глотка, в баллоне ничего не осталось.

Но я был почти уверен, что все той ночью и решится.

Поэтому, когда за мной наконец пришли, я уже был готов, героя из себя не изображал, а продолжал сидеть на полу у стены, вдыхая миазмы, накопившиеся в подвале за последние сутки.

Жора, который пришел за мной, даже заходить не стал, и выматерился и приказал выматываться из подвала.

Там же ждал и Одноглазый Джо. Они боялись, что я буду драться или убегу. Но мне совсем не хотелось бегать и срывать ответственное задание, полученное от дяди Миши.

Джо ловко надел на меня наручники. Я не ожидал этого и не был готов — так что попался. Вылезать из наручников я не умею. Очевидно, и летать в наручниках не смог бы.

— Ты иди,— сказал Джо.

Он шел за мной брезгливо, хотя не думаю, что я был так уж грязен и отвратителен. А что касается щетины, то я обратил внимание, что двухдневная щетина модна у телевизионных ведущих.

На улице было темно. Второй час ночи. Город спал, даже большинство фонарей в нем отключалось после двенадцати, потому что после двенадцати порядочный человек на улицу не полезет.

Почему-то я решил, что меня посадят в мой любимый «мерседес». Но его не оказалось. У дома стоял самый обыкновенный грузовичок, в кузове которого в сопровождении Джо я доехал до товарной станции.

Потом меня повели по путям. Иногда мы проходили под светом прожектора. Вдруг, испугав меня, сонный голос диспетчерши велел кому-то подать состав на третий путь.

Вагон-холодильник, до которого мы наконец добрались, стоял в тупике одного из запасных путей, уткнувшись в бревенчатый ограничитель.

Дверь в него была полуоткрыта.

Джо сказал:

— Залезай.

— Наручники снимешь? — спросил я.

— Где надо, там и снимут.

— Мы куда-то собрались путешествовать? — спросил я.

Джо врезал мне по шее — ответить я не мог, даже лягнуть не успел. Больше он со мной не разговаривал.

Но посадил меня — с руками пред собой в кандалах трудно влезть в холодильник.

В холодильнике было до удручения пусто и пахло дезинфекцией.

Послышался скрип тормозов. Кто-то еще приехал.

В двери вагона появился торс Порейки. Сзади его подсвечивали станционные огни. Я угадал его по характерному жесту — он расчесывал свои три волоска.

— Если хочешь остаться жив, — сказал он, — будешь молчать. Сейчас придут сюда мои ребята. На твое счастье, они пока не знают, что ты предал нашу организацию. Но с нами в вагоне поедет Джо. И если ты хоть разок пикнешь, он ребятам расскажет, и как ты Аркашку убил, и как ты на ментов пашешь? Ясно?

Мне было все ясно и разговаривать с Порейкой не хотелось.

Под ложечкой щекотало — сейчас все выяснится! Мы куда-то должны ехать.

Куда? Если они меня не убили, значит, я дождусь ответа. И мне хотелось ответить Порейке: «Конечно же я буду паинькой, конечно, я сделаю все, чтобы меня не били и не обижали, потому что мне очень хочется узнать, что за подлость ты задумал».

Дверь в вагон двинулась и закрылась. Я сначала не понял почему, но потом услышал новые голоса снаружи. Видно, подъехали другие люди.

Говорил генерал. Его высокий со взвизгом голос дергал слова за ниточки, вытаскивая их из фраз:

— Родина надеется на вас! В ваших руках ее будущее! Сейчас, в дни унижения и позора, до которых довели нас те, кто развалил и уничтожил Советский Союз...

Я не стал дальше прислушиваться. Он выдавал очередную передовицу из газеты «Патриот».

— «Последний парад наступает!...» — запел вдруг генерал.

Кто-то подхватил песню. Еще один. Но хоровое пение не получилось.

А уже говорил Рустем Марков:

— По выполнению задания каждый получает компенсацию в десять минимальных зарплат, сорок процентов в конвертируемой валюте. Я не хочу ставить под сомнение нашу преданность идеалам, за которые отдавали жизнь Павлик Морозов и Павка Корчагин, но я понимаю, что каждому

нужно материальное поощрение, чего никогда мы не отрицали.

Потом Порейко спросил:

— Надеюсь, наша экспедиция сохраняется в тайне? Кто из вас, сволочи, проговорился? Матери, кошке, любовнице? Не бойтесь, мы ничего не сделаем. Но вы должны понять, что вся судьба нашей благородной миссии зависит от неосторожно сказанного слова. И если ты проговорился, что уезжаешь, то признайся и уходи. Уходи, ложись спать и забудь.

Молчание.

— Значит, никто?

— Никто, — сказал чей-то молодой голос.

— Тогда — по вагонам, друзья!

Это был голос самого Рустема!

— Славные ребята! — сказал генерал.

Дверь в холодильнике отъехала в сторону, и в вагон начали влезать люди, в основном молодые — мне их было плохо видно.

— Рассаживайтесь, — сказал Одноглазый Джо, который влез одним из первых, — садитесь на пол, скоро нас прицепят к составу.

Джо начал считать нас по головам. Получилось двадцать два человека.

— Двадцать два, — сказал он, высунувшись наружу.

Заметившие меня ребята с удивлением поглядывали на фигуру человека, сидевшего на четвереньках в углу. Руки я спрятал между коленями, и наручников не было видно.

Некоторые здоровались со мной.

Я отвечал или просто кивал. Джо поглядывал на меня, но не возражал.

— Кто еще будет? — спросил Джо.

— Сейчас, одну минуту, — сказал Порейко.

Машина резко затормозила. По звуку мотора — «газик». Голос знакомого мне милиционера Петрова сказал:

— Поднимайте груз!

Было слышно, как они возятся у машины. Хлопнула дверь.

— Мотайте отсюда! — приказал Порейко.

Я слышал, как укатил «газик», а Жора с Порейкой посадили и втолкнули женщину. Руки у нее были тоже скованы. Она была без чувств и свалилась у двери.

Я ждал, что это будет Рита, хоть и надеялся, что в свои набеге они не берут женщин. Но взяли.

Кто-то из ребят наклонился над ней.

В вагоне было полутемно.

— Это кто? — спросил парень из угла.

— Это не Ритка Савельева? — спросил другой голос.

— Отставить разговорчики! — приказал Джо. — Сейчас будет темно. Несколько минут придется потерпеть.

— Что тут, лампочки нет? — удивился кто-то.

— Для тебя не сделали. Как прицепят к составу, — сказал второй, — будет энергия.

— Правильно, — сказал Джо.

Он лязгнул засовом, закрывая вагон изнутри.

— Всем сесть на пол и сохранять тишину, — приказал Джо.

Мне слышно было, как ребята садятся на пол.

И тут мое внимание привлек легкий шум. Я поднял голову — под потолком я увидел небольшое, забранное сеткой отверстие. Оттуда шел газ.

Они накачивали холодильник газом.

— Эй, ребята, — сказал я. — Послушайте, газ идет!

Кто-то нервно засмеялся.

— А ты не пускай газы, вот и не пойдет, — сказал еще кто-то, и все захохотали.

Я чувствовал почти неуловимый запах газа и опасность его — но ничего сказать не успел, потому что действовал тот газ чертовски быстро.

Меня приподняла легкая нежная рука и понесла, покачивая, над землей, и это движение становилось все быстрее, и я исчез.

Часть вторая

КОРШУН

В третьем взводе был придурок по кличке Попугай. Он говорил: «Дождичка хочется. Вот дождик пойдет, травка поднимется». Коршун думал, что Попугай из баптистов. Он точно не знал, кто такие баптисты, но был уверен, что здесь баптисты долго не живут. Так и случилось. После отбоя Попугай пошел по нужде. Они его и подстерегли. А потом его голову за вал кинули, да еще выбрали, гады, небоевой день. Так люди не делают. Но разве это люди?

Сначала третий взвод хотел мстить. Не потому, что Попугая любили, кому он нужен — этот Попугай вонючий! Но потом комроты сказал: «Забудьте, мальчики, про эту птичку. Не хочу я вашими жизнями рисковать из-за безголового трупа».

Голову Попугая закопали за клумбой санатория. Разумеется, это была не клумба и санаторий — не санаторий, но говорят, что раньше сюда приезжали бароны и даже бывали поединки.

Коршуну было скучно. Душа ныла. Бывает такое чувство у человека: нутье души. Как будто сейчас придет понимание собственной жизни, а вместо этого тебе показывают скучное кино про чужую смерть.

Но поминки по Попугаю взвод устроил. Выдали всем юбку, и Коршун пил из своей знаменитой боевой чашки. Боевые чашки делают из черепушек, но покупать и продавать их грешно — ты должен или сам врага убить в бою, или получить чашку по наследству от товарища. У Коршуна была чаша их воеводы или какого-то другого шефа. Когда Коршун его зарубил в рукопашной, оттуда присылали, предлагали обмен. Но Коршун конечно же не согласился. Он вычистил черепушку от мозгов, пропесочил ее, потом отпил как положено и послал с вестовым в штаб. Там Сизяк оправил чашу в золото — тонкий краешек из золота. Стала ценная вещь.

Оруженосец комкора приставал к Коршуну, просил от имени своего господина. Ему тоже не повезло. Не столько ценная вещь, как почетная. У дружинников мало ценностей, и переходят они по наследству от погибших к тем, кто еще погибнет. Погибают все, даже мухи, — одни от старости, другие от стрелы или топора. Хотя Коршуну еще не приходилось видеть человека, который бы умер от старости, и прочем, и от болезней люди умирают редко — и не на передовых позициях. Наверное, в городе, там, далеко, в гылу.

От водки не было пьяного чувства. Она на вкус была нормальная, водка как водка. А вот влияния на организм не оказывала. Некоторые рассказывали, как раньше, бывало, загуливали, и еще рассказывали, как заваливали баб. Чего ж не рассказывать. Коршун был не таким старым, и у него не было хвоста памяти. Он всегда был здесь, на переднем крае. Ну не то чтобы с рождения, когда оно было — рождение! Как себя помнит, он всегда солдат. Защитник отечества. В этом смысл его жизни, и в этом состоит его честь. Если он уйдет с позиции, если оставит свой пост, то лучше пускай его растерзают души тех невинных людей, которых он оставил на поругание врагу.

Сразу после поминок пришел комроты Шундарай, косяглазый, рожа поперек себя шире, — и откуда только такие люди появляются? — но хитрый, свой, если надо что добыть для роты или сбересть людей — ему цены нет. Так что для Коршуна что Шундарай, что Ганнибал — все одно, был бы

свой и настоящий патриот. Откуда у него в голове возникло слово «Ганнибал», Коршун не задумывался. В голове у людей часто возникают непонятные слова или даже картинки — у каждого бывает. На них можно обращать внимание, а можно и не обращать. Некоторые ходят к полковому жрецу, тот может истолковать, а может сделать укол. Но чаще всего достаточно поговорить — Вавила Коршуну как-то объяснял, что видения и слова происходят из прошлой жизни. Каждый человек, как учит религия, родился уже тысячу раз, родился, жил, умирал, защищал своих близких или даже был облаком — это сложная наука, не всем по зубам. И в тех, старых жизнях бывают непонятные вещи и непонятные люди — человек ведь бывшее насекомое. Но это не освобождает его от ответственности перед народом и своими родными.

Шундарай собрал младших командиров в своей штабной яме.

Яма была хорошая, глубокая, в рост, пол засыпан песком, по краям разложены матрасы из пенопласта — спальные места для Шундарая и его штаба. В этой штабной яме, называется она бункером, стоит стол, принесенный когда-то кем-то из города, и две скамейки.

Шундарай всегда ходит в бронежилете, правда, бронежилет старый, ткань обтрепалась, металл наружу, но ремни хорошие, крепкие, и еще у него есть каска, вернее шлем, но шлемы есть у многих.

Шундарай расстелил на столе штабную карту. Карта была порвана на сгибах и подклеена бумагой — старая карта. На ней столько стрелок, полосок и пунктиров, что разобратся могут только старожилы. Но младшие командиры, как правило, и есть старожилы.

Четыре комвзвода, трое старшин и ротный адъютант Мордвин, трус. Странно, как может человек быть таким трусливым, когда идет последняя и справедливая война за спасение народа? «Я так думаю,— как-то сказал Шундарай,— что мы все, как и положено, добровольцы, а ты по мобилизации к нам попал». Мордвин только ухмыльнулся

и ушел. Все думают, что Мордвин — ничтожество, пустое место, только Коршун имеет сомнения, и, когда он поделился ими с Шундараем, тот закрыл ему рот своей широкой жесткой ладонью и прошептал: «Хочешь жить, умей молчать». Звали еще и доктора, но доктор не пришел, сказал — у него дела в лазарете.

И это понятно. У него раненых вагон и маленькая тележка.

— Я из штаба полка,— сказал Шундарай.— Дела наши так себе. Мы были вынуждены оставить высоту Лысую.

Все и так знали, что полк оставил высоту. Там погибли ребята из соседней роты, Коршун там не бился, он просидел весь бой в засаде, не по своей вине — так ему велели — весь взвод просидел в засаде — остались живы, но, конечно, стыдно.

— А что будешь делать? — сказал комвзвода-2, Золотуха.— Я сам ихнего дракона видел.

— Чепуха это, нет у них дракона,— оборвал его Шундарай,— мне в штабе полка твердо сказали, чтобы мы эти слухи душили в самом зародыше. Это все бабушкины сказки.

— У него огонь из пасти идет,— сказал Золотуха.

— Да не увидишь ты его,— возразил Коршун.— Он в дыму весь, не вылезает.

Шундарай только вздохнул. Конечно, если бы перед ним сидели солдатики, рядовые дружинники, он бы им презал за упрямство, но что будешь делать с ветеранами, изрезанными, израненными, прошедшими такие битвы и стычки, что никакому шпаку не снились.

— Все,— сказал он.— Разговорчики о драконах отставить, обменивайтесь мнениями в мое отсутствие. Не хочу выглядеть в глазах командования хлюпиком.

Он посмотрел вверх и воздел руку раскрытой ладонью к небу, к вечно серым скучным облакам. Остальные дружно поднялись, сдвинули пятки, замерли на секунду.

Великий вождь никогда не дремлет, он смотрит сверху, с заоблачной высоты, пронзая острым взором всю землю вплоть до ее центра.

Конечно же никто не отказался от своего старого воинского опыта. Видели они и драконов, знали и о подземных червях с людьми в нутре. Да если бы у слуг тьмы, агрессоров, не было этих дьявольских хитростей, разве наши бы отступали, упорно грызясь и цепляясь за каждый холмик?

— Когда начнутся боевые действия? — спросил Золотуха.

Все знали, когда начнутся, но обернулись к Шундараяу за подтверждением.

— Будет знак, — сказал он.

Младшие командиры уже чувствовали, что знак приближается, и замерли в ожидании этого момента.

И тут над краем штабной ямы появилась сверкающая фигура фельдъегеря.

— Живы, третья рота? — спросил он.

Фельдъегерь был в жестяной маске, рот в ней прорезан полумесяцем, так что он все время улыбался, на щеках были нарисованы розочки.

— Живы, живы, спускайся, — пригласил его Шундарай.

Фельдъегерь медленно сошел в яму по ступенькам, вырубленным в сухой твердой земле, подошел к столу, поставил на него спецсаквояж и с громким щелчком растворил его створки.

Внутри, в особых гнездах, стояли боевые указатели.

Вообще-то, вернее всего их было бы называть песочными часами, но так было не принято.

Указатели были большими, сантиметров двадцать высотой. Тонкий песок уже высыпался на четверть.

Фельдъегерь вынул один боевой указатель из саквояжа и поставил посреди стола. Шундарай еле успел убрать со стола карту.

Часы звякнули.

Младшие командиры посмотрели на них, Золотуха сказал:

— Выспаться не успеем.

— Зато оружие почистим, — сказал Шундарай.

— Я тоже так думаю, — сказал фельдъегерь. — У нас есть время подготовиться к бою. На словах я должен сказать, что командование недовольно действиями вашей роты. Вы

оставили высоту Лысую и поставили под угрозу всю линию обороны. Господин генерал просил сказать вам, что не потерпит трусости и беспорядка в наших рядах. Судьба города зависит от того, насколько вы решительно будете жертвовать жизнью ради защиты невинных мирных жителей от этих монстров и убийц! Ура!

— Ура,— коротко и негромко произнесли младшие командиры.

Фельдъегеря на передовой не любили. Хороших новостей он не приносил. Хорошие новости приносил полковой адъютант. И боевое время было назначено слишком близко — только-только кончился бой, люди толком не отдохнут. Но было правилом дурного тона выражать при фельдъегере свое недовольство начальством. Начальство всегда право, пока его не поставило к стенке и не шлепнуло вышестоящее начальство. Так устроен мир. Многие хотели бы побывать в штабе, Коршун тоже хотел, но преграда между штабом и фронтом непреодолима ни для кого, кроме фельдъегерей и людей, им подобных. В этом была несправедливость, потому что на фронте были лишь добровольцы, сознательно идущие на смерть ради жизни на Земле. Здесь все знают, за что бьются, — не наемники, нет, многие потеряли в боях близких.

Младшие командиры ждали, пока фельдъегерь уйдет. Но фельдъегерь не спешил. Он уселся за стол, пододвинул к себе карту.

— Вы же мир видите как будто из норы. Высунул морду и обратно. Вы не можете подняться над всем миром и увидеть масштабы противостояния. Нет, не можете...

В его голосе не было сочувствия, он бахвалился привычно, без удали, без куража. Ему было все равно, поверят ему слушатели или пойдут спать. Просто ему приятно было вспомнить грязи под своими сапогами, что она — грязь.

Но все знали, что фельдъегерь — око штаба, при нем нельзя было позволить себе вольностей, потому что его слово там, наверху, пользовалось полным доверием, а ведь, случалось, хорошие ребята гибли из-за своей неосмотрительности — не вовремя возмутился или не тому доверился.

— А дела наши плохи. Трещит вся линия фронта. Агрессор силен, как никогда. У него появляются все новые виды оружия. А мы, как и прежде, бьемся на мечях. Боюсь, что плохо кончится наша война...

Он обвел слушателей острым светом из круглых отверстий в жестяной маске.

Отвечать надо было Шундараяу.

Но Шундарай — старый солдат. Его трудно обойти с фланга.

— Сколько себя помню, — сказал он, — я всегда на фронте. Сколько войн прошел — не знаю, не считал.

Все сочувственно склонили головы.

— Но такой войны еще не было, — сказал Шундарай. — Сегодня я не наемник и не на чужой земле воюю, я стою как стена, потому что за моей спиной — последняя граница. И дети, которые плачут, — мои дети, хоть у меня самого вроде бы и не было детей.

— Вы наемники, вам все равно, — произнес фельдъегерь. — Вы всегда можете перебежать к ублюдкам.

Наступила такая тишина, что слышно было лишь дыхание людей, скопившихся в яме.

— А вот эти свои слова ты возьмешь обратно, — сказал Шундарай.

— Рискуешь, поручик, — сказал фельдъегерь, не двинувшись с места.

— Я свое отрисковал. Теперь твоя очередь, — сказал Шундарай.

Коршун хотел схватить комроты за рукав, оттянуть от ядовитого фельдъегеря. Шундарай шел на смерть, но не боевую, почетную, под свист стрел и звон мечей — он шел на смерть позорную, на расстрел перед строем. И знал об этом он лучше всех, потому что всего три или четыре боя назад Шундарай командовал казнью пойманного перебежчика. Сам отрубил ему правую руку, потом Коршун рубил — левую ногу. Рубил долго — не привык рубить людей. От этого осталось жуткое чувство, которое возвращается во сне кошмарами. Сначала перебежчик кричал, потом стал выть, бессмысленно, будто уже и боль стала привычкой.

— Я повторяю,— сказал фельдъегерь, поднимаясь с места,— что ты, комроты, должен знать свое место. Таких, как ты, у нас десятки. Вы — мясо войны. Понял — мясо войны? И смотрите на часы. Помните, что с последней песчинкой начнется боевое время. Вот тогда ты и будешь рассуждать. Привет.

Фельдъегерь пошел к ступенькам, вырубленным в плотной земле, чтобы уйти из ямы, и Коршун с облегчением подумал, что обошлось и Шундарай взял себя в руки и отпустит фельдъегеря невредимым.

Но этого не произошло.

Когда фельдъегерь поднялся по ступенькам до середины и голова его уже показалась над поверхностью земли, Шундарай что-то закричал на своем непонятном языке, на котором он иногда разговаривал и кричал во сне, и кинулся к фельдъегерю.

Он рванулся по ступенькам, схватил фельдъегеря за сапог, дернул на себя и зарычал:

— Убью!

Фельдъегерь вдруг испугался, буквально выпрыгнул из ямы как пробка из бутылки шампанского (странная мысль — странная память!), выскочил как пробка и кинулся бежать, а Шундарай, уже неуправляемый, уже обезумевший, уже такой страшный, что никто не смел бы поймать и успокоить его, вылез за ним. Потом полезли, толкаясь, но молча, все остальные. Коршун оттолкнул кого-то и оказался наверху среди первых.

И он увидел, как фельдъегерь бежит, припадая на босую ногу, а за ним, приближаясь, несется Шундарай, размахивая фельдъегерским сапогом.

Фельдъегерь перебрался через вал, который отделял позиции роты от ничейной земли, и застрял на несколько секунд среди заостренных копий, которыми под углом вверх был утыкан внешний склон вала.

Непонятно, куда он хотел убежать? Там, за ничейной землей, уже начинались ямы ублюдков, которые никого не оставляют в живых.

Шундарай проломил копья своим каменным телом и догнал фельдъегеря, ударил его по голове каблуком сапога — достал его, как дубинкой.

Фельдъегерь споткнулся и потерял равновесие, а потом уже бежал, падая, — и упал шагов через десять.

— Стой, Шундарай! — закричал Коршун.

— Стой! — кричали его младшие командиры. Из ямы и лунок высывались рожи солдат, да и там, за ничейной землей, показались головки ублюдков в шлемах, надвинутых на уши, — они и спят и едят в железных забралах — из-за этого никогда не увидишь их лица. Впрочем, и слава Богу, потому что увидеть живое лицо врага — значит сойти с ума от отвращения. После смерти, если тебе попался ублюдок, его лицо становится человеческим — такая у них посмертная мимикрия, как нам рассказывал на беседе майор по идеологии.

Но как назло — уж лучше бы фельдъегерь добежал до ублюдков и они бы его прикончили, тогда бы можно было отбрехаться, — но как назло фельдъегерь угодил ногой в какую-то ямку и полетел вперед. Он лежал и отбивался ногами — одна голая, а другая в сапоге, в очень блестящем командирском сапоге.

Шундарай навалился на фельдъегеря, отбросил в сторону сапог. Он молотил его кулаками. Тут повыскакивали из ям и ублюдки и наши — благо, день небоевой — и сблизилась двумя полумесяцами, а Коршун с Золотухой начали отрывать Шундарая от фельдъегеря, пока тот жив, — они надеялись, что фельдъегерь жив, тогда комполка обязательно выручит Шундарая, ну разжалуют его, ну накажут, пошлют в передовой дозор — только бы не казнили нашего комроты.

Но что ты будешь делать — на открытом поле, между двумя боевыми линиями, на глазах у сотен бойцов и ублюдков, насмерть дрались наш командир и наш же штабной неприкасаемый фельдъегерь.

Коршун рванул Шундарая за локоть правой руки и, как сам потом догадался, допустил этим страшную ошибку — он как бы помог комроты свернуть фельдъегерю шею — тот успел охнуть, выпуская воздух, и засучил ногами. Потом вытянулся, а Шундарай поднялся, почему-то отряхнул ладони, как будто от песка, и сказал:

— Ну вот и кранты.

— Пошли,— Золотуха старался поднять сразу обесшешего Шундарая, тащил его к своим ямам, другие младшие командиры загоняли рядовых в убежища, а про фельдъегеря забыли, может, всего на две минуты — и в этом заключалось самое непростительное преступление,— может быть, Шундарая бы помиловали — он самый старый и самый отважный из командиров в полку, если не во всей армии, но пока одни командиры гнали собственных рядовых в окопы и ямы, а другие оттаскивали бесчувственного Шундарая, кто-то из сообразительных ублюдков догадался, они кинулись к трупу фельдъегеря и, подхватив его, унесли к себе в расположение.

Когда через десять минут из тыла прибыли два высоких чина — настолько высоких, что комполка, который перед тем махал личным кинжалом и все норовил зарезать Шундарая, стушевался и только елозил губами,— они уже знали, что не только произошла смертельная драка с нападением на представителя власти, но и труп фельдъегеря был фактически подарен ублюдкам, врагам, которые будут измышлять над ним. Поэтому их гнев был запредельным.

— Притом,— говорил один из высоких чинов в вышитом золотом мундире и в шелковой маске домино, чтобы не узнали агенты противника,— притом фельдъегерь нес с собой секретные документы о ближайшем нашем наступлении, которое мы остановить не можем, и о наших слабых местах, которые нам нечем прикрыть. Так что проступок, нет, преступление вашего комроты Шундарая превращается в государственное преступление первого разряда с четвертованием.

— Нет! — вырвалось у Золотухи.

Чин услышал и повернул маску в сторону Золотухи, который стоял перед строем своего сильно поредевшего за последние дни взвода.

— А вот тебя, комвзвода,— сказал чин устало,— за открытое неповиновение мы переводим в рядовые второго разряда с лишением всех наград.

— Это неправильно,— сказал тогда Коршун.— Золотуха не виноват.

— Он виноват так же, как ты, сержант,— сказал высокий чин.— И мы не позволим неповиновению, бунту и мятежу проникнуть в наши силы именно в те дни и часы, когда решаются судьбы миллионов беззащитных вдов и сирот. Считай, сержант Коршун, что ты разжалован в рядовые второго разряда с лишением тебя всех наград и нашивок и переводом в штрафной батальон.

И тут зашумел весь взвод. И к нему присоединился взвод Золотухи.

А комвзвода-1, по имени Пан, сказал:

— Меня тоже попрошу разжаловать. Стыдно мне ребятам в глаза смотреть. Мы с ними вокзал защищали, на высоте Лысой погибали, нас Шундарай вел. Прошу меня лишить...

— Ты лишен,— сказал чин.

Но второй, сильно уса́тый, судя по всему, он был выше чином, чем первый,— у них, у штабной безопасности, не разберешь, кто в каком чине, а этот был во френче без знаков различия — остановил своего товарища и сказал тихо:

— Помолчи.

Потом обратился к строю роты. К усталым, завшивевшим, израненным, но отважным ребятам, которые готовы были на смерть ради справедливости и которые шли в бой не только защищать город, но и мстить за своих ребят паршивым духам и ублюдкам. И второй чин сказал:

— Слушайте меня, товарищи и друзья! У каждого из нас есть нервы и сердце. Вы стоите за своих командиров — и правильно делаете. А мой товарищ, комиссар второго класса барон Бранди, тоже пришел к вам с горящим сердцем. В прошлое боевое время в засаде погиб его старый друг и побратим, а тело его досталось подонкам!

Возмущенный гул голосов родился над голой, избитой подошвами отступлений и наступлений, атак и контратак землей. Оставлять тело врагу — немыслимо и преступно.

— Честно говоря, даже жалею, что комроты Шундарай уже увезли, потому что он сам казнил бы себя за такое преступление. Нет, даже не за конфликт, не за бой. Нет,

он казнил бы себя за то, что отдал тело товарища врагу. Молчите, молчите! Все равно в душе вы со мной согласны.

Над полем воцарилась тишина.

Комиссар второго ранга Бранди стоял в стороне понуриив голову.

— И поймите еще одно — вам кажется, что мой товарищ, комиссар второго ранга барон Бранди, был жесток к ним, снимая с должностей ваших младших командиров, которые вступились за Шундарая. Но мы с вами добродюльцы. Мы сражаемся. И в армии должна быть железная дисциплина. Иначе нам не выстоять. Наше положение трудное, наши силы на пределе, вокруг нас шпионы. И в этой обстановке неповиновение в армии, попытки оспорить приказ приведут к тому, что армия превратится в толпу, в неуправляемое стадо — и тогда мы все станем жертвами ублюдков. И если кто не согласен со мной — выйди вперед и говори открыто. Я не буду наказывать.

Коршун понял, что должен сказать. От него ждут. Золотуха, солдаты. А он двух слов связать не может. Какой же он тогда авторитет?

Коршун вздохнул и заговорил.

— Мы понимаем о дисциплине, — сказал он, сделав шаг вперед и остановившись по стойке «смирно». — Мы понимаем, что виноваты в том, что отдали тело фельдъегеря ублюдкам. Наказывайте нас. Мы понимаем. Но и нас поймите. Мы сидим на переднем крае, у нас каждый день гибнут ребята. Попугая вчера убили в небоевое время. Мы стоим до конца. Но Шундарая этот фельдъегерь достал. Нельзя обижать командиров. И солдат тоже. Мы согласны погибнуть, но не согласны, чтоб о нас вытирали ноги.

Комиссар Бранди подпрыгнул и закричал:

— Фельдъегерь Злак был честным малым! Я за него согласен драться.

— И я согласен за Шундарая, — сказал Золотуха раньше, чем успел сказать это Коршун.

— Отменить! — приказал усатый чин. — Дуэли отменяются до окончания боев за нашу доблестную столицу. Нам дорог каждый человек, каждый боец. А после нашей победы и сам буду секундантом, Коршун, — сказал он. Запомни мое

имя — комиссар второго класса граф Шейн. Василий Шейн. Я не скрываюсь.

Он снял домино. Под маской было усталое лицо со светлыми глазами, обведенными такими темными кругами, что казалось, будто в глазах вообще нет зрачков.

— Я начальник разведки фронта. И не надо мне представляться, сержант. Я все знаю о тебе, Коршун. И твоё имя, и твою должность, и твоё прошлое, которого не существует. Если ты хочешь, можешь прийти на наказание комроты Шундарая. Его смерть будет легкой, хотя преступление было тяжёлым. Если захочешь ускорить его смерть — вызовись.

— Когда будет смерть? — спросил Золотуха.

— Через две тысячи спокойных ударов сердца, — сказал граф Шейн. Он подергал себя за правый ус — такая у него была привычка.

Чины пошли к себе.

Над полем боя было тихо.

— Ты пойдешь? — спросил ротный фельдшер Аркашка.

— Пойду, — сказал Коршун. — Надо попрощаться.

— И я пойду, — сказал Золотуха.

Остальные не пошли — не потому, что не желали, но договорились, что надо оставаться в роте, нельзя оголять. Боевой период боевым, но бывали случаи, когда эти подонки наступали в мирное время. Так что отпустили Коршуна и Золотуху.

Идти недалеко, но все равно они спешили, потому что казни на фронте всегда проводятся быстро, чтобы об этом не успели узнать враги, а тем более друзья преступники. Бывало, что преступника освобождали, и потом частям особого назначения приходилось биться со своими же, употреблять сонный газ или огнеметы. В фольклоре фронта есть рассказ о том, как восстал целый полк, чтобы освободить своего командира, и трое суток бился в окружении. Говорили даже, что командование фронта, не в силах справиться с окопавшимся полком, объявило перемирие и призвало на помощь общего врага — с их помощью и удалось перебить повстанцев. С тех пор казни устраиваются сразу после преступления, без суда, недалеко за линией фронта.

Так как Коршуна и Золотуху допустили на казнь специально, то по приказу чинов из генштаба им выдали в разведроту по велосипеду. Под расписку и под залог. Коршун оставил в залог чашу с золотым ободком, а Золотуха крест на золотой цепочке — он верил в Бога.

Они выбрались из ямы разведроты на тропинку, которая шла в тыл. Тропинка сначала спускалась в овраг и шла по его дну, вдоль грязного ручья, в который попадали помои и сточная вода из сортиров и прачечных. Через пятьсот метров, куда уже не достигали взоры ублюдков, тропинка вышла в широкую стратегическую дорогу, по которой могли проходить телеги. Возле дороги к деревянному столбу был прибит здоровенный жестяной лист со страшной картинкой: ублюдок в маске держал в руках младенца и пожирал его, вонзив клыки ему в животик. Младенец испуганно орал.

«УБЕЙ ЛЮДОЕДА!» — восклицала надпись под картинкой.

Коршун уже не раз проезжал под этим плакатом, он помнил его новеньким и ярким, а за последние месяцы он потускнел, и кое-где краска осыпалась.

— Все-таки они звери. Сколько смотрю, столько поражаюсь низости этих сук, — сказал Золотуха.

— Ты кем на гражданке был? — спросил Коршун.

— А хрен его знает, — ответил Золотуха. — Но разве это играет роль? Я их все равно всех достану. И передую.

Коршун промолчал. Он думал о Шундаре. Сколько они рядом прошли — его комроты от смерти спасал, и вот теперь он увидит его смерть. И не в бою — с кем такое не случится! — смерть в яме палача — низине, окутанной мерким запахом смерти и разложения, где и происходят все фронтовые казни.

Как бы угадав мысли Коршуна, Золотуха сказал сзади:

— Для меня Шундарай как брат, понял? Но раз мы фельдъегеря ублюдкам отдали — нам нет прощения.

По крайней мере, он Шундарая не выделял — сегодня ему не повезло, завтра тебе.

— А кем же я на гражданке был? — подумал Коршун вслух.

— Не было гражданки! — откликнулся Золотуха. — Мы с тобой родились в камуфляже.

Он рассмеялся.

Они перевалили через невысокую гряду и остановились наверху, хоть это и было запрещено категорически — ублюдки могли запустить из катапульты снаряд — и нет у тебя головы!

Но они остановились, чтобы взглянуть на родной город, который они защищали от врага, там живут их родные, их близкие, их невесты, а у кого — и дети с женами. Живут и надеются, что ублюдки не прорвутся к ним и не изнасилуют женщин, белых чистых наших женщин, не расстреляют детей и стариков. Лучше смерть, чем уступить беззащитный город. И Золотуха опять угадал мысли и сказал то, о чем Коршуну думать не хотелось:

— А ведь Шундарая по делу наказывают. Он же своего убил.

— Шундарай десяти таких, как тот... стоит.

— Для тебя стоит, для меня стоит, а для закона не стоит. Для закона все равны. Этим мы отличаемся от ублюдков.

Город, казалось, был нарисован на фоне облаков, спускавшихся к горизонту. Вон там, чуть правее, — центр: высокие дома, новые, в них правительственные учреждения. Но в каком доме, на каком этаже — на сороковом, на пятидесятом — сидят девочки, считают, сколько нужно фронту колючей проволоки, наконечников для копий, металлических щитов или каменных ядер, на каком этаже сидят милые работницы тыла, вяжут носки, чтобы не замерзли ноги, куют шлемы или распределяют, какой фабрике какие шлемы ковать для фронта, для победы?! Но не эти дома так дороги сердцу Коршуна, — хоть ему все дорого. Ему милы дома поменьше, в жилых районах, пятиэтажки, а то и бараки, — там живут простые люди, трудящиеся, там где-то и его родные, — наверное, у него есть отец, и мать, и сестренка. По крайней мере, они есть на фотографии. Когда ему выдавали личный номер, удостоверение бойца, то он получил вклеенную на внутреннюю сторону удостоверения семейную фотографию — отец, мать и младшая сестренка. А отдельно фотографию его девушки и письмо от нее с

приветом и обещанием верности. Роза. Ее зовут Роза, сейчас ее эвакуировали, потому что близко фронт, нет питания, не работают свет и водопровод — трудно придти к родине!

— Поехали? — спросил Золотуха.

Они нажали на педали и съехали в долину смерти.

Может, и зря они согласились, но нельзя же было оставить Шундарая одного.

Облака низко неслись над впадиной, как всегда сизые, искливые. Но Коршун знал, что как только война закончится победой сил справедливости, их победой, то из-за облаков выглянет солнце и осветит освобожденную землю, над которой поднимутся колосистые нивы.

В низине была большая яма — им пришлось проехать мимо, — в яме лежали присыпанные хлоркой тела и куски тел наказанных предателей и других преступников. Справа, у виселицы с длинной переключиной, стояли кучкой люди и смотрели, как палач в чине сержанта войск охраны, стоя на стремянке, прилаживал петлю на шею какого-то толстяка. Толстяк увидел Коршуна, перехватил его взгляд и вдруг пронзительно закричал:

— Передайте моей дочке на авеню де Вульф, 18, что я умираю невиновным. Это все клевета интенданта Жоффруа!

— Проходи, проходи, — крикнул Коршуну палач, — не мешай работать.

Но Коршун задержался — не мог двинуться, пока тот человек не умрет. Толстяк был в одних подштанниках, и ему было холодно стоять на табурете.

— Вы скажете, вы передадите? — спросил он, и палач мышиб, спустившись со стремянки, табуретку из-под его ног.

Толстяк не успел договорить.

Он еще корчился и тянул к Коршуну толстую, как у мышь, руку, но Золотуха уже объехал Коршуна и поехал вперед.

Там стояла целая команда. Не каждый день наказывают командира роты.

Шундарай увидел их издали.

— Спасибо, что приехали, ребята,— сказал он.— Я уж боялся, что меня порешат втихую.

Куртку с него содрали. Осталась только майка, грязная, серая, но зато было видно, что тело Шундарая состоит из желваков, бугров, ничего мягкого, кажется, что копьем не пробьешь. Но пытались — по буграм и мышцам светлые полосы шрамов, белые звезды в местах, где врезались в него стрелы или пули...

Коршун поймал себя на том, что употребил чужое слово — он не должен его знать. Но, подобно снам из прошлой жизни — оттуда же пришло и слово «пуля», и даже образ, соответствующий этому,— нечто металлическое, движущееся со страшной скоростью, способное пронзить человеческое тело или даже бронезилет... пуля! — странное слово, неприятное слово.

— Ничего,— сказал Золотуха.— Скоро с тобой встретимся.

— Встретимся, да не встретимся,— ответил печально Шундарай. Коршун понял, что он имел в виду,— человек, павший в бою, воин, дружинник, рождается вновь командиром, героем, а казненный, справедливо или нет — богам ли разбираться,— должен пройти серию унижительных жизней — слизняка, раба, козла, может, даже женщины — длинный путь в тысячи лет предстоит человеку, погибшему бесславной смертью.

Там стояли давешний чин из штаба, палач с помощником и начальник фельдъегерей в серебряной маске — он был мстителем, ему наносить первый удар.

Наш мир — мир войны, и он весь стоит на мести, думал Коршун, глядя, как серьезны и даже преувеличенно деловиты все участники казни. Это были похороны, но ни одного зрителя на них — только гробовщики и землекопы. В отдалении стоял с журналом замкомандира полка по кадрам. Он должен был, как только доктор удостоверит смерть, вычеркнуть славного Шундарая из списков части. Рядом маячил доктор.

Коршун надеялся на то, что увидит лучников, что Шундарая расстреляют, это была бы не такая позорная смерть... Солдат не было, если не считать двух охранников из ко-

мендантского взвода, чтобы осужденный не сбежал или его не пришли бы освободить товарищи — такое бывало. Наказание следовало немедленно и жестоко — казнили всех. Всех солдат взвода. И правильно. Если ты будешь отбивать осужденного, значит, ты не признаешь дисциплину. И хоть и бы сейчас с радостью кинулся на это кодро, разогнал бы их... но мы с Золотухой не взяли никакого оружия, кроме кинжалов. Мы знали о справедливости и наказании. Когда казнят армия, мести быть не может.

Адъютант из штаба вышел, держа в руке приговор, — когда они успевают его написать и заверить большой печатью?

Коршун смотрел на Шундарая, стараясь угадать в нем — в глазах, в движениях рук, в посадке головы — то, что произойдет в ближайшие минуты. Ведь он перестанет существовать. И никогда уже не станет снова Шундараем. Еще стоит — живой, совсем живой — можно потрогать... Нет, наверное, я никогда не стану генералом, у меня нет в коготке маршальского жезла. Я слишком часто думаю на посторонние темы.

—...Набросившись без основательной причины на офицера фельдъегерского корпуса, находившегося при исполнении своих обязанностей, он предательски догнал его и жестоко убил, хотя его жертва не оказывала сопротивления.

— Оказывал, — неожиданно сказал Золотуха.

— Не вмешиваться! — прикрикнул на него полковой адъютант. И его можно было понять — такая позорная казнь неминуемо падает черным пятном на весь полк. А это может обернуться очень печально.

— Жестоко убив младшего офицера на глазах у всего полка, а также, что усугубляет его вину, в присутствии воинских чинов противника, которые с наслаждением наблюдали за конфликтом в среде наших славных вооруженных сил, командир роты Шундарай Мункуев оставил тело своего старшего товарища на нейтральной полосе, что позволило гнусной толпе моджахедов утащить тело офицера в свое расположение и измываться над ним, как они всегда измываются над телами наших товарищей. И это было совершено при попустительстве всей роты. Это из ряда вон

выходящее преступление по законам военного времени требует смертной казни по первому разряду. Однако ввиду того, что подсудимый в течение долгого времени честно исполнял свои обязанности и был храбрым воином...

Читавший сделал паузу, и у Коршуна мелькнула надежда — а вдруг третий разряд? Четвертый не дадут. Четвертый — это благородный расстрел. Эта казнь лишена позора. Но третий — обезглавливание. Это мгновенная смерть.

— Они и не хотели первую давать, видишь, керосина здесь нет,— шепнул Золотуха.

Конечно, он был прав. Казнь первой степени — сожжение заживо — не провести без канистры с керосином или бензином. Иначе как загорится человек?

— Принимая все это во внимание, военный трибунал постановил заменить казнь первой степени на казнь второй степени. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Офицеры, собравшиеся там, захлопали в ладоши, словно не они сами только что написали этот приговор.

Охранники не хлопали, потому что держали оружие наготове, а мы с Золотухой — потому что не были согласны с приговором.

— Последнее слово предоставляется приговоренному,— сказал адъютант полка.

— Прошу милости,— сказал Шундарай.— Не хочу позорной смерти.

Он замолчал. Все тоже молчали. Только потом один из штаба произнес:

— Какие у вас последние пожелания, Шундарай Мункуев?

— Мои вещи отдайте им.— Он кивнул в сторону товарищей. Рукой он двинуть не мог, руки у него были и в всякий случай связаны за спиной.

— Это будет сделано,— сказал чин.

Помост с виселицей был рядом — таких помостов в низине несколько. Палач потащил к веревке времянку. Один из охранников по его приказу понес туда табурет.

— Прошу слова, господа офицеры,— сказал Коршун.

— Это не положено,— быстро ответил командир фельдъегерей.

— Пускай скажет,— вмешался чин из штаба.

Хоть он был в маске, Коршун по голосу узнал графа Шейна, начальника разведки. Это был приличный офицер, таких в штабе мало.

— Я клянусь,— сказал Коршун,— как комвзвода в роте лейтенанта Шундараия, что он не хотел нападать на фельдъегеря, но фельдъегерь нарочно вывел Шундараия из себя, он издевался над ним и над всеми нами. Лейтенант Шундараий спасал честь роты, когда решил убить фельдъегеря. Это правда. Каждый солдат и командир нашей роты подтвердит это.

— Последнее дело обвинять человека, которого подло убили! — закричал командир фельдъегерей.— Убил, отдал его тело врагам на издевательство, и теперь находятся некоторые защитники, к которым мне хочется как следует присмотреться.

— Присматривайтесь ко мне сколько хотите, полковник,— сказал Коршун.— Ничего не изменится. Мы все виноваты, что ублюдки утащили труп нашего человека...

— Нашего с вами товарища,— вмешался адъютант полка, который не хотел ссор со всемогущими фельдъегерями.

— Мы все виноваты — недосмотрели. Но Шундараий был в ярости, потому что была задета его честь. Мой свидетель — сержант Золотуха,— упорствовал Коршун.

— Да,— твердо сказал Золотуха.— Я свидетель. Шундараий не мог оставить без ответа слова фельдъегеря.

— Что значит ответ? — закричал командир фельдъегерей.— Ответ — убить и сдать врагу беспомощное тело? А что, если наш товарищ был еще жив? Вы знаете, что они там с ним сделали? Или вы первый день на фронте? Ваш Шундараий хуже ублюдка, хуже моджахеда. Он предатель, и я требую казни первого разряда.

«Господи, не сделал ли я хуже? — испугался Коршун. Но вслух произнес:

— Фельдъегерь сказал Шундараю, что мы все, все люди Шундараия, хотим перебежать к ублюдкам. Он так сказал.

— Он так сказал,— подтвердил Золотуха.

— И это слышали все, кто был в штабной яме,— сказал Коршун.

Фельдъегерский офицер начал было возмущаться, но штабной чин велел всем офицерам отойти в сторону. Они отошли и стали спорить приглушенными голосами, почти шепотом.

— Спасибо, ребята,— сказал Шундарай.

— Молчать,— рявкнул палач. Но так, без злости, для порядка, он понимал, что творится, и будь его воля — отпустил бы Шундарая.

Вернулись офицеры.

Чин из штаба сказал:

— Посоветовавшись, военный трибунал решил, что Шундарай совершил тяжкое и непростительное преступление, за что заслуживает смерти. Но мы хотим верить его младшим командирам, которые пришли защитить его. И чтобы не быть в ответе перед блуждающей в отчаянии от бесконечных мрачных перерождений душой и телом Шундарая Мункуева, мы решили дать его душе шанс возвратиться к людям. Поэтому трибунал приговаривает Шундарая Мункуева к казни третьей степени.

Коршун чуть не закричал от радости.

Шундарай, как только до него дошло, что же случилось, сказал палачу срывающимся голосом:

— Слезы мне вытри.

Тот достал из кармана тряпку и вытер Шундараю лицо.

— Разнюнился,— сказал он.

— Ты же понимаешь!

— Казнь,— произнес граф Шейн,— приводится в исполнение немедленно.

Золотуха толкнул Коршуна в бок кулаком — тоже выражал радость.

Фельдъегерский офицер смотрел мрачно. Это было заметно лишь по наклону головы и по тому, как глаза совсем спрятались в глубине маски — черные дырки, никакого блеска.

— Последнее слово! — воскликнул Шундарай, когда палач сводил его с помоста под веревкой, чтобы отвести к колоде, на которой рубили головы и четвертовали.— Последнее слово!

— Мы слушаем тебя,— сказал граф Шейн.

— Пускай это сделает мой комвзвода Коршун. Ведь в приговоре не сказано, кто будет меня казнить, правда?

— Ну и хитрец! — вырвалось у адъютанта полка.

— Ни в коем случае! — вмешался фельдъегерь.

Все смотрели на графа Шейна, он был председателем трибунала.

— Раз в приговоре не указано, кто исполнит приговор, то мы не возражаем, чтобы это сделал любой из присутствующих.

Коршун вдруг испугался.

Он все понял, он угадал и оценил последнюю хитрость Шундарая — ведь погибнуть от руки воина вовсе не позорно. Хоть, конечно, это не бой, когда душа улетает в высшие сферы, а поле казни, но рука палача и рука воина — две разные руки. И через два или три существования его душа войдет в тело воина или иного достойного человека. А там недалеко и до вознесения.

— Может, ты? — спросил Коршун Золотуху.

— Нет,— твердо сказал Шундарай.— Я тебя просил, Коршун. У тебя рука вернее. Ты не дрогнешь. Золотуха переживает, погляди на него, он же промахнуться может, он меня с одного удара не обезглавит. Прошу тебя. Я видел, как ты рубить умеешь.

Коршун не стал больше спорить.

Он подошел к колоде.

Колода некогда была частью ствола многовекового дерева, в два обхвата. Ее вкопали в землю и много раз использовали, отчего весь ее торец был изрублен так, что стал похож на шкуру ежа. Щепки были бурыми, бурым пропиталось дерево далеко вглубь — столько человеческой крови вылилось на колоду.

— Только ты осторожнее,— сказал Шундарай.— По загылку не попади, не изуродуй меня.

— Я постараюсь,— сказал Коршун.— Но и ты не являйся ко мне, не преследуй меня, так как я убиваю тебя по твоей же воле.

— Я постараюсь,— сказал Шундарай.— Но ты же знаешь — обещает тебе живой, а приходит мертвый. Я давно мертвым не был, однако.

Он криво усмехнулся, становясь на колени. Ему было неудобно, потому что руки были связаны сзади.

— Развяжите мне руки,— попросил он палача.

Палач посмотрел на офицеров.

Возникла долгая пауза. Всем было не по себе. А вдруг он, славный и умелый воин, вырвет в последний момент топор у Коршуна?

— Я руки под себя спрячу,— сказал Шундарай.

— Развяжите его,— распорядился граф Шейн.

— Ну как знаете.— Палач был недоволен, но не стал связываться в спор. Он развязал руки Шундараю, и тот с трудом перенес их вперед и стал разминать пальцы.

— Давай, давай, не задерживай! — приказал граф Шейн.— И так на тебя больше времени потеряли, чем на десять других.

— На то я и Шундарай,— ответил тот.

Палач стоял с топором наготове. Топор был узкий в топорище и широкий, как веер, в лезвии.

Шундарай посмотрел вокруг.

— Воняет здесь,— сказал он.

Коршуну показалось, что он совсем не похож на человека, готового погибнуть.

— Клади голову,— сказал палач.

— Положу, только я хочу видеть, что это сделает Коршун.

— Тебе обещали! — раздраженно крикнул фельдъегерь.

Шундарай стоял на коленях, но не наклонялся, а смотрел, как палач передаст топор Коршуну.

А когда Коршун неловко взялся за длинное топорище, такое теплое и чуть влажное от ладоней палача, и постарался получше ухватиться, чтобы не промахнуться и не мучить товарища, Шундарай вдруг выпрямился и помчался, пригибаясь и виляя между ямами, в сторону старой заброшенной крепости.

Все как замороженные смотрели вслед ему.

И прошло, наверное, секунд двадцать, прежде чем граф Шейн закричал охранникам:

— Стреляйте, мать вашу! Да стреляйте же!

Палач почему-то стал вырывать у Коршуна топор, но тот испугался, что палач сейчас отрубит ему голову, раз уж приговоренный сбежал, и не отдавал топор.

Охранники стали совать в ножны мечи, которые держали в руках, — ну кто мог подумать, что им придется стрелять? Потом снимали с ремней луки, доставали стрелы из колчанов — к этому времени Шундарай уже выскочил из котловины и скрылся за ее краем.

Охранники бежали следом, палач с помощником тоже бежали. Офицер-фельдъегерь кричал на Коршуна:

— Ты у меня, ты у меня... это ты все устроил!

— Нет, я ничего не устраивал, — сказал Коршун.

— Тогда поймай и приведи! — кричал фельдъегерь.

— Вряд ли в этом есть смысл, — сказал граф Шейн. —

Пока они его догонят... нет, надо делать не так. Мы с вами виноваты, мы с вами и займемся этим. А мальчишек отпустите в часть. Вы меня слышите, адъютант полка? Отведите сержантов в полк!

Тот услышал. Он уже пришел в себя.

— Пошли! — прикрикнул он. — Пошли, чего уставилась!

Они пошли втроем прочь от места казни.

— А хорошо, что он убежал, — сказал Золотуха. — А то бы он тебя преследовал. По ночам бы приходил. Потом бы задушил. Ты же знаешь — так бывает.

Коршун знал, что Золотуха прав. И подумал, что главное не то, что комроты убежал, а то, что он не будет к нему являться по ночам.

Путь до передовой недолог. Сначала они рассуждали о том, куда убежит Шундарай. К врагам, к ублюдкам, он не переметнется — не такой человек. В развалинах ему долго не отсидеться — наверняка туда сейчас уже послали охранников. Значит, попытается укрыться в городе.

— У него в городе есть родственники? — спрашивал полковой адъютант.

— Нет, — отвечал Коршун.

Что же он, изверг, что ли? Как только он у них появится, то и сам в засаду попадет, и всех родственников подведет под петлю. Адъютант согласился. И больше обсуждать бегство Шундарая не стали — на фронте подолгу не обсуждают смерть или бой, потому что завтра придут новая смерть и новый бой.

Зато Золотуха стал подбивать товарищей:

— Давайте сходим в город, пока время еще есть, фельдъегерь говорил, что до боевого времени можно выспаться. Пошли, — говорил Золотуха, — девочек найдем — так давно девочек не было, я даже и не помню, когда девочки были.

Но адъютант наорал на комвзвода:

— Ты понимаешь, что тебя в городе заграбастает патруль, а все твои товарищи на передовой готовятся отразить атаку злейшего врага. Тебе что, не жалко своей шкуры, так пожалей шкуру командира полка — его сегодня чуть не сняли из-за этой сволочи Шундарая. Если еще и ты в самоволку уйдешь — ведь не солдатик необстрелянный, а боевой ветеран, что же за дисциплина в нашем полку, когда командиры — убийцы и дезертиры?

— Нет, — отвечал Золотуха, — ты меня в дезертиры не записывай. Я хотел только в город заглянуть — и тут же обратно. Пешком.

Коршун шел рядом, он не вмешивался в ленивый спор, так как понимал, что ни в какой город Золотуха не убежит, да и адъютант об этом знает, а ругается так, для порядка. Но его тревожило другое — вот уже третье или даже четвертое боевое время бои идут в такой близости от города, что даже такой дурак, как Золотуха, понимает, что туда пешком можно сбегать. А от низины казней до передовой за полчаса можно дойти.

Какая-то дрянь в штабе армии завелась — не может быть, чтобы убудки были сильнее нас. Нам же всегда твердили — наша армия непобедима, нам никто не страшен. Почему во взводах по половине личного состава осталось? Даже стрел, элементарных стрел, не подвозят — что же,

прикажете за проволочными заграждениями стрелы подбирать? Казнить легче всего, но нужно разобраться.

— Когда пополнение будет? — спросил Коршун у адъютанта. — А то ведь воевать некому. Придется вам топор брать и становиться в первый ряд.

— У каждого своя задача и свое умение, — степенно ответил адъютант. Но конечно же слова сержанта ему не понравились. И, увидев издали тропинку, что сворачивала к штабу полка, он почти побежал, сказав на прощание: — Я все доложу командиру, а вы спешите к вашим солдатам. И чтобы никаких не было волнений или еще чего.

— А кто заменит Шундарая? — крикнул вслед Золотуха. Адъютант не ответил. Да и откуда ему знать?

— Наверное, пришлют кого-то из штаба, — сказал Золотуха.

— Не думаю. Кому хочется на передовую? У нас ведь долго не удерживаются.

— А мы?

— Мы с тобой настоящие ветераны. Мы три войны прошли.

— А ты считал? Считал, что ли?

— А вспомни.

— Я много чего помню, но не буду же трепаться, — сказал Золотуха, — это военная тайна.

— Ты только вспомни.

— Помню, помню, — отмахнулся Золотуха.

Ни черта он не помнил. И не старался вспоминать.

Они прыгнули в штабную яму. Все младшие командиры и капральский состав ждали их там. Давно, видно, ждали. Некоторые даже дремали по углам.

— Ну и как? — спросил Бермуда, старшина роты, пожилой, седой, усы висят по грудь, сзади коса заплетена. — Как он, не больно было?

Бермуда не мог сказать так, как ему хотелось, но Коршун все понял.

— Случилось все неладно, — начал он осторожно, потому что среди своих мог быть штабной стукач. А грехов и без этого уже накопилось столько... если бы не этот раз-

ведчик, граф Шейн, Коршуна отлично могли вместо Шундарая замочить. — Сбежал наш комроты.

— О-о-ох! — будто вся яма застонала. И непонятно было, облегчение или страх в этом вздохе.

Помолчали. Никто не спрашивал — как это случилось. Коршун все равно расскажет.

Коршун рассказал, как было, Золотуха его старался поправлять, когда считал нужным, но Золотуху не слушали, потому что Коршуна уважали больше. Так что Золотуха, хоть и был недоволен, заткнулся.

Все жалели Шундарая, хотели, чтобы он скрылся, но понимали, что убежать ему трудно — охрана уже доказывала не раз, как она хорошо умеет работать. Бывали же случаи — надоедало или становилось страшно — по-разному бывало. Они всегда находили дезертиров.

Но все же лучше, чем мертвый. Если такой, как Шундарай, станет призраком, это очень плохо. Призраки — погибшие позорной страшной смертью — приходили сюда, пугали людей, а то и вредили им. Такой призрак, как шундараевский, мог и убить. Ведь призраки не имеют жалости к людям, даже к тем, кого при жизни любили.

Тут прибежал вестовой от командира полка — Коршуна звали туда. Вестовой сказал, что он уже был у комбата Дыбы.

Все догадывались, что Коршуну быть комроты вместо Шундарая, некоторые были рады, другие сами рады были оказаться на его месте — все же комроты имеет больше шансов уцелеть. Впрочем — какая разница. Или мы отстоим город, и тогда война затянется еще надолго — ведь надо будет не только выстоять, но и перейти в наступление, отжать врага, задавить ублюдков, а это так просто не сделаешь — ведь недаром говорят, что их поддерживают силы Тьмы, за ними стоят враги всего рода человеческого. Рассказывают про драконов и про червя. Многое может быть правдой или близко к ней. У нас же, у честных бойцов, ничего нет, к тому же в штабах сидят крысы и продажные шкуры. Об этом все говорят на передовой, но никто ничего сделать не может. Вы только посмотрите на фельдъегерей, на штабных адъютантов — откуда такие шмотки, эполеты

и маски? А у нас на передовой и шлемов не хватает — ждем, когда кто-нибудь из наших отдаст концы, чтобы получить крышку для головы.

Коршун перебежками за часовым поспешил к командному пункту полка. Ему там приходилось за свою жизнь на фронте бывать дважды: один раз он из разведки пришел с важными сведениями, другой раз они там были вместе с Шундараем. «Они там отмороженные, — сказал про штабистов Шундарай. — Не пойдем мы туда больше». А вот пришлось идти одному, без Шундарая.

От штаба батальона, сейчас пустого, — три просторные ямы, соединенные ходами, — к штабу полка вела глубокая траншея, совершенно безопасная. Хотя безопасных траншей не бывает — захотят вдруг грушу бросить — вот и придет твоя ранняя смерть.

В траншее на приступке, опершись о бруствер, стоял Голиаф. Такое имя дали в штабе полка Григору. На ветровке у него в ряд шесть «солнц» — даже у Шундарая всего два «солнца», и он их не носил, а в коробке держал под своей койкой — надо будет сдать куда следует. Но не хочется лазить в сундучок Шундарая — ведь он живой? Живой. Значит, сундучок имеет хозяина.

Голиаф повернулся к Коршуну, узнал его, пожал руку. Вестового вроде бы и не заметил.

— Готовятся, — сказал он. — В это боевое время они в большое наступление пойдут.

— Ты в штаб доложил? — спросил Коршун. Он, как и Голиаф, был комвзвода, так что они могли говорить на равных. Только у Голиафа шесть звезд — шесть побед в открытых поединках, наверное, он чемпион на фронте.

— А чего им докладывать, — сказал Голиаф. — У них что, воздушной разведки нету?

Воздушной разведки у штаба вторую неделю как не было, так говорил Шундарай. Потому что воздушный шар разведчиков сбили, он вспыхнул и сгорел, а второй еще не склеили — так армия осталась без глаз.

— Нет воздушной разведки, — сказал Коршун.

— Все равно — им скажешь, а они как бы не слышали, в одно ухо впустили, в другое выпустили, словно мы для них не люди, а шашки. Ты в шашки играешь?

— Не люблю.

— А то приходи после боя, сыграем.

Вестовой маялся рядом, кашлял.

Штаб полка показался бы новичку дворцом — не ямы, а целый лабиринт. Главная яма, командирская, обложена белой плиткой, кровать за занавеской, а на кровати дремлет постоянная симпатия комполка. Так говорили в роте. Но проверить нельзя. Командир никого в свою спальню не пустит.

Полковник был шустрым, с хохолком, сыпал прибаутками, говорят, что изображал какого-то древнего маршала, который уже вымер в прошлых войнах.

— Молодец, молодец! — крикнул он, увидев Коршуна. — Упустил молодца — сам овца! Как же ты, голубчик? Тебе, что ли, голову рубить?

— Как прикажете, — сказал Коршун.

— Да ты не бойся меня, не бойся, это я на словах такой страшный, а в бою ужасен только для врага. Понял? Для меня все мои люди — молодцы. И Шундарай тоже.

Командир полка пробежал по своему кабинету, поглядел на облака над головой, словно боялся, что могут подслушать оттуда. Засмеялся визгливым смехом.

— Они думают, что я ничего не вижу, ничего не слышу. Так вот, Коршун, это все неправда. Ни один комар не пролетит мимо моих ушей. Ты комара видел? Нет мельче зверя. Скоро наступление. Ублюдки наступать будут. А я этих моджахедов перебил за свою боевую судьбу десятки тысяч. Но кому это интересно? Значит, мы с тобой стоим насмерть. Пуля — дура, штык — молодец! Назначаю тебя командиром второй роты. Где Дыба, где Дыба, мать его?

Вошел командир батальона Дыба. Человек сутулый, ленивый, немолодой, опустившийся. Он сам говорил, что рад бы в отставку, и не верит уже ни в идеалы, ни в победу — мобилизовали, вот и воюет.

— Слышу, командир, — сказал он. — Хорошо слышу. Я уже приказ подписал, хотя не уверен, что вы правы. Очень уж он невыдержанный, даже нахальный.

— У тебя есть другие предложения?

— Откуда? — вздохнул Дыба. — Вы же знаете, что в первую очередь убивают младших командиров. Если у меня половина солдат осталась, то младших командиров и трети не наберется.

— Коршун давно уже на фронте, его знают.

— Там что-то неладное случилось, на наказании, — проинес Дыба, почесывая под мышками, — видно, вши заели. Но даже если вши, то не к лицу комбату чесаться перед командиром полка. Коршун подумал, что в последние дни дисциплина падает, падает и уважение к начальству — первое, что ты видишь, когда армия разлагается.

— Я знаю, что там случилось, но к Коршуну не было претензий. Они там сами должны лучше охранять наказуемого.

— Шундарая поймали? — спросил Дыба.

— Поймают, — ответил комполка, — обязательно поймут. Ну куда Шундарай денется?

— Скроется в городе, — сказал Дыба.

— У него в городе есть родные? — спросил комполка.

— У всех в городе есть родные, — ответил Дыба.

— Ты ошибаешься, комбат, — сказал командир полка. — Думай головой, а не задом. Откуда быть в городе родственникам всех нас? Страна наша большая. Городом не ограничивается.

— Может, и нет у меня родственников, — согласился Дыба.

— А у Шундарая, допустим, есть. Но не здесь, а в другом городе, в дальнем.

— В дальнем? — В голосе Дыбы прозвучало недоверие. Как будто город был единственным.

Коршун не удивился. Он тоже раньше думал, что город — единственный и именно за обладание им идет война, но потом понял, что далеко не все из того города, можно сказать даже, что мало кто родом из города. К примеру, и сам Коршун никогда в нем не бывал и видел его лишь издали. На горизонте — небоскребы и старинные дворцы — в тумане, толком не разглядишь. А от низины казней город виден лучше, но все равно без деталей.

— Наша задача, Дыба,— сказал командир полка,— чтобы твои солдаты не соединялись со своими родственниками в городе. Потому что это может произойти в одном случае — если мы побегим до города задом наперед. А я хочу, чтобы мы все раньше легли в землю, чем отдадим город. Мне стыд глаза ест. Хуже слез. Я присягу давал! Позор, позор!

Командир разволновался, он бегал по своему кабинету, махал руками, словно сейчас поведет полк в атаку. Но никто не волновался, все ждали, пока он набегается.

Командир остановился, словно натолкнулся на стенку.

— Адъютант! — приказал он.— Нашивки для Коршуна.

Адъютант уже ждал, был готов. Он вынес из задней ямы картонную коробку с нашивками. Раньше у Коршуна было две нашивки, теперь стало сразу четыре — с сержанта он перепрыгнул в лейтенанты. Так бывает, когда мало командиров.

Нашивки с оборотной стороны были клейкими. Адъютант оторвал тонкую бумажку, которая предохраняла нашивки, чтобы не приклеивались к чему ни попадя, затем приклеил их на рукава.

— Поздравляю,— сказал командир полка.— Теперь ты не младший командир, а средний командир. У тебя больше ответственности и больше прав. Займешь яму комроты и выберешь из его вещей то, что тебе подходит.

— Как же так, командир? — возразил Коршун.— Шундарай еще жив.

— Врешь! — крикнул командир полка.— Шундарай уже мертв! Он мертв для всех. Он дезертир и предатель. Могила — его койка!

— Это не совсем так, командир,— сказал Коршун.

— Гоните его, гоните! — приказал командир.— А то и его сейчас разжалуют!

— Подождите его гнать,— сказал адъютант,— нам еще надо провести совещание командиров подразделений.

— Правильно,— сказал командир.— А то бы пришлось снова вас вызывать. Времени до боевого периода осталось мало, и надо подготовить позиции. Раз, два, выше головы! Садитесь. Адъютант, давайте сюда карту.

Карта была такая же, как у Шундарая, но новая и куда меньше исчерканная.

Командир обернулся к Коршуну и сказал:

— А ты потом перенесешь все на шундараевскую карту.

— Она старая совсем, — сказал Коршун. — Невозможно работать.

— Ты же знаешь — с картами плохо. Воюем давно, откуда картам быть?

— Надо новые напечатать, — сказал Коршун.

— Не тебе распорядиться, — рассердился командир, но потом сказал адъютанту: — Ладно уж, дай ему новую. Но чтобы старую ты сжег! Ясно? Враг не спит.

Адъютант открыл шкаф, там лежала целая пачка карт. Видно, они собирались воевать еще долго. Вытащил одну. С неудовольствием.

— Мне бы тоже надо, — сказал Дыба.

— Потерпишь. А то прибегут — всем подавай. Сегодня — карта, а завтра — сапоги.

— А ведь обещали новую форму выдать, — сказал Дыба.

— На поле боя, на поле боя добывай. Трофеи.

— Мы пока не добываем, а отдаем.

— Разговорчики!

Дыба ухмыльнулся. Он не боялся командира. Коршун тоже не боялся. Изображает из себя Суворова... Странно, вдруг вспомнилось имя того умершего маршала, которому подражал комполка.

— Суворов, — повторил Коршун вслух.

— Ты знаешь? — вдруг встревожился командир. — Откуда знаешь?

— А черт его знает — откуда, — улыбнулся Коршун. Он был на голову выше командира, и потому командир не приближался к нему, как не приближался и к другим высоким людям, чтобы не запрокидывать голову.

— Садитесь, — сказал командир.

Он разгладил карту обеими ладонями и с сожалением произнес:

— Жалко, что воздушного шара нет. Сверху взгляд — как орлы!

— Они все обещают, — проворчал Дыба.

— Что-то происходит за передней линией противника,— сказал командир.— А разведчика не пошлешь.

— Разведчика посылать нельзя,— согласился Дыба.— Штаб армии не велит. И чего они боятся?

— Они боятся того, что еще ни один разведчик не вернулся оттуда живым. А вот их носы, их уши — это нам присылали. Кидали в ямы. Людей надо беречь. Сбережешь солдата — найдешь мешок золота!

Командир глядел на карту.

— Здесь,— сказал он,— где у нас стоит второй батальон, можно быть спокойными. Они не пройдут. Если не приведут дракона.

— А дракон — это правда? — спросил Коршун.

— Это выдумка трусов! — ответил командир.

— Шундарай говорил, что видел его.

— Говорил, говорил — вот и договорился. Не отвлекай меня, Коршун. Меня беспокоит правый фланг. Видишь, как к нему близко подходит овраг. По этому оврагу можно выйти в самый фланг. Кого бы туда послать?

— У меня нет лишних людей,— сказал Дыба.

— А я думаю, что они направят туда главный удар.

— А поединок будет? — спросил Коршун.

— Разумеется, будет,— ответил командир.— Из штаба армии уже передали — скоро прибьет витязь. Все готово. На этот раз ему нет равных.

— Хорошо бы, а то уровень смелости падает у наших ребят,— сказал Дыба.— Нельзя, чтобы три раза подряд их богатырь побеждал. Ведь уже и колдуны появились.

— Колдунов — к стенке! — закричал командир.— Еще раз услышу о колдунах — сам пойдешь на тот свет!

— Вам хорошо, вы образованный,— пробурчал Дыба,— а у нас они ходят. Все у нас ходят.

— Потерпи, не вздыхай,— рассердился командир.— А то найдем другого комбата, пойдешь в стрелки. Мне нужно, чтобы ты поставил полдюжины стрелков у выхода из оврага — они там полезут. Понятно?

— Понятно,— сказал Дыба,— Коршун пошлет.

— Почему я? У меня людей нет.

— А потому, что ты новенький. Если я спрошу других комроты, они спросят: а Коршун где?

— Дыба прав,— сказал полковой адъютант.— С тебя, Коршун, сегодня самый спрос.

— Я бы на твоём месте половину роты туда перебрал,— сказал Дыба, когда они ушли от комполка и возвращались траншеей в расположение первого батальона.— Они туда могут основной удар направить. И если прорвутся, на тебя все беды свалятся, а я тебя защитить не смогу. Хоть ты и хороший парень, но мне своя шкура дороже. Так и знай, что тебя расстреляют. Знаешь, что такое — козел отпущения?

— Нет, не знаю.

— И я забыл.

Коршун открыл сундучок Шундарая, не потому, что хотел пожить, — вряд ли тут чем-то поживишься. У него было дело, о котором никому не скажешь. Делать его не хотелось, не сделать — нельзя.

Коршун кинул взгляд на песочные часы, что стояли на столе. Половинка песка уже высыпалась. Многого не успеешь. Но до санбата дойти он успеет.

Коршун кликнул своего ротного старшину — Мордвина. Никто не знал — это имя или национальность. Он был одноногий, но ничего, не жаловался. От ямы он далеко отойти не мог, но всех подменял — раньше Шундарая, потом Коршуна. Если кто из штаба придет или что случится — всегда в ротной яме есть нужный человек.

Коршун растолкал Мордвина, тот спал под старыми одеялами.

— Смотри на часы,— приказал Коршун.— Если меня не будет, а в часах останется вот столько, на палец, ударишь тревогу. Понял?

— Чего не понять,— ответил Мордвин.— А говорят, что теперь ты вместо Шундарая.

— Прости, не сказал,— ответил Коршун.— Все так быстро произошло.

— А Шундарая повесили или расстреляли?

Как нехорошо получается. Надо же было человеку скизять! Хотя бы даже как подчиненному. Или роту собрать? Не надо собирать — в роте нет человека, кроме Мордвина, который бы не знал о том, что случилось.

— А ты куда? — спросил Мордвин. Он не обиделся. Не сказали, значит, не надо. Хотя он с Шундараем ладил. Мордвина хотели в тыл отправить, в город, а Шундарай не дал. И что делать в тылу Мордвину, который в жизни иного ремесла, кроме военного, не знает? Да и ходят слухи, что в городе с калеками, чтобы не кормить, поступают, как с бродячими собаками. Врут, наверное...

— По делу, — сказал Коршун.

— В медсанбат пойдешь?

— Зайду, — признался Коршун.

Дурак-дурак, а понимает.

Коршун пошел по траншее, потом по остаткам асфальтового шоссе, к грязному ручью. От него вверх, к развалинам. Когда-то здесь было много кирпичных домиков. Почему-то они развалились — остались груды кирпича. А за ними была видна большая длинная яма — в ней располагался госпиталь, который все называли санбатов.

Сюда попадали раненые или больные, кому можно было помочь. А если рана была тяжелая или смертельная, да еще была опасность, что ты можешь попасть в плен, то тебе должны были добить свои. Такие на войне жестокие законы — ничего не поделаешь, ты же не в игрушки сюда приехал играть.

Охрана у санбата — место удобное и спокойное для бездельников и трусов — сидела в кружок, играла в кости. С охранниками играли и санитары.

Коршуна заметили, когда он уже спускался в яму.

— Ты кто такой? — спросил незнакомый охранник и потянулся к поясу.

Но старший охранник его узнал.

— Смотри-ка, Коршун, — сказал он, — новыми нашими разжился. Ты что же теперь, за Шундарая будешь?

Коршун был недоволен тем, что охранник сразу догадался. Но ничего не оставалось, как признаться.

— Значит, все наследство тебе? — спросил тот же охранник — кривая рожа — и захохотал.

Коршун был настроен миролюбиво. Не потому, что охранника любил или боялся. Никого он здесь не боялся, но ситуация была такая сложная, что лучше остаться с охранником в хороших отношениях.

— Ты же знаешь, — сказал он серьезно, — чем эта история кончилась.

— Какая?

— Там, в низине казней.

— Говорят, что сбежал твой Шундарай. А другие говорят, что ты сам ему голову отрубил.

— Это кому как нравится, — сказал Коршун. — Потом тебе расскажу, без людей вокруг. Понимаешь?

— Ну иди, лейтенант, я уже понял.

Другие охранники стали спрашивать, но главный охранник прикрикнул на них и сказал — надо играть, а не риссуоливать. Перед ним на плоском камне столбиком лежали монеты. Видно, ему везло.

Коршун пошел по яме. Там, по обе стороны широкого прохода, стояли койки. На койках лежали раненые и больные, многие койки были пустыми. В дальнем конце ямы была натянута веревка, на ней, на кольцах, висела длинная, до земли, занавеска во всю ширину госпиталя. Из-за занавески слышались стоны. Коршун прошел по залу. С одной из коек его окликнули. Там лежал парень из его взвода, у него была ранена рука, задета кость, но вроде бы ранение не тяжелое.

— Что с Шундараем? — спросил солдат.

— Пока не знаю, — сказал Коршун. — Я не вру, в самом деле не знаю. А как рука?

— Болит, дергает.

— Может, нарывает?

— Может, и нарывает. У нас же с лекарствами плохо.

— Ну ты держись, возвращайся, ждем тебя.

— Если Шундарай вернется, скажи, что я помню, если что надо...

— Скажу.

— Ты ищешь Надин?

— А где она? В операционной? — Коршун показал на занавеску.

— Нет, она в прачечной, — сказал раненый.

Коршун пошел направо, там было отверстие в стене, тоже занавеска, но небольшая, за ней был склад — полки с лекарствами, бинтами и всякими нужными в санбате вещами. Еще дальше узкая щель вела в прачечную. Там стоял котел с кипящей водой. Два мужика из штрафников кидали в него грязную одежду и мешали ее веслами. Потом белье попадало на наклонные ребристые доски, и санитарки катали его скалками, стирали и полоскали в холодной воде, потом выжимали и развешивали. В яме смешивались горячий пар и холод.

Коршун сразу узнал Надин по красному платочку. Они никогда без него не выходила. На ней была серая одежда, ниже колен, и солдатские сапоги, только короче. Поверх серого платья был надет застиранный белый передник с красным крестом на груди.

Надин почувствовала, что он вошел.

Она бросила в бадью рубаху, которую стирала, и побежала к нему.

— Коршун, как хорошо, что ты пришел! Что там? Что случилось? Я же не знаю, я ничего не знаю!

— Ты можешь в сторону отойти?

Старшая сестра, которая стояла там, с блокнотом в руке, проверяла, как они работают, сказала:

— Отойдите на вешевой вклад, только ненадолго.

— А мне надолго и нельзя, — сказал Коршун.

Старшая сестра была доброй теткой. Хотя вид у нее был суровый. Здесь все были такие — обтрепанные судьбой, грубые, циничные. Редко встречались такие, как Надин. Как будто бабочка среди навозных мух. Да и работа здесь были у женщин трудная — их ведь мало на фронте. Они остались в тылу, растят там детей, готовят еду и вооружение для фронта, ухаживают за стариками. А здесь лишь доброволки, большей частью из публичных домов. Так говорят — да они и сами не отрицают. Если спросишь, никогда не ответят. Но командиры имеют право на женщин. В этом нет ничего дурного. А обычно бабы обслуживают сразу нескольких.

По-разному бывает. Среди них мало корыстных — да и что ж корысть? Из трофеев чего-нибудь? Но какие трофеи в отступающей армии? Говорят, что у ублюдков много женщин, и публичные дома есть, и даже рестораны — у них много всего. А если к ним попадают наши женщины — ну гражданские, когда город или деревню захватят, или пленные из санитарок, — то они над ними измываются, а потом отдают своей солдатне в публичные дома. Там у них бесчеловечные отношения, женщину не считают за человека. У нас все-таки получше. Если ты чего не хочешь, скажи старшей сестре или адъютанту полка, и тебя защитят. Быisset, правда, обязывают — но потому, что у каждого из нас должно быть чувство долга. У санитарок тоже.

Надин — женщина Шундарая. Так было с самого начала. Он как-то был в госпитале, его ранило в очередной раз — задел саблей моджахед. Но обошлось. Тогда как раз было новое поступление, и в санчасть приехала Надин — такая, на всех не похожая. К ней разные люди потянулись, и она стала сопротивляться... Коршун не вмешивался, он даже не знал, как там все это получилось. Но Шундарай никому ее не отдавал. Коршун тогда еще был рядовым, хоть и ветераном. Он пришел в санчасть — Шундарай его послал с запиской для Надин, что не сможет прийти — бьются они в окружении. Коршун пробрался в госпиталь и тогда увидел Надин.

С первого мгновения его охватила такая горечь, потому что у него были, конечно, женщины, но он забыл о них: женщины для солдата — это не основание для чувства. И вдруг он увидел ту женщину, ради которой был готов на все. У нее были легкие золотистые волосы, даже слишком тонкие — они казались золотым маревом, а глаза были голубыми, — она была узенькой и настолько беззащитной, что казалось, не найдется на свете человека, который посмеет ее обидеть.

Но это только Коршуну так казалось. Он был идеалистом, так его старый доктор в госпитале называл. Потом доктора убили, по глупости, — он остался с последними ранеными при отступлении еще тогда, в позапрошлый бой. (Он всех отослал и остался — а ублюдки ворвались скорее,

чем успели вернуться с носилками. Ну и, конечно, его растерзали — чего от ублюдков ждать! Тот старый доктор называл Коршуна идеалистом. «Ну какой я вам идеалист, — отвечал Коршун, — видите у меня наколку — это значит, и в лагере сидел». — «В каком лагере и за что ты сидел, неизвестно, — отвечал доктор. — Мы с тобой находимся в театре, в жестоком театре и, пожалуйста, постарайся не верить декорациям и пышным парикам. Под камзолами видны пиджаки и ватники. И все актеры».

Коршун был влюблен в Надин. Она знала об этом и очень смущалась. Она была женщиной Шундарая и говорила, что он очень хороший и он ее спас от страшной смерти. Шундарай ни о чем не рассказывал, но Коршуну было обидно, что за спасение от смерти можно любить человека и спать с ним. А Шундарай никогда не делал тайны из этого. Он даже рассказывал Коршуну, какая Надин в койке. И Коршун хотел, чтобы Шундарая убили, и тогда он сможет спасти Надин. Все это глупости, уговаривал он себя. У нас есть одна великая цель — борьба за свободу нашей родины, и мы должны идти на любые жертвы и даже смерть, и, только когда война окончится нашей неизбежной победой, мы вздохнем свободно... А потом воображение рисовало Коршуну иные картины — ведь именно тогда все станет на свои места и грубый обрубок мускулистой плоти с узкими глазами по имени Шундарай вернется на свое низкое место в обществе, а Надин поймет, на что способен Коршун. Так думать было легко, но бесполезно, потому что Коршун не представлял, чем он займется после победы и будет ли он важнее, нужнее, богаче и уважаемей, чем Шундарай.

Шундарай чувствовал, что Коршун неравнодушен к Надин, и это ему нравилось. И странно: он ведь отлично знал, что у Надин немало воздыхателей, особенно среди раненых, потому что раненым она казалась ангелом и они готовы были на все ради того, чтобы обратить к себе ее внимание. Он даже допускал, что она спит не только с ним, — как ему узнать, ведь не секрет, что прачки и санитарки обязаны быть подругами всем страждущим воинам великой армии. Но о других он мог и не задумываться, а Коршун был здесь,

рядом. Коршуна всего перекашивало, когда Шундарай собирался на свидание к Надин, и Шундарай ничего не мог с собой поделаться — не мог уйти, не прошептав Коршуну на ухо, что сейчас пойдет завалит Надин, а она его уже жлет и, знаешь, что она ему сделает. Значит, сначала так... И Коршуну бы уйти, отвернуться, сказать комроты, что не хочет слушать, а он все слушал, мучился и не мог не слушать, словно часть этой грубой, скотской, такой недостойной и неподходящей для Надин любви доставалась и ему.

А в остальном у них были славные отношения с Шундараем. Коршун, хоть и недолго был в роте, быстро поднялся до комвзвода, потому что в штабе быстро сообразили, что он не новичок, что он — настоящий ветеран и солдат. А Шундарай был профессионалом — неизвестно сколько войн он прошел, — может, с младенчества взял меч в руку. И, как профессионал, он ценил специалистов. Он приблизил к себе Коршуна, но на переднем крае это не означает каких-то особых льгот. Наоборот, раз он надеялся на него как на профессионала, то и взводу выпадали самые трудные и опасные задания.

А когда на месте казни он увидел Коршуна, то ему не стало стыдно, что его боевой товарищ увидит его позорную смерть, а он обрадовался, что Коршун запомнит и расскажет, если будет нужно, как Шундарай принял смерть. И подумал даже, что может не бояться за Надин. Коршун никому ее не отдаст — как бы он и свою женщину пристроил.

На побег он не надеялся и не рассчитывал на него до последнего мгновения. Но настоящий солдат всегда помнит о своей выгоде, и если обстоятельства подворачиваются удачно, надо воспользоваться...

Коршун и Надин отошли за бельевой склад. Там была пустая скамья.

Они сели рядом. У Надин были красные руки, в ссадинах и царапинах. Но ладони узкие, а пальцы хоть и разбитые, но тонкие. Наверное, на гражданке у нее были бы красивые руки.

Глаза Надин распухли, она недавно плакала, а лицо было распарено от стирки.

— Что с ним? — спросила Надин.

— Он убежал,— сказал Коршун тихо. Вроде бы побег Шундарая не был военной тайной, но, с другой стороны, новому командиру роты перед самым боем не стоит идти в санчасть и там разговаривать с санитаркой.

Сначала Надин ахнула, закрыла ладошкой рот, а потом безнадежно произнесла:

— Куда же ему бежать?

— На свете много мест.

— На свете мало мест,— сказала Надин.— Всюду идет война. Ведь он к ублюдкам не побежит?

— Не побежит,— согласился Коршун.— Они его знают, он им много вреда сделал. Если он к ним придет, они его разорвут.

— И к нашим ему нельзя,— продолжила фразу Коршуна Надин.— Его тогда по самому позорному разряду казнят. Тогда ему тысячу лет человеком не стать. Может, лучше бы ему...

— Он хотел, чтобы я ему голову отрубил, и там был один генерал, который разрешил.

— Какое счастье! — прошептала Надин и снова заплакала.— Чего же он отказался — это же не позорная смерть. Это же почти боевая смерть.

— И все же не совсем боевая,— возразил Коршун.

— Ты, наверное, расстраиваешься, что голову ему не отрубил.

— Пускай уж лучше убежит. Я не люблю убивать.

— Какой же ты солдат после этого!

— Вот такой уродился.

— А я думала, что ты рад его смерти,— сказала Надин.

— Нет.

— Я думала, что ты меня хочешь получить... сделать своей женщиной.

— Но не такой ценой,— смутился Коршун.

— Ты молодой еще,— сказала Надин.— Разве бывает достаточно высокая цена за женщину? Если ты ее хочешь?

— Я не говорю — высокая или низкая,— поправил Коршун.— Я говорю, что не такая.

— Это слишком для меня сложно...— Надин подумала, вытерла слезы подолом фартука с красным крестом.— Но наверняка, он скоро погибнет. Ты тогда ко мне придешь?

— А ты хочешь этого?

— Я не хочу одна оставаться.

Коршун спешил обратно, потому что скоро начнется боевое время. Командир должен быть со своими солдатами. Тем более если положение на передовой сложное, а предыдущий командир роты приговорен к расстрелу.

Где же он спрячется, черт побери? Вроде он говорил раньше, что у него нет родных в городке, он вообще откуда-то издалека, с востока.

Ну ладно, хорошо бы, он нашел себе убежище — а то если Великие духи с неба увидели его и решили, что он нарушил Закон, то его обязательно найдут и накажут. Снова накажут, хуже прежнего. Может, и лучше было бы ему погибнуть. А я как бы на его месте поступил? Убежать — тоже надо иметь смелость. Как ни странно, порой легче подчиниться всему, даже смерти.

Все-таки кто-то за тебя решил.

В последнее время у Коршуна все чаще портилось настроение, но не так, как в молодости — весенним дождем — пролетело, вырвалось, и снова солнышко. Теперь такое настроение было больше схоже с тупиком, со стенкой, в которую ты уперся, идя по коридору, с лестницей, которая идет вниз, в подвал, — это было плохое настроение от застарелой безнадежности.

Вот я живу здесь в грязи, в бане был черт знает когда, и защищаю город на горизонте, но не уверен, есть ли там на самом деле мои родные, которых я должен спасти. Был ли я когда-нибудь в том городе? Коршун старался порой вызывать в себе память о своем доме... «если дорог тебе твой дом!» — какой он? Почему-то в снах иногда появлялся узкий коридор, в котором под потолком висел велосипед и с другой стороны у стены стоял шкаф, мешавший проходить и уборную. Но была ли это его квартира или порождение ложной памяти? Доктор, который вел беседу, говорил, что

это не совсем ложная память — она бывает у многих, это память о предыдущей жизни. И в этом тоже была неправильность — у всех, кто вспоминал прошлую жизнь, она была человеческой жизнью, такой же, как сейчас, словно не должно быть воздаяния за добрые дела или наказания за грехи.

— Надо спешить, вот-вот завопит сирена — начало боевого времени, а он не проверил позиции, не побывал на наблюдательном пункте. Какой ты, к черту, комроты! Впрочем, надо было с самого начала отказаться — Золотуха был бы рад занять это место. Но они тогда заподозрили бы тебя и желании дезертировать. В армии, которая терпит поражение за поражением, появляются дезертиры, даже самострелы — не хочется погибать впустую. Но это Коршуну было непонятно. Человек рождается, чтобы выполнить свой долг. Хочешь не хочешь, ты выбрал сторону, значит, ты остаешься здесь, даже когда плохо.

Мордвин уже беспокоился, стоял возле штабной ямы, низенький из-за того, что деревяшка короче ноги.

— Уже присылали из штаба связного! — крикнул он облегченно, увидев Коршуна. — Сейчас сигнал будет. Наши очень настроены на личный поединок. Доставили чемпионку, из города. Страшный мужик, говорят. Выше тебя на голову.

— Посмотрим, — сказал Коршун. — Ты кликни Золотуху.

Сам Коршун осмотрелся в яме. Хоть и бывал в ней сто раз — все же не свой дом. И даже койка коротковата.

— Мордвин, — приказал он, — быстро сбегай ко мне в яму, принесешь сундучок. Если отступать придется, не хочу, чтобы расташили.

— Так не говорят, — укорил его Мордвин. — Ты бросаешь тень на боевых товарищей.

Мордвин был хранителем боевых традиций, стоял стеной за честь и во всех драках, что возникали среди своих, следил за соблюдением правил. И ему подчинялись — он был авторитетом, словно заработал своей жертвой право не ошибаться.

— И еще скажешь, — продолжал Коршун, который понимал, как важно Мордвину лишний раз подчеркнуть свое

право судить, но не хотел вступать в спор — ведь оба понимали, что на передовой воруют и кража не считается серьезным преступлением: ведь я подохну, как и он подох... Но такие слова не умещались в голове Мордвина, навсегда расколотой и кое-как сросшейся над ухом толстым розовым рубцом.— И еще скажешь,— повторил задумчиво Коршун,— чтобы за меня взводом командовал Енукидзе. Найдешь его?

— А приказ?

— Приказ после боя. Надеюсь, ты донесешь до сознания.

— А если командир батальона возражать будет? — спросил Мордвин. Он махнул головой так, чтобы седые волосы прикрыли розовый рубец — но ничего не вышло. Рубец растолкал волосы.

— Ты каску носи,— сказал Коршун.— Тебе же положено каску носить, когда выполняешь обязанности связного.

— Есть, товарищ лейтенант! — ответил Мордвин.

Он отыскал в углу среди тряпья кучу касок, некоторые битые, гнутые, даже с дырками. Из чего только их делают! Железа, что ли, не хватает? Выбрал по размеру, натянул на шрамы и заковывал к траншее.

Коршун открыл сундучок Шундарая. Это было и правильно и неверно. Правильно, потому что он заступил на его пост и от командира секретов в роте быть не должно, а неверно, потому что Шундарай еще жив и если придет сюда за сундучком, то может на Коршуна рассердиться.

Но Коршун копался в сундучке не из корысти. У него была одна надежда.

В сундучке лежали новые носки, рубашка, гражданская, будто Шундарай собирался дожить до мира... а может, давно уже намыливался смотаться из рядов защитников отечества? Кусок мыла, туалетного, такое только штаб-офицерам дают. Но у нас все можно достать, если захочешь. Потом среди вещей Коршун нашел щиток — такие щитки, удобные, легкие, бывают у ублюдков. Он был невесом, охватывал грудь как широким бандажом и его не брала никакая сталь. Смотри, достал и молчал... Ничего, мы воспользуемся. Сундучок был выслан толстой бумагой. Коршун поднял бумагу —

там лежал конверт, коричневый, мятый, в нем были три разные фотографии Надин и еще бумаги. Коршун взял себе одну фотографию, и тут прямо над головой — отвратительно, гнусаво — загудела сирена.

Коршун захлопнул сундучок, сунув обратно пакет с письмами и бумагами, задвинул сундучок под койку Шундарая, стащил с себя куртку и тут же надел под нее стальной трофейный бандаж. С ним он чувствовал себя уверенней. Это была ценная вещь. Мало у кого в армии такие были. Говорят, что их выдавали высшим офицерам, которым такие бандажи и не нужны. Это не бронезилет — тяжелый, но непрочный и не выдерживающий прямого удара.

Туда, за бандаж, — благо, он чуть эластичный, — Коршун затолкал фотографию Надин.

Сирена надрывалась, меняя тон и громкость, будто кто-то хотел убедиться, нет ли глухих среди воинов-защитников.

Когда Коршун вышел из ямы — солдаты уже выбрались из траншеи, некоторые поближе к брустверу, потому что перед боем, по обычаю, должен был состояться поединок. Это было заведено не нами — говорят, еще в средние века, и от исхода поединка многое зависело. Коршун даже спросил как-то Шундарая — а что от этого зависит? Ну пришьет один богатырь другого?

Шундарай только пожал плечами. А ротный фельдшер сказал:

— Знать надо. Психологический фактор — важнейший фактор на поле боя.

Этим он ничего не объяснил.

Богатырь с нашей стороны показался в тылу. Он шагал по главной дороге за знаменосцем, трубачом и барабанщиком. За ним шли помощники, массажисты, доктор, тренер и несколько лам из штаба дивизии. Это было внушительное зрелище.

Коршун знал, что у него еще будет время насмотреться на это представление для всего фронта. Но он знал, что представления представлениями, а война войной. И потому приходилось помнить об овраге, который так неудачно подходил к позициям батальона.

В траншее он встретил Золотуху и Мордвина. Мордвин нашел сундучок Коршуна, в котором только и было ценностей, что хорошей кожи славные башмаки и конечно же кубок из черепушки с золотым ободком.

— Привет, Золотуха,— сказал Коршун.

— Привет,— сказал тот,— нашили на тебя лычки, нижку?

— Прости, некогда было к тебе зайти. Сам понимаешь.

— И чем ты им понравился, Коршун?

— Летаю высоко,— ответил тот.

— Чего звал?

— Сейчас пойдем на бой затравщиков смотреть, я тебе по дороге расскажу.

— А я? — спросил Мордвин.

— А вот у тебя, Мордвин, задача посложнее,— сказал Коршун, зная, что своим приказом сейчас нанесет глубокую рану своему заместителю.

— Ты, Мордвин, сейчас перенесешь командную яму роты на запасные позиции.

— Это какие запасные позиции?

— Ты знаешь. Шундарай говорил. В трехстах метрах назад.

— Перед госпиталем?

— Это ближе к санчасти. Там позиция более выгодная, есть возвышенность. А здесь мы в конце оврага — они нас оттеснят.

— Не смей так говорить,— обиделся Мордвин.— Лучше я сам один здесь останусь.

— Не трепись, Мордвин,— сказал Золотуха,— Коршун прав. Пускай наша яма там будет. А то мы уже на самом переднем крае. А если документы в их руки попадут?

— Лейтенант Коршун,— высоким голосом служаки прокричал Мордвин,— я буду вынужден доложить о вашей позиции и трусости начальству.

— Ради Бога, давай,— сказал Золотуха.

— Я иду смотреть на бой,— сказал Коршун Мордвину.— А ты пошли отделение к выходу из оврага, а потом прикажи кому-нибудь сундучок ко мне перенести. Все, спокойнее.

На бой затравщиков смотреть можно и рекомендует всем, кто на переднем крае. Даже госпиталь приходит.

А затем из покинутых ям, из осыпавшихся траншей, оставшихся от каких-то забытых сражений, из голого леса, что всегда скрывается в тумане, приползают, ковыляют, бредут странные полулюди, тени тех, кто остался жить неизвестно зачем на ничейной и никому не нужной земле.

Так что зрителей к поединку собирается достаточно.

Вокруг вытоптанного поля — на этот раз пришлось очищать новое поле, старое уже захватили ублюдки — плотной толпой стояли зрители. По обе стороны — с нашей и вражеской — были поставлены невысокие трибуны, задрапированные национальными флагами. Наш флаг цвета кроми, а в центре белый круг с изображением черного орла. Это древнее знамя державы. Ублюдки обшили трибуны для своих начальников светло-зеленым шелком, по которому раскиданы черные волки. Уроливый флаг.

Послышался гонг.

Участники боя затравщиков стояли в толпе болельщиков и руководителей схватки, а командование враждующих армий тем временем не спеша поднялось на соответствующие трибуны.

Хоть расстояние до той, враждебной, толпы было не велико — как на двух противоположных трибунах футбольного стадиона, Коршун отлично мог разглядеть их маски. Маски у них были желтыми у рядовых, позолоченными у офицеров, с выпяченными губами, косыми шрамами глит, а шлемы, в отличие от наших, нормальных, человеческих, были похожи на половинки яиц и покрашены в зеленый цвет. Вид ублюдков, как бы далеко они ни были, вызывает в нормальном человеке чувство гадливости и желание придавить каждого так, чтобы желтая шея переломилась под твоими твердыми пальцами. Зачем они пришли на нашу землю? Чего им не хватало в их городах? Почему земля носит этих гадов, лишенных человеческих чувств и влекомых лишь жадностью и жестокостью?

Коршун оглядел ряд своей роты. Люди вскарабкивались на брустверы, стояли на могильных холмиках — ведь хоронили людей там, где кто погиб, — не тащить же на городское

или какое-нибудь настоящее кладбище. Умерев, солдат становится частью земли-матушки, той самой, которую он так горячо защищал и за которую отдал свою жизнь.

Все были в масках. Нельзя показывать врагу лицо. Но наши маски серебряные, простые, и в этой простоте есть чуждость. И каски наши куда более плоские, чем у них, красивым невысоким продольным гребнем, который защищает от сабельного удара.

Коршун поглядел в сторону — там собрался госпиталь. Он узнавал медиков по халатам, белым — у сестер и санитарок, синим в пятнах крови — у хирургов и костоправов. У некоторых на груди были красные кресты. Коршун пытался разглядеть в той группе Надин. Вот она! Повернулась к нему, старается угадать Коршуна среди одинаковых воинов? Впрочем, он мог и ошибиться.

Сверху донесся глас бога войны — его принесли облака.

Он обращался ко всем сторонам. И к нам, и к ублюдкам.

В этом была несправедливость и в то же время — высокая справедливость. Какое дело богам до человеческих ссор и ссор? Они получают жертвы от всех, и бог войны пожирает души погибших воинов, решая, кому из них воплотиться в полководцем, а кому остаться золотарем или вообще стать никчемным бродягой. Высок бог войны, Марс. Страшен лик его, никому никогда не явленный, — как умиловить его, чтобы он помог тебе в сражении, сберег твою жизнь и честь твоей роты? Как отвратить его милость от ублюдков, прижавших нас спиной к родной столице?

Непонятен рык бога, он лишь вызывает бурление крови и желание схватить меч и кинуться на врага.

Но громовая музыка военных оркестров перекрывает рык, и к людям возвращается разум. Нельзя превращать войну в свалку, война — это великое действие, совершаемое по строгим законам.

И под музыку оркестров, под рев длинных прямых труб Коршун рухнул на колени и уткнулся маской в серую, мертвую от многолетних боев землю.

И вокруг него слышен был шум — сотни людей опустились на колени, принося молитву неумолимому и справедливому в своей несправедливости богу войны.

А напротив, по ту сторону поля, по знаку муллы также падали навзничь ублюдки — они поклоняются богу войны иначе, и зовут его иначе, именем, которое не может быть произнесено, ибо осквернит уста воина.

— У-у-у-у-у-у-у,— поплыло над полем — сплелись голоса молитвы, в которой было лишь повторение имени бога, соревнование, кто скажет лучше, отчетливее, чей призыв, за которым скрывалось мысленное желание выпросить победу или хотя бы малую помощь в бою, дойдет до ушей бога. И тогда все повернется в нашу пользу!

Звук моления как бы отражался от низких облаков и падал на землю, тяжело и душно.

Становилось ясно, что богу не важно, кто победит, он, как и любой бог войны, лишь жаждал жертв — крови и плоти людей.

Высокий пронзительный крик трубы прервал моление.

Наступила тишина, в которой проблески отдельных голосов казались лишь редкими дождевыми каплями.

Справа от Коршуна толпа раздалась — рыцарь, надежда честных людей, медленно продвигался к вытоптанной пустоши.

Традиция повелевала боем.

На голове рыцаря был легкий стандартный боевой шлем, серебряная маска охватывала лицо и закреплялась за ушами. Грудь была прикрыта железными квадратами, нашитыми на кожаную куртку, их дополняли металлические наплечники и налокотники. Медные браслеты охватывали кисти рук. В правой руке рыцарь держал длинный, мутно блестящий меч, в левой — короткий, чуть загнутый на конце зловещий кинжал.

Короткие штаны до колен тоже были кожаными, под ними были видны наколенники и поножи, опускавшиеся до армейских башмаков.

Рыцарь остановился на нашей стороне поля, и взгляд Коршуна переместился на ту сторону. Он разглядел рыцаря, которого привели моджахеды. Странное слово — моджахеды: откуда оно взялось? Оно нерусское, и ублюдки не признают его своим. По крайней мере, так говорил один каприл, который попал в плен к ублюдкам и чудом остался жив.

Он смог убежать из плена и перед тем, как за ним примчались черномундирщики и утащили его в штаб, откуда он не вернулся, — видно, его до сих пор допрашивают в контрразведке армии, — успел рассказать, что обозвал своего тамошнего конвоира моджахедом, а тот удивился — что это значит? Так и не признался, что слышал это слово раньше. (Они ведь дьявольски скрытные — эти ублюдки.

На поле вышли обязательные лица. Музыкант — маленький мужичок с медными тарелками. Он попробовал, как они звучат, несильно ударяя и в то же время дергая в стороны, как человек, который выбивает искры между кремнем и огнем.

Звон получился громким и раскатистым. В любом бою его нельзя не услышать.

Затем пришли два доктора.

Они были представителями от обеих сторон — один в белой маске, другой — наш — в серебряной. Они поклонились друг другу. Считается, что врачи как бы остаются вне схватки. Но это, конечно, ложь. Известно, что если в бою попадает в плен санчасть или госпиталь, то ублюдки обязательно убивают, замучивают всех раненых, а врачей некоторых тоже убивают, а других уводят с собой. Это касается и санитарок с сестрами. Кое-кого насилуют и мучают до смерти, а других утаскивают к себе — больше их никто не видит.

Наконец появился сам судья.

Он был в длинном, до земли, халате, из-под которого проблескивали латы. Судьям тоже не хочется попадать под случайный удар.

В руке у судьи было недлинное стальное копьё с острым наконечником. С его помощью судья может заставить рышрей сражаться по правилам или даже остановить стычку. Судьи известны тем, что они — мастера управляться с такими копьями.

Ну вот, все готово.

Коршун опять посмотрел в сторону медиков — они стояли плотной группой. Среди них было несколько легкораненых, которым разрешили пойти на поединок. Ну где там Надин? Надин, откликнись!

Одна из масок смотрела в его сторону. На переднике был нашит красный крест. Нет, нельзя быть уверенным.

Доктора и ассистенты, ламы и муллы, музыканты и водоносы — рыцарям разрешено в перерывах между раундами выпить — все отошли назад, освобождая место для боя.

Рыцари некоторое время стояли, ожидая удара гонга.

Генерал на нашей трибуне поднял руку. В ответ — генерал на той, вражеской, трибуне тоже поднял лапу.

Музыкант с тарелками изо всех сил ударил в них.

По толпе прокатилась дрожь.

И тут же все начали кричать — это было заразительно, как в детстве, и Коршун кричал, подбадривая своего рыцаря.

И, как бы подстегнутые этим, рыцари бросились друг на друга, сверкнули мечи — они сшиблись ими, — и тут же мечи отлетели вверх от удара.

Снова ударились — снова отлетели.

Теперь рыцари, чуть согнув ноги — так легче отпрыгнуть, если надо, — начали ходить по кругу — они как бы испытали друг друга, показали всем, что равны по силе, и теперь удвоили осторожность.

Порой кто-нибудь из них взметывал меч и тут же отпрыгивал назад, мечи касались кончиками, и в тишине на поле слышно было, как металл звякал о металл. И тут противник сделал неожиданный глубокий выпад вперед, так что достал до груди нашего рыцаря.

Толпа ахнула. Но удар меча пришелся в нагрудные пластины и не причинил рыцарю вреда.

«Ох» облегчения прокатился по нашей половине поля.

Наш рыцарь понял, что пришло время действовать всерьез, и, перехватив меч второй рукой, рубанул по врагу сверху двумя руками. Кинжал он успел отбросить, и тот змейкой упал на жесткую землю. Коршун не понял, как же получилось, что ублюдок успел отпрыгнуть, — но меч просвистел в воздухе, и рыцарь еле удержался на ногах, подставив противнику плечо.

Коршун видел и понимал, что тут и нужно нанести ответный удар. Ему самому приходилось не раз биться на мечах, а это простое, но тяжелое искусство.

Возможно, ублюдок тоже увидел такую возможность, но, отклоняясь от вражеского выпада, он на мгновение потерял координацию движений, так что ответный выпад опоздал.

Теперь они рубились, как рубят дрова — держа мечи обеими руками, замахиваясь с кряхтением, с хрипом, били как по бревну.

Возможно, для фотоснимка такая драка была хороша, но Коршун-то знал, что даже очень сильный человек при таком бое быстро теряет силы. Ведь приходилось не только бить, вкладывая в удар всю силу, — иначе твой меч вылетит из рук и ты останешься безоружным, но и двигаться, прыгать, выбирая позу для следующего удара.

Удар, еще удар... Зрители — всем стадионом — шумели, как волны, — то накатывались на берег, когда сталкивались мечи, то примолкали. Коршуну хотелось бы послушать, как дышат рыцари — но конечно же он не услышал.

Наш рыцарь медленно отступал, с каждым разом его удар становился чуть слабее, и поднимать меч становилось трудней.

Но на помощь ему пришел авторитет судьи.

Он поднял вверх песочные часы, песок в которых уже высыпался вниз. Значит, раунд кончился. Можно передохнуть.

Музыкант ударил в тарелки.

Рыцари разошлись метров на двадцать. Им вынесли вебуреты. Ассистент стал капать из мокрой тряпки на лицо рыцаря, так, чтобы вода заливалась за маску.

Помощник судьи, прежде чем повернуть песочные часы, постукивал по медному треугольнику гвоздем, часто, как нульс, — это было время перерыва.

Вместо мечей противникам выдали сабли.

Перерыв кончился. Коршун протискивался в сторону медиков, благо, никто не обращал на него внимания. Коршун добрался до них и тогда узнал Надин. Хотя и в маске — он узнал ее по фигуре, по рукам. Она тоже сделала движение в его сторону. Коршун угадал глаза в прорезях металлической маски и краешек красного платка, выбивавшегося из-под металла.

— Ну как ты? — спросил Коршун тихо.

— Ничего нового? — спросила Надин, и Коршун расстроился. Он и не думал о Шундарае, а она о нем думала.

— Даже если они поймают его, — сказал Коршун, — они нам не скажут. Мы доживем до конца нашей кармы и никогда не узнаем.

— Ты посмотри у него в сундучке, — попросила Надин. Нет ли там чего-нибудь обо мне. Мне не хотелось бы оставлять для чужих людей.

— А что там может быть? — Коршун не стал признаваться ей, что уже копался в сундучке Шундаряя.

— Там мои фото и письма, — сказала она. — Конверт. Принесешь?

— Принесу.

— Обещаешь?

— Одну фотографию я оставлю себе.

— Глупый, это никому не нужно.

— И тебе не нужно?

— И мне не нужно, — ответила она жестко. — Только письма не читай.

— Тогда я возьму фото.

— Возьми. Как хочешь.

Громко закричали вокруг.

Коршун посмотрел на поле.

Наш рыцарь смог задеть ублоудка по левой руке. И даже, кажется, отрубил ему пальцы. Тот завизжал — отпрыгнул в сторону, кровь лилась на землю.

Наш рыцарь сразу пошел вперед, добить. Он понимал, что это надо сделать до удара гонга, потому что в перерыве ассистенты завяжут руку, остановят кровь, а последний раунд был на дубинках, и еще неизвестно, чем все кончится.

Наш рыцарь пошел вперед, а враг, прижав к груди окровавленную руку, отбивался саблей. И ясно было, что он не сумеет удержаться, уж очень сильно шла кровь.

Коршуну даже показалось, что ублоудок пошатывается, — видно, бой окончится раньше, чем обычно. И боги, которые всегда следят за боем людей, будут недовольны.

И все бы кончилось так, как рассчитал Коршун, если бы не чертова лунка — ямка в сухой земле. Наш рыцарь

попал в нее носком башмака в тот момент, когда рванулся вперед, чтобы нанести удар по шее ублюдка.

Рыцарь потерял равновесие, на секунду, сделал лишний шаг и подставил бок врагу.

Тот с оттяжкой ударил саблей по боку и разрезал кожаную куртку — сбоку она без железных пластин — туда редко удается достать.

Коршуну было видно, что сабля исчезла в боку рыцаря, как нож исчезает в буханке хлеба.

Рыцарь потерял равновесие и отступил не столько от слабости, как от желания избежать нового удара саблей.

Его враг снова занес саблю для удара.

Наш рыцарь все отступал назад. Он не мог зажать рану, потому что она была с правой стороны — рука была занята саблей.

Наш рыцарь сообразил — он перекинул саблю в другую руку — и попытался сам перейти в атаку.

— Нет, — сказал Коршун — он заметил, что Надин вцепилась ему ногтями в ладонь, — не сможет. Сабля глубоко прошла. Что там у него?

— Печень, — сказала Надин.

Коршун слышал, как переговаривались доктора, — они обсуждали характер раны и тоже, видно, пришли к мнению, что нашему рыцарю не выкарабкаться.

Но это так, вполуха. Ему было больно от ногтей Надин, но он не смел вырвать руку — от этой боли исходила слабость.

Оба рыцаря обливались кровью.

Наш рыцарь все же добрался концом сабли до шеи противника и резанул по открывшейся полоске кожи. Но только концом лезвия — и хоть кровь брызнула оттуда, но рана была неглубокая. Зато ублюдок завопил так, что слышно, наверное, до самых облаков, и ударил нашего рыцаря.

И удар ублюдка был мастерским. Таким, что голова нашего рыцаря некоторое время стояла, наклонившись под углом к шее, словно он хотел близоруко разглядеть врага, и потом он стал падать — сначала на колени — рука с саблей еще совершала движение к врагу, но тот следующим умелым ударом отрубил кисть с саблей, — видно, острая у него была

сабля. И все же наш богатырь продолжал бороться — он на коленях полз к врагу, протягивая раздвинутые пальцы левой руки.

Тот отбежал, не стал наносить последнего удара.

Может, он был прав.

Наш рыцарь прополз три или четыре шага на коленях, потом поднялся на ноги, сделал еще два шага и упал.

Надин уткнулась головой в рукав Коршуна.

Враги прыгали от радости — эта победа помогала им в сегодняшнем бою: есть такое правило, чей богатырь побеждает, те почти наверняка выигрывают весь бой.

Несколько служителей, помощников палача, выбежали на поле, подхватили тело мертвого рыцаря специальными крючьями и потащили к носилкам. Того, чужого рыцари подхватили под руки медики, и один из них стаскивал с него куртку с пластинами, а второй обматывал раненую кисть.

Само поле быстро пустело — вот-вот начнется настоящий бой.

В разные стороны разошлись судьи и ассистенты.

— Прости,— сказал Коршун Надин,— мне пора.

Она сразу послушно отошла от него.

Он поднял ладонь — на ней были красные кровотокающие полумесяцы.

— Ой, это я?

Коршун бы зализал их — но как залижешь в маске? А в боевой период снять маску — воинское преступление.

— Ничего,— сказал Коршун.— Заживет. Это пустяки.

Ты беги к госпиталю. Там безопаснее.

— Береги себя,— сказала Надин.

— Уж я постараюсь,— ответил Коршун.

Пока тыловые люди и бродяги разбрелись с поля боя, в траншеях и штабных ямах уже кипела работа — вот-вот начнется настоящий бой.

Коршун оставил на связи Мордвина, а сам пробежал к канаве, в которой сидела дюжина старослужащих солдат,

ожидая, что именно там, через овраг, ублюдки могут прорываться.

Солдаты рыли себе укрытия, — конечно, надо было бы сделать это пораньше, но грустная история с Шундараем и затем совещание на командном пункте полка задержали Коршуна. Он должен был проверить, как его солдаты готовы к защите канавы. Справа начинались корпуса санатория, он когда-то стоял на берегу речки, но речка превратилась в грязную канаву, да и сами корпуса стали грудями трухлявых бревен и кирпича. Оттуда Коршун нападения не ждал, хотя бы потому, что ублюдки тоже знали, что развалины санатория — дурное место и тот, кто побывал там, заболевал неизлечимой смертельной болезнью. Доктор сказал, что там радиация, но никто не знал, что это такое. Коршун помнил... вот-вот вспомнит как следует. Но до конца не вспомнил. На краю санатория они похоронили Попугая. Потому что иначе его надо было тащить в общую юнчую яму, как раз за местом казней, там водились страшные гады, которые пожирали трупы, а заодно могли сожрать и могильщика. А здесь, в земле, Попугая удобнее и не так страшно, — правда, было нелегко выкопать яму, а потом затоптать ее и завалить сучьями и бревнами, чтобы никто не догадался, — ведь хоронить в санатории — воинское преступление. Но никто не продал, никто не настучал. Даже Дыба не догадался. Дыбу кто любит? Никто. Дыбе плевать на людей. А люди понимают, что если они не будут держаться друг за дружку, то их всех перебьют. Известно, как ублюдки друг за друга стоят, попробуй только убей кого-то — весь его род поднимется против тебя. Но это было в мирное время. Теперь все враги всем.

Коршун с некоторой тревогой поглядывал на развалины санатория. Конечно же оттуда не должны напасть, но вдруг они привезут на фронт зеленых новичков — им ничего не скажут про радиацию и пошлют? А потом будет поздно.

Коршун отделил двух дружинников, братьев Гор, хорошие ребята, но очень хотят вернуться с войны живыми. Он им приказал глаз не спускать с санатория, если какое-нибудь там движение — сразу сообщить.

— А ты где будешь, комроты? — спросил старший Гор.

— В начале боя я с вами побуду,— сказал Коршун.— А если возникнет нужда, перейду на командный пункт.

Он почувствовал, как люди вздохнули с облегчением. Казалось бы, что может один лишний человек, компром без году неделя, но все же они не останутся одни. У солдат, подумал Коршун, есть сходство с детишками, как в детском саду. Они сами пугают себя страшными рассказами про черную руку, сами плачут от страха, но если с ними воспитатель, то никакая черная рука не страшна. Они будут искренне над ней смеяться. Странные мысли приходят иногда в голову, и не знаешь, насколько они твои, насколько они принадлежат другому человеку — твоему предыдущему рождению. Ведь стоило ему подумать чуть глубже, копнуть в собственной памяти, и оказывается, что он не знает, что такое детский сад. Сад? Значит, там деревья. А на них плоды — или листья?

— Коршун, я думаю, что пора нам выползть к тому концу канавы,— сказал старший Гор.— Они пробираются оттуда.

— Погоди,— сказал Коршун,— я сам посмотрю.

Он пополз до конца канавы, теперь надо было перебраться через старый обсыпавшийся бруствер. Но неприятное предчувствие не оставляло его. Коршун снял каску и приподнял ее над бруствером.

Со звоном в каску ударилась стрела.

Лучник притаился рядом.

— Шагов пятьдесят,— сказал Золотуха, оставивший свой взвод и пришедший сюда. Его тоже привело сюда недоброе предчувствие — это важное качество на войне, оно помогает выжить. С Золотухой прибежали четыре кам неметчика.

— Молодец,— сказал ему Коршун, сползая в канаву. Вели своим людям быстро пробежать к самым развалинам. Оттуда легче стрелять. Но только по моему приказу.

Потом он обратился к своим солдатам:

— Сейчас нам придется нелегко. Мы даже не знаем, сколько их,— как всегда, эта долбаная разведка ничего не сообщила.

— Так ведь воздушный шар сбили! — напомнил Золотуха.

— По боевым точкам! — крикнул Коршун.

Солдаты разбежались вдоль канавы, затаившись в тех пробитых заранее выемках, откуда можно было бить из арбалетов.

Коршун велел Золотухе оставаться в канаве, а сам побежал к завалам санатория — там уже сидели, затаились за бревнами, камнеметчики. Откуда-то справа донесся нестройный крик — там началась рукопашная. Что-то слишком рано для боя — кто там? Третий батальон? Ну ничего, отобьются, у них потери не такие, как у нас. Один из солдат вдруг охнул и свалился в канаву. Хвост стрелы торчал из прорези для глаз. У ублюдков были хорошие лучники. Тут же начали отстреливаться наши. Коршун видел, присев в канаве, как солдаты натягивали тетиву, прицеливались, и стрелы со свистом уходили прочь.

Отправив Золотуху обратно, Коршун побежал, пригибаясь, по канаве вправо к развалинам санатория, где засели камнеметчики.

Они умело залегли среди бревен, — конечно, было бы лучше зайти еще дальше во фланг ублюдкам, но камнеметчики не смели углубиться в дебри санатория.

Отсюда, сквозь груды палок и сухих ветвей, был виден широкий овраг, по которому продвигались к нашим позициям ублюдки. Командир полка был прав — основной удар они решили нанести отсюда, расколов пополам позиции дивизии. Коршун приказал легкораненому стрелку бежать в штаб полка с запиской командиру — сюда немедленно требовалось подкрепление, Коршуну долго не продержаться с несколькими арбалетчиками и камнеметчиками, которых привел Золотуха. А ведь за спиной открытое пространство — можно дойти до самого госпиталя.

Ублюдки перебежали и затаивались за камнями и пускали стрелы в сторону позиции Коршуна. Некоторое время их сдерживали арбалетчики, но, когда враги приблизились к канаве, Коршун пустил в дело последний резерв — камнеметчиков. Они настроили свои пращи — как по команде все четверо приподнялись и метнули округлые камни, — и

каждый нашел свою жертву. Камнеметчики были особым от остального войска братством — все у них, от специально обточенных камней до жил, из которых изготавливали пращи, требовало знаний, школы и тайны.

Из оврага донеслись крики — камни камнеметчиков пробивали шлемы и бронежилеты.

— Отбегай! — приказал Коршун.— В завал.

Камнеметчики нехотя поднялись и затрусили следом за Коршуном. Он лучше их знал, что сейчас начнется, потому что видел, во сколько раз ублюдки превосходят их числом и снаряжением. Ему непонятно было: неужели в полку не знают о том, что происходит на его фланге? Или они действуют по каким-то планам, недоступным простому лейтенанту.

Он вовремя увел камнеметчиков. На то место, где они только что прятались, обрушился град стрел и камней.

— Теперь возвращайтесь и дайте еще один залп. Надо показать, что нас много. Если удастся выстрелить по два раза, то представлю к награде. А потом — снова в укрытие. Ясно?

Камнеметчики не отвечали, они поставили и примеряли к пращам округленные, смертельно равнодушные камни.

Коршун скатился в канаву к своему бывшему взводу. Несмотря на то что Золотуха отдал ему еще несколько человек с других траншей, здесь дела шли хуже некуда. Несколько раненых лежало на дне канавы. Если стрела попала в руку или ногу — не страшно, но раны в живот и в глаз были смертельными — наконечники стрел у этих подонков зазубрены, и если начнешь тащить стрелу, то вытащишь все кишки.

В иное время Коршун приказал бы запасным солдатам оттащить раненых в лазарет. Но сейчас людей не хватало. И это было плохо, потому что, когда стрелок боится получить рану и тем более понимает, что некому оттащить его до лазарета, он робеет и уже готов сам покинуть позиции.

Коршун пошел на риск. Он сам осмотрел раненых, лежавших на дне канавы.

— Сейчас, — обещал он, — мы отведем в лазарет самых тяжелых. Кто сможет, пойдет сам. Но без моего приказа

позицию не оставлять. Мы с вами должны потерпеть — я добегу до правого фланга к камнеметчикам, оттуда виднее, что нам грозит.

Посланный в штаб не возвращался, от Золотухи тоже не было вестей.

Коршун, под внимательными и тревожными взглядами раненых, пробежал, пригибаясь, к руинам санатория.

Там осталось всего двое камнеметчиков. Еще один был убит, один ранен в руку и не мог стрелять.

— Мы уходим,— сказал один из двоих здоровых.— Они нас везде достают. Это бойня.

— погоди,— попросил Коршун. Он не мог им прика-зывать. Он понимал, что умирать никому не хочется.— Дай я посмотрю, что там творится.

У Коршуна не было надежного наблюдательного пункта в центре позиции. Отсюда, с фланга, он хоть мог увидеть, что происходит в овраге.

Он все еще рассчитывал на суеверие ублюдков, которое не позволит им идти через территорию санатория, так что точка, с которой он смотрел на овраг, была фактически крайней на всей линии боя.

Он осторожно просунул голову сквозь деревяшки и сухие ветки, и то, что он увидел, его испугало — такого он не ожидал.

Овраг буквально кишел вражескими солдатами — тут их было не меньше батальона. Первые ряды несли перед собой овальные щиты, надежно защищавшие от стрел. Сколько раз Коршун требовал, сначала от Шундарая, а потом от Дыбы, чтобы ускорили поставку щитов для их роты из города. А там все обещали, но ничего не делали. А перед щитами камнеметчики были бессильны.

Вперед вышел командир наступающей колонны.

— Дай сюда, скорее,— Коршун протянул руку к камне-метчику.

Тот понял, но спросил:

— А я как же?

— Берите вашего раненого и бегите в канаву к осталь-ным. Здесь вам уже делать нечего.

— А праща?

— Ну если ты такой мастер,— озлился Коршун,— то сам и стреляй.

— И выстрелю! — сказал камнеметчик и подполз к Коршуну. Но увиденное испугало его настолько, что он прошептал: — Бери пращу, командир, потом отдашь.

Он скатился вниз в ложбину, где лежал их раненый, и они втроем поспешили прочь, к канаве, хотя Коршун подозревал, что в канаве они не остановятся, а пойдут еще дальше в тыл.

Разглядывая командира ублюдков, который неразборчиво выкрикивал команды, Коршун догадался — если правда, он правильно догадался,— что его комполка решил пропустить колонну ублюдков, пожертвовав ротой Коршуна, а затем отрезать ее ударами с двух сторон. Но в то же время Коршун далеко не был уверен в своей правоте, потому что в развалины санатория солдаты могут не сунуться.

«Я не имею права на такие упаднические мысли,— сказал себе Коршун.— Мы отдаем свою жизнь за спасение города от ублюдков, это наш долг. И пускай я умру...»

И пока он повторял про себя эту молитву солдата, рука его отошла назад — он умел обращаться с пращой не хуже камнеметчика.

Он не надеялся на успех — в планы Коршуна входило лишь желание внести смятение в боевые порядки врагов и выиграть немного времени.

Наконец движение внутри колонны противника закончилось. Солдаты со щитами оказались спереди и по бокам колонны, как в римской фаланге.

Офицер поднял руку, приказывая этой непробиваемой свинье двинуться вперед.

Сам же повернулся, чтобы войти внутрь фаланги, для чего два солдата в первом ряду чуть раздались в стороны.

И в этот момент Коршун кинул камень из пращи, вложив в этот бросок всю силу. Он должен был попасть!

Спереди офицер был закован в латы, но сзади была лишь кожаная куртка.

Камень — тяжелый, круглый — ударил в основание шеи.

Офицер захрипел и упал лицом вперед как раз в щель между щитами, куда он намеревался шагнуть.

Убедившись, что цель поражена, Коршун скатился в низину, пробежал до канавы.

Но там никого не было. Кроме трех мертвых солдат и одного, раненного в живот и потому безнадежного.

— Добей меня! — закричал он Коршуну.— Добей меня. Эти гады меня бросили.

— Где они? — крикнул Коршун.

— Добей меня!

Коршун подчинился этому требовательному крику. Он шагнул к раненому, тот слабыми руками постарался разорвать ворот кожаной рубахи, чтобы Коршун убил его сразу.

А тот крикнул:

— Руки убери, дурак! Руки убери, а то пальцы отрублю.

Солдат испугался, что Коршун попадет ему по пальцам, и отпустил руки.

Коршун коротко рубанул по шее, и голова откатилась на недосказанном последнем слове — только рот остался полуоткрытым.

Эта задержка стоила Коршуну многого. Ему показалось, что, убив офицера, он остановил движение фаланги на несколько минут, но задержка с раненым, оказывается, сожрала все выгаданное время.

Вершины щитов показались над бруствером.

Коршун понял, что это означает, и кинулся со всех ног, но не прочь от фаланги, куда и полетела туча стрел, выпущенных лучниками, а вбок, к развалинам санатория, где он только что был.

Если его и увидели солдаты первого ряда, они не могли ничего сделать, потому что были вооружены короткими копьями с широкими наконечниками — зубами дракона.

Никто не стал преследовать одинокого воина, который бежал в заколдованное место — развалины санатория.

На месте, где только что скрывались камнемечники, было пусто и тихо. Откуда-то издали доносился шум битвы. Но он не касался Коршуна. Куда ближе были голоса и топот фаланги врагов, которая перевалила через бруствер, пересекла канаву и прорвалась в расположение полка.

Коршун старался представить себе, что же думает командир полка, что думают наверху, в штабе, — ведь прорыв в этом месте, куда никто не удосужился подвинуть хотя бы батальон с десятком катапульта, опасен всей линии обороны и даже укреплениям самого города. Неужели они не понимают, что ставят под угрозу именно то, ради чего идет эта священная война?

Наверное, это отступление — часть запланированной операции. Рядовому командиру роты, тем более назначенному неожиданно и почти случайно, не положено знать о стратегических планах армии. Из норы суслику фаланга моджахедов кажется гигантской и несокрушимой. Но ведь в ней дай Бог батальон и никакого тяжелого вооружения. Их просто заманили в западню, а сейчас перебьют. Фаланга — сплошной строй, строй колонны, он вымер с появлением огнестрельного оружия.

Эти странные рассуждения несколько успокоили Коршуна, и он углубился в развалины. Здесь было слишком тихо и слишком мертво — никакой жизни.

Коршун остановился и задумался. Неужели и в самом деле его бывшее существование, как учат полковые ламы, держит в его памяти эти странные, не нужные никому и не имеющие под собой реальной основы образы и реалии... кто и где учил его о преимуществе цепи перед колонной? Нет, здесь этого не говорил никто.

Коршун присел на гнилое бревно. Впереди поднималась некогда белая оштукатуренная стена с оконными проемами, в которых торчали блестящие зубы стекол.

Куда деваться? Идти в штаб? А где ты найдешь штаб? Жалко чашу с золотым ободком — второй такой чаши нет во всей армии. Но, судя по всему, его сундучок попал к ублюдкам. В любом случае передний край нашей обороны ими прорван.

А что дальше? Вдруг они доберутся до санчасти? Там же раненые, там врачи. Там Надин, в конце концов!

И он понял: нужно отыскать Надин и постараться спасти ее.

Коршун хотел пройти к госпиталю по краю развалин, но, как только приблизился к открытому месту, услышал

голоса ублюдков. Они перекликались, и он знал почему — всегда после боя ублюдки обыскивали трупы или раненых, снимали с них все ценное, а если обнаруживали живых, то добивали. Такой у них был сволочной обычай.

Надо признать, что и наши вели себя не намного лучше. Если ты солдат, то после победы в бою нет большей радости, чем забраться в чужую яму и пошуровать там или снять с врага нагрудник или поножи, отыскать среди убитых старинный меч в славных кожаных ножнах или кинжал-убийцу, острый как порыв ледяного ветра. Впрочем, таких побед наши не одерживали так давно, что трудно понять, то ли ты придумал такой набег, то ли он был когда-то. Но ведь именно так Золотуха добыл свой кинжал, а Григор, который потом погиб от случайной стрелы, сапоги с застежками.

Коршун продвигался в тыл, стараясь найти путь достаточно безопасный. Он держал меч наготове, и пальцы, сжимавшие рукоять, даже заныли от долгого напряжения. Земля была усыпана трухой, досками, бревнами, кусками штукатурки и даже остатками разломанной мебели. Перед ним вдруг открылась круглая полянка, на которой плотным полем были разложены пружинные матрасы, ржавые, но не потерявшие упругости, затем Коршун пробежал дорожкой, усыпанной битой посудой, помятыми котлами и кастрюлями. Ему нужно было пройти сквозь зал, крыша которого давно уже провалилась, а в полу зияли длинные черные пустоты от исчезнувших досок.

Коршун остановился — надо было бы обойти это сооружение, но по сторонам его возвышались такие завалы трухлявых бревен и досок, что Коршун решил — быстрее будет пройти этим залом.

Там было полутемно.

Не поднимая головы, Коршун быстро шел, перепрыгивая через дыры в полу, перебегая по бревнам, на которых лежали доски... И вдруг он услышал короткий смешок.

Он сразу остановился и вскинул меч.

В неожиданной встрече он был в невыгодном положении — неизвестный противник увидел его заранее и потому имел преимущество.

Коршун не сразу разглядел источник смеха — в углу гнилого зала стоял стол, покрытый рваной серой скатертью. За столом на стуле сидело привидение.

Коршун знал о привидениях — многие говорили о них, но мало кто остался жив, увидев его.

Это был очень старый человек. Старый не возрастом, потому что у него были черные, грязные, спадающие на плечи волосы и такая же спутанная по пояс борода, но лицо его было протерто до костей, и глаза выглядывали из костлявых глазниц. Пальцы рук, покойно лежащих на скатерти, чуть не доставая до пустого красного бокала на высокой ножке, были обтянуты кожей, которая давно порвалась на сгибах, и сквозь ее разрывы были видны тонкие, белые косточки. Одежда на этом привидении была полстать ему — некогда это был черный или серый халат, а может, свободный пиджак — черт его разберет. Теперь полосы ткани свисали с плеч на костлявую грудь. Зато на шее был тщательно завязан относительно новый полосатый галстук.

Коршун конечно же испугался. Каждый человек, а тем более воин, жизнь которого зависит от стольких случайностей, боится духов. Но притом Коршун, остановившись и приглядываясь к привидению, понял, что, вернее всего, оно не сможет подняться, — будучи живым духом, оно тем не менее подчинялось правилам скелета. Скелеты не бегают, они могут рассыпаться.

— Здравствуй, — протянул скелет, словно заскрипела дверь.

Ему было трудно говорить, но все же слово получилось.

— Здравствуйте, — сказал Коршун.

— Воды, — сказал скелет. И замер, как будто все его силы были исчерпаны этим словом.

Коршун вдруг подумал, что таким вот и должен был быть сказочный Кашей. Только тот был проворней и даже сражался на мечах.

Коршун осторожно, словно допуская все же возможность, что привидение прыгнет на него, отстегнул от пояса фляжку и, подойдя к столу, стал наливать из фляги в высокий бокал.

Удивительно, что из бокала, от удара струи о его дно, поднялся столбик пыли.

Скелет смотрел, как льется струйка воды, и попытался дотянуться до бокала, но рука лишь сдвинулась на несколько сантиметров, и силы оставили привидение.

Оно с трудом подняло голову и поглядело на Коршуна.
— Ну! — сказала оно наконец.

Коршун уже смелее подошел к столу и, подняв тяжелый граненый красный бокал, поднес его ко рту привидения. Тот человек — все же это не было привидение: где вы слышали, чтобы у привидения так хрустела челюсть от того, что открылся рот? — тот человек замер с приоткрытым ртом, и Коршун подумал, какого черта я переливал воду из фляги в бокал. Удобнее было не переливать. Коршун осторожно влил в рот привидения немного воды.

Вылив воду в глотку привидению, Коршун поставил бокал на место.

— Еще хотите? — спросил он.

В привидении журчало — вода проливалась по его внутренностям.

— Не надо, — сказала привидение.

— Оставить воды?

— Да.

Коршун налил немного воды в бокал.

И хоть ему надо было спешить, Коршун задержался. В нем пробудилось любопытство.

— А вы в самом деле привидение?

После длинной паузы, — видно, привидению нелегко было решиться на долгую речь — оно ограничилось одним словом:

— Смешно.

Это было удивительно.

И сразу разрушило страшную атмосферу развалин. Может быть, этот скелет и был привидением, но если самому привидению кажется забавным такое предположение, то вряд ли оно относится к страшному миру духов и вампиров, о которых солдаты рассказывают, сидя в траншее.

— А кто же вы? — спросил Коршун.

— Мы...— Снова долгая пауза, и тогда Коршун совсем осмелел и, подойдя к скелету, вылил в рот воды из фляги. Так удобнее.

Потом пришлось подождать, потому что вода должна была слиться куда-то вниз, в кишечник. И Коршуну представилось, как набухают высохшие ткани в этом скелете.

— Мы...— возобновил свою речь скелет, — я судья, я был судьей.

— Какой судья?! Это же санаторий?

— Не знаю такого слова, — сказал скелет.

Он закрыл глаза сухими, чешуйчатыми, как у песчаной ящерицы, веками.

И превратился в мертвеца.

Может, он пришел сюда давно, когда еще не было санатория? А кто мне сказал про санаторий? Кто-то сказал — все так думают.

— До свидания, — сказал Коршун.

Скелет не ответил.

Коршун миновал зал и оказался в гнилом завале, пробираясь сквозь который был вынужден растаскивать какие-то бревна и чуть не погиб, когда сверху рухнула балка, но она рассыпалась, грохнувшись перед ним.

Переводя дух, Коршун услышал сзади высокий тихий смех. Он решил, что смеется давешний судья.

Но это был не судья, потому что, оглянувшись, он увидел среди бревен еще одно существо из страшной сказки — может, это была Баба Яга. Этот скелет в длинной рваной юбке был быстр в движениях, как бывают быстры рыженькие тараканы.

— Ах, ах, ах! — пронзительно заверещало существо и сгнуло в развалинах.

На этот раз Коршун уже не так испугался, хотя понимал, что следом за попрыгунчиком может вылезти дракон или какой-нибудь крокодил.

Но, на счастье, развалины кончились — Коршун продрался сквозь заросли голых колючих палок и оказался на берегу речки там, где она подходила к тылам его полка — здесь неподалеку должен был быть штаб полка.

Коршун совсем не был уверен, что его тянет туда заглянуть, но и миновать лабиринт штабных траншей и канав было нелегко — уж очень большой крюк придется делать по тылам. И неизвестно, кого встретишь.

Здесь, в тылу, он рисковал нарваться на патруль, который, скорее всего, сочтет его дезертиром, а доказать обратное нельзя — если ты здесь, значит, ты дезертир.

Коршун присел за пригорком, пытаясь разглядеть, что же происходит в штабе полка, но долго никто не появлялся. Так долго, что Коршун собрался было идти дальше. Но потом он увидел двух ублюдков. Он узнал их по кожаным курткам, круглым шлемам и по медным маскам. Ублюдки спокойно шли по перемычке между траншеями, ничего не опасаясь, уверенные, что никто на них не нападет.

Хорошо, что у Коршуна хватило выдержки просидеть здесь подольше.

Иногда ублюдки нагибались, что-то искали. Вот они спрыгнули в канаву. Потом один из них снова вылез наверх, и в руке у него был меч. Меч был в ножнах, и перевязь болталась петлей до самой земли. Это был трофейный, то есть наш, меч!

Ублюдки грабили трупы. В Коршуне поднялся гнев солдата, который хочет расправиться с мародерами, но он сдержал себя. Он не в бою, он не хочет умирать — ведь в мгновение ока прибежит взвод ублюдков и расправится с ним.

Нет, ему надо добраться до лазарета.

Коршун спустился к самой речке и быстро побежал вдоль берега.

Речка была грязная, вонючая, серая, словно в нее провалилась канализационная труба.

Пробежав шагов триста, Коршун понял, что миновал расположение штаба. За штабом, насколько ему было известно, тянулись старые канавы, в которых не должно быть людей. Там когда-то была городская свалка, но, видно, так давно, что мусор превратился в смесь земли, трухи, ржавчины — невнятную смесь бывших отходов.

Поднявшись вновь от берега и убедившись, что вокруг пусто, Коршун прыгнул в канаву, и, хоть она вела не туда,

куда нужно, он последовал по ней, минуя глубокие ямы, похожие на воронки от орудийных снарядов — от чего? от каких снарядов? — в одной из них он увидел труп солдата, — видно, бежал от врагов, да помер.

Когда, по расчетам Коршуна, до лазарета уже было недалеко, он увидел еще одного мертвеца. Он был голый, его грудь и правая рука были забинтованы, — значит, он убежал или ушел из лазарета.

Через полсотни шагов Коршун увидел еще двоих раненых. Один из них был едва жив.

— Ты из лазарета? — спросил Коршун, увидев, что тот шевелится.

— Пить, — попросил тот.

Коршун отвинтил крышку фляжки. Там осталось совсем немного воды — хватило на два глотка.

— Они пришли, — прошептал раненый, — они пришли к нам и всех в лазарете перебили... Всех...

В том не было ничего удивительного, потому что было принято убивать чужих раненых. Если бы наши захватили их лазарет, тоже не стали бы чикаться. Что делать с ними, с ранеными?

И этот раненый скоро помрет. У него открытая рана и груди выше сердца и лужа крови вокруг.

— А что санитарки и доктора? — спросил Коршун.

— Пить, — сказал раненый.

— Нет у меня больше воды. Все равно ты скоро помрешь.

— Врешь, — сказал раненый.

— Что с докторами?

— Иди сам смотри, — сказал раненый и закрыл глаза.

Он сердился на Коршуна.

Коршун пошел в лазарет, не оборачиваясь, хотя сзади раненый снова заныл: «Пить, пить, пить!»

Госпиталь лежал в низине, недалеко от места, где Коршун видел раненых.

Там было пусто.

Ни шагов, ни звуков, ни криков. Коршун понял, что тут никого нет.

Он спрыгнул в большую яму — в палату. Некоторые койки были пустые, в других лежали убитые. За занавеской,

где была операционная, тоже было пусто, убитый лежал на столе,— видно, его убили во время операции, а на нем, поперек, лежал доктор. Незнакомая сестра валялась в углу. Ее лицо было закрыто подолом. Она была изнасилована, а потом убита.

Коршун пробежал по траншеям лазарета — на вещевой склад, в комнату врачей... ни одного живого человека.

В комнате, где работали лекари, стояла большая бутылка с водой. Почему-то, разрушая все, ублюдки ее не разбили. Попробовав, Коршун наполнил флягу.

Потом побежал к тому раненому, который, может, еще жив.

Раненый был жив.

— Пей,— сказал Коршун.— Только скажи, что они сделали с санитарками и сестрами.

Тот пил долго, маленькими глотками.

— Спасибо,— сказал он.— Их увели, утащили с собой.

— Куда?

— Куда? Они везде здесь. Найди сам.

Коршун поднялся на вершину холма, чтобы разглядеть, что же происходит.

Он не боялся опасности. Ему было все равно.

Потом он почувствовал, что ноги устали, и сел.

Так и сидел на вершине холма и смотрел. Потому что, если смотреть внимательно, умными глазами, то многое поймешь.

Район боевых действий расстилался во все стороны, насколько хватал глаз, и края его, если такие были, скрывались в легком тумане, который всегда висел над холмами за речкой, и скрывал дома города. Лишь вершины соборов и колоколен поднимались над туманом. С другой стороны равнина, захваченная в последних боях противником, была перекопана траншеями, канавами и ямами, ибо многократно переходила из рук в руки, и Коршуну сверху было видно обширное старое кладбище,— когда он попал сюда и положение на фронте было лучше, то кладбище поддерживали в некотором порядке, могилы, хоть и коллективные,

располагались рядами по номерам частей, и всегда можно было найти, где похоронен твой товарищ. Теперь же кладбище лежало в тылу ублюдков, и могилы были раскопаны, ублюдки и те бродяги, что сопровождали их армию, раскапывали неглубокие могилы в поисках вещей, с которыми хоронили павших. Ведь положено класть в могилу любимую вещь. Это может быть медальон с портретом матери, а может быть подшлемник или даже новые башмаки. Мало ли что любил человек при жизни.

Вид порушенного оскверненного кладбища вселил в душу Коршуна глубокую безнадежную тоску. Его все чаще посещало отвратительное чувство — он потерял веру в победу и даже веру в смысл победы. Ему казалось порой, особенно если лежишь в часы отдыха и не спишься, — что он участник какого-то розыгрыша, что вся эта война ненастоящая, хотя смерти и ранения настоящие, и мучения настоящие, и настоящая боль от стертых ног или горячая тугая волна от взорвавшейся в канаве огненной бомбы.

Он знал, умом знал, и говорили ему об этом не раз, что он ведет бой за правое дело, после чего вернется домой, и тогда начнется счастливая жизнь. Может быть, у других так и было, но сам Коршун никак не мог вспомнить своих родных, даже своей матери. Лама говорил ему, что это довольно обычное последствие долгого пребывания на переднем крае, но когда он попадет в город и пройдет по родной улице, то он все вспомнит. Шундарай же считал, что они с Коршуном ничего не помнят потому, что ни самом деле никогда не бывали в городе и родились совсем в другом месте, что они — приютские, беспризорники. Так тоже бывает, а ламе невыгодно в этом признаваться, так как есть инструкция — привязывать солдат к родине, даже если родины нет. А так как любому солдату хочется во что-то верить, то он цепляется лапками за мечту о городе и родном доме. Недаром идеологическая служба так борется со всякими лживыми верованиями и религиями. Они боятся, что приверженцы чуждых боевой идеологии сект могут вообще потерять страсть к войне. Так что про них говорят твердо: они в будущей жизни возродятся клопами. А чтобы

это случилось скорее, то после второго предупреждения замеченных в ересь казнят.

Судя по всему, долина казней захвачена сегодня врагами. Точно — захвачена! Отсюда Коршуну виден ее склон, и там бродят убудки в позолоченных масках.

Мысли Коршуна снова перенесли на Шундарая — жив ли он? Вряд ли. А Коршун, как и любой нормальный человек, верил в то, что мир невелик и конечен — что он прикрыт матовым колпаком неба, по которому движутся клубы облаков. Никто не видел краев Земли, но, если идти много дней, обязательно дойдешь до них, до берегов Последнего океана, который огибает обитаемую Землю. Океан населен морским народом, не могущим выбраться на берег, но и не пускающим людей в свои края. Там живут чудовища, способные одним ударом зубов или рога разбить и утопить боевой корабль. Говорят, что недавно один боевой корабль, здоровый, шестидесятивесельный, вышел из реки в море, и все видели, как из воды высунулась морда, разинула пасть и перекусила корабль пополам...

О чем я думал? Коршун потряс головой, словно в ухо попала вода. Из низины тянуло трупным запахом и гарью. Кто-то поджег санаторий, и трухлявые доски вяло чадили и дымили.

Коршун стал смотреть в сторону города. Наверное, убудкам не удалось до него добраться. Дома на горизонте стояли так же нерушимо и уверенно. Рассказывали, что несколько воздушных шаров врага достигли недавно города и даже смогли сбросить на него несколько огненных бомб, но городские пожарники быстро загасили пожары, и почти никто не пострадал. А вот большая часть шаров не вернулась из полета, потому что их сбили арбалетчики. Коршун не видел этих шаров, но почему бы не поверить?

Примерно в километре от него проходил глубокий овраг, за которым были воинские склады. Если приглядеться, именно вдоль оврага и было сейчас наибольшее движение. Здесь окапывались убудки, порой посылая через овраг стрелы, обмотанные горячей паклей. С той, дальней, стороны иногда отвечали. По крайней мере, теперь Коршун понял, насколько врагу удалось продвинуться вперед.

Ну что ж, бывает хуже.

Возвратиться к своим он сможет всегда — надо только взять ближе к реке, там старые свалки, по ним можно пробраться в устье оврага и дальше, к нашим позициям.

Но оставалась еще надежда отыскать госпиталь или хотя бы Надин.

Раненый сказал, что их увели.

Если не убили сразу, это уж не так безнадежно. Доктором и санитарок чаще уводят к себе — доктора везде нужны. А санитарки не только будут перевязывать — их можно отдать в публичный дом. Ведь известно, как ублюдки обращаются с женщинами. Они-то сами воюют без женщин, они дикие люди, не считают женщин за разумных существ. Конечно, и наши солдаты не ангелы, но — чтобы устроить публичный дом для солдат! — до такого цинизма у нас еще не дошли. Шундарай рассказывал, что когда наши наступали, то там, в деревнях этих ублюдков, их женщинам приходилось несладко. Но надо же понять и нашего солдата. Он на войне рискует жизнью, погибает без женской ласки... Коршун оборвал ход своих мыслей, потому что поймал себя на том, что повторяет слова майора по идеологии. Одно дело Шундарай — он сам человек восточный. Но если это говорит майор...

Коршун хотел надеяться, что они утащили Надин к себе. Может быть, много раненых — и не хватает медицинского персонала. Тогда у нее есть шанс остаться в живых.

Но сначала он должен вернуться к своим, отыскать роту и узнать, какая обстановка на фронте. Ведь не бежать же по вражеским тылам в поисках санитарки, даже если тебе эта санитарка нравится.

Никем не замеченный, Коршун сошел с холма, добрался по старым канавам до реки, напился из фляжки — из реки пить нельзя, она отравленная. От нее исходит мертвый вонь — как от запущенной химической лаборатории... Коршун опять поймал себя на том, что воспоминания ничего ему не говорят, хотя бы потому, что он никогда не был в химической лаборатории и вообще не представляет себе такого места.

А что он представляет?

Над рекой шел патруль ублюдков. Пришлось затаиться. Затаившись, удобнее думать.

Что он, командир роты Коршун, помнит? Он помнит предыдущий бой, после которого отступили на эти, уже потерянные позиции, он помнит, как Шундарай сделал его командиром взвода... Еще раньше, как он пришел во взвод Шундарай сказал ему: «Ну, вроде наконец настоящий варень. А то мелкоту шлют». Это ему польстило...

Нет, Коршун знает и помнит многое. Все, что положено знать солдату. И если что-то вдруг просыпается иное, то лучше к другим не обращаться. Может, у них тоже есть чужие мысли. На памяти Коршуна двоих ребят в их роте расстреляли (или увезли расстреливать, а там неизвестно, что с ними сделали) за то, что они слишком настойчиво пытались уверять других, что раньше была какая-то совсем другая жизнь.

Патруль прошел...

Коршун медленно двинулся по берегу реки, опускаясь в канавы, переходя ручейки, но не поднимаясь на возвышенные места. Если побежишь, тебя примут за чужого и пристрелят — или свои, или чужие.

Иногда он слышал голоса и даже какие-то крики, словно кого-то били или пытали, — да мало ли что происходит после боя. Если голоса звучали вблизи, Коршун затаивался и ждал, пока утихнет.

Потом зона старых канав кончилась, пошла свалка, тоже давно уже не свалка, а просто спрессованное вещество. Еще лет сто — и можно будет здесь хлопок сеять!

Он утомился, пока добрался до своих, — видно, день оказался слишком длинным и тяжелым. Но бывает же такое совпадение — уже недалеко от своих окопов он увидел воина в шлеме с гребнем, — вернее всего, свой. И фигура осторожно плелась в том же направлении.

— Стой! — негромко окликнул солдата Коршун. Тот кинулся плашмя на землю.

Видно, потерял оружие.

— Не двигаться! — Коршун подошел ближе и по ровному локтю, по подошвам сапог, по повороту головы догадался — Золотуха!

Вот радость-то!

— Вставай, Золотуха,— сказал он.— Значит, дезертировать вздумал?

Золотуха осторожно поднялся. Глаза сверкали в прорезях маски — черные, острые, настороженные.

— Я к нашим шел,— сказал он.

Золотуха тупой, он не сразу догадался, что перед ним Коршун.

— Вижу, что к нашим,— сказал Коршун.— Пошутил я.

— Ой, Коршун! — Золотуха узнал голос и обрадовался.—

Теперь не пропадем.

— А чего без оружия? — спросил Коршун.

Он знал, почему Золотуха идет без оружия, но хотел приложить его: есть правило — если на тебе нет никакого оружия, тебя могут взять в плен. Ты попал в расположение врага, в засаду, в окружение — вставай и кричи: я чистый!

Враги подойдут, проверят. И говорят, что тогда остаются в живых.

Но Коршун думал, что это — очередная солдатская легенда, как легенда про огнедышащего дракона. И майор-идеолог говорил, что это лабуда. Зачем им кормить пленного? Они нас так ненавидят, что всегда убивают. Но, видно, Золотуха решил испытать судьбу.

Коршун кинул Золотухе свой кинжал.

— Спасибо,— сказал тот.

И за дело. Потому что существовало ответное правило — если ты вернулся к своим без оружия, тебя могут наказать. Даже расстрелять.

— Мой взвод весь полег,— сказал Золотуха.

— Кто-нибудь остался. Всегда кто-нибудь остается,— ответил Коршун.

— А ты как от наших оторвался?

— Так получилось. Ты госпиталя не видал?

— А что с ним?

— Они госпиталь захватили. Всех раненых перебили и врачей, но кое-кого в плен увели.

— Вот сволочи! Какие сволочи! Я их голыми руками передую!

— То-то и видно, что ты собрался голыми руками их душить.

Золотуха обиделся, надулся. Он был грязен как черт, даже рожа в грязи, где-то исцарапался. Но Коршуну не хотелось расспрашивать его о том, что произошло. С каждым здесь что-то происходит.

Шагов через сто они напоролись на сторожевое охранение. Дыба все же сумел навести кое-какой порядок в своем батальоне, вернее в его остатках. Коршун с Золотухой были не первыми и не последними, кто прошел сквозь порядки ублюдков и вернулся к себе. Но еще больше людей исчезло, то ли погибли, то ли сгинули. Золотухе и Коршуну Дыба был рад. Даже не стал разносить их за поражение. Без них он оказывался единственным офицером на весь батальон, если не считать адъютанта, раненного в челюсть. Он сидел в яме и выл, держась за грязную тряпку, которой обмотали ему голову. Но госпиталя не было — некуда было эвакуировать. Зато теперь, с возвращением Коршуна и Золотухи, Дыба мог идти в штаб полка, оттуда уже не раз прибегали, вызывали.

Золотуху оставили командовать в батальоне, адъютанта один из солдат повел в тыл, а Дыба с Коршуном пошли в штаб полка, который теперь прятался в неустроенной канаве с обсыпавшимися стенками. По дороге Коршун спросил Дыбу:

— Что будем говорить?

— Сначала их послушаем,— ответил Дыба.— Узнаем, в чем мы виноваты.

— Мы во всем виноваты,— сказал Коршун.

— Знаю. Но послушать придется.

Они не зря ждали упреков. Положение полка было настолько плачевным, что даже жалкие остатки батальона Дыбы были спасением от полного позора. Оказывается, прорыв произошел не только на участке роты Коршуна. Ублюдки в нескольких местах быстро прошли в тыл, и, как признался командир полка, который был далеко не так воинствен в каске и маске, потому что пропал из веера

боевой суворовский хохолок, только сигнал к окончанию боевого времени спас часть от полного разгрома.

— А где наш стратегический резерв? — спросил командир у Дыбы.

Дыба пожимал плечами и отмалчивался. Он не подозревал о существовании стратегического резерва, его не касались такие высокие проблемы.

— Вот и я не знаю, — восклицал командир полка. — Я требовал — дайте людей. Мне не с кем держать фронт! А в ответ — молчание. Вот и допрыгались. Даже госпиталь потеряли.

Все командиры уже сняли маски. Кому они нужны после боя?

— И никого не спасли? — спросил Коршун.

— Откуда мне знать! Мне ничего не докладывают!

Он обвел командиров строгим взглядом, но взгляд лишился блеска.

— Соберем всех, кого можно еще собрать, — продолжил он. — Иначе нам не выдержать еще одного боевого времени.

Тут послышались шаги, голоса, и в канаву спустились несколько человек. Большие чины. Из штаба армии. В масках домино, с охраной. Центром этой компании был граф Шейн, во френче без знаков отличия, в солдатской каске и зеленой маске, которая прикрывала только лоб и глаза, так что пышные пшеничные усы были всем видны. В маске или без — любой его узнает.

А Коршун узнал своего благодетеля — начальника ирмейской разведки. Но тот сделал вид, что не знает Коршуна. И Коршун тоже не навязывался.

— Карту! — приказал человек во френче.

Руки полкового адъютанта дрожали, когда он раскладывал карту на большом ящике.

— Так, — сказал человек во френче. — Положение поля даже не нанесено.

— А я не знаю положения моего полка! — вдруг осмелел командир. — Я чудом сумел собрать комендантский взвод и штабистов, и мы закрепились здесь. Сейчас я нашупал связь со своим первым батальоном. У них тоже страшные потери.

— Почти никого не осталось,— сказал Дыба.

— Дорога на город открыта,— сказал командир.

— Дайте мне карту,— приказал человек во френче, срывая с ящика карту комполка и отбрасывая ее в грязь под ногами.— Смотрите, паникер! Мы с вами находимся здесь.

Он ткнул пальцем в карту. Коршун смотрел ему через плечо.

— Ваш командный пункт находится далеко в тылу. А ваши соседи — вы видите, где ваши соседи?

Коршун понял, что и в самом деле его полк отступил куда далее других. Потом он понял, что человек во френче врет. И карта у него лживая. Он проходил вдоль реки и видел там ублюдков, которые грабили трупы, а по карте Шейна получалось, что тот плацдарм удерживает соседний полк.

— Вы трус, и я вас разжалую! — закричал начальник разведки.

Коршун сделал движение вперед, чтобы возразить, но Дыба потянул его за рукав назад.

— Лишь старые заслуги удерживают меня от того, чтобы расстрелять тебя и бросить крысам на растерзание,— продолжал граф Шейн.

— У нас не было людей,— упрямо сказал командир полка.

— Ни у кого нет людей. Но другие держатся. Командиром полка временно оставляю бригадного генерала Вайду,— сказал Шейн, сделал шаг вперед и снял маску, чтобы все видели его лицо. Лицо как лицо, усталое, с пышными поникшими усами.

— Но от этого людей не прибавится,— упрямо сказал комполка.

— Вы будете заместителем Вайды. Больше ни шагу назад!

Граф Шейн кинул взгляд на Вайду, будто между ними было все обговорено, положил ладонь на карту и сказал:

— Цифры по потерям я желаю иметь немедленно.

— Мы их пока не знаем...— начал было командир полка.

— Времени на разговоры у нас нет. Все командиры расходятся по своим подразделениям и выясняют: сколько

у них людей и где они прячутся? Со своей стороны, и должен вам сказать: к нам уже идет пополнение. Хорошие ребята, профессионалы. Солдаты милостью Божьей. И если мы все вместе возьмемся за дело, то победим. Вопросы есть?

Коршун сказал:

— Они захватили наш лазарет, кого убили, кого увели. Я думаю сделать набег — попробовать выручить, по крайней мере, медперсонал.

— У тебя там баба? — спросил граф Шейн.

— Не в этом дело.

— Обычно в этом. Но мы с тобой это обсудим. Сегодня, к сожалению, сделать этого не удастся. Мы не знаем даже, когда будет объявлен следующий боевой период. А набегу вне периода запрещены.

— Но у нас раненые, — сказал Дыба.

— Я уже распорядился, — сказал граф Шейн. — Сейчас подтягивают тыловой лазарет. Он будет здесь с минуты на минуту.

Он подошел к командиру полка, который понуро стоял в стороне, обнял его за плечи и добавил:

— Держись, старина. Мы с тобой еще повоюем. Придешь в себя... дадим тебе дивизию.

Граф Шейн выпрыгнул из канавы и пошел над их головами. Он шел быстро, наклонившись вперед, как Петр Первый на картине Лансере. Это сравнение, ворвавшееся в голову Коршуна, испугало его полной непонятностью.

— Чего стоите! — прикрикнул на командиров новый комполка. — Бегите к себе, наводите порядок. Война продолжается с переменным успехом.

Часть третья

ГАРИК ГАГАРИН

Металлическая дверь рефрижератора со скрипом поехала в сторону, в вагон влился неяркий свет пасмурного дня, и внутрь легко влез крепкий мужчина в странном костюме — кожаной куртке, кожаных же штанах, заправленных в башмаки, на плечах вместо погон были широкие округлые металлические чашки.

— Как доехали, мальчики? — спросил он весело. От него исходило веселье, будто сейчас позовет всех играть в футбол.

В рефрижераторе началось смутное движение, люди словно просыпались после пьянки, садились, старались встать, кто-то застонал

— Ну без этого, без этого! — Человек в кожанке ходил между лежащими людьми, легко и небожно постукивая по головам и плечам кончиком трости.— Вылезаем, строимся — и в баньку Некогда нам здесь разлеживаться.

У меня было глубокое убеждение, что все это ко мне не относится, это был какой-то явственный, но все равно нереальный сон, и разговор шел о других людях. Даже когда этот мужик подошел ко мне и подтолкнул меня носком башмака.

Я не двинулся.

— А ну, хватит! — вдруг закричал мужик в кожанке.— Всем вставать и на построение. Что я, до вечера здесь с вами буду беседы проводить?

Он говорил так, что надо было его слушаться. Он угадал, а мы могли только огрызаться. И потом, он знал, что нам надо вылезать из вагона, нам надо строиться, нам надо что-то делать. А без него я не имел представления о том, чем мне надо заниматься и вообще где я оказался.

Еще одна физиономия заглянула в вагон.

— Ну что у тебя, Гриль? Вылезают?

— Сейчас вылезут, куда они денутся,— ответил Гриль.

Неожиданно его трость снова ожила. Она перестала неуверенно подталкивать нас, а принялась толкать, пинать, бить, стегать — ребята закрывали от нее голову, отстранялись и ворчали, а Гриль как бы раззадоривал себя:

— Давай! — кричал он.— Давай-ка!

Я смотрел на лица моих товарищей по несчастью и видел, что они не только не понимают, что с ними происходит, но и не стараются понять — это были лица наркоманов в глубоком отпаде.

Интересно, я такой же? Впрочем, я и должен быть таким же. Почему — я пока не мог вспомнить, но не расстраивался, потому что потом все вспомню — я ведь здесь не случайно? Мною владело олимпийское спокойствие — если что-то происходит, то так и надо.

Вот уже первые прыгают на землю, а тот, второй мужик, что ждал внизу, гонит их прочь. Меня тоже выгнали из вагона и погнали прочь, впрочем, дрались они не очень больно, и я на них не обижался.

Я обернулся и удивился — ведь мы только что были в холодильнике, а никакого холодильника я не увидел — только большой амбар, дверь в который находилась на уровне груди. Именно из этой двери и выпрыгивали мои спутники по путешествию. Какому путешествию? Куда мы путешествовали? Я должен спросить об этом? Нет, я должен вести себя, как все. Я совершенно не представлял себе, кто я такой, как меня зовут, почему я тут оказался, но в то же время был уверен, что не должен отличаться от других, — отличие от других очень опасно.

— Ну и команда,— сказал второй мужик. Он тоже был в кожаном костюме, но у него были высокие сапоги, а ни

перевязи висел в ножнах меч — слишком большой, чтобы быть игрушечным.

— Чепуховина, — сказал я человеку, который шел рядом со мной. — Какой еще меч?

— Чего? — спросил мой сосед. Лицо у него было пустое.

— Как тебя зовут?

— У меня имя есть, — ответил он.

— Какое имя?

— Имя... — он задумался. И замолчал.

Мы шли рядом, а он вспоминал, как его зовут.

Я стал осматриваться. Я понимал, что отличаюсь от прочих, кто был в вагоне. Мне все интересно, и даже тот факт, что я ничего не помню и даже не помню, как меня зовут, ничего не значил — я обязательно вспомню. Причем так вспомню, что никто не догадается. Так учил нас Михаил Степанович. Ага, вот и все вспомнил. А кто такой Михаил Степанович?

Окружающий нас пейзаж был достаточно унылым. Мы прошли несколько амбаров и складов, большей частью без окон, с давно не крашенными и даже кое-где продырявленными крышами. Большой частью эти строения были деревянными, но встречались и каменные. Над одним из приземистых каменных строений возвышалась высокая труба, как над крематорием. Ага, вот я вспомнил еще одно слово! Мне нравилось вспоминать слова, и я старался это делать. Увидишь вещь — и за ней как нитка за иголкой тянется ее название и даже функция. Вот я взглянул на небо. По нему бегут серые облака. Именно облака.

Погоняльщики загнали нас в это каменное строение. Внутри пахло паром и было тепло и сыро.

— Все свои вещи оставляйте здесь, — приказал Гриль. — Ничего не брать. Потом вам все вернут.

Ага, подумал я, они будут шарить по карманам и искать. Нет ли там чего-нибудь подозрительного. Значит, они — мои враги? Это тоже полезное воспоминание.

Мы встали вдоль двух длинных сырых деревянных скамеек и стали раздеваться.

Многие складывали свои вещи аккуратно, так делают военные, приученные к казарменной дисциплине, в том

числе в бане. Другие, таких было немного, кое-как кидали вещи на скамейку. К таким подходил Гриль и говорил:

— Постарайся, голубчик. Сложи как следует, здесь тебе нянек нету.

Все подчинялись. Только один, мускулистый, смуглый, курчавый, но сильно сутулый, почти горбун, отказался.

— Не хочу,— сказал он.— Никогда не складываю.

— Так,— жестко произнес Гриль.— И как же тебя зовут, упрямый солдат?

— Меня?

Он морщился, хмурил брови — и не мог вспомнить. Почему-то это успокоило Гриля.

— Бог с тобой,— сказал он.— Но не думай, что у нас что-то забывается.— И он неожиданно и сильно ударил человека, которого я мысленно назвал Цыганом, тростью по щеке. Тот схватился рукой за щеку. И глаза его сверкнули — не надо было его бить. Мне показалось, что от удара он сразу что-то вспомнил. Он медленно отнял руку от щеки. Рука была в крови — Гриль бил с оттяжкой.

Гриль стоял, приподняв трость и готовый ударить вновь,— видно, у него был опыт работы в концлагере. Аги, вот и еще одно слово — концлагерь.

Но Цыган опередил его. Он привычно и резко выбросил вперед правый кулак, и Гриль, не ожидавший удара, смлился назад, и трость выпала у него из руки.

Остальные стояли, полураздетые, и тупо смотрели на эту сцену. Я чего-то понимал, но в голове все равно была такая тяжесть, что я не мог заставить себя сдвинуться с места, может, потому, что голос, который твердил: «Ничем себя не выдавай, ничем себя не выдавай»,— продолжал звучать в голове.

Цыган стоял, не делая попыток добить врага или уйти

— Сзади! — крикнул я. Потому что никакой внутренний голос не смог остановить меня, когда я увидел, что второй наш сторож выскочил из внутреннего помещения, преследуемый клубами пара, и замахнулся обнаженным мечом — он хотел убить Цыгана.

Цыган среагировал на мой крик мгновенно — он отклонился в сторону, меч просвистел возле его плеча, и не

ожидавший этого стражник потерял равновесие. Цыган ловко ударил его кулаком по затылку, и тот улегся рядом с Грилем.

Некоторые из моих спутников засмеялись — им понравилось, как Цыган разделался с местными ребятами.

Но Цыган был растерян. Он точно не знал, что делать дальше. Да и никто из нас не знал, что делать дальше.

И тут с улицы вошел усатый человек небольшого роста в старом френче — такие у нас носили до войны, а может, даже в революцию, их придумал в Первую мировую войну английский фельдмаршал Френч. Одну руку он держал за спиной.

Он подошел к Цыгану и сказал:

— Надо будет сделать укол, правда?

— Надо сделать, — согласился Цыган.

Я понял, что нельзя сейчас Цыгану делать укол, но тут мой внутренний голос проснулся вновь: «Молчать!»

Цыган протянул обнаженную смуглую руку человеку во френче.

Тот вынул из-за спины руку со шприцем. Я ждал, что человек во френче протрет место укола ваткой, смоченной в спирте, но он этого не сделал. Он вколол кубика два и ласково сказал Цыгану: «Посиди здесь, сейчас подействует».

Потом он оглядел нас — мы стояли в два ряда вдоль скамеек.

— Кто-то из вас, — сказал человек во френче, — крикнул, предупредил нашего товарища. Кто крикнул?

Никто не ответил. Я думаю, что остальные не услышали крика, а я сам не намеревался сознаваться — на это моего ума хватило.

Френч прождал длинную паузу, потом вздохнул и сказал:

— Грустно, ой как грустно.

Цыган сел на скамейку, откинул голову к стенке и закрыл глаза.

Я не смел спросить, живой ли он.

Френч занялся своими людьми. Он довольно жестко обошелся с ними — Гриля он избил по щекам, потом дернул так, что он сел и открыл глаза.

— Хорош, — сказал френч.

Гриль испугался. Я видел, как он испугался. Он стал подниматься на ноги и вынужден был опереться на человека во френче. Тот гадливо повел плечом, и Гриль снова повалился. Но тут его уже подхватил я.

— Ты чего? — удивился френч, словно мне не положено было подхватывать падающих людей.

— А он падал, — ответил я, глядя на него глазами дебила.

— Правильно, — успокоился френч. — Он падал. Все они падают.

Он достал из кармана свисток. Обычный, милицейский. Потом резко свистнул два раза.

— А вы раздевайтесь, — напомнил он нам, — поспешите, баня ждет.

В баню заглянул еще один местный. Тоже в коже, что любопытно, в бронежилете и военной каске, какие были на вооружении в русской армии в Первую мировую войну и назывались адриановскими шлемами... Господи, что у меня в голове! То фельдмаршал, то Адриан. Скоро я вспомню, как меня самого зовут... Невозможность вспомнить собственное имя и понять, почему я здесь, очень злила.

Человек в каске исчез и тут же вернулся с тремя товарищами, такими же. Они утасовали пострадавших, но Цыгана не тронули. Вместо Гриля с нами остался худой человек в бронежилете и каске, у него были старые армейские галифе и башмаки с обмотками.

— Ну, все разделись? — спросил он. — Тогда пошли в баню. Учтите, с мылом у нас слабо, так что передавайте кусок товарищу.

В бане было мутно от пара, но сама она показалась мне условностью. И я даже заподозрил, какого рода условностью.

Шаек нам не хватило, из каждой мыло по три-четыре человека, и солдат, не снявший каски, поторапливал нас. Пользуясь нашей тупостью, через три минуты мокрых, но конечно же невымытых, он выгнал нас в следующую дверь — как бы по конвейеру, — а не в предбанник, где остались наши вещи. Там тоже были две длинные скамейки.

На них лежали стопки одежды.

— Справа большие размеры, слева маленькие! — сообщил нам солдат.

Но никто, кроме меня, не двинулся вперед. Да и я, сделав шаг, замер.

— Чего не идете? — спросил солдат.

— Не знаю, — наконец ответил мой сосед. — Я большой, да?

— А ты знаешь? — с подозрением в голосе спросил меня солдат.

— Нет, — сказал я.

Опять я себя чуть было не выдал. Я ничего не должен знать и ничего не должен понимать, а уж тем более — никаких адриановских шлемов.

— Слушай мою команду!

Он подошел к нам, столпившимся в холодном предбаннике, голым и растерянным.

— Ты, — показал он, — направо, ты — налево, ты — тоже налево.

Через минуту мы разошлись по своим стопкам одежды, за исключением двоих или троих, кто забыл, что такое право и лево.

Одежда не очень приятно пахла, и я вдруг понял, что это — чужая одежда, что ее уже кто-то носил до меня. Она состояла из грубых хлопковых штанов и брезентовой куртки. А вот ботинки лежали грудой в углу, и нам было разрешено примерять их, — впрочем, я понимал логику этого решения — если тебе мала куртка, как-нибудь перебьешься, но если тебе жмут ботинки — ты не солдат. А я уже начал подозревать, что мы станем солдатами. Или, по крайней мере, теми, кого раньше называли солдатами трудового фронта.

Некоторые из нас, кто еще находился в глубоком трансе, все не могли разобраться, где правый ботинок, а где — левый. А я раньше сообразил запасться двумя парами носков — тоже из кучи. Мой сосед забыл их надеть и ушел к ботинкам босиком. Носки, к счастью, оказались крепкими и толстыми, так что я подобрал себе ботинки, которые были разношенными, чуть великоватыми — но это лучше, чем колодки.

Солдату в каске и другому, который привел Цыгана, уже пришедшего в себя, пришлось помогать моим несмышленишам выбирать ботинки и натягивать штаны.

— Каждый раз,— сказал он,— каждый раз, как пополнение приходит, я удивляюсь — ну что за публика!

— А ты раньше не такой был?

— Я сознательно пошел,— ответил солдат.

— Они оклемаются и тоже вспомнят о сознательности,— уверенно сказал другой солдат.

Вот я и одет. Я не спешил и все равно оказался одним из первых.

И зря. Солдат сказал напарнику:

— Вот за этим, рыжим, приглядывай.

Я не рыжий. Может быть, меня можно назвать рыжеватым блондином, но сколько раз, особенно в детстве, меня звали рыжим, если рядом не оказывалось настоящих рыжих. А как я всегда надеялся — в походе, в классе, в компании — пусть Бог пришлет сюда настоящего рыжего! И даже с возрастом, когда я понял, что ничего обидного в рыжине нет, и даже нашлись девушки, которые стали уверять меня, что им нравится именно мой цвет волос,— все равно во мне осталось предубеждение против рыжих, и себя в частности.

Что-то им во мне не понравилось. Что-то они почувствовали. Ну что ж, надо будет относиться к себе поостороже, раз я туп, так уж тупее всех!

Но они не знают, что я на самом деле не помню, как меня зовут!!

Только через полчаса мы были готовы покинуть баню и выйти на улицу. Там было все так же сумрачно, пасмурно, прохладно.

Сарай без крыши — странное сооружение, в котором нас разместили, назывался учебным центром. Учебкой.

Я еле сдержался, чтобы не спросить, куда девалась крыша, но, к счастью, нашелся кто-то другой сообразительный.

— А если дождик? — спросил и глупо усмехнулся.

— Значит, дождика не будет,— ответил солдат, который нас здесь размещал.

В этих брезентовых робах и штанах мы все стали заключенными, мы потеряли индивидуальность. Может, этого от нас и ждали.

На время нас оставили в покое.

Сначала нас накормили — в длинной комнате, тоже без крыши, поставили перед каждым по миске каши и куску хлеба. Я думал, что съел бы сейчас барана, но при виде такой скудной пищи вдруг понял, что потерял аппетит. Так что я стал есть так, как ели мои товарищи, — то есть механически двигал ложкой и, не морщась, глотал теплую безвкусную кашу.

Затем нас отвели в соседнюю комнату, где стояло десятка три коек.

— Занимайте какие хотите. Вас позовут, — сказал солдат и ушел.

Он ушел, и мы остались одни.

Я лег на койку.

Я смотрел, как надо мной бегут серые и сизые облака, и мне так захотелось, чтобы проглянуло голубое небо, ну хоть на минутку. Облака были такими, что в любой момент могло начать моросить — и хотелось прикрыться. Но прикрыться было нечем. На койке лежал тонкий поролоновый матрас. И поролоновая же подушка.

Я закрыл глаза, так лучше думалось. Благо, мои спутники были немногословны и не шумели. Может, тоже старались думать.

Кто я? Почему я сюда попал? Как только я догадаюсь, кто они, — все станет на свои места.

Но ничего в голову не приходило. Я физически ощущал пустоту за лбом. А там у меня должны быть мозги, и они мне выданы для того, чтобы думать. Не зря же я здесь оказался...

Я открыл глаза. Все те же облака неслись надо мной.

А почему нет крыши? Пойдет дождь или снег, и все наши милые кровати затопит. Почему они не боятся дождя? Наверное, в этом заключается принцип местной закладки.

На соседних койках лежали мои товарищи по несчастью. Некоторые спали, другие, как я, тупо глазели в небо.

Мысль о дожде будто нарочно поселилась во мне. Что мне дождь? Солдат спит — служба идет.

Начнем по порядку, решил я. Не кажется ли мне, что здесь имеет место непорядок. Я ведь должен знать две важные вещи — как меня зовут и зачем я сюда приехал.

А как меня зовут?

Господи, да больно же голове! Она не приспособлена думать!

Попробовать поспать?

Только я принял такое решение, как в нашу спальню ворвался тип в каске с невысоким гребнем, в кожаном костюме с металлическими пластинами на груди и в начищенных сапогах. На плечах у него блестели чашки, а на рукавах были видны галунные нашивки.

Он сразу напомнил мне старшину моей роты...

Ага, уже воспоминание! Значит, когда-то где-то были рота и в ней старшина.

— Подъем! — крикнул старшина. — Выходи строиться!

И эти слова были понятны всем в комнате. Все мы вскочили и замерли у своих коек. Затем, оправив койки, побежали наружу.

Старшина дождался последнего и вышел за нами на вытопанный плац.

— В одну шеренгу по росту стройсь! — приказал старшина, и мы послушно выстроились в шеренгу, чувствуя даже некоторое облегчение от того, что занимаемся разумным и понятным, более того — нужным делом.

Старшина прошел вдоль строя, веля кому-то подровнять носки, другому убрать живот, третьему застегнуть пуговицу.

Все ясно — мы в армии.

Но я-то при чем?

— Каски и оружие вам выдадут в подразделениях, — сообщил старшина. — На первое время мы проведем отбор по специальностям и выясним, кто из вас на что годится. Но учтите, обучение будет коротким — времени у нас мало — враг наступает на столицу нашей с вами родины, и каждый день промедления грозит неисчислимыми бедствиями. У каждого из вас в городе или в деревнях остались родные, остались сестры и невесты. Неужели вы хотите, чтобы их изнасиловали эти ублюдки?

И мы дружно и возмущенно закричали:

— Нет!

Хотя мне казалось, что я живу не здесь... но где я живу? И почему я все время вспоминаю какого-то Михаила Степановича?

— Сначала мы с вами...— начал было старшина, но тут справа подошел усатый человек во френче, тот самый незаметный человек, с которым мы здесь уже встречались.

— Все готовы? — спросил он.

Старшина вытянулся, но не ответил; как бы предлагая человеку во френче самому в этом убедиться.

Тот прошел мимо нас, заглядывая в глаза, стараясь сквозь них, как сквозь замочные скважины, заглянуть в душу.

Мне не хотелось, чтобы он заглядывал слишком глубоко, я смотрел на него и в то же время мимо глаз, на брови.

— Интересно,— сказал человек во френче и пошел дальше, как будто со мной ему было все ясно.

Он мне не понравился — и не потому, что был физически противен,— от него исходило чувство опасности. Он понимал нечто недоступное прочим здешним людям, и с ним надо было держаться настороже.

— Где же майор? — спросил он старшину.

Старшина, также ничего не ответив, словно в его присутствии язык проглотил, побежал куда-то за угол нашей казармы.

Френч отошел на несколько шагов и сказал тихо, словно разговаривая сам с собой:

— Ну что ж, начинается наша с вами боевая жизнь. Некоторым она принесет славу, другие сложат голову на полях справедливой войны. Сейчас с вами проведет беседу майор идеологического управления. Он человек простой, доступный, умный. Он вам вправит мозги, в хорошем смысле.

Появился старшина, за ним шагал, застегивая на ходу синий, как у старых милиционеров, мундир, человек, похожий на худого индюка,— у него свисал мягкий нос и красные брылы.

— Ну вот, майор,— ласково сказал разведчик,— вам и карты в руки. А я посижу в уголке, понаблюдаю за пополнением. Славные мальчики к нам прибыли на этот раз, почти без исключения.

Он взглянул на Цыгана. Тот стоял, тупо глядя в землю, и чуть покачивался.

— На этого,— он показал идеологу на Цыгана,— обратите особое внимание. Он в отключке, но когда придет и себя... физически агрессивен. И еще приглядитесь вот к этому...

К моему ужасу, палец маленькой изящной руки френчи направился мне в грудь.

— У него глазенки так и сверкают. Слишком сверкают. Вот уж не думал, что мои глазенки сверкают.

— Они не сверкают,— искренне возразил я.

— Вот видите,— сказал френч идеологу, как будто речь шла о заразном заболевании.

Я не понял — ведь я все сказал правильно.

— Старшина,— приказал идеологический майор,— ведите мальчиков в комнату политзанятий.

— Напра-во! — приказал старшина.

Ноги за нас сделали правильные движения.

— Шагом марш!

Мы последовали за старшиной и через пятьдесят шагов остановились перед домом без крыши.

Когда вошли, я стал думать, что он мне напоминает. Потом вспомнил — такой вот летний кинотеатр был у нас в поселке. И так же стояли длинные скамейки, и такой же был помост — сцена и даже экран в глубине сцены.

— Садитесь,— приказал идеолог.

Старшина отошел к сцене и встал к ней спиной так, чтобы не выпускать нас из поля зрения.

Майор-идеолог поднялся на сцену и сел там на стул.

Сейчас, подумал я, ему вынесут баян и он будет играть нам вальс «Амурские волны».

А я сидел спокойно и понимал, что в меня вновь вливается память. Память моя реагирует на любой внешний раздражитель. И начинается цепная реакция. Стул — баян — «Амурские волны». И само выражение — «внешний раздражитель» — тоже не случайно оказалось в голове.

У меня появилась надежда, что дело не так плохо и скоро я все вспомню.

И тогда появится другая опасность.

Тогда я должен буду стараться вести себя так, чтобы ничем не отличаться от прочих. Судя по их тупым лицам и неподвижному взгляду, никто из них еще не начал вспоминать.

— Итак,— сказал идеолог-майор, покачав индюшиным носом,— мы собрались здесь, чтобы поговорить о самом ценном, святом — о нашей родине. Наша родина, как вы знаете, в опасности. И если кто в этом сомневается, лучше пускай он скажет мне сразу — я проведу с ним отдельную беседу, потому что нет хуже и печальнее, чем человек без роду, без племени. Словно щепку, его качает и носит по волнам. Понятно?

Никто ни хрена не понял из этого заявления, но двадцать одна голова склонилась в согласии, и лишь Цыган не пошевелился.

— Теперь я должен вам сообщить одну печальную новость.

Он сделал театральную паузу, поглядел в зарешеченное окно, впускаявшее внутрь здания грустный вид на ряд сараев и складов. Свет не попадал в нашу аудиторию сверху. А оттого, что там все время неслись облака, мне казалось, что вот-вот пойдет дождь. Но, кроме меня, это никого, кажется, не беспокоило.

Затем майор-идеолог расстегнул куртку, так что металлические пластины застучали, царапаясь краями, запустил лапу внутрь и стал чесать грудь. Он наслаждался этим и даже прикрыл чешуйчатые веки.

— Мы собрали вас вместе,— наконец заговорил майор,— потому что вы все больны. Болезнь ваша именуется амнезией или потерей памяти. И это произошло в тот момент, когда наши враги, паршивые и жестокие ублюдки, захватив вас в плен, пытали вас и мучили. В таких случаях организм человека, защищаясь, выключает память. Я понимаю,— он оглядел нас медленным взглядом ящеричного индюка, как бы проверяя, нет ли в ком излишнего понимания. Убедился в том, что мы ничего не поняли, и это его порадовало.— Я понимаю, что до вас мои слова не доходят. Но это первое наше занятие. Моя цель — вернуть вас к сознательной жизни, сделать из вас преданных и

активных членов нашего общества. Так как идет война, времени у нас мало. Вам придется все запоминать с первого раза. Те же, кто не сможет учиться, будут наказаны.

Этот монолог удовлетворил идеолога, и он еще некоторое время чесал себе грудь.

По какой-то причине, понял я, просто так выдать им оружие и отправить в бой они не могут. Нас надо обрабатывать.

А кто же такой Яков Савельевич? Это наш доктор! Это наш институтский доктор... — я готов был поднять занавес над своей проклятой памятью, но тут майор заговорил внятно и все испортил.

— Все мы — граждане миролюбивого государства, страны, которую принято называть утопией. Но для нас это просто страна, это наш дом, это наша колыбель.

Майор поднялся и сделал шаг в сторону. Я заметил, что справа от его стула стоит ящик. Он нажал на одну из кнопок сверху ящика, на его передней панели загорелась красная лампочка. Майор нажал на другую кнопку, и тихая, ласковая, чем-то знакомая мелодия, схожая с колыбельной, зазвучала в нашем учебном зале.

— Под эту музыку, — продолжал майор, гипнотизируя нас, — вот это я уже почувствовал, этому я знал смысл и цену, и этому я мог противостоять. — Под эту музыку наши матери качали нас в колыбельках. Но где наши колыбельки? Где наши матери? Они убиты, изнасилованы, замучены врагами!

И хоть я понимал, что идет сеанс гипноза, и сам мог кого угодно загипнотизировать, во мне поднималась слепая и тяжелая ненависть к недругам, темным, безликим и страшным, которые пришли сюда и измывались над самым дорогим, что есть в моем сердце.

Майор шевелил тонкими губами из-под клюва, он шептал что-то — он продолжал трудиться так упорно, что его лоб заблестел от пота.

«Расскажи, — мысленно просил я его, — что же здесь происходит?»

— Однажды на рассвете, — сказал майор, как бы отвечая на мой немой вопрос, — без объявления войны орды уб-

лютков, тяжело вооруженных, оголтелых, стремящихся к грабежу и убийствам, живших раньше на склонах гор и смущавших набегами наши равнинные селения, перешли границу и вторглись на наши плодородные поля.

Майор тяжело вздохнул.

— Нападение было неожиданным, и в первых невыгодных для нас боях погибли лучшие воины. Однако нам удалось собрать все силы и остановить врага. Вот уже второй год мы удерживаем врага на подступах к нашей столице. Но это дается за счет громадных жертв. Враги смогли охватить и отрезать нашу Южную армию. Третий месяц она сражается в окружении, не получая помощи. Там наблюдаются случаи смерти от голода.

Майор шмыгнул носом, возможно, всхлипнул.

Было нехолодно, но нельзя сказать, что мы находились где-то на юге — замерзнуть не замерзнешь, но и загорать не ляжешь. И купаться не тянет.

— Пока что мы концентрируем силы, чтобы прийти на помощь Южной армии. Для этого мы должны отразить основное наступление ублюдков — на столицу. Для этого мы оттесняем их к озеру Глубокое. Среди вас есть кто-нибудь, кто раньше жил на берегах этого озера?

Никто не откликнулся. Я даже оглянулся, надеясь, что поднимется рука. Мне самому стало интересно, где расположено это озеро.

— Головой не вертеть! — прикрикнул на меня майор. — Глядеть мне в глаза и внимать!

— Слушаюсь, — ответил я.

— Когда подойдет время, я все тебе сам объясню, курсант, — сказал он, обращаясь прямо ко мне. — А сейчас — слушай.

— Слушаю.

— Вчера, как раз перед вашим приездом, — сообщил майор, — произошло отчаянное, я не побоюсь этого слова, отчаянное сражение между нашими доблестными войсками и ордами ублюдков. Мы вынуждены были уступить первую линию обороны и отойти на более выгодные позиции. Должен вам сказать, что оголтелым ублюдкам удалось ворваться в наш лазарет, где лежали страдальцы — отважные

наши бойцы. Все они были зверски замучены. Но еще худшая судьба ожидала врачей и санитарок в лазарете. Вы можете догадаться, что они были изнасилованы и буквально растерзаны... и это ваши сестры и невесты!

Последние слова он выкрикнул, и по толпе курсантов прошла волна гнева. Я ощутил ее и был ею захвачен. Я еще не знал, кто такие ублюдки, мне еще не рассказали, чем же они отличаются от нас, хороших, благородных людей, но я знал, кого мне надо уничтожить для того, чтобы наступил мир на Земле и чтобы вновь расцвели наши нивы и сады.

— Так как вы, мои друзья,— продолжал майор-идеолог,— попали под действие отравляющего газа, который враги распыляли с воздушных шаров, то сейчас мы перейдем к следующему уроку в курсе восстановления памяти. Мы будем смотреть фильм о нашем городе, о нашей довоенной жизни. Это делается с одной целью — помочь нам восстановить память и вернуть в ваши души то теплое, живое, родное, что не умерло и не могло умереть после диверсии ублюдков.

Широким жестом он показал на экран. Сейчас оттуда должна выскочить его ассистентка в серебряном трико.

Но за нашими спинами зажужжал старинного вида кинопроектор, и я увидел, как прямоугольником в глубине эстрады загорелся белый экран, и на нем сначала побежали различные цифры и значки, означающие начало части. Потом пошел черно-белый фильм, очень для меня интересный, потому что именно с этого фильма и начиналась моя работа — я включился, я вспомнил, кто такой Михаил Степанович и кто такой я, Юрий Гагарин — тезка первого космонавта и в то же время неполноценный инопланетянин, младший научный сотрудник без степени Института экспертизы или, точнее, шестнадцатой лаборатории — понимай как знаешь. Я вспомнил все, о чем вы знаете и без меня, и даже родинку на плече Катрин.

Но главное, я понял, что с этого момента я должен быть хитрым как змей — я не должен попасть под подозрение, тем более если они меня уже подозревают. По крайней мере, человек во френче, который нас встречал, отнеси

ко мне прохладно. Но ничего, я буду стараться. Стараться быть тупым, когда вокруг тупые, и становиться умным, когда поумнеют все вокруг.

Я отвлекся на несколько секунд, собирая свои мысли и приводя их в порядок, и постепенно увлекся фильмом, который нам показывали.

Это был довольно большой город, российский, без сомнения, российский, но чем-то чужой.

Если судить по погоде — город скорее был южным, чем северным.

Камера не спеша шла по улицам, мимо центра, где поднималось высокое, этажей в двадцать, здание гостиницы, затем еще несколько высоких, скорее деловых домов. Одно здание постарше, с колоннами, видно, там находилось какое-то городское учреждение. Троллейбус? Нет, троллейбус наш, обыкновенный, синий, только без рекламы на борту. Прохожие? Они одеты обычно, почти современно, хотя так теперь у нас не одеваются. Я увидел надпись «Булочная», а потом «Продукты», и эти вывески были естественными, даже не новыми, так что их никто специально для съемок не вешал.

Затем камера не спеша поехала по неширокой улице прочь от центра. И дома пошли двух-трехэтажные, каменные. Мне захотелось увидеть название улицы, но я не успел его разобрать.

— Узнаете? — спросил голос майора со сцены. Требовательно спросил, так что не ответить было нельзя.

— Узнаем, — сказал неуверенный голос.

— Конечно, узнаем, — произнес второй. Но также не очень уверенно.

— А теперь нам придется увидеть то, чего вы не помните, потому что газовая атака произошла раньше, чем на наш город сбросили зажигательные бомбы.

И тут я увидел, что несколько следующих домов на этой улице были охвачены огнем. Возле них стоял народ, пожарные машины тянули к ним лестницы, пожарники разжурачивали шланги.

— Так выглядит обычный жилой дом, — слышен был голос майора, — после попадания в него зажигательной бом-

бы с воздушного шара. Продолжайте смотреть, не отворачивайтесь.

Камера перешла на крупный план. Я увидел, что возле дома лежат убитые — две молодые женщины и девочка, — видно, они хотели убежать, когда начался пожар, но взрыв или куски кирпича убили их.

— Если вы узнали среди них своих сестер или невест, не стесняйтесь выразить свои чувства, — сказал майор деловито и скучно, как дежурная в крематории, которая руководит панихидой.

Он отработывал свой урок.

Но, видно, его работа уже начала давать свои плоды.

— Нинка! — вдруг закричал один из парней. — Нинка, это ты? Ты как туда попала?

Но кадр уже сменился другим: снова тела — на этот раз они выложены вдоль улицы рядком, как будто шеренга людей упала на спину.

И снова камера плыла над окровавленными лицами и телами.

На этот раз шум охватил весь зал. Люди вскакивали — они были готовы увидеть близких, и камера двигалась именно с такой скоростью и на таком расстоянии от лиц, что возникали сомнения, — и даже если у тебя нет жены или матери, ты начинал верить, что увидел именно их тела.

— Нет, нет! — останавливал майор обезумевших людей, бегая по сцене и как бы отталкивая их руками, не позволяя пробиться к экрану. — Давайте посмотрим теперь и на беженцев. Может, вы узнаете и среди них своих близких...

Дальше кадры показывали беженцев, сидевших на чемоданах, женщин и стариков, бессмысленно бредущих среди развалин.

И все эти кадры шли под вой, крики, топанье, сконцентрированное бешенство, негодование группы молодых сильных людей, лишенных разума, попавших в руки опытного гипнотизера, которому помогали и музыка, поднявшаяся до визга, и монотонный речитатив майора от идеологии, повторявшего:

— Смотри, твоя мать! Смотри, твой отец! Смотри, твой дом!..

Я убежден, что никто, кроме меня, этих криков не слышал. Но я понимал, что в помещении класса достаточно светло, и потому майор внимательно следит за своими учениками. А раз так, то он видит и меня, а если я не буду вести себя так же, как прочие ученики-курсанты, то я себя разоблачу.

Поэтому я, хоть в этом неловко признаваться, подпрыгивал, кричал, узнавая своих родных и свой погубленный врагом дом, кричал в такт все убыстряющейся музыке. Как это называется? Радение! То ли хлысты, то ли какие-то другие сектанты собираются вместе, надевают белые рубахи и прыгают под хоровые песни, пока не придут в раж и не ударятся в свальный грех.

Не переставая повторять заколдованные фразы, майор вдруг посмотрел через наши головы на дверь и кивнул. Я не посмел обернуться — это означало выдать себя. Майор наклонился к музыкальному ящику и убавил звук.

Потом сказал:

— Поворачиваемся направо и один за другим выходим в боковую дверь, идем и помним — все помним, все преступления наших врагов помним, несем в себе как чашу с кровью, пепел наших родных стучит в нашем сердце, раз-два, раз-два...

Ага, он уже цитирует классиков, подумал я. От великого до смешного ровно два шага.

И тут я увидел, что боковая дверь, которая открылась незаметно для меня и рядом с которой стоял перешедший туда человек во френче, окружена по раме металлической полосой, чуть светящейся в полутьме,— это устройство было сродни тем, что бывают в аэропортах для проверки на металл.

Интересно, для чего здесь этот прибор?

Сразу стало видно, что за границей двери стоит нечто вроде пульта, и, когда первый из новобранцев прошел сквозь эту раму, по ней пробежали зеленые огоньки, а сам новобранец на секунду остановился, схватился за голову — я внимательно следил за его реакцией. Что бы то ни было — я был должен повторить его движения... если то же сделает и следующий курсант.

Первый возобновил движение и прошел к двери. Френч помог следующему сделать шаг — тот что-то оробел. Снова зеленые огоньки — второй исчезает за рамой. Я не спешил быть среди первых, но и отставать особенно не стремился. Мне любопытно было, как пройдет это испытание Цыган. Тот пошатнулся, проходя сквозь дверь. Среди зеленых огоньков замигали красные, мне показалось вдруг, что сейчас френч отправит Цыгана обратно, но тот только подтолкнул его в спину, и Цыган как заведенный зашагал дальше и исчез за следующей дверью.

Я трусил. Черт его знает, что эта рама делает с твоей психикой. Ведь не зря ее здесь поставили. И если она призвана вычистить из памяти человека все, что в ней лежало раньше, то меня этот вариант совсем не устраивал. Хотя, как известно, свист пули, предназначенной тебе, ты не успеваешь услышать. Если ты услышал свист пули, значит, она уже пролетела мимо — ведь звук распространяется в воздухе с позорно медленной скоростью.

Рассуждая так, я ступил вперед — моя очередь.

И тут же успокоил себя. Если меня хотят лишить памяти, то не надо было устраивать лекции с гипнозом и музыкальным сопровождением в открытом летнем кинотеатре о зверствах неких врагов. Уже можно было предположить, что нас психически обрабатывают на роль солдат, искренне преданных делу, которое они защищают, — любопытная идея и нечто новое в психологии! Но в таком случае нет нужды лишать новобранцев памяти!

Утешая себя такими рассуждениями, я шагнул в проем.

В первое мгновение ничего особенного не случилось.

В следующее я почувствовал головокружение, чуть не потерял сознание было, но человек у пульта дружески поддержал меня и сказал:

— Не переживай, мы все сделаем, как надо.

Пройдя раму, я попал в туман. Впереди был свет. Я прошел несколько шагов и оказался в открытом поле в окружении полудюжины моих товарищей.

Со всеми нами произошло странное и приятное изменение. Мы как бы проснулись. Солдаты были невеселы — кто будет весел после такой лекции? — некоторые матери-

лись, другие старались завязать разговор, но главное — всю тупость как рукой сняло. Даже Цыган, хоть и выглядел не в своей тарелке, снова стал вполне нормальным человеком.

Моя последняя догадка оказалась верной. Рама предназначалась не для потери памяти, а для возвращения нас в человеческий облик. С одной лишь разницей — наши собственные воспоминания были подменены воспоминаниями наведенными, сделанными здесь, по заказу. Мы стали наемниками нового, высшего типа, наемниками, которые будут сражаться за свой родной дом. А тут каждый профессионал стоит двоих соперников, которые такой уверенностью не обладают.

Надо было проверить свою гипотезу.

— Ты не куришь? — спросил я Цыгана. Любопытно — он-то помнит, что мы с ним сюда приехали из Меховска и никогда в городе, который нам показывали на экране, не были?

— Не, не курю, — сказал Цыган, не глядя на меня. Но не потому, что я ему был противен или он хотел спрятать от меня подозревающий взгляд. — Нет, не курю, — продолжил он. — Но ты подумай — какие сволочи. Какие сволочи, а?

— Ты о них?

— Конечно, об ублюдках этих. Ну, попадись мне в руки кто-нибудь из них, я его разорву на мелкие клочки... — И он показал мне, как он будет их рвать.

— Блин, — заявил кто-то еще.

Ясно было, что он согласен с Цыганом.

Ну что ж, теперь я мог искренне сказать: спасибо тебе, дорогой мой маленький Яков Савельевич, который установил в моем мозгу блок защиты от внешнего воздействия. Лера как чувствовала, что грозит мне именно это.

Я огляделся. Кого-то не хватало. Ну думай, Гарик, думай! Кого нет? Не было Риты, Маргариты Савельевой, подруги моего кузена Аркадия. В холодильнике была, теперь сгинула. И не спросишь.

Я ощущал себя человеком в обществе обезьян. Я не только понимал, что их интересы просты и они управляемы

как электрические чайники, я понимал также, каким образом я смогу стать одним из них, и мне это сделать теперь нетрудно, потому что, за исключением прошлого, которое им подменили, эти люди в остальном абсолютно нормальные, не очень далекие, не очень умные, сверх меры жестокие и равнодушные солдаты, большей частью наемники, либо попавшие на какую-то из недавних войн по призыву, по приказу, и искалеченные в этой войне настолько, что уже никогда не найдут себе места в нормальном обществе. Им нужно убивать, чтобы в конце концов быть убитыми.

И я — один из них.

Это то, что и следовало доказать.

Половину задания я выполнил.

Я теперь знаю, каким образом обеспечивается доставки людей на место боя. Остался пустяк — сообразить, почему надо делать это с такими сложностями и предосторожностями и с кем мы намерены воевать, мои драгоценные коллеги? Хорошо бы, чтобы это не стало школой для террористов, которых натаскивают на уничтожение нашего собственного правительства. Современные наемники чаще всего воюют с другими наемниками. А кто-то пожинает политические плоды. Такая ли ситуация здесь? Туда ли и попал, ребята?

Наша группа увеличивалась. Все по очереди проходили сквозь раму и становились снова простыми ребятушками солдатушками. Мы нужны были тупыми и послушными, пока нас перевозили в холодильнике и потом вкладывали нам в голову ложную информацию. Теперь все это позади, и с новой информацией мы начинаем боевую карьеру. Как славно!

Мне не хочется тратить время на описание нашего вживания в тот мир. Я уже столько раз наговаривал и писал отчеты о моей жизни здесь, что мне кажется — рассказа о первой лекции идеолога-майора достаточно, чтобы в принципе понять, как шла обработка.

Причем обработка была достаточно эффективна. Сначала из меня вычерпали все, что в моей голове находилось,

и потом по частям, ложками или иными сосудиками, вливали в голову то, что должно было в ней находиться, с точки зрения моих новых нанимателей.

Например — оружие.

Я совершенно точно знал, что любой из нашей двадцатки отлично знаком и с пистолетами разных марок, и с автоматом Калашникова, и с гранатометами — каждый прошел современную войну, на то мы и ветераны. Так вот самое странное в нашей новой войне было отсутствие в ней современного оружия. Нам выдали сабли, сказав, что настоящий меч мы должны добывать на поле боя. Некоторым, проверив сначала на стрельбище, выдали луки, хорошие боевые луки со стрелами.

Теперь представьте, что мы идем на стрельбище. Это продольная низина, в торце которой срезан обрыв и вдоль него уместилось пять или шесть круглых белых мишеней на палках.

Нас по очереди выводят на огневой рубеж, дают по три стрелы и велют целиться. До мишеней метров тридцать.

Я стреляю — и мне стрелять приятно — в этом есть элемент детской игры. Давно мне не разрешали пострелять из лука.

Я попадаю в мишень дважды. Третья стрела уходит в молоко.

Я смотрю на остальных моих спутников. Они стараются, целятся точно так же, как если бы нас привели на настоящее стрельбище и дали нам карабины. Никто не шутит, не улыбается — хотя стрельба из лука должна бы вызвать улыбки и веселые голоса.

Нет, все напряжены, все стараются, все стремятся скорее на фронт отстоять родной город, отомстить за поруганную честь сестер и невест, за кровь своих детей. Хотя я уже подозреваю, что далеко не у всех есть сестры, невесты и дети.

Из двадцати двух новичков отбирают девять стрелков, которым выдают луки и стрелы. Я среди лучших, а вот Цыган лука не получил. Он возмущается. Инструктор по стрельбе из лука, смуглый попрыгунчик с наклеенной улыбкой, радостно заявляет:

— Я тебя, дурак, отсеял, потому что ты в мишень попасть не можешь. Такой, как ты, мимо дракона промахнется.

— Мимо кого? — спросил Цыган.

— А ты про дракона не слыхал?

— Про какого дракона?

— Ну ты тупой, братец, — сказал инструктор. — У ублюдков драконы есть. Два или три. Они их пока на других участках фронта используют.

— Живые?

— А то какие же?

Подошел майор-идеолог, который нас не выпускал из под контроля. Он вмешался в разговор.

— Есть различные мнения, — сказал он. — Не исключено, что это своего рода машины, которые используются в боевых условиях.

— Вроде бронепоезда? — спросил я. И какой черт меня дергал за язык?

— Ты что сказал? — спросил идеолог. — Как ты сказал? Тут мне пришлось применить свои способности.

«Забудь, — мысленно приказал я майору. — Никакого бронепоезда. Я спросил тебя: «Как ящерица?» Понял? Я тебя спросил: «Как ящерица?»

Глаза у индюка потускнели. Внутри его происходили некая борьба, ведь он также не был лишен гипнотических способностей. Сражение между косой и камнем кончилось моей победой. Коса сдалась.

— Я сказал — ящерица, — повторил я вслух.

Мои коллеги тем временем горячо обсуждали боевые качества луков, о которых два дня назад и не подозревали.

— Ну какая ящерица! — почти возмущенно воскликнул майор. До него наконец-то все дошло. — Дракон в сто раз крупнее ящерицы, и к тому же он испускает из себя пламя и дым.

— Меня можно направить в штаб, — сообщил голубоглазый молодец. — На гражданке я был на руководящей работе.

— Посмотрим, — сказал майор. — А пока, сержант, давай мне стрелков, я с ними проведу показательные занятия.

Пошли все. И стрелки и те, кто в стрелки не попал.

Мы уже начали привыкать к агитационному летнему театру. По крайней мере, каждый старался занять то же место, как при первой лекции. Это бывает везде — и в доме отдыха, и на пароходе. Стоило тебе разок сесть к окну, и ты уже всю смену будешь сидеть у этого окна, хотя в зале сколько угодно свободных мест.

— Пришла пора,— сказал майор-идеолог,— познакомиться ближе с нашими врагами. Так как, к сожалению, вы были поражены газами, то внешний вид ублюдков вам незнаком.

Майор уселся на свой стульчик, в стороне от экрана, и дал сигнал киномеханику к началу демонстрации.

Сначала мы увидели холмистую голую местность. Точка зрения камеры была расположена очень низко — будто оператор выглядывал из траншеи или ямы.

Далеко на горизонте появилась цепочка людей, вооруженных короткими копьями и мечами. Они бежали к нам, проваливаясь в ямы, перепрыгивая через канавы,— вся полоса их наступления была перекопана.

Хоть экран находился в раковине эстрады, в полутьме, все же видно было так себе. Лишь когда нападающие приблизились метров на двадцать, я сделал для себя удивительное открытие. Это были не люди!

Должен сказать, что это открытие повергло меня в шок.

Я готов был увидеть негров, китайцев, австралийских аборигенов — кого угодно, но не инопланетных существ, не исключено, что и роботов, с металлическими, золотого цвета головами, в которых были косо прорезаны щели, а рты растянуты в постоянной злобешей улыбке.

По залу прокатился шум, и кто-то выругался.

Камера уткнулась в рожу одного из пришельцев, и она все росла и росла, пугая своей блестящей неподвижностью, а отблеск дергающегося в его лапе меча падал на щеки.

Только когда ублюдок...— а майор все время повторял, как испорченная пластинка: ублюдок, ублюдок, ублюдок...— приблизился настолько, что его лицо заняло половину экрана, я понял простую штуку — это не лицо. Это маска. Металлическая маска, причем изготовленная грубо и позолоченная,— в наши дни люди не ходят в атаку в

масках — заставила меня поверить в пришельца, инопланетянина, чудовище.

Но то, что стало ясно мне, остальным в зале не было очевидно.

Они были напуганы и постепенно замолкли, благо, что майор включил музыку. Это был музыкальный фон для врага, для ублюдка — он был настырен и всепроникающ, как мелодия немецкого марша из Седьмой симфонии Шостаковича. Но основную мелодию вел барабан, и лишь взвизгивала флейта, как будто зайчонок при виде волка.

Камера прошла по лицам шеренги наступающих врагов, и одинаковость масок убедила уже не только меня в том, что эти люди скрывают свои лица, а судя по их рукам, походке, фигурам, облаченным в короткие плащи и широкие штаны вроде лыжного костюма моего дедушки, они относились к племени людей.

По летнему театру пронесся вздох облегчения — пугали, пугали, а оказалось шуткой.

— А чего они? — спросил кто-то.

— Лица их столь отвратительны, — быстро ответил майор-идеолог, — что они их скрывают от нас.

— Нет, — твердо возразил незамеченный мной раньше невысокий, плотный, даже скорее грузный, парень с крикной, в бурость, рожей алкоголика, которая некогда была вполне умным и, возможно, даже с тонкими чертами лицом. Его курчавые волосы были тронуты ранней сединой и казались серыми. — Когда я страшен, я маску напяливать не буду — вы меня таким бойтесь, как я есть. А маска, она, если присмотреться, не страшная.

— Давайте не будем обсуждать эту проблему сейчас, — рассердился майор. — Для кого красивые, а для кого некрасивые. Факт есть факт — узнавание им неприятно.

— А наши как? — спросил тот же парень. — Наши маски для них красивые или нет?

— Твоя фамилия как? — спросил майор.

— Моя фамилия Зоркий. И зовут меня Ким. То есть коммунистический интернационал молодежи. А что это значит, спросите у моего папаши.

— Я отметил твоё замечание, рядовой Зоркий, — сказал майор, делая пометку в своём черном блокнотике. Неуловимым движением фокусника он вытаскивал этот блокнотик откуда-то из рукава и писал в нём золотой маленькой ручкой — чуть больше спички.

— Но вы не ответили на вопрос, — сказал Ким.

Мне он все больше нравился.

— Я отвечу отдельно, в личной беседе, — сказал майор. — А теперь прошу вас внимательнее взглядеться в форму одежды, вооружение и общий вид нашего противника. Его образ должен запечатлеться в сознании навсегда.

Следующее занятие с нами вел человек из штаба. Тот самый усач во френче, который нас встречал. Он представился начальником армейской разведки.

Мне он показался человеком нормальным, с узким усталым лицом, к которому пошло бы пенсне. Нарушали этот образ свисающие по сторонам рта светлые усы.

Мы сидели в нашей столовой, он расстелил на столе большую карту и пытался выяснить, кто из нас имеет опыт работы с картой. С картой здесь сталкивались все, кроме самых тупых. В конце концов, мы ветераны, а не новобранцы. За каждым есть дела покруче тех, что снились нашему идеологу-майору.

Я старался понять, насколько карта соответствует действительности. Для обучения порой используют — везде, даже в настоящих штабах — условные карты. И штабные игры можно устраивать на них. На самом деле этой деревни Переплюевки и речки Ремейки на свете не существует, а высоту Кривую можно взять лишь в воображении.

Карта была крупномасштабной, на ней читались даже траншеи и отдельные укрепления, три или четыре деревни, река с притоками, стандартно указывалась высота холмов и крутизна речной долины, дороги, большей частью проселочные. Лишь одна дорога проходила прямо через всю карту — это было шоссе, превращавшееся прямо у обреза карты в улицу окраины города. К сожалению, самого города на карте не оказалось. Он был на другом листе.

Как я и предполагал, карту читали почти все. Не считая мужичка, который либо никогда не видел карт, либо умело

притворялся. И Цыгана. Но я думаю, что он еще не пришел в себя.

Ким был сдержан, как будто не хотел открываться больше, чем нужно. Благо, в основном вопросы были простыми, они касались условных обозначений, масштаба и прочих пустяков.

Затем штабист как бы начал повторять вопросы, но теперь каждый таил в себе маленький подвох. И передо мной сразу стала проблема: показать, что я понял его игру, или остаться в положении рядового необученного. Сначала вопрос был задан незаметному мужичку, который сразу попался в ловушку. Я взглянул на Кима. Зоркий глядел на палец мужичка, бессмысленно бродивший вдоль линии укреплений, и я вдруг понял, что его беспокоит та же проблема, что и меня, — выдавать себя или затаяться.

В то же время я рассуждал: сейчас идут испытания не для того, чтобы от нас избавиться. Те, кто хорошо стрелил из лука, получили луки и стали стрелками, очевидно, но пали в элиту этого войска.

Штабист с печальным лицом вряд ли хотел выявить среди нас офицеров и тут же их расстрелять. Может быть, наоборот? И скорее всего, наоборот — ему требовались младшие офицеры, у которых в памяти сохранились правила игры.

Дошла очередь до Кима.

Ким выслушал вопрос и с вежливой улыбкой отказался принять шоссе за железную дорогу и осмелился поправить разведчика, который откровенно ошибся на порядок в определении расстояния между позициями.

Ну что ж, подумал я. Последуем его примеру.

Что я и сделал. Притом, руководствуясь старинной наукой, которая некогда именовалась физиогномистикой, постарался быть похожим в глазах штабиста на его сына, если таковой имеется, и на мечту о его сыне, если такового нет.

Разведчик ничем не выдал овладевших или не овладевших им чувств. Помимо нас испытание в азах штабных дел выдержал розовощекий комсомолец. То есть он мог и не быть комсомольцем, но его рожа так и просилась на плакат.

Так прошли сутки.

Я не могу сказать точно, так как часы у нас отобрали на входе в эту обитель, и когда кто-то, очнувшись, попытался напомнить о часах, ему обещали их вернуть, когда будет можно. Из этого я сделал заключение, что здесь свои понятия о времени.

И все же у меня было ощущение прошедших суток, может, от страшной усталости в мозгу — нас опустошали, проверяли, наполняли, провоцировали, учили почти беспрерывно. Разок нас покормили — в том же зале, где мы должны были ночевать, покормили скудно — кашей с жидким чаем. Но и каша и чай были безвкусны, хотя это не вызвало ни у кого возмущения — во мне, да и, наверное, в остальных не было тяги к пище. Поели — и Бог с ним, забыли.

Потом я помню, как в перерыве между занятиями либо беседами мы сидели в рядок на скамейке, протянутой вдоль стены нашей казармы. Кто-то курил. Мне курить не хотелось. Вообще-то я курю, особенно когда переживаю. А сейчас не хотелось.

Ким, сидевший рядом, произнес, глядя перед собой:

— Странно. Я знаю, что у меня в городе мать осталась. Точно знаю. А не могу ее вспомнить. Я стал бумажник искать — потом вспомнил, что, когда мы уезжали на это задание, у меня отобрали бумажник. У тебя тоже?

— И у меня.

— Жалко. Я не думал, что мы будем так близко от нашего города.

— А ты помнишь, как раньше воевал?

Ким нахмурился. Почесал серые, тугие космы, посмотрел на меня — глаза у него были прозрачно-зеленые, ослепительные глаза. На такой испитой роже и такие чистые глаза!

Он должен был бы спросить сейчас — где раздобыть выпивку. Но он не спрашивал об этом. Как будто и у него желания угасти.

— Раньше воевал? — повторил он мой вопрос. — Наверное, воевал. Я же многое помню, какие-то вещи — несвязные, но помню.

— Можно, дам совет? — спросил я.

— Давай.

— Может, здесь не стоит рассказывать о том, что всю минаешь.

— Здесь особый случай. Мы не на чужого дядю пашем, мы свой дом защищаем.

— Правильно,— согласился я.— Свой дом.

Он верил.

В наши головы, спасибо Якову Савельичу, что сделали во мне шторку, введено убеждение в том, что мы — последний рубеж на пути врага к твоей родной хате. Хорошая идея. Уже ради нее стоило отправиться в этот вояж.

Наконец-то какая-то умная голова придумала вариант идеального наемника. Он сражается не за деньги, не за какие-то там привилегии — он стоит за святое дело! Ну просто чудо, какая умная голова!

— А я помню,— сказал Цыган. Он молчал сегодня весь день, а тут вдруг заговорил.— Я сестренку помню. Ее убили. Бомбежка была, и убили, истребители прилетели.

Эй, Цыган, хотел я остановить его. Надо помолчать. По тому, что мне пришлось здесь увидеть, никаких технических средств ведения войны здесь не наблюдается. Лук, стрелы, меч, какой-то дракон, что-то о воздушном шаре и зажигательной бомбе — странное сочетание терминологии наших дней, полевых карт, кинопроектора... кстати, а как же крутился кинопроектор? Я постарался вспомнить. Изображение двигалось неровно, рывками, а сзади стоял человек и крутил ручку,— конечно, он крутил проектор вручную. Но откуда появлялось изображение на экране? Значит, какая-то лампа в проекторе была. Станный мир, мир-ублюдок. Как будто мир будущего — мир после атомной войны, разваленный, расколотый, скатившийся к дикости и в то же время сохранивший в чем-то память о своем прошлом и цепляющийся за эти реалии.

Эта идея мне показалась плодотворной, и я принял ее в качестве рабочей гипотезы. Теперь посмотрим, насколько она ложится на то, что происходит вокруг.

Впрочем, решение такой задачи найти нетрудно. Для этого надо увидеть все, что осталось от прошлого. И в первую очередь город — тот город, который мы защищаем

и который, как нам уже вдолбили в головы, наш родной дом.

Я посмотрел вокруг — из местного начальства никого не было, и никто не слышал слов Цыгана, которые могли оказаться крамольными. Из всех лекций и бесед я вынес заключение, что некоторые достижения цивилизации, которые мы воспринимаем как должное, здесь не только не существуют, но знать о их существовании не следует. Так что лучше Цыгану молчать.

Ким сообразил раньше меня.

— Цыган, — сказал он. — Ты бы помолчал.

— Почему?

— А потому, что самолетов не бывает.

— Чего не бывает? — спросил мужичок из мелких гномов.

— Вот видишь, — вмешался я в разговор, — знающие люди сомневаются.

Опять замолчали. Потом справа от нас заговорили о бабах, — видно, это существует в подкорке, и этого стирать не стали.

Ким Зоркий тихо спросил меня:

— А ты помнишь самолеты?

Я пожал плечами.

— Черт знает что, — сказал Ким. — Вот есть ощущение.

Близко — еще чуть-чуть и соображу.

— Не надо соображать, — сказал я.

— Ты уверен? — спросил Ким.

— Кому-то надо верить, — сказал я. — Если хочешь, можешь верить майору-идеологу. Или Шейну. Или мне.

— Понял, — сказал Ким.

— И поменьше выражай свое мнение. Сначала мы с тобой должны понять, куда попали и что им от нас надо.

— Ну куда попали — это ясно! — сказал Ким уверенно.

Боюсь, что работа с ним будет труднее, чем казалось.

— А ты пьешь много?

— Очень, — сказал Ким.

— А что же здесь не пьешь?

— А что пить?

— Алкаш всегда найдет.

— Алкашом меня не называй. Не люблю,— сказал Ким Зоркий.— Алкаш пьет по обязанности, а я для морального удовлетворения.

— Давно придумал?

— Давно,— согласился Ким.

Пришел Шейн и с ним еще один военный, кажется, тот, кто крутил ручку проектора.

— До этой минуты,— сказал разведчик после того, как мы построились,— вы были безымянными солдатами. И если бы кто-то из вас погиб, на его могиле пришлось бы написать «неизвестный солдат». Теперь наступил момент возвращения вам имен. Каждый из вас может попасть в плен к ублюдкам. Мы с вами вчера видели фильм о том, что они делают с теми, кто попадает к ним в плен...

Шейн сделал паузу. Фильм этот показывали.

— Следовательно, каждый теперь получает псевдоним. И даже если вас будут пытаться, вы не скажете настоящего имени. Для этого...— Шейн шелкнул длинными грязными пальцами, и солдат-киномеханик передал ему пачку пластиковых карточек на веревочках.— Это ваши опознавательные знаки. Вы повесите их на шею. И запомните ваши имена. Каждый из вас имеет право на имя. Я внимательно наблюдал за вами и понял, что своих имен вы не помните. Так что временно вы получите условные имена, которые называются псевдонимами. Они придуманы не случайно. Некоторые произошли от ваших внешних качеств, другие возникли эмоционально... Слушайте и смотрите...

Все молчали, не понимая смысла этой угадки.

— Цыган,— сказал граф Шейн.

Все обернулись к Цыгану. И в самом деле, его уже так для себя так называли.

Цыган почувствовал внимание, обращенное к нему, и сделал шаг вперед.

Шейн взял у киномеханика табличку и повесил ему на шею.

— Твое официальное имя Цыган. Ясно?

— Так точно!

Любопытно, что Киму дали кличку Кудлатый. Мне хотелось сказать, что его никто так звать не будет. Оказалось, что я ошибся. Кроме меня, все его звали Кудлатый.

Меня называли Седым. И на табличке уже было выдано: «Седой». Я не возражал — это имя не хуже других.

После того как завершилась раздача имен, Шейн сказал:

— Все вы определены в первый полк. Там особенно тяжелые потери. А направление ответственное.

Из-за угла казармы вышли три человека. Двое в касках, нашего возраста, с нашивками и галунами. Один с кое-как обритой головой. Все без масок, так как мы в тылу, в учебке. Шейн обратился к бритому, сутулому и немолодому и, видно, перманентно мрачному:

— Капитан Дыба, принимай пополнение в свой батальон. Ребята хорошие, обстрелянные, готовы положить жизнь за родину и своих близких. Двоих я рекомендую тебе на должности младших комвзводов. Конечно, ты их натакаешь. Но они могут, я проверял. Притом все трое хорошие стрелки.

— Не люблю я этого, — сказал капитан Дыба. — Или они стрелки хорошие, или младшие командиры. У меня и тех и тех не осталось.

— Вот и будут тебе и те и те, — отмахнулся Шейн. Потом обернулся к нашему строю и приказал: — Кудлатый, шаг вперед!

Ким вышел вперед. Дыба подошел к нему и стал осматривать как лошадь. За ним к Киму подошел один из молодых офицеров — он мне понравился с первого взгляда. Бывают такие острые, птичьи, но в то же время сильные лица. У него был крепкий, с горбинкой, нос, полные губы, очень четкий раздвоенный подбородок и карие птичьи глаза. Пожалуй, его лоб был узковат, да залысины указывали на то, что он довольно скоро облысеет. Хорошее, открытое лицо.

— Седой, шаг вперед.

Я задержался на секунду — пока не вспомнил свое новое имя.

— Вот эти двое будут служить у тебя в батальоне, — сказал Шейн.

— Я возьму Седого,— сказал молодой офицер с горбытым носом.

— Бери, Коршун,— согласился Дыба.— А Кудлатого и отправлю во вторую роту, пускай пока заменит комвзвода. Там совсем плохо.

— Я тебе еще двух стрелков дам,— сказал Шейн.— И шесть рядовых.

Так нас развели по взводам и ротам. И я попал командиром практически несуществующего взвода в роту, которой командовал человек по прозвищу Коршун.

Когда мы небольшой группой, кое-как одетые и почти невооруженные, спешили за мускулистым Коршуном в ряс положение его роты, я разглядывал местность вокруг и старался прийти к каким-то выводам, хотя сделать это было почти невозможно.

Мы шли по глубоким канавам, осыпавшимся траншеям, проходили через неглубокие квадратные или длинные ямы, потом взбирались на оплывшие брустверы или неровные холмы и холмики. Порой перед нами открывался вид вперед — такие же траншеи, слева начинался пологий склон большого холма, вершина которого утопала в тумане, и справа виднелись развалины и груды бревен, сучьев и досок, за которыми поблескивала река.

Когда мы поднялись на холмик, который господствовал над местностью и с которого было видно далеко вокруг, Коршун остановился и сказал:

— Теперь, ребята, давайте познакомимся с диспозицией. Перед нами противник.

— Далеко? — спросил мужичок с угорскими скулами.

— Не так далеко, вон в той траншее они уже сидят. До той траншеи было метров двести, не больше.

— Они же нас видят,— взволновался комсомолец, получивший прозвище Ваня.— Они же стрелять будут!

— Не будут,— сказал Коршун.— Сейчас небоевое время

— А когда будет боевое время? — спросил Ким.

— Нам скажут,— ответил Коршун.— Придут из штаба полка и скажут.

Нет, он не хотел ничего от нас скрывать — мы были теперь его товарищами по оружию. Но очевидное командиру нашей роты не было так же ясно и для нас.

— Справа,— продолжал Коршун,— развалины санатория и за ними речка. Туда лучше не ходить. Плохое место. Я как-то туда попал — чуть со страху не помер.

— А что там? — спросил я.

— Я потом расскажу... привидения там. И так далее.

Меня удивил Цыган. Он вдруг спросил:

— А когда ночь будет?

— Ночь? — Ответ на этот вопрос оказался для Коршуна затруднительным.— Ну, когда будем спать, тогда и ночь будет.

— Здесь какая широта? — спросил я. Я уже понял, что наша война будет идти за Полярным кругом и это — полярное лето. А может быть, я старался убедить себя, чтобы не пугаться. Лучше выяснить, чем растеряться.

— Широта нормальная,— ответил Коршун, и я понял, что он так же, как и мы, запрограммирован.

— Значит, здесь война идет по расписанию? — спросил Ким с язвительной улыбкой.

— Иначе нельзя,— ответил Коршун.— Иначе не положено.

— Почему? — спросил Ким.

— Потому что людям надо отдыхать, мыться, есть, бриться — жить надо.

— Так на войне не бывает,— сказал Ким.

— А ты откуда такой ученый? — Командир роты был недоволен. Глаза сузились, губы поджаты.

— Потому что я уже воевал,— сказал Ким.— И потому что, как я понимаю, наша цель — выгнать этих ублюдков и отстоять город. Так или не так?

— Так-то так, да с командиром иначе разговаривают,— сказал Коршун.— Я на тебя стучать в штаб не буду, но если ты будешь и дальше всякие штучки вытворять, то верну тебя в учебку. Ясно?

— Ты меня не учи,— сказал Ким,— я тоже ученый. Я сюда воевать приехал, а не расписание изучать. Не бывает на фронте боевых периодов или как ты их там называешь.

- Боевое время,— сказал Коршун.
- Значит, надо воспользоваться,— сказал Ким.
- Как воспользоваться?
- Они там, ваши ублюдки, тоже соблюдают боевое время? — спросил Ким.
- Разумеется.
- Так вот, пока они сидят и кушают свои котлеты, надо по ним ударить.
- Нельзя,— сказал Коршун.— Когда нет боевого времени, бить нельзя.
- Тогда вы никогда не победите. Так и город своим отдадите.
- Не валяй дурака, комвзвода,— сказал Коршун.— Ты думаешь, если тебя назначили младшим командиром, значит, ты уже революцию здесь можешь совершить? Здесь особые условия, в таких тебе еще не приходилось сражаться, к тому же ты отравленный газами и многое не помнишь. Но рассуди спокойно — если мы не будем соблюдать боевое время, они тоже не будут его признавать, тогда в боевое время не останется сил, чтобы воевать. Какая же это, к черту, война?
- Война — это когда убивают,— сказал Ким,— а не когда играют в игру по правилам. Это в футболе свисток за свистел — и пятнадцать минут перерыва. Чтобы зрители смогли мороженого поесть.
- Не сравнивай. Мы погибаем. Но война имеет свои законы. Сам поймешь.
- Я внимательно прислушивался к их спору, остальные новенькие смотрели вокруг, им было не по себе на таком открытом месте. И, я полагаю, они предпочли бы, чтобы прав оказался Коршун, командир роты.
- Если вы посмотрите вперед, подальше вперед,— продолжал между тем Коршун,— то вы увидите справа, вот там, как раз за линией фронта, низину, большую низину.
- Это где столбы стоят? — спросил комсомолец Вани.
- И колоды. И... присмотришься внимательно — видишь ямы? Там лежат трупы.
- Что это? — спросил я.— Там был бой?
- Нет, еще недавно эта низина была у нас в тылу. Это место называется Долина справедливости. Только никто ее

так не называет. Ее мы называли долиной казней или низиной смерти. Здесь казнили дезертиров и других преступников. Даже моего бывшего комроты Шундарая... казнили. Так что вы не думайте, что мы здесь играем в футбол с перерывами. Если вы совершите преступление, то кончите жизнь в долине казней. И казни бывают плохими. Здесь и четвергуют, и вешают, и расстреливают. И от этого зависит, кем ты родишься завтра.

— Я уже родился,— сказал Цыган, вовсе не испуганный и не подавленный видом этой низины.

— Я имею в виду перерождение,— сказал Коршун.— Вам еще не объясняли?

Я отрицательно покачал головой.

— В штабе они все с ума посходили. Они думают, наверное, что если вас из газа вытащили, то вы помните о перерождении. Ну ничего, сегодня будет патер-лама, он придет, чтобы освятить новые окопы.

Это сообщение никого не удивило.

— А дальше что? — спросил Ким.— Вон там, справа от низины казней?

— Там был наш лазарет, полковой лазарет.

— И что?

— Когда ублюдки наступали, они перебили раненых и докторов, а санитарок увели.

— Зачем? — спросил Цыган.

— Зачем наших женщин уводят? Чтобы измываться. Вот зачем.

— А почему вы отдали лазарет? — спросил Ким.— Почему вы не вывели их в безопасное место?

— В тот момент я был далеко. Если бы знал... но я же не могу все знать!

Коршун почти прокричал последние слова. И я понял, что гибель лазарета связана у него с личной бедой. Может быть, там добили его друга, может быть, среди санитарок у него была девушка... я это узнаю, время будет.

— Мы отступили,— сказал Коршун.— Людей мало. И воздушных шаров нет, чтобы на разведку полететь. Они прорвали наш фронт. Но теперь мы накопим сил и отберем эти позиции.

— Тех, кто погиб, не вернешь,— сказал я.
— Все бывает,— сказал Коршун.
— А новый лазарет будет? — спросил я.
— Его в безопасном месте устраивают,— сказал Коршун.— Впрочем, нам некуда дальше отступить.

Коршун обернулся.

Я обратил внимание, какой изысканной работы рукоять его меча, а металлические ножны украшены чеканкой, чуть напоминающей скифский звериный стиль.

— Я точно не знаю, где будет лазарет. Но наверное, или там, за грядой. Иначе бы мы увидели.

— А можно туда будет сходить? — спросил я.

— Это зависит от того, сколько времени осталось до боя,— сказал Коршун.— Черт их знает. Обычно промежутки стандартные — но бывает, несколько дней проводим без боя, а порой два боя в день. Разве угадаешь?

— И никакой системы?

— Есть система, мы с Шундараем обсуждали...— но она нарушается. Может, нарочно.

— А кто решает?

— Черт его знает! Штаб фронта! Или Господь Бог!

Коршун не стал продолжать эту тему, он рассматривал тылы. Отсюда, сверху, я смог рассмотреть скопление сараев и пакгаузов, в которых была наша учебка, и даже переплетение рельсов, схожих издали с рассыпанной по земле связкой прутьев. Мне было ясно, что этими рельсами давно не пользовались, и на путях было пусто,— Впрочем, вдаль я разглядел несколько платформ, но не был в том уверен, потому что по земле полз бесконечный, светлый, но не белый, мышинный туман, и даль скрывалась в его пелене. Когда Коршун сказал нам, что там, за туманом, за станционными путями, и лежит столица, то пришлось признаться, что, пока не распогодится, мы города не увидим и мне не удастся сделать никакого вывода о том, что за горки мы так отчаянно защищаем и считаем своей родиной.

— С нами была девушка,— сказал я.— По приезде ее от нас отделили — как вы думаете, куда она могла попасть?

— Я думаю, что они срочно новый лазарет делают, сказал Коршун.— Ведь начнется боевое время, а мы вообще

без лазарета, так у нас даже легкораненные помрут от заражения.

— А где этот лазарет будет?

— Где-то поблизости, — ответил Коршун.

— Но можно будет узнать?

— Все можно будет узнать. Потом мы к Дыбе завалимся, посидим, надо же как-то познакомиться, поговорить. Дыба может знать.

— Это командир батальона? — спросил Ваня.

— Вот именно.

Я еще раз посмотрел назад, где в тумане скрывались рельсы, где был лазарет, Маргарита и сам город, куда мне хочешь не хочешь надо пробираться.

Можно считать, что мне повезло, — я получил офицерский чин, возможно, это даст мне чуть большую свободу. Главное — пока, первое время, быть послушным и вне подозрений. Опасным для меня был не Коршун, а Шейн и майор-идеолог.

Но оказалось, что опасность разоблачения исходила от патер-ламы.

Когда мы спустились в широкую траншею, которая, видно, служила уже не первому поколению солдат, я утвердился в мысли, что мы попали в некое подобие Вердена — того поля сражения Первой мировой войны, которое множество раз переходило из рук в руки и где не осталось ни одного живого дерева, ни клочка земли, который не был бы перекопан воронками от снарядов и лопатками саперов.

Сколько же лет идет эта война?

Какой-то давно читанный фантастический роман о бесконечной третьей мировой войне возник в памяти, но я никак не мог вспомнить деталей. Только помнил я, что сначала они сражались, используя танки и самолеты, потом кончилось топливо, кончились патроны, были уничтожены все заводы, да и знающих людей не осталось. В конце книги враги уже дерутся дубинками, душат друг друга голыми руками... но война никак не может закончиться.

Ясно, что образ, придуманный писателем, гиперболизирован. Но ведь в принципе это же происходит и здесь.

И две последние платформы на пустых проржавевших путях, пакгаузы и станционные здания без крыш — разве это не вещественное выражение той страшной сказки?

Я должен попасть в самое сердце этого мира, понять, что же происходит, и главное — разыскать и освободить Маргариту, которая потеряла из-за меня своего любимого мужчину.

— Пошли дальше, — сказал Коршун. — Я покажу вам расположение взводов. Пора приживаться.

Оказывается, у меня был свой блиндаж — квадратная яма глубиной два метра, для меня и моего помощника. И помощники мне Коршун выделил ротного старшину Мордвина.

У длинной траншеи, в которой можно было проходить, не сгибаясь, нас встретил здоровый мужик на деревянной ноге — ну точно как стивенсоновский пират, только без попугая на плече.

Его звали Мордвином. Он и провел меня в мой взвод, а Коршун занялся Кимом.

Мой штаб или, вернее, моя нора была подметена, у стены стояла лежанка, покрытая одеялом. У другой стены находилась еще одна лежанка, но уже без одеяла, на которой должен был спать Мордвин.

В моей яме еще стоял колченогий стол, под ножки которого не было смысла что-либо подкладывать, — они просто были заглублены на разную глубину в твердый земляной пол блиндажа. Простите, но офицерам унижительно таиться в яме, так что я назвал свою яму блиндажом. Ни конец, рядом с лежанкой стоял старый сундучок.

Затем Мордвин загнал ко мне в яму весь мой взвод. Четыре человека, усталых и грязных до умопомрачения, зато вооруженных до зубов, были остатками взвода, уцелевшими после последнего боевого времени.

Еще шесть человек я получил из меховского пополнения, но об этом я никому не смел сказать, так как мои подчиненные были убеждены, что их родина лежит в тылу. А я знал, что там Меховска нет.

Солдаты расселись на полу, я сел на лежанку, и тут пришел сам господин патер-лама. Он действовал в области идеологии, но на более абстрактном уровне, чем майор-идеолог.

Патер-лама оказался мелким старикашкой с бородкой, как у Хо Ши Мина, и лысенький до стеклянного блеска. Лысину он скрывал под оранжевым колпаком, правда, она была такой скользкой, что колпак постоянно съезжал с нее, и тогда в глаза бил лучик от невероятно отполированной поверхности.

Наверное, он был лысеньким с детства или с юности, у него никогда ничего не получалось с женщинами, они начинали сразу смеяться и не разрешали себя трогать руками.

Я не имел ничего против встречи с представителем местной религии. Даже полезно. Правда, остальные ребята стали кривиться, а некоторые улыбались, и конечно же патер-лама накалялся как чайник, ноздри раздувались, а короткие тонкие конусы пальчиков нервно бегали по застежкам красного, до полу, халата — форменной одежды.

Патер-лама отодвинулся от нас на солидное расстояние и сердито и быстро, словно проговаривал постылый урок, начал:

— Вы все позабыли. Из-за этого мне пришлось оторваться от моих ценных занятий и прервать медитацию. Думаю, что с вашей стороны это неблагородно. Именно так.

Он посадил на место съехавший колпак и неожиданно спросил:

— Кто из вас помнит, что такое медитация?

Никто из нас об этом не помнил. Я читал, но не стал в этом признаваться.

— Если не притворяетесь... если не притворяетесь... — повторяя эту фразу, он бегал вокруг нас, заглядывая в глаза, и надо сказать, я встревожился. Этот патер-лама обладал острым и злобным взглядом. — Все, что вы сделали! — кричал он. — Все, что вы смогли совершить хорошего или плохого, все это суммируется!

Он сложил ладони горсточками, будто поймал птичку, и даже заглянул в горсточку — каково там птичке?

— Вся ваша жизнь, великая или ничтожная, а у нас большей частью ничтожная, уместается в этой сумме. Ты спас родину — и тебе прибавляется доброе деяние, ты продал ее, — тут он почему-то разнял руки и сунул свой пальчик прямо мне в физиономию, — и тебе там... — он показал в небо, — записывается минус! И так на всех уровнях бытия. Не наступи на муравья, иначе ты получишь минус!

— Ма-аленький, — сказал Цыган с серьезным лицом.

— Кто сказал «маленький»?

— Я сказал, — ответил Цыган.

— Ты что, не веришь в то, что я тебе говорю?

— А вы договорите до конца, потом посмотрим, — сказал Цыган.

Цыган недооценивал патер-ламочку, у меня же в груди постукивал предупредительный сигнал — с этим лысенским надо быть осторожным.

— Может, ты принадлежишь к какой-нибудь другой религии? — спросил лама. — Может, ты — мусульманин?

— А это плохо? — спросил Цыган.

— Предупреждаю, — сказал патер-лама, — я вынужден буду предупредить об этом командование части. Мы не можем допустить сомнений. Сомнения ведут к предательству. И нет ничего страшнее, чем ислам. Запомните вы, дети земли и неба, песчинки в водовороте бытия, что человек, несущий в сердце семена ислама, обречен на вечное существование в виде червя, ползущего сквозь теснины подземелий. Ясно?

Ответа он не получил. Ни черта нам не было ясно.

Коршун, который услышал, как поднялся почти до крика голос проповедника, появился за спиной ламы, уселся на бруствер на корточках, как принято сидеть на Востоке, а у нас сидят только заключенные. Он слушал, по-птичьему склонив набок голову. Как он появился, мне сразу стало легче. Он знает, как сладить с новым идеологом. Перебор их был для меня очевиден. А я привык с детства, что, как только обнаруживается перебор пропагандистов и агитаторов, значит, готовится какая-то подлянка. Мой детдомовский опыт сурово подсказывал: бойся лишних идеологов.

— Значит, быть нам червяками,— согласился Цыган. Не стоило ему сердить лысого дедушку.

— Не только червяками!

Почему-то лама был в бешенстве. И тогда Коршун громко сказал сверху:

— Патер-лама, не волнуйся. Они же все забыли. Они под газ попали. Нам с вами хорошо, мы знаем, нам сказали, им все снова надо начинать.

— А, и ты здесь! — патер вовсе не обрадовался Коршуну.— Ты еще живой?

— Не только живой, но и стал большим командиром. В этом существовании мне пока везет.

— Но некоторые из них,— произнес лама тихо,— на самом деле притворяются. Они не теряли память, понимаешь? Это — исламские шпионы!

— Ну уж!

— Я знаю. Я чувствую! Они и не скрывают. Вот ты скажи, ты веришь в перерождение?

Он смотрел на Цыгана.

— В хорошую бутылку верю, а больше ни во что,— сказал Цыган.

— Это не преступление, патер-лама,— сказал Коршун.— Я иногда тоже ловлю себя на такой мысли. Только здесь у нас, ребята, и нечего выпить, и не хочется.

Вот это было горькое и неприятное открытие для моих спутников. Они не скрывали своих чувств.

— Молчать, молчать, молчать! — закричал лама.— Иначе я вызову спецслужбу!

— С тебя станется,— сказал Коршун и прыгнул вниз. Он встал рядом с патер-ламой и оказался на две головы выше. Патеру это не понравилось, и он быстро отступил в сторону.

— А почему ислам — это плохо? — спросил я.

— Потому что ублюдки — мусульмане,— ответил Коршун.— Это проверено. Так что если ты мусульманин, значит, пробрался к нам со шпионскими целями.

— Значит, мне нельзя верить во что хочу?

— Верь в свою мамашу,— ответил Коршун.— Но с предателями у нас здесь строго. Мы — буддисты-идеалисты.

— Так разве ты не видишь, Коршун,— закричал патер лама,— что этот самый...

— Меня Седым прозвали,— сказал я.

— Этот Седой к нам подослан!

— Это мы без тебя посмотрим.

— Его надо пытаться,— потребовал патер-лама.— Его надо отдать на пытку.

— Послушай, уважаемый патер-лама,— устало сказал Коршун.— У нас на носу бой. Когда кто погибнет, ты и проверишь, кто кем стал. А пока мне люди нужнее здесь, чем в пыточной.

— Пускай пока будет по-твоему,— согласился патер лама, хотя так, конечно, не думал,— но я считаю своим долгом доложить.

Затем, переведя дух, патер-лама изложил нам скучным голосом религию нашего детства. По крайней мере, мы должны были в это поверить. Это и в самом деле был примитивного вида буддизм. Мне непонятно, кто и почему выбрал для наемников именно буддизм, но я покорно выслушал идеи о том, что ничто на свете не умирает и не исчезает. Со смертью мы рождаемся вновь — в образе существа, характер и положение которого в обществе точно соответствует тому, много ли ты грешил или совершал добрые дела. Перевесили плохие дела — стал ты паршивым псом, перевесили хорошие — господином полковником или даже королем. А уж еще лучше — самим патер-ламой.

Я предположил — да не у кого было спросить,— что буддизм здесь придумали для того, чтобы не заниматься похоронами или устраивать церкви. Ты погиб, а там судьбы разберется. Потом придумали еще дракона, которого никто не видел, вот и вся мифология. Остальное — дело твоей фантазии.

Из этой лекции я узнал другое, нечто более важное для моей миссии: наши враги, по крайней мере так утверждает патер-лама,— мусульмане. Значит, мы должны сражаться где-то на Северном Кавказе. А может, и за его пределами. Но вряд ли за границей — уж очень обычен здесь русский язык.

Тогда моя теория о том, что я попал в будущее, получили косвенное подтверждение. Именно в какой-то завтрашней

войне и мог возникнуть локальный конфликт на окраинах бывшей империи. Вот и сражаются год за годом, перегоняя друг друга из траншеи в траншею. А так как эта война совершенно нелегальная, то и собирают людей по ветеранским организациям.

Тогда получает объяснение метод мобилизации. Вместо того чтобы объяснять каждому кандидату, что он должен участвовать в чем-то за гранью закона, его просто заставляют все забыть.

Для этой цели лучше всего подходят именно ветеранские союзы или группы в провинции. Туда попадают молодые люди, смертельно больные войной. И раз им не с кем воевать, они тянутся друг к другу.

Остается только установить связи с их руководством. С каким-нибудь Порейкой, который спит и видит, как бы продаться. Не исключено, что в этих делах замешаны и высокие чины, — в сущности, мы имеем дело с работоторговлей или видом торговли оружием. Только его одушевленной частью. И эта одушевленная часть становится неодушевленной.

Стоп. Логика подсказывает пути самые обычные, а в нашем мире это опасно. Если ты видишь что-то откровенно яркое, зовущее и вполне доступно лежащее на земле, то остановись в отдалении и подожди, пока игрушку поднимет твой злейший враг. Так учил меня Сенька Клоп, беда нашего детдома. Каким-то чудом он попал в Карабах еще в те времена и видел такие игрушки-ловушки, может, сам в них играл. Впрочем, и это может быть легендой, типа «белых колготок», которые возникали в различных конфликтах. «Белые колготки», красивые девки — мастера спорта по стрельбе, почему-то из Литвы. Я о них наслышался в свое время, правда, ни одной из них не поймали, хотя с наслаждением ввали о том, как перед расстрелом каждую пропускали сквозь взвод.

Патер-лама стал собираться — он был нами недоволен, и я подумал, что, если здесь есть свои чекисты, он первым делом побежит им докладывать.

— Вы с ним поосторожнее, ребята, — сказал Коршун нам с Цыганом, — подлая натура.

— Таких в конце концов на мину сажают,— сказал Цыган.

— Мы тут этими штучками не занимаемся,— ответил Коршун.— У нас и без него врагов довольно. Если горд не защитим, то ублюдки знаешь что с нашими сделают?

— Представляю,— сказал Цыган.

Но видно, он не очень представлял.

— А курево выдают? — спросил он.

— Можешь взять — в том ящике лежат. Только здесь курить не хочется.

— Почему? — спросил Цыган.

— Наверное, нервное напряжение,— сказал Коршун.— Или климат. Хрен его знает.

Я пошел наружу, посмотрел, как устроились мои люди. Перед уходом я задал один вопрос Коршуну:

— А почему здесь крыш нет?

— Потому что дождей не бывает,— ответил Коршун неуверенно. Видно, сам задавал себе или кому-то этот вопрос и не смог получить ответа.

— Я не про дождь,— сказал я.— А что, если они нас бомбить будут?

— Вряд ли,— сказал Коршун.

— Давай сами сделаем, бревен вокруг много, насыплем сверху земли.

— А то дождик в любой момент пойти может,— добавил Цыган, запустив пальцы правой руки в лохматую шевелюру.

— Отставить пустые разговоры! — прикрикнул на нас Коршун. Словно мы его обидели.

А может быть, потому, что Цыган опять попал в точку,— Коршун и сам не знал ответов на некоторые вопросы. И его злила собственная неосведомленность.

Мне редко удается подумать. Если бы мне давали время обдумать свои действия, не говоря уж о мировых проблемах, я бы стал великим человеком. А так никогда не стану.

Я вернулся к себе в яму, Мордвин спросил, не приготовить ли чайку, я сказал, что не хочу, закрыл глаза и приготовился думать.

Не смейтесь. В институте, в общежитии, мне как-то пришлось существовать года два с одним активистом комсомола. Вечером он тихо напивался, но никому не мешал, только храпел, и мы — два его сожителя — кидали в него предметами. А утром он не шел на лекции, и, вернувшись днем в комнату, я заставлял его в той же позе с закрытыми глазами. Но он не спал.

— Что ты делал? — спрашивал я его.

— Думал, — отвечал он.

С тех пор я завидую людям, которые выделяют мышление в самостоятельный процесс. Я-то хожу и думаю, лежу и думаю, сижу в кино и думаю, гуляю с Катрин и думаю. Из-за этого думаю недостаточно производительно.

Так вот, я закрыл глаза, чтобы думать. Придумать программу действия на основе того, что уже узнал и увидел в этой стране. Назовем ее Южной Осетией.

Раздался шум, постук костыля деревянной ноги — ввалился Мордвин.

— Был посланец из штаба, — сказал он. — Принес часы. Приходи к нам, поглядишь.

— Да погоди ты, не убегай, — взмолился я. — Объясни мне, новому человеку, что имеется в виду.

— Пойдем покажу. Так не объяснить, — сказал Мордвин.

Что ж, сбор информации бывает важнее ее осмысления. Пошли глядеть на какие-то часы!

Ким уже был в яме командира роты, и еще пришел командир третьего взвода. На столе посреди ямы стояли большие песочные часы.

Сантиметров тридцать высотой.

Песка в нижней половинке было совсем немного. Струйка сыпалась тонкая.

Коршун валялся на своей койке, не сняв сапог, прямо на одеяле.

— Пришли полюбоваться? — спросил он.

— Нет, — сказал я, — пришли понять.

— А понимать нечего. Все, как обычно, только с каждым разом все труднее. У меня в роте половина состава. Как я буду воевать?

Ким посмотрел на небо. Я нутром чуял, как в нем зреет желание воевать не по правилам. В нем был виден профессионал. Из тех профессионалов, которых не выносят начальники. Их в конце концов убивают, чаще свои, чем чужие.

— И сколько будет продолжаться боевое время? — спросил я, стараясь казаться существом разумным и легко обу чаемым.

— Это определяется сиреной, — сказал Мордвин.

— А обычно?

— Обычно это определяется сиреной.

— Но у нас еще есть время пострелять, отдохнуть, погулять вокруг? — спросил Ким.

— Только учтите — до врага два шага. А они — ублюдки. И если вы к ним забредете, то никакое мирное время не поможет, — сказал Коршун.

— Тогда на хрен оно нам нужно! — воскликнул Ким с торжеством. Он оказался прав.

— У тебя есть начальник — это я, — сказал Коршун, вытащив из-за пояса кинжал с резной ручкой и рассмотрив ее с некоторым удивлением, как археолог, выкопавший предмет из земли. — У меня есть начальник — комполка. У него — командующий армией.

— А кто часы заводит? — спросил Ким.

Он мне нравился с каждой минутой все более. У него была чудесная способность задавать неудобные и неприятные вопросы. И делал он это за меня, оставляя мне возможность побыть в хороших мальчиках.

— Из штаба армии приносят, — серьезно ответил Мордвин.

— В каждую роту?

— В каждую роту.

Я понял, что тут больше ничего не добиться, и сменил тему.

— Скажи, — обратился я к Коршуну, — кто такой тот странный мужик, что нас проверял, допрашивал, сюда привел, — во френче без знаков отличия?

— Его зовут Шейн! Граф Шейн, главный разведчик, — сказал Коршун. — Он в штабе армии пополнением занима-

ется. Большая шишка. А если заподозрит, то имеет право личной ликвидации.

— Не понял,— сказал Ким.— За что ликвидация?

— Нет гарантии, что среди пополнения не попадется шпион,— сказал Мордвин.— Это же элементарно.

— А как их определять? По именам?

— Кончай выкобениваться,— сказал Коршун.— Кончай. Если ты провокатор или предатель, зачем тебе подозрительное имя носить?

— Мы уходим,— я потянул Кима за рукав.— Только скажи, когда нам быть готовыми к войне? Сегодня? Послезавтра?

Говоря так, я уже знал, что не послезавтра, потому что на дне нижнего конуса песочных часов появился маленький холмик.

— Проверьте оружие у бойцов,— сказал Коршун,— смотрите, чтобы все были здоровы. Ты мне за каждого человека отвечаешь! Потом можете отдохнуть. Часика три-четыре.

Когда мы по осыпавшейся траншее возвращались к себе, Ким мрачно сказал:

— Все они тебя учат. Сначала этот Коршун мне нормальным человеком показался, и тут я слышу — проверить оружие. Что это еще за оружие!

— А чем тебе оружие не понравилось?

— Я другое оружие видел,— сказал Ким. И осекся. Он не очень доверял другим. Видно, битый.

А мне это было даже удобнее. Битые ветераны недоверчивы и склонны скептически смотреть вокруг, а когда им вешают лапшу на уши, они быстро соображают, что это не философия, а мучное изделие.

Мне были нужны союзники, без союзников я вообще ничего не смогу сделать. А для того чтобы союзник был по-настоящему полезен, у него должна быть свобода воли. Как ни странно, это афористичное высказывание я услышал из уст Калерии Петровны, на фронтах не бывавшей. Это высказывание родилось в каком-то нашем лабораторном споре о том, как политики от древних времен до Сталина и Андропова добивались верности соратников. Саня Добряк

стал доказывать (видно, подслушал у Сталина), что друзей можно сохранять, лишь держа их в неведении о собственном подлом характере или своих тайных делах. Ибо, а тут и дело вступают иезуиты, верность нужна нам для достижения великой цели. Раз так — молчи, кажись ангелом.

— Закурим? — спросил я.

Достал сигареты. Я вообще-то курю много, но по настроению. Иногда могу месяца два не курить, а вдруг сорвусь, и две пачки в день для меня — семечки.

Ким согласился.

— Надо будет получить курево, они обещали, — сказал он. Мы затанулись. Курить мне не хотелось.

Ким присел на корточки у стены траншеи — старая солдатская привычка, принесенная с Востока.

— Что ты знаешь об оружии? — спросил я.

Ким еще раз затанулся, с удивлением посмотрел на горящую сигарету, потом понюхал ее дым и спросил:

— Где ты эту траву достал?

Я и сам уже понимал, что с курением неладно.

— Обыкновенные, — сказал я. — Я их еще у себя покупал. В Меховске.

Мне нужна была его реакция. Реакции не последовало. Он даже не переспросил меня.

— Дерьмо твои сигареты, — сказал Ким.

— Так что ты об оружии говорил? — спросил я.

— Видел другое.

— Какое?

— Настоящее. — Ким насупился. Он ловил ускользящую мысль. Потом упрямо помахал сизыми кудрями — покраснел еще больше, чем обычно, — вишневым стал. Но не вспомнил. И ему было неловко передо мной. Он чувствовал — что-то неладно. — А ты знаешь? — спросил он после тягучей паузы.

— Кое-что знаю, — сказал я. — О Калашникове знаю. () гранатометах знаю, о БТРах. О минах...

— Ну конечно, — сказал Ким, но не вспомнил.

...Бывают такие жучки или мокрицы, что живут в полземельях. У них кожа становится полупрозрачной и бесцветной. Такое насекомое — только ростом с полчелове-

ка — спешило по траншее. И замерло, растворившись в стенке. Лишь лучик света от облака, плеснувший на лысину, выдал патер-ламу, который снял с себя красный халат и колпак и спешил, незаметненький, к себе в норку. Вернее всего, мои последние слова он слышал — иначе зачем ему замирать и затаиваться?

Мне ничего не оставалось, как обратиться к гипнозу, надеясь, что углубившийся в размышления Ким на меня не смотрит. Я шагнул мимо Кима, остановился спиной к нему — лицом к патер-ламе и принял в его глазах облик мужика во френче, по имени граф Шейн.

— Подслушиваете? — тихо спросил я голосом разведчика.

— Ой,— испугался патер-лама и побежал мимо, видно полной растерянности позабыв о том, что подозрительные слова произнесены младшим офицером Седым.

— Ты с кем? — спросил Ким.

Он не увидел ламы.

— Не вспомнил оружие?

— А черт его знает!

Он легко поднялся, кинул недокуренную сигарету, растер ее каблуком.

— Может, бросить курить, а? — спросил он.

— Я тоже так думаю,— согласился я.

Мне не хотелось кончать разговор. Надо было сделать все возможное до начала боя, время которого отмеривали песочные часы... Я не оставлял попыток сманить на свою сторону Кима.

— Странно все это,— сказал я.— Куда нас привезли?

— И я не понимаю.

— Такое впечатление, что я здесь раньше не был.

Я тоже выкинул сигарету. Словно валенок курил.

— Надо разобраться,— сказал Ким.— Ты во взвод идешь?

— Нет,— осмелился я.— Они без меня разберутся. У меня маленькое личное дело есть.

— У меня тоже небольшое дело есть. Но нам с тобой не по дороге.

— Как хочешь,— сказал я.

И я пошел по траншее следом за патер-ламой, по траншее, которая вела от передовой в тыл.

Ким шел сзади. Сначала он словно хотел подождать, пока я скроюсь из глаз, но потом плюнул и догнал меня.

Я оглянулся.

— Может, нам по пути? — спросил я.

Ким прибавил шагу.

Он поравнялся со мной, благо, траншея была такой широкой, что по ней могла проехать телега.

— Я в город иду. Мне в город надо.

Он замолчал, давая мне возможность быть откровенным.

— Мне ближе, — сказал я. — Я до госпиталя.

— А зачем тебе в госпиталь?

— Туда же Маргариту послали. Риту Савельеву.

— А ты тут при чем?

— Она с Аркашей жила, с моим двоюродным братом

— С каким еще Аркашей?

— У тебя провалы в памяти, — сказал я.

— А мне нужно в город, — сказал он. — Вот будет бой, лягу я, погибну. Реально ведь?

— Конечно, реально.

— А я мать повидать должен. И сестренку тоже, они в будущем году в школу пойдет.

— Откуда ты знаешь?

— Слушай, ты какой-то отморозенный, — сказал мне

Ким. — Ты разве не из города?

— Может, из города. Но сначала я хочу с Риткой поговорить.

— А где госпиталь, знаешь?

— Не знаю — спрошу, — сказал я. Как раз навстречу нам шел местный старожил — это было видно по каске с гребнем, по распоротому и кое-как зашитому рукаву куртки и по рукоятке кинжала, торчащего из-за пояса.

Я не знал, положено ли отдавать честь, и на всякий случай отдал.

Старожил ухмыльнулся.

— Пополнение, что ли? — спросил он.

— Сегодня нас привезли,— сказал Ким.

— Давно пора, а то они нас мордами об асфальт возят.

Много вас?

— Военная тайна,— сказал Ким.

— Да пошел ты! Военная тайна! Как грязью в грязи ползать — это не тайна...

— Не злись,— сказал я.— Нас было двадцать два человека, часть попала к Коршуну в роту. У него никого не осталось.

— А у кого осталось? — спросил старожил.

— Где госпиталь? — спросил я.

— Чего?

— Госпиталь, больница, санчасть, лазарет. Не знаю, как это у вас здесь называется.

— Как везде у людей,— ответил старожил.— Вторая траншея, совсем старая будет. По ней пойдешь направо до большого оврага — там лазарет собирались разбивать. Только откуда им людей набрать? Боюсь, что придется нам тут подыхать. И сколько, ты говоришь, вас прислали?

— Двадцать два человека.

— Капля в море дерьма! — изысканно выразился старожил и ушел.

Некоторое время мы шли молча. Плохи наши дела, думал я, и эхом моих мыслей прозвучали слова Кима:

— Плохи наши дела,— сказал он.

— Знаешь что,— предложил я ему,— давай вместе заглянем на минутку в лазарет, посмотрим, что там происходит, а потом я тебя в город провожу.

— Пошли,— сразу согласился Ким. Видно, и ему одному было неуютно.

Мы быстро дошли до траншеи — совсем старой,— просто канавы, только трава не выросла, хотя было тепло и земля была сухой.

Мы пошли по траншее. Мы молчали. У нас даже не было общего прошлого, о котором можно разговаривать, и не было настоящего, которое бы нас объединяло, потому что настоящее, предложенное патер-ламой и майором-идеологом, отдавало ложью.

Канавы раздалась, и мы спустились в широкий овраг. Там было почти пусто. Только в одном месте грудой лежали носилки, в другом несколько солдат сбивали койки — рамы на бревнышках и на них доски.

Риту мы нашли сидящей на пустом ящике, возле нее лежала груда белых и не очень белых тряпок. Она резала их большими ножницами на узкие полоски. Другая молодая женщина, очевидно, из старшего поколения местных жителей, облаченная в серый халат, с нечесаными прямыми волосами, нездоровым обрюзгшим лицом и оплывшей фигурой, подбирала эти полоски и наматывала их на палочки — я понял, что они изготавливают бинты.

Рита была в своей одежде, — может, ей еще не выдали медицинской формы: в дешевых джинсах и кожаной куртке. Она еще не успела потерять живого цвета лица. Под курткой была видна голубая майка. Я уже знал, насколько Маргарита небрежна в одежде, впрочем, это входило в ее образ — из нее получилась бы славная цыганка. Я был рад, что она жива и здорова.

— Рита, — сказал я. — Как ты тут устроилась?

Она меня не узнала.

Но вскочила. Она боялась. Она прижимала к груди белую тряпку.

— А это Ким, — сказал я, — он тоже из Меховска, ты его не помнишь?

— Слушай, уйди, а? — попросила меня Рита. — А ты и сержанта позову.

— Я сам сержант. — Я постарался успокоить ее улыбкой.

Рита боялась и не любила меня. Я был ей противен — это шло из подсознания, она верила в то, что я убил ее Аркашу, хотя и не помнила никакого Аркашу.

Если бы я знал кого-нибудь из ее друзей или подружек, я бы попытался превратиться в какое-нибудь существо, приятное ей. Но я никого не знал. А превратиться в Аркашу я не посмел — это было бы жестоко и могло вызвать бурную реакцию.

— Но ты-то помнишь Риту Савельеву? — спросил я у Кима.

— Пойдем, — сказал Ким. — Мы тут не нужны.

— Ну хорошо,— сказал я.— Когда ты обживешься, Рита, я вернусь. И ты перевяжешь мои раны.

— Ребята, идите по своим делам,— сказала толстуха.— Не вяжитесь. Мы вам не девки. Понял?

— Я не имел в виду ничего плохого,— сказал я.— Просто мы раньше были знакомы.

И я внушал ей: мы были знакомы, я твой друг, я твой друг... но барьер в ее памяти был настолько тверд, что она не могла и не хотела меня вспомнить.

Ким потянул меня прочь.

— Ну и госпиталь,— сказал я, когда мы отошли немного и я оглянулся посмотреть, как они режут бинты.

Рита смотрела нам вслед.

Я помахал ей.

Она неуверенно подняла руку и уронила ее.

— Ну теперь пойдешь со мной? — спросил Ким.

— Как договорились,— сказал я.

Мы выбрались из канавы и снова пошли по траншее, которая вела в тыл.

— Так ты тоже Риту не помнишь? — спросил я Кима.

— Ты эту имеешь в виду? — Он показал в сторону госпиталя.

— Вот именно. Ведь когда мы были в холодильнике, ты ее еще узнавал. Значит, нашей памятью они занялись уже здесь.

— Не говори загадками,— сказал Ким.

Мы шли по траншее, и нам никто не встретился. Наверное, отдыхали перед боем в своих ямах.

— Мне любопытно понять,— сказал я,— что сохранилось в твоей голове, а что пропало.

— Я улицу помню, на которой я родился.

— И какая это была улица?

— Обыкновенная улица...— Он сделал усилие, вспоминая, как она называлась. Потом сказал: — Пушкинская улица. Точно помню, Пушкинская.— Он обрадовался, что вспомнил.— Теперь нам легче будет найти.

— А ты и город забыл? — спросил я.

— Почему. Помню... Сейчас выйдем наверх, посмотрим и сориентируемся.

Он был прав — вскоре траншея кончилась, и нам пришлось выбираться наверх. Мы оказались на длинном холме, словно насыпи братской могилы. Левее, ближе к реке, и низине, сколачивали помост. Рядом была яма и лежал столб с перекладной.

— Все это очень похоже на виселицу,— сказал я.

— Да кончай ты! — рассердился Ким.— Ну кому здесь нужна виселица?

— Виселицы, мой друг Горацио,— сказал я,— самое распространенное украшение тыловых областей Войска Донского.

— Цитируешь?

— А ты и грамотный притом?

— А почему я должен быть неграмотным? — удивился Ким.

— Может, ты и в школе учился?

— И в техникуме,— сказал Ким.

— В каком?

Вот этот вопрос натолкнулся на заслонку в его мозгу. До того он отвечал как бы автоматически, как в рассказе Чапека,— там следователь допрашивает свидетеля по аналогии: Лицо? — Нос! — Нос? — Горбатый... Труп? — Яма. Забор?.. И так далее.

Но когда я спросил о техникуме, должна была включиться часть мозга, отвечающая за сознательную деятельность. А она была заблокирована.

Я посмотрел вперед. Перед нами плыла легкая мгля. Но сквозь нее, как только она чуть рассеялась, я увидел очертания города. Смотри-ка, он есть на самом деле! Я уж думал, что он — выдумка, чтобы подольше продержат нас в этой Боснии.

— Вот и пришли,— сказал я, показывая на город.

— Сколько до него идти? — спросил Ким.

— Может, тут трамваи ходят? — предположил я.

— Нет, тут уже давно ничего не ходит,— сказал Ким.

Помнишь, нам майор-идеолог говорил?

Я не помнил, чтобы майор нам говорил нечто подобное. Но может быть, сила его убеждения и заключалась в том,

что разные субъекты его обработки слышали различные тексты?

— А что он еще тебе рассказал? — спросил я.

Мы стояли на возвышенности и старались угадать строения сквозь подвижную мглу.

Ближе к нам поднимались дома окраины — в основном невысокие, старые, хотя справа был виден более-менее современный район, из скучных блочных корпусов. Центр города скрывался во мгле, даже в ясную погоду вряд ли мы смогли бы что-то разглядеть на таком расстоянии.

Я глядел вдаль и, в отличие от Кима, который был убежден, что видит родной город, понимал, что скопище домов, путаница улиц, вывески магазинов, цветы на окнах, светофоры или знаки переходов — все это ко мне не имеет никакого отношения.

— Ты чего смотришь? Не видел раньше? — спросил Ким.

— Отсюда не видел,— сказал я.

— Пожалуй, и я отсюда не видел,— вдруг согласился Ким.

— А что в центре? — спросил я моего спутника.

— Там? Там конторы всякие... Ты же знаешь!

— Нет, не знаю. В жизни не был в том городе.

— Ну ладно, Седой, кончай трепаться,— обиделся

Ким.— Ты что, иностранец, что ли?

— А разве мало у нас городов? — спросил я.— Страна большая, я из другого города.

— Из другого? — Как ему было трудно впитывать разрушительные мысли! В него ввели понятие — «город», который равен понятию «родина». Но множественность городов не позаботились предусмотреть, потому что не думали, что среди новобранцев окажется подлец и провокатор — то есть ваш покорный слуга.

— Пошли дальше? — спросил я.

— Пошли. А то накроют нас — так я и не повидаю своих. А знаешь, как хочется перед боем увидеть родные пенаты!

— Кого ты имеешь в виду?

— Пенаты — ну, значит, свою улицу, дом, свои места. Места — это пенаты.

— А я думал, что это древнеримские боги — хранители очага. Вроде наших домовых.

— Может быть,— сказал Ким и начал спускаться с пригорка.

И вовремя.

Я увидел, как в нашу сторону движется патруль.

Вот любопытно: никто не говорил мне, что это патруль, никто мне ничего не подсказывал. Почему же я почувал опасность в этих молодцах, одетых иначе, чем мы,— на них были длинные, чуть не до колен, кольчуги и военные каски. Металлические маски спускались с касок, как забрала шлемов... Как они называются? Кажется, личинами.

Патрульные шли не спеша, как-то лениво, у каждого в руке было по арбалету. Арбалеты были невелики и чем-то напоминали автоматы. Может быть, тем, как эти молодцы их несли. Небрежно, но привычно, так что в мгновение могли приставить к плечу и выпустить стрелу, не спрятанную в колчане,— мне издали было видно, что у этих арбалетов есть предохранители и стрелы лежат в ложах боевых машинок, готовые выстрелить.

Город был современным, каски на патрульных были современными, даже наши башмаки были более-менее современными, тогда какого черта здесь арбалеты? Запрет на употребление любого современного оружия? Значит, это же будущее?

Голову можно сломать!

Я дернул Кима вниз, и мы покатались обратно в канаву, из которой недавно вылезли.

Через секунду мы уже лежали на дне.

— Там патруль,— прошептал я.

— Но мы же ничего не делаем,— с сомнением ответил Ким.

— Товарищ лев не предупрежден, кого кушать, а коней нет,— прошептал я.— Они идут в этом направлении. Давай пойдём в сторону. Не хочется мне с ними встречаться.

Ким послушно побежал за мной в сторону низины, где возводили помост и виселицу.

— Мы здесь пройдем,— сказал я, выпрямляясь.

За солдатами, которые занимались производительным трудом, наблюдал человек в красном халате и колпаке — еще один патер-лама. Другой человек, в рубахе с закатанными рукавами, думаю, палач, сидел на чурбачке и строгал щепки. На растопку костра? Черт их тут разберет.

Наш путь к городу лежал мимо них, но я негромко сказал Киму:

— Не обращай на них внимания. Мы идем куда надо. Их это не касается.

Ким кивнул.

Ему не нравились эти люди и их занятия.

— Что они делают?

— Насколько я понимаю, намереваются укреплять дисциплину в нашем боевом соединении.

— Чепуха какая-то,— сказал Ким.— Средневековые — если ты не шутишь.

— Сейчас проверим,— сказал я, решив рискнуть. Я пошел к солдатам, которые как раз устанавливали в яме столб с перекладиной наверху.

Один из солдат взглянул на нас, второй даже не обратил внимания — зато патер-лама заторопился к нам. Он был такой же худенький и лысенький, как наш, но на голову выше ростом.

— Скажи, служивый,— спросил я,— это все для своих или для наших смертных врагов?

— Не знаешь, что ли? — буркнул солдат.

Патер-лама поглядел на наши нашивки и строго, но не злобно, закричал:

— Проходите, проходите, сержанты! На месте исполнения наказаний посторонним находиться запрещено.

— Простите, патер-лама,— сказал я жалким голосом,— но мы здесь недавно, и вот у меня с коллегой возник спор: правда ли, тут и ведьм жгут?

— Что за чепуха! — возмутился патер-лама.— Что за дикие суеверия! И еще боевые командиры! Нам опасны не ведьмы, плод воображения некоторых перетрусивших воинов, а настоящие предатели, трусы и дезертиры. Вот их мы не пощадим!

— Для них и сковородка найдется,— откликнулся палач, который строгал щепки.

— Спасибо, патер-лама,— сказал я.

Мы пошли дальше. И когда уже дошли до конца низины, патер-лама вдруг закричал нам вслед:

— Дальше ходить не рекомендуется!

— Знаем, знаем,— откликнулся я.— Мы должны установить резервный пункт связи. Разве вас не предупредили?

— Почему меня должны предупреждать? — крикнул патер-лама.— Моя специальность — перерождение грешных душ.

Дальше в тыл канав и траншей было меньше, и они были не столь глубоки. Но постоянное чувство опасности заставляло нас держаться углублений, овражков, ручейком с мутной нечистой водой.

Один раз нам встретился велосипедист. Он ехал по утоптанной тропинке, идущей поперек нашей дороги. Он был в шлеме и в кольчуге, как патрульные.

— Тебе они не кажутся странными? — спросил я Кими, пока мы отсиживались за кучей бревен.

— А что? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Всюду несовременные штуки — а тут велосипед. Рыцарь на велосипеде.

— Ага,— вдруг согласился Ким,— я читал об этом.

— Где?

— «Янки при дворе короля Артура», не знаешь такого? Марк Твен написал!

Он рассердился на меня за мою необразованность, тем что я счел за лучшее сдать:

— Ну да, конечно, я читал.

— Они там еще телефон устроили, паровоз и так далее.

Но все рухнуло. Как здесь.

— Интересно,— заявил я.— Интересная гипотеза.

— Это не гипотеза,— возразил Ким,— это фантастический роман, а нам с тобой предстоит жить обыкновенной жизнью.

— Если ты считаешь это обыкновенной жизнью,— сказал я,— то что такое сказка?

Ким первым вылез из-за бревен. Велосипедиста уже не было видно. Мы пошли вдоль реки — там тянулись безлистные заросли кустов, которые давали некоторое прикрытие.

— Скоро уже город,— сказал Ким.

— Не думаю,— ответил я.

Впереди, сквозь просвет в кустах, возникли и пропали во мгле башни небоскребов. До них еще было идти и идти...

— Давай вернемся,— предложил я, рассчитывая на упрямство моего спутника.— А то нас сочтут за дезертиров.

— Никто нас не сочтет,— возразил Ким.— Но я должен повидать своих, я же не отказываюсь воевать, и я даже согласен погибнуть за правое дело, но я имею право повидать семью!

— Ладно,— сказал я,— не кричи только. Пошли скорее. А то мы станем первыми клиентами в яме для наказаний.

Я точно не скажу, сколько мы шли,— но не очень долго, минут двадцать, прежде чем натолкнулись на повалившийся забор и за ним — на развалины домика. И я понял, что мы оказались в городе. Я сразу ринулся к дому, надеясь увидеть название улицы. Я был разведчиком. Но Ким разведчиком не был.

— Не задерживайся! — прикрикнул он на меня.

Я заглянул в окно дома. Стекла были выбиты. Крыши тоже не было. На полу лежал полуразложившийся труп в ситцевом платье. Воняло. Над трупом вились мухи, крыса кинулась в угол.

— Пошли дальше?

— Здесь же не было врагов,— удивился Ким.

— Значит, здесь были свои,— ответил я.

— Конечно.— Он с облегчением отошел от окна и пошел вдоль по улице.

Ни следа живого человека.

— Ты помнишь, где живешь? — спросил я Кима.

— Конечно,— ответил тот уверенно,— ясное дело...

Он замедлил шаги, и я догнал его.

— А как твоя улица называется?

— Не важно,— отмахнулся он.— Что я, свою улицу не найду?

— И далеко идти?

— Ну... обычно я на автобусе. Но сейчас, сам понимаешь.

— Понимаю,— сказал я,— война, горячее нужно для фронта, для победы, мы идем в атаку пешком. Кстати, и ты вообще-то здесь автобус видел?

— Но, по крайней мере, ты не будешь спорить, что там один проехал на велосипеде.

Мы продолжали идти по улице. Это была странная улица, по ней давно никто не ездил, у нее вообще не было проезжей части. Вот если бы я был ребенком и мне бы дали игрушечные домики, я бы сделал из них город, но город был бы ненастоящим, потому что по его улицам не ездили бы автомобили, тротуары положить я бы, конечно, забыл, не высадил бы траву и кустики в скверах, а вместо населения города отправил бы туда двух говорящих и ходячих солдатиков, то есть нас с Кимом.

Не надо было скрывать мысли от моего спутника. Чем глубже он усомнится в окружающей действительности, тем ценнее он мне как союзник. Он не склонен к доносите́льству, а в моем положении это просто замечательное свойство для спутника и, может быть, друга.

С этим городом обязательно случится какая-то катастрофа, понимал я. Город — почти реальное выражение абстрактной родины наемников — должен быть реальным. Иначе я окажусь в дураках. И странно, что я сам об этом не догадался раньше. Весь город провонял обманом, но, к сожалению, я еще не знал, в чем этот обман заключается. И потому надо было быть предельно осторожным.

В дома, которые стояли по обеим сторонам нехоженной улицы, мы больше не заглядывали. Я в этом городе не жил и не надеялся кого-нибудь встретить, а Ким утверждал, что помнит свою улицу и родной дом, и обещал меня к ним вывести.

— Куда же люди подевались? — спросил вдруг Ким. Тихо, совсем тихо.

За домами центр города был не виден, и потому, когда небоскребы открылись перед нами, — это случилось внезапно.

— Я думал, что до центра дальше, — сказал я.

— Мне бы на автобус, на четвертый, — тупо произнес Ким.

— Давай ждать, — предложил я. — Где остановка?

— Да, где остановка? — спросил он у меня.

— Тебе лучше знать, я тут не жил.

— Конечно, конечно... — Он вел себя, как собака, потерявшая след. Он быстро пошел по улице за двухэтажным домом с выбитыми стеклами, заглянул за угол, отпрянул, будто увидел что-то неприятное, вернулся ко мне и прошептал: — Мне кажется, там кто-то есть.

— Давай зайдем в подъезд, — предложил я.

В подъезде было очень тихо, пахло пылью и мумифицированной дрянью.

В полутьме была видна лестница, она поднималась наверх на один пролет и на этом заканчивалась. Словно сначала думали кого-то поселить на втором этаже, а потом передумали.

Мы смотрели наружу сквозь приоткрытую дверь.

Из-за угла медленно выехали на велосипедах двое патрульных в кольчугах, масках и армейских шлемах. Они остановились, не слезая с седел, уперев о землю левые ноги в одинаковых красных сапогах со шпорами. На что шпоры велосипедисту? Чтобы не произошло крушения, подумал я.

Велосипедисты переговаривались. Велосипеды у них были странные, возможно, старинные, переднее колесо чуть больше заднего.

Затем один из них наклонился и принялся разглядывать землю. И я понял, что даже на сухой и плотной земле наши следы могли отпечататься.

— А давай-ка, — прошептал я Киму, — на всякий случай вмотаемся отсюда.

— Почему?

— Они профессионалы. Они привыкли вылавливать таких, как мы.

— А что мы такого сделали?

— Дезертировали.

— Ты с ума сошел!

— Доказывать будешь перед виселицей. Здесь строго.

Я больше не стал его дожидаться — один из велосипедистов шарил глазами по нашему дому, а второй, склонив голову, как охотничья собака, уже повернул в сторону двери.

Я взбежал по лестнице — слава Богу, она не обвалилась под моей тяжестью. На втором этаже лестница кончилась, и я прыгнул вниз, на землю. Дом оказался декорацией.

Я поднял голову. Надо мной было небо. По бокам боковые стены дома с проемами без стекол. Я побежал вперед к забору, отделявшему нас от следующей улицы.

Сзади топал Ким. Он сообразил, что дело плохо.

А еще дальше слышны были голоса — велосипедисты догадались, где прячутся дезертиры.

Мне хотелось взлететь и убраться от них этим способом, хотя было опасение, что в этом мире мое умение летать может не сработать.

К тому же я бы сразу потерял Кима. Даже если мне обойдется, мы с ним убежим от велосипедистов и отыщем его родных, он навсегда потеряет ко мне доверие. Полагали, что летающих сержантов ему видеть не приходилось.

Так что мы неслись среди заборов, закоулков, развалившихся и целых домов, стараясь не нарушить безлюдья и мертвую тишину своим дыханием и топотом сапог. И, наверное, смогли убежать именно потому, что наши преследователи не таились, шумели больше нас и за собственными криками потеряли звуки нашего бегства.

Дом, за углом которого мы затаились, был побольше других — он поднимался на четыре этажа. Я заглянул в окно первого этажа. Внутри дом был пуст, как открытый ящик без крышки.

Мы стояли довольно долго, прижимаясь к стене и слушая.

Голоса велосипедистов еще раз возникли недалеко, но не приблизились.

Затем все затихло.

— Ни одного человека. Только охрана. Кого мы защищаем? Где родные пенаты, где твой очаг?

Кима мучила одышка, лицо стало совсем багровым — профессиональные алкоголики быстро теряют дыхание.

— Надо идти, — сказал я. — По крайней мере, дойдем до центра. Может, там и трамвай попадетя.

— Кончай дурачиться. — Ким был расстроен и подавлен. Мне было куда легче, чем ему. Я ведь не верил в этот город с того момента, как мы вошли в его тупую тишину.

— Ты все еще помнишь, куда нам идти? — спросил я.

— Пойдем покажу, — упрямо произнес он.

Как только мы вышли на небольшую площадь, мы сразу увидели небоскребы — самый центр нашей столицы.

Небоскребы поднимались в самое небо, и казалось, что они слегка загибаются, нависая над нашими головами.

Между ними виднелись дома пониже, но основательные, солидные, видно, построенные в начале века под гостиницы и банки.

Но даже за несколько десятков метров было совершенно очевидно, что небоскребы, банки и отели нарисованы на заднике декорации под названием «Наша славная столица». Нам с Кимом больше было некуда идти.

Ему было труднее пережить этот обман.

Он пошел к стене центрального из трех небоскребов, и с каждым шагом он продвигался все медленнее. В результате я, шагая неспешно, обогнал Кима и первым дошел до стены.

Небоскребы были написаны на ней грубо, однако все двери, окна и этажи были размечены точно, так что и уже за сотню метров, особенно в сером сумеречном освещении этого дня, декорации казались настоящими домами.

Я ударил кулаком по стене. Стена спружинила.

Я попытался поцарапать ее — материал был упругим, непроницаемым, — хотя краска поддавалась нажиму и клочок белой штукатурки я отколупнул.

Ким подошел и тоже ударил кулаком по стене. Будто подражал мне.

Я попытался процарапать в краске отверстие, как в замерзшем ледяными снежными узорами окне автобуса, чтобы заглянуть за край Земли. Я вспомнил картинку из учебника астрономии — «Средневековое представление об устройстве Вселенной». Там монах просунул голову сквозь небо на краю Земли и любуется звездами, кометами и прочими чудесами мироздания.

— Что же получается? — спросил Ким.

— Ничего. Нас обманули, — сказал я. — Нам повесили лапшу на уши.

— Я же здесь жил!

— Тебе внушили, что ты здесь жил.

— Зачем?

— А вот это нам с тобой предстоит выяснить. И только поняв, после этого, мы с тобой сможем вернуться домой.

— В какой дом?

— В тот самый, который ты оставил в Меховске.

— В Меховске?

Блокада в его памяти существовала. Но на пути к ее разрушению был сделан первый шаг.

Я посмотрел по сторонам. Стену, которая чуть закружлялась в обе стороны, отделяла от домов-игрушек широкая полоса ничейной земли, как бывало на хорошо оборудованной советской границе. Я поглядел себе под ноги. Здесь, где никогда не идут дожди, следы сохраняются надолго. И наши следы были видны. Значит, рано или поздно велосипедисты появятся вновь.

Тем более что я увидел множество тонких рубчатых линий, тянувшихся вдоль стены, — следы велосипедов, которые время от времени проезжают по границе Вселенной.

— Ким, — сказал я. — Давай отложим поиски твоего родного очага на следующий раз. Не стоит нам встречаться с велосипедистами.

— Но мы же не дезертиры!

— Мы подозреваемся в дезертирстве. Но теперь я убежден, что наше преступление куда серьезней. И одной висилицей не отделаться.

— Седой, кончай шутить!

— Я не шучу. Нигде не любят тех мальчиков, которые подглядывают в спальню родителей и могут догадаться, как делают детей. Мы же с тобой дошли до конца этого мира и можем догадаться, если захотим, что его не существует.

Ким думал недолго. К счастью недолго, иначе мне пришлось бы уйти отсюда одному — я не хотел оказываться в руках правоохранительных органов. Полковник дядя Миша мне бы этого не простил.

— Хорошо,— сказал Ким.— Пошли обратно. Мне тоже подумать не мешает.

Обратный путь мы провели в молчании — каждому было о чем подумать. Когда мы вернулись в расположение нашей роты, нас ждал еще один неприятный сюрприз.

Комроты Коршун со своим верным Мордвином сидели на моей койке и ждали нас.

— Вернулись,— вздохнул Коршун с заметным облегчением.

— А ты чего боялся? — спросил Ким. Он был мрачен, агрессивен и напуган.

— Я боялся, что попадетесь,— сказал Коршун.— А скоро боевое время начинается. У меня больше командиров во взводах нет. А вы, хоть и молокососы, все же с опытом.

— Мы недалеко ходили,— сказал Ким.— Мы в город ходили.

— Зачем? — спросил Коршун.

Мне показалось, что за час, пока я его не видел, он еще более осунулся, смуглая кожа еще туже обтягивала скулы.

— Ким хотел со своими родными повидаться,— честно признался я.

— Ты что, жить раздумал? — повернулся взбешенный Коршун к Киму.

Я втиснулся между Коршуном и Кимом. Я был лучше готов к тому, чтобы спокойно выдержать натиск.

— Мы ничего плохого не имели в виду, — сказал я. — Мы сходили в город, поглядели, какую родину мы защищаем. Навестили, посидели, выпили чаю — и обратно!

— Врешь! — Коршун оттолкнул меня и обернулся к Киму: — Он врет, а ты что придумал?

— А с чего ты решил, что Седой врет? — удивленно спросил Ким.

Ах ты, молодец! Вот не ожидал от него такой прыти.

— Потому что... потому что категорически запрещено покидать передовые позиции во время боевых действий и оголять линию фронта. Сейчас положение критическое, каждый человек на счету!

— погоди, погоди! — остановил я командира роты. — Ты притворяешься, а мы хотим говорить откровенно. Мы отлично знаем, что сейчас еще не боевое время, ты сам так сказал, и песок в часах еще не высыпался вниз. Мы младшие командиры и имеем полное право произвести рекогносцировку, потому что мы на фронте первый день и должны понять — где что. Где тыл, а где враг.

— И никто не запрещал мне повидаться с моей мамой, — сказал Ким.

Пыл Коршуна пропал. Вдруг он махнул рукой.

— Попались бы в лапы службе безопасности — и кончили бы дни на виселице. Кто бы там стал разбираться?

— А почему нужно вылавливать?..

Он не дал мне договорить:

— Потому что дезертир на дезертире! Все бегут.

— Какие дезертиры? Куда бегут? — вмешался в разговор Ким. — Ты знаешь, что там, сзади?

— Конечно, знаю! Наш дорогой город, — ответил Коршун, и я подумал — может, и не притворяется? Ведь не будь меня, Ким, верней всего, попал бы к велосипедистам, и они бы его живым не выпустили. Нашему здешнему начальству нельзя допускать сомнения. Если мы защищаем родину — мы сражаемся отчаянно. Если речь идет о каких-то декорациях, то солдаты могут поднять оружие против хозяев. Никто не хочет быть смертником впустую.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил Ким, нахмурившись.

— Не надо допросов, — вмешался я. — Пусть каждый думает как хочет. Ты пришел сюда, потому что беспокоился, куда мы делись?

— Нет, — сказал Коршун. — Я пришел по делу. Ваше путешествие обсудим потом. Мне сообщили, что противник может начать вылазку еще до начала боевого времени.

— Так ты же говорил, что это невозможно!

— Это для нас, цивилизованных людей, невозможно. А для них, ублюдков, все возможно. Это будет, как мне сообщили из штаба полка, не общее наступление, а несколько вылазок с целью достать пленных.

— А зачем им пленные? — спросил я.

— Как зачем? — сказал Мордвин. — Ясное дело — жрут они наших. Жарят на костре и жрут.

— Ладно, брось, — сказал Ким. — Тоже мне, Жюль Верн нашелся.

— А ты попадись им, попадись, тогда увидишь.

— Изнутри кастрюли, — дополнил своего заместителя Коршун.

— Что же мы должны делать? — спросил Ким.

— Расставь наблюдателей, чтобы ублюдки не подобралась к нам незамеченными. Предупреди солдат.

— А если заметим лазутчиков?

— Тогда ваша задача — отразить вылазку и на их плечах постараться ворваться на позицию врага.

— И это далеко?

— Ты карту помнишь?

— Помню.

— Нам надо попасть туда, где были наши собственные позиции в прошлое боевое время.

— Ты недоговариваешь, Коршун, — сказал я.

Коршун смотрел в землю. Он думал, согласиться ли со мной. Согласился:

— В прошлое боевое время они захватили наш лазарет. Некоторые, возможно, живы, санитарки, сестры. Они с ними ужасно что делают. Говорить не хочется. Я думал, а вдруг ты кого-нибудь видел.

— Там твоя знакомая? — спросил я.

— Слушай, комроты не обязан тебе отвечать! — взревел верный Мордвин.

— Я хотел помочь.

— Мне нельзя помочь, — сказал Коршун. — Мордвин останется с тобой. Чтобы ты снова в город не побежал.

Участок фронта, который мне предстояло оборонить, занимал траншею длиной метров сто, с углублениями, чтобы солдаты могли отдохнуть. Там лежала мешковина. Солдаты поднимались при моем приближении.

— Как вас накормили? — спросил я, потому что рачительный командир не поведет в бой голодных солдат.

— Кто хотел, тот и ел, — ответил Иван.

— А как здесь пищу развозят? — спросил я.

— В блиндаже лежит, — ответил Мордвин, — во взводном блиндаже. Не видали разве, командир?

Мне не хотелось признаваться, что за путешествиями в искусственный город я упустил дела взвода. Так что и сказал Ивану:

— Вольно, отдыхайте.

А сам велел Мордвину вести меня в блиндаж.

Блиндаж оказался такой же ямой, как и мой командный пункт, может, чуть побольше. Там стоял длинный стол, на нем несколько картонных коробок с галетами, а также три литровые фляги.

Я по-хозяйски подошел к столу. Я играл роль капитана броненосца «Потемкин», приготовившегося снимать приходу с солдатского обеда.

Я отвинтил крышку фляги и смело отхлебнул из нее. Я готов был к тому, что во фляге окажется спирт, потому выдохнул воздух. Но это была самая обыкновенная вода.

— И это все? — Я с удивлением посмотрел на Мордвина.

— А вы чего еще хотите? — спросил тот. — Люди довольны.

Вдоль стены, вытянув ноги, сидели три солдата, при виде меня они даже не поднялись, и поэтому в полутьме я их не сразу разглядел.

Я хотел было спросить у них, довольны ли пищей, не будут ли бунтовать, но они снова закрыли глаза. «Пусть солдаты немного поспят...»

Выйдя из блиндажа, я продолжил путешествие по траншее. За исключением тех троих в блиндаже, никто не спал. Все были готовы отразить врага.

Я поднялся на приступку, чтобы заглянуть за бруствер.

Передо мной, до самого горизонта, затянутого обычной мглой, тянулась долина, перекопанная траншеями и ямами разного размера сохранности. Из земли торчали палки, даже бревна, виднелись какие-то железки. Именно железки, ржавые, гнутые, потерявшие первоначальный вид.

— А противника не видно? — спросил я Мордвина.

— Не высовывается, — ответил тот.

— А потом он сразу ползет?

— Никак нет. Сначала будет поединок, — ответил Мордвин. — А может, два поединка.

— Зачем нам поединки?

— Надо перед боем зарядиться, — сказал Мордвин.

— Коршун сказал, что ублюдки, — мне это слово далось с трудом, но хотелось казаться таким же ветераном, как бойцы, оставшиеся от старого состава взвода, — что ублюдки готовят какую-то вылазку до боевого времени.

— У штабных от страха глаза велики, — возразил Мордвин. — Зря Коршун им верит. Ублюдки хоть и гады, но тоже вперед не ползут.

Он говорил что-то еще, но я задумался и не прислушивался к Мордвину. Я подумал, что нигде нет потолков. Значит, здесь не боятся дождя и не опасаются бомбовых ударов.

И я подумал о Боробудуре.

Посреди острова Ява в Индонезии лежит великий и знаменитый храм Боробудур. Издали он похож на гигантскую коровью лепешку, упавшую на спину низкого покатого холма. Никакого эстетического впечатления! Но если ты поднимешься над ним на воздушном шаре или самолете, то поймешь, насколько строго, изысканно и симметрично он построен. Этот храм не предназначен для того, чтобы

любоваться им с поверхности Земли. Он изготовлен для божественного взгляда.

И не потому ли все здесь открыто сверху, что мы наша жизнь, наша война — находимся под постоянным божественным взглядом?

Эта теория может оказаться плодотворной при условии, что я смогу ее проверить.

Я невольно кинул взгляд вверх — облака все так же неслись, серые, сизые, белесые. Но у меня уже возникло сомнение, облака ли это или завеса пара?

Я стоял, облокотившись о бруствер, и разглядывал смутный мир. Мир сплошной войны. Идущей извечно, но не оставляющей, как ни странно, ничего, кроме перекопанной и перемешанной земли. Где же трупы, оставшиеся после боев? Вернее всего, их хоронят.

Я оглянулся. Мордвин начищал наконечник копья сухой глиной.

— А ты давно здесь? — спросил я.

— Почти на пределе. Дольше, чем Коршун, — сказал Мордвин. — Скоро мне в отпуск идти.

— Домой?

— Черт его знает, ждут ли меня, — вздохнул тот. Впрочем, вполне искренне. — Пойду посмотрю, а там решу. Может, назад попрошусь. Тут порядок, а там — неизвестно.

— А куда мертвые деваются? — спросил я.

— Вопрос непонятный, — ответил старшина. — Ты человек образованный, младший командир, должен знать, что каждого хоронят по религиозному обряду — сжигают, чтобы душа летела, куда ей придется, пока не найдет своего тела.

— Такого патер-лама не говорил, — заметил я.

— А люди так думают. Все эти разговоры о червячках и собачках — это они придумали. Мы, старослужащие, знаем — человек всегда останется человеком. Кого душа найдет на замену, в того и притулится.

Глубокая философия Мордвина мне была недоступна.

Но даже здесь, в мире искусственном и условном, как теневой театр, были свои ереси и внутренние споры.

— А за это не наказывают? — спросил я.

Мордвин не ответил.

Если за нами кто-то наблюдает, то мы, вернее всего, находимся под колпаком. И край колпака или купола, называйте как знаете, мы с Кимом видели, когда были в городе. И если это купол, то куда бы я ни пошел, то напорюсь на стенку. Вот проверка этого и будет моим следующим занятием. И еще: ведь мы как-то сюда попали. Верно? Значит, в куполе есть дырка. Дверь, ворота. Надо дожидаться темноты... а сколько я уже здесь? Наверное, не меньше целого дня. И толком не захотел есть и не захотел спать... Значит, я сплю.

Я сплю?

Ни черта подобного. Я думаю, когда же наконец все лягут спать, чтобы взлететь наверх и дотронуться до крыши.

— А когда будет ночь? — спросил я Мордвина.

— Что? — не понял он.

— Ночь. Ты что, ночи не знаешь? Ты летний чукча?

— Ночь? А что такое летний чукча?

— Чукчи — такой народ — у них летом ночи не бывает, — объяснил я.

Он меня не понял — вынули из его головки понимание смены времени суток. Зачем?

— Но спать ты когда будешь? — спросил я.

— Спать не придется, — сказал Мордвин. — Уже кончается отдых. Вот-вот начнется боевое время.

— А что будет?

— Как всегда, — сказал Мордвин.

Он любовался, как славно начищен наконечник копья.

— Сначала поединок, — сказал он. — Сегодня очень важный поединок. До нашего города — всего ничего. За самой спиной стоит.

— А их город далеко? — спросил я.

— Отсюда не видно. Они же наступают! Они почти всю нашу землю захватили. Разве это не понятно?

— Понятно, — сказал я. — Значит, ты не помнишь того времени, когда наши наступали и к их городу подходили?

— До меня это было. Но, наверное, наступали.

Справа донеслись крики. Я поспешил туда. Мордвин за мной.

Но оказалось, что это ложная тревога. Мои новички увидели какой-то черный шар или шарик и стали по нему стрелять. Шарик улетел.

— По шарикам стрелять нельзя,— сказал Мордвин.

Прибежал и Коршун. Узнал про шарики и повторил слова Мордвина.

— А что это за шарики?

— погоди, увидишь их, особенно во время боя их много. Что-то вроде жуков.

— Разве такие жуки бывают?

— Значит, бывают. И глупости это — по жукам стрелять. Теперь ублюдки начнут.

И в самом деле — не успел он договорить, как в стенку траншеи за моей спиной вонзилась стрела.

Мордвин вытащил ее из глины и подал мне.

— У них наконечники тяжелее,— сказал он.

— Зато наша стрела дальше летит,— заметил Коршун.

Он быстро ушел обратно, а я велел Мордвину оставаться в траншее и под предлогом того, что хочу проверить фланг, пригибаясь, побежал в бурелом.

Плохо быть неинформированным. То ли дело — работи разведчиком в Великой Отечественной войне: ты уходишь в ставку Гитлера и заранее знаешь не только ее адрес, но и имена всех начальников департаментов. У тебя есть ридист, который послушно передаст в центр все твои измышления, и даже начальник, который ответит тебе отеческим выговором.

Теперь возьмем меня. Ваш шпион находится в лагере врага, которого еще не видал, не подозревает, где тот скрывается, зачем захватил столько людей да еще вложил в их мозг ложную память. Не знают они, зачем мы защищаем нашими слабыми силами пустой город? И вообще, в какой точке Галактики оказался?

Вернусь ли я когда-нибудь домой к моей девушке Катрин и начальнице лаборатории Калерии, я уже сильно сомневаюсь. Потому что обратной двери, то есть выхода, может и не быть.

По моим расчетам, до начала так называемого боевого времени оставалось немного, вряд ли больше получаса.

Какого черта они сняли со всех нас часы?

Ну дайте мне ответ хоть на один вопрос! Я больше приставать не буду.

Размышляя так, я быстро бежал по канаве к бурелому, из которого поднимались зубцы обрушенных стен и какие-то кривые бревна. За буреломом должна течь речка. Но вот течет ли она — это я и должен был проверить. Все думают, что она течет. Я сомневаюсь.

Знаете почему?

Потому что в районе бурелома линия противостоящих канав заканчивалась.

Значит, там уже в войну не играют.

Иначе любой разумный командир расставил бы своих бойцов, по крайней мере, до реки, чтобы оградить фланги от неожиданного маневра. Но плевали здесь на неожиданный маневр. Не могло его быть.

Небольшой полупрозрачный, словно наполненный дымом шар промелькнул передо мной и резко ушел в сторону. Эти шары не были живыми существами. Они могли быть наблюдательными зондами. Правда, это отдавало фантастическим романом, но многое в моей недолгой жизни отдавало фантастикой. Так что зондом больше, зондом меньше — нас это не удивит.

На всякий случай я поспешил, а сделать это было нелегко, потому что бурелом был мертвым и труднопроходимым. Ну просто идеальное место для обходного маневра! Правда, пока я еще слишком близок к населенным позициям, но сейчас начнется спуск к речке.

Я миновал полуразрушенное здание — когда-то оно было бревенчатым, но оштукатуренным.

И за ним сразу начался берег речки.

Я смотрел на нее. Речка как речка. Вода относительно чистая, и даже видно, как она обтекает камни у берега.

Я сбежал к воде и хотел окунуть в нее руки, но ничего из этого не вышло.

Здесь стенка купола была прозрачной, а за ней размещалась речка и был отлично виден дальний берег — такой же пустынный, заваленный бревнами и хворостом, изрезанный траншеями и канавами. Словно война когда-то

шла и за куполом, а потом кто-то решил пожестче ограничить ее.

Я пошел вдоль стены, дотрагиваясь пальцами. Постучал по ней. Она была упругой и не отдавала ответным стуком, словно резиновый мат. Я нагнулся, проверяя, касается ли она земли. Мне это было важно узнать, потому что я был уверен — где-то в стене есть дверь, сквозь которую сюда загоняют новые партии солдат.

Стена касалась земли.

Я попробовал копать землю и обнаружил, к некоторому удивлению, так как не ожидал успеха, что, выкопав норку, смогу просунуть руку под стеной.

— Не старайтесь,— произнес голос сзади.

Я вскочил и обернулся.

— Они вас все равно поймают,— произнес тот же голос.

Патер-лама стоял шагах в десяти за моей спиной, но в тишине бесшумного мира, в котором не слышно даже журчания воды, шепот его раздавался словно над самым ухом.

В его голосе не было угрозы.

— Почему они поймают? — спросил я.— Ведь я ничего преступного не сделал.

— Ой-ой-ой! — он погрозил тонким пальчиком.— Покинуть позиции перед самым боем, поставить под угрозу благополучие своей кармы ради того, чтобы узнать, где же кончается поле боя?

— А разве это не разумно?

— Разумно для человека, который забыл о том, что за его спиной стоят руины родных домов, где его ждут родные и близкие...

Говорил он это без убеждения и не надеясь на то, что я ему поверю. Но проверить меня ему хотелось.

— Хорошо,— сказал я, попытавшись принять в его глазах образ начальника разведки — славного графа Шейна, который нами занимался недавно. Вид разведчика должен был отпугнуть этого добровольного шпиона.

От неожиданности патер-лама начал отступать, споткнулся о сук, торчащий из земли, и чуть не упал.

— Посмотрите на меня, сержант! — услышал я приказ, произнесенный твердым голосом.

Я обернулся. Мой двойник — то есть тот, кого я изображал для патер-ламы, стоял рядом и недобро улыбался.

Лама тут же пришел в себя, закрутил лысенькой головкой. Проморгался и, видно, решил, что у него просто имел место обман зрения. Поэтому дальше он уже разговаривал с разведчиком, на какое-то время забыв, что я стою рядом.

— Счастлив доложить,— сообщил он,— что поведение сержанта Седого показалось мне подозрительным еще во время обучения идеологическим основам религии.

— В чем подозрительным? — спросил граф Шейн, дернув себя за правый ус.

Глаза у него были серые, светлые, очень яркие, в окружении густых черных ресниц, отчего взгляд казался отчаянным и диким.

— Он вел себя неадекватно,— сказал лама.— Я решил следить за ним. Он отлучался с сержантом Кимом в тыл. Однако я не успел за ними. Но мои подозрения усилились.

— Естественно,— согласился разведчик.

— И вот сейчас, совсем незадолго до начала боевого времени, сержант покинул расположение вверенного ему подразделения и побежал сюда. Я последовал за ним. И застал его возле края боевого участка. Знаете что он делал, полковник?

— Что же?

— Он подкапывался под стену боевого участка.

Уже знакомый мне мутный шарик спустился сверху и повис над нами, словно подслушивая.

Шейн повел себя странно. Он вытащил из-за пазухи перчатку, похожую на перчатку хоккейного вратаря с ловушкой. Натянув перчатку — лама завороченно глядел на действия Шейна,— он поднял руку, и шар потянулся к ней, словно его звали. Полковник резко сжал пальцы, и шар попался в ловушку. Тогда генерал поднес шар к губам и спросил:

— Двенадцать-три, кто на наблюдении?

— Степень,— ответил женский голос.— Степень-два.

— Отдыхай,— сказал полковник и переложил шар из ловушки в карман френча, а перчатку вернул за пазуху.

Мы с ламой следили за каждым его движением, словно эти движения определяли нашу судьбу.

Шейн обернулся к ламе:

— Вы были правы, патер-лама. Я приму меры к сержанту. Вы проявили бдительность.

— Рад стараться, полковник,— отрапортовал патер-лама.

— А теперь иди к себе в яму, следи за поединком, колдуй, чтобы победил наш воин, и запомни...

Разведчик пронзительно смотрел на патер-ламу, и мне показалось, что между его глазами и лицом ламы протянулись светящиеся нити. Молнии, стрелы.

— Запомни...— медленно продолжал он,— что мы здесь не были. Ты не видел сержанта Седого. Ты был в своей яме и готовил амулеты к боевому времени. Ты не видел сержанта Седого.

— Я...— патер-лама спотыкался, на каждом слове язык ему не повиновался,— я не видел сержанта Седого. Я сидел в своей яме.

— Уходи!

— Я ухожу...

Лама повернулся и пошел, пробираясь между бревнами и арматурой. Он старался удержать равновесие, но притом не замедлить бега.

Мы провожали его взглядами.

— Надо возвращаться к взводу,— сказал Шейн.

— Вы... не арестуете меня? — спросил я. Глупо спросил.

— Зачем? — удивился разведчик.

Он пошел в сторону развалин.

Секунду я колебался, какое из его пожеланий выполнить: высказанное вслух — о возвращении в траншею или невысказанное вовсе — о следовании за ним в развалины.

Я выбрал второе.

Не оборачиваясь, Шейн вошел в узкое пространство, бывшее когда-то прихожей небольшого дома.

И исчез.

Я осторожно ступил за ним в это пространство и увидел лестницу.

Лестница была каменная, сложенная из плит. Она уходила вглубь, ступенек на десять, в обрушившийся подвал, но там, внизу, Шейн, присевший на камень, оказался под козырьком балок, образовавших пол дома.

Шейн достал сигареты, закурил.

— Вам не хочется, — сказал он утвердительно.

Я стоял на лестнице.

— Спускайтесь. Это одно из немногих мест в мире, которое нельзя наблюдать сверху, с неба.

Я понял Шейна. Он был прав. Я тоже об этом думал.

Я спустился и присел на корточки рядом с ним. Глаза быстро привыкли к полутьме. Огонек сигареты, когда разведчик затягивался, освещал его лицо — оно становилось дьявольским.

— Значит, вас не убедили речи майора и даже самого патер-ламы? — сказал Шейн.

— Не убедили.

— Вам повезло, — сказал полковник. — Обычно таких, как вы, с иммунитетом против амнезии, безжалостно уничтожают как еретиков и предателей. Вы могли кончить жизнь на плахе или на костре. Впрочем, вы и сейчас этим рискуете.

— Я не виноват, что кое-что помню.

— Что? — спросил Шейн.

— Это не мой родной город, — сказал я, — за нашими спинами. Это декорация. И мне интересно понять, кому это нужно?

— Разве ты не хочешь воевать? — спросил Шейн. — Разве ты не пришел сюда добровольно, потому что ты уже не ведаешь другой жизни, кроме профессии убивать и быть убитым?

— А вы? — спросил я.

Интимность убежища уравнивала нас. Мы были сродни пионерам в лагере, которые забрались в пещеру под вывороченным бурей деревом и тайком курят или рассказывают страшные истории про черную руку.

— Я доживаю свой срок, — сказал Шейн. — Я как мастодонт. Со временем гипноз амнезии истончается, изнашивается, и ты постепенно возвращаешься к старой памяти. Это почти неизбежно. Поэтому люди подолгу здесь не держатся. Средняя рассчитанная продолжительность жизни — пять-шесть боевых периодов. Если ты не погиб, то становишься командиром роты, а то и полка. Командование по большей части — ветераны. А я мастодонт. И если коман-

дующий фронтом или даже командир полка живут в странном мире полусна-воспоминания, то я, как самый старый из воинов, оказался жив по недоразумению. Я хитер — и перехитрил смерть, потому что знаю обо всем больше, чем каждый из них. Начальников безопасности боятся и стараются убить. Я не хочу, чтобы меня убивали. А ты исключение — ты первый новобранец, который все вспомнил с самого начала. Ты мне нужен. Мне одному их не обмануть и не уйти отсюда, от неизбежной смерти. Тебе одному тоже не уйти. Не один патер-лама заподозрил неладное, я тоже выделил тебя из новобранцев, и в моем сердце воскресли надежда. Прости, что говорю красиво, это от волнения.

— Вы давно здесь? — спросил я.

— Девятый или десятый боевой период.

— Что такое боевой период?

— Это война.

— Какая война? Кто с кем воюет?

— Мы — с жестокими ублюдками, которые не знают пощады и готовы растерзать наших жен и отцов, дожидаящихся своей участи в нашем родном городе.

— Пожалуйста, не говорите так со мной!

— Ах какие мы спесивые! Я все расскажу тебе... Но не сейчас. Береги себя, мой ангел. Иди, не оборачивайся, и сам тебя найду. Спешу.

Меня тон и высоту звука, загудела пронзительная сирена.

— Вот и бой,— сказал Шейн с каким-то облегчением

Я нагнулся, чтобы не разбить голову о балку, и поднялся по ступенькам.

— Иди и не оглядывайся,— сказал разведчик.— С этой секунды за тобой начинают следить сверху. Если они тебя подозреют неладное, то пришлют шар. Это их глаз. Но учти, что если они рассердятся, то могут убить тебя молнией, вылетающей из шара.

По настойчивости в голосе Шейна и по отчаянному гудению сирены я понял, что задерживаться нельзя и мои вопросы останутся сейчас без ответа. Но главное произошло — я нашел себе союзника, причем Вергилия из этих кругов ада.

Я выбрался из укрытия и в две минуты добежал до траншеи, которая вела в расположение моего взвода.

Там, на открытом месте, я обернулся.

Шейна не было видно.

Пригибаясь, я добрался до своего взвода.

Там незнакомый мне офицер в сопровождении двух солдат с мешками, как у Дедов Морозов, принес боевое снаряжение: каждому выдали по каске и серебряной металлической маске с прорезями для глаз. Офицер называл маски забралами. Он следил, чтобы каждый экипировался как положено.

Офицерам выдали бронжилеты, ношенные-переносные. Даже завязки у них были оборваны и подшиты.

Когда офицер убедился, что все мы оборудованы и лица наши спрятаны от посторонних взглядов, он сказал:

— До начала личного поединка осталось шесть минут.

Прошу всех собраться в яме командира роты для просмотра только что добытого нашей разведкой документального трофейного фильма.

Офицер натянул на лицо маску.

По траншее быстро шел разведчик. Его длинные руки почти касались земли, он был единственным, не надевшим маску.

Сзади семеня патер-лама, который тащил белый рулон, а также кубик с объективом.

Мы потянулись следом за ними в штаб роты, к Коршуну.

Там патер-лама прикрепил развернутый в белое полотно рулон на стенку ямы.

Я приглядывался к Шейну, мне по-мальчишески захотелось перехватить его взгляд, но полковник меня не узнавал.

Это было хорошим знаком. Следовательно, он намерен сохранить наш разговор в тайне.

Но как он успел достать патер-ламу и прибыть к нам из тыла?

Шейн опустился на койку Коршуна, остальные уселись кто как мог — в большинстве на пол или на койки.

Кубический аппаратик поставили на стол.

— Наша разведка достала кинофильм, снятый ублюдками совсем недавно, час назад, на территории, временно захваченной врагом,— сказал полковник скучным учебным голосом.

Патер-лама включил аппарат, конус света упал основанием на экран, и по нему сначала побежали какие-то полосы, превратившиеся в изображение большой незнакомой мне ямы.

— Это наш лазарет,— сказал полковник.— Многие из вас в нем были, но, к сожалению, забыли об этом. Для сведения новобранцев сообщаю, что этот госпиталь был захвачен ублюдками, потому что ваши старшие товарищи по оружию бежали, оставив позиции.

— Это не так,— сказал Коршун, но полковник его не услышал.

Яма была длинной, и койки в ней, непокрытые, сбитые как длинные низкие столы, стояли в два ряда, головами к стенкам и ногами к проходу. На койках лежали раненые.

Только странные раненые.

Нет, не совсем так... когда ты внутренне не готов, даже в воображении, представить какую-то сцену, то глаза начинают тебя обманывать. Это были кадры из фильма ужасов, только вместо клюквенного сока в нем использовалась человеческая кровь.

Три человека в округлых шлемах и в золотых щекастых масках медленно двигались вдоль ряда коек, и мы их увидели в тот момент, когда половину ямы они миновали и как раз стояли перед койкой в середине палаты.

У одного в руках был широкий, с загнутым лезвием меч, двое других несли большую корзину.

Очень просто и деловито, даже поддерживая, как было очевидно из движения губ и свободной руки, разговор со своими товарищами, самый высокий из людей взмахнул мечом и отрубил голову раненому. Причем нет, не так. Он хотел отрубить голову, но меч соскользнул, хлынула кровь, раненый выгнулся, стараясь подняться, руки его рванулись к шее, и палачу пришлось ударить еще раз, чтобы голова и пальцы, закрывающие шею, оторвались от туловища и упали на пол.

Стараясь не попасть под струю крови, человек брезгливо ткнул мечом в голову, подцепил ее и кинул в корзину, в которой уже лежало несколько человеческих голов.

Вот почему раненые показались мне странными. Все они были обезглавлены.

Как и я, остальные зрители из новобранцев не сразу осознали, что же происходит, и лишь сейчас они взроптали, почти закричали, завывали в голос.

Камера смотрела на это зрелище сверху, точка находилась в нескольких метрах сзади убийц и на высоте двух-трехэтажного дома. Достаточно близко, чтобы видеть все в деталях.

Словно догадавшись, что за ними наблюдают, один из убийц поднял голову, и мне показалось, что в прорезях маски сверкнули глаза. Рот маски был растянут в улыбке.

Следующий раненый пытался уползти, спрятаться под койку, это развеселило убийц, которые стали охотиться за ним и тыкать в него остриями мечей, чтобы не убить, а помучить.

И тут в поле зрения попали еще два человека. Это были врачи. Они стояли в дальнем углу палаты, не делая попытки вмешаться, но и не в силах убежать.

Камера, снимавшая это страшное зрелище, поплыла вперед — в этом мире все открыто взгляду сверху — и перелетела в соседнее помещение. Почему-то я представлял, что увижу там спрятавшихся врачей, но оказалось, что и туда уже пробрались люди в золотых масках.

Один доктор лежал возле операционного стола, он не шевелился.

Но наше внимание было привлечено не к нему, а к самому столу, на котором, нагая, распятая, лежала девушка. Она была привязана к столу ремнями, схватившими щиколотки и кисти рук,— видно, так здесь привязывали к столу раненых во время операции. Со стола как раз слез один в золотой маске, а его место занял другой насильник...

И тут Коршун закричал:

— Выключи, выключи, сука! Нельзя смотреть!

То, что происходило раньше, он смотрел, хотя и с негодованием, однако без возражений. Но насилие лишило его разума.

Он кинулся к патер-ламе, свалил проектор и принялся топтать его, словно выплясывал первобытный танец.

Экран погас.

Новобранцы смотрели на танцующего командира роты и старались не встречаться взглядами, будто увидели нечто такое, в чем нельзя признаться.

Коршун замер.

Он словно возвращался из путешествия в безумие. И переходил в новый вид безумия, в разумный мир мести.

Коршун выхватил свой меч, короткий и зазубренный, и кинулся к выходу из ямы.

— Стой! — крикнул вслед граф Шейн.

Тот даже не оглянулся.

Разведчик, видно, был готов к такой реакции Коршуна. Он держал в руке небольшую трубку. Поднес ее к губам и как бы свистнул. Оттуда вылетела маленькая стрелка, которая настигла Коршуна, когда он уже бежал по траншее, разыскивая место, где выбраться наверх.

Пробежав еще два или три шага, Коршун с размаху упал лицом вниз.

— Вы убили его! — воскликнул я.

— Проснется, — отмахнулся Шейн.

Кто-то из новобранцев хотел было подбежать к командиру роты.

— Внимание! — начал Шейн. — Смотреть на меня. И слушать внимательно. Сейчас вы просмотрели короткий фильм, снятый нашими разведчиками после того, как ублюдки захватили наш госпиталь. Вы видели, что они делили с нашими пленными, с беспомощными ранеными. Видели?

В ответ — согласное гудение.

— Вы видели, что они делают с медсестрами, которые попали к ним в плен, только потому, что мы плохо справляемся, мы слабо деремся! Позор нам!

— Позор, позор! — нестройно отвечали солдаты.

Мне захотелось спросить Шейна: зачем же разведчик наблюдал и никто не вмешался? Я был убежден: было бы желание — могли вмешаться и остановить изуверство.

— Если вы отступите сегодня еще на шаг, то эти несчастья падут на головы ваших близких и наш родной город... родной город,— спазма перехватила горло разведчика, на несколько секунд он потерял дар речи. Мы подавленно молчали.

— Нашего родного города больше не будет,— неожиданно завершил речь Шейна патер-лама.

Завершала сирена.

— Начало боевого времени! — крикнул патер-лама.

Маска, которую я надел впервые, была тяжелой и натирала подбородок. Долго ее не потаскаешь.

Патер-лама и Мордвин стали выгонять солдат наружу из канавы. Там что-то должно было произойти, и нам следовало это увидеть.

Ребята собирались молча, подвязывали поудобнее маски, проверяли луки и обувь — они были профессионалами. Они знали, что воевать надо так, чтобы было удобно.

Друг на друга они не смотрели — они были подавлены фильмом, который им показали. А я сомневался, действительно ли он снят или это очередная фальсификация, как сфальсифицирован город и река. Надо спросить у Коршуна, что его так взбесило?

Я подошел к командиру роты.

— Придет в себя, поверьте моему опыту,— сказал разведчик.

— Это было? — спросил я.

— Вы думаете, что мы это подстроили? Что головы отрезали у кур, а насиловали резиновую куклу?

В самом тоне был ответ на мой вопрос.

— Зачем они это делают?

— Они нас ненавидят.

— А мы?

— Мы должны тоже ненавидеть. Без этого победа невозможна. Моя работа — поддерживать ненависть. «Убей немца!» Знаете, кто так писал? Один известный гуманист. Убей любого немца!

— Мы тоже убиваем пленных?

— Обязательно,— ответил полковник.

Он вытащил из кармана на кителе тонкую серебристую маску, сделанную, видно, из шелка. Он надел ее на себя и издали стал похож на любого из нас. Только мы таскали на физиономии железяку, а он обходился легкой чадрой.

— Равноправия не бывает,— улыбнулся он, угадав мой взгляд.

Затем он пощупал пульс у Коршуна.

— Скоро придет в себя, и мы увидим нового мстителя.

— Трудно поверить, что это не инсценировка.

— Ваша воля. Нам пора.

Затрубили трубы. Откуда-то сверху.

— Разве вы не хотели со мной поговорить? — спросил он.

— По окончании боевого времени,— сказал Шейн.

Мы с вами поговорим не спеша.

Он легко оттолкнулся от стенки траншеи и выскочил вверх — словно взлетел. Его плотное тело было слеплено из тугой резины.

Сотни ублюдков стояли полукругом в двухстах метрах от нас, на них были одинаковые золотые маски. С нашей стороны тоже стояли сотни бойцов. Только в серебряных масках. Отличались мы и куртками: у нас они были кожаные, рыжие, на них были черные плащи, а под ними виднелась кольчуга. На нас вместо кольчуг были бронежилеты Шейн преобразился.

Он выбежал в первый ряд, повернулся спиной к врагам и закричал:

— Вы знаете, что это не люди! Это звери!

— Звери! — покатило по цепи.

— Мучители, изверги, нелюди!

— Нам некуда отступать. За нами — город!

Цепь ревела. Люди рвались в бой.

— Поединок! — кричал генерал.

— Поединок!

Рыцарь с нашей стороны появился из низины. Он был, как и положено, в маске и каске с гребнем. Но он был

обнажен до пояса. В одной руке у него был меч, в другой — факел.

За ним и по сторонам шагали секунданты, доктор, офицеры — свита!

Я понял, что здесь соблюдается средневековое правило: прежде чем начнется бой, два богатыря должны показать свою силу.

Вдали от меня раздвинулась цепь.

Сквозь нее прошел богатырь ублюдков.

Он сверкал. Он был в позолоченной кольчуге, на нем был позолоченный шлем и золотая маска. Он нес в правой руке короткое копьё с широким лезвием, в левой — саблю.

Все это более напомнило бой гладиаторов, чем поединок рыцарей. Я понимал, что наш богатырь уступает врагу. Но нарочно ли это сделано? Или рыцари готовились к бою, не зная о вооружении противника?

Болельщики кричали, махали руками — они ненавидели друг друга.

Эта война была недурно организована. И теперь я уже верил в то, что увиденное в фильме — настоящее. Потому что настоящей была ненависть и настоящей была война, в которой не брали пленных.

Наш рыцарь, хоть был слабее вооружен, оказался куда подвижнее ублюдка, у него было поджарое тело — без капельки жира — лишь мышцы и жилы. Движения нашего рыцаря были неожиданны, быстры и законченны.

Краем глаза я увидел Коршуна. Он стоял справа от меня, положив ладонь на рукоять меча. Он смотрел на рыцаря так же внимательно и заинтересованно, как на ту несчастную девушку. Я мог бы поклясться, что он его знает. Или старается узнать.

Бешеный рев прокатился над полем — воины кинулись друг на друга.

Я обратил внимание, что, как назойливые слепни, к рыцарям кинулись сверху мутные шарики и зависли над ними. Некто наблюдал за ними. Вернее всего, люди разведчика. Что нужно было этому хитрецу от меня? Будь он честным офицером, он должен был бы меня убить. Но если он все же не союзник мне, а кот, который, поиграв с

мышкой, придушив ее для порядка лапой, относит к ногам хозяина?

Зрелище самого боя меня не очень привлекало. В любом случае по воздействию оно далеко уступало кровавадной сцене фильма. Но как я понимаю, все здесь было неплохо рассчитано; после шока, вызванного фильмом,— открытое поле, настоящий бой, локоть товарища рядом, враги по ту сторону поля.

Солдаты, ребята из Меховска, смертельно отравленные войной, как бы возвратились в лоно своей матери-бойни. Это был их мир, их наркотик, смысл их короткой жизни. Мечь была одним из немногих доступных им чувств. Мечь была страховкой от забвения. Мстя, ты знаешь, что за тебе тоже отомстят,— это эстафета странной надежды смертников.

Наш рыцарь вел себя, как бешеный пес. Он кидался на золотого врага, тыча ему в маску факелом, что имело бы смысл, если бы тот был обнажен. А ведь кто-то снаряжал рыцаря и давал ему советы. Вот и сейчас кучка его тренеров и ассистентов кричит, подсказывает что-то, но вряд ли он слышит подсказки за криком и воем толпы.

— Шундарай! — кричал Коршун.— Кинь факел! Руби его! Шундарай!

Меня удивило это слово — явно местное. А может быть, они знакомы с богатырем?

Шундарай послушался Коршуна, откинул в сторону факел, тот горел на земле, стелясь пламенем и дымом по пыли и постепенно угасая.

Теперь у него оставался только меч, и ему стало легче, хотя он все время был вынужден отступать, потому что ублюдок (господи, я уже употребляю это слово привычно, как обозначение национальности!) спокойно следовал за ним, как крокодил за собачонкой.

Его преимущество выражалось и в том, что копьё — лучшее продолжение руки, чем меч,— ублюдок умудрялся сделать два шага, тогда как Шундарай был вынужден сделать десять.

Пока что его неожиданные попытки прорваться поближе к врагу и вонзить меч в незащищенное горло пресекались.

— Шундарай проиграет,— тихо сказал Шейн, который незаметно подошел ко мне.— И это жульничество.

— Почему жульничество?

— Значит, так выгодно... результат первого боя не должен быть предсказуем. Но может быть...— Он впился мне в лицо черными острыми глазами,— может быть, ему обещали жизнь? И теперь ее отнимут.

Я не понял, о чем говорит разведчик. Но надеялся узнать — Шейн начал охотно говорить со мной, возможно, он продолжит эти беседы.

Я поглядел на Коршуна. Мой комроты до половины вытащил из ножен меч. Он с трудом удерживался, чтобы не кинуться на выручку Шундараю, хотя, очевидно, этого делать было нельзя.

Неожиданно ублюдок метнул копье. И с такой силой, что оно вошло в грудь Шундараю чуть ниже правого плеча, и удар пошатнул его, чуть не развернув.

Ублюдок тут же кинулся к Шундараю, но все же он двигался замедленно, и это спасло нашего рыцаря. Под собственной тяжестью копье выпало, и следом за ним полилась струйка крови. Шундарай выронил меч, но каким-то чудом умудрился перехватить его левой рукой.

Теперь ему ничего не оставалось, как идти ва-банк. Рана, по-моему, была достаточно глубокой и болезненной, и в его распоряжении оставались минуты, прежде чем он потеряет силы.

Вокруг творилось что-то невообразимое. Увидев, что Шундарай нашел в себе силы ринуться вперед, наши воины, было затихшие и онемевшие от ужаса, взревели, подбадривая рыцаря.

— А кто такой Шундарай? — спросил я разведчика, стараясь перекричать толпу.

— Смертник,— ответил тот.

— Давай! — кричал Ким, оказавшийся рядом. Раньше я его не видел, он был со своим взводом.

Ким забыл уже о том, что город оказался фальшивым и что он — чья-то игрушка.

Шундарай дотянулся-таки до противника, тот отступил, чтобы избежать укола, но Шундарай из последних отчаян-

ных сил прыгнул вперед. Видно, рыцарь ублюдков не ожидал такого прыжка, в котором Шундарай дотянулся до его колен и рванул рыцаря на себя.

Ублюдку бы рубануть его сверху саблей, благо, она оставалась у него в руке, но он растерялся, не ударил и сам упал на колени. Шундарай пытался подмять его, но правая рука плохо слушалась, и пальцы скользили по кольчуге.

— Почему смертник? — пытался я перекричать толпу.

— Он был приговорен, но сбежал. Он не знал, что здесь убежать некуда. Вы-то уже понимаете?

Я кивнул.

Шундарай и ублюдок возились в пыли, стало трудно разглядеть, что там происходит.

— Когда его поймали, то обещали жизнь, если он победит в поединке.

— И его в самом деле оставят в живых?

— Не говорите глупостей, — ответил Шейн.

— А что будет?

— Плохо дело. Наши друзья прижаты спиной к родному городу. Но сегодня они должны обязательно устоять.

— Нам нужна его победа?

Схватка на земле прекратилась.

Медленно-медленно алая кровь, своя ли — чужая, стекает по золотой кольчуге. Поднимался победитель — ублюдок.

Шундарай лежал неподвижно.

Золотой рыцарь тяжело вскинул руки — какая буря ю сторга поднялась в его войске!

И тут я краем глаза уловил движение вблизи.

Я ничего не успел сделать.

Никто ничего не успел сделать.

Выхватив меч, Коршун бежал через поле к победителю. Он споткнулся, чуть не упал — он был мал и жидок по сравнению с рыцарем ублюдков и даже с Шундараем.

Но он был берсеркером — свихнувшимся на жажде бни викингом, которому не страшна смерть, поэтому он дерется без доспехов. И прежде чем уйти в поля вечной охоты, он унесет с собой души нескольких врагов.

Рыцарь ублюдков сообразил, может быть предупрежденный отчаянными криками из своего лагеря, что к нему приближается непредвиденная опасность. Он потянулся, нагнулся за копьем, что лежало на земле, — черт знает что заставило его это сделать, — может, и в самом деле думал, что успеет.

Но не успел.

Более того, он подставил Коршуну незащищенный участок шеи, — и Коршун — опытный боец — вонзил ему в шею меч.

К нему же — золотой рыцарь еще не успел коснуться земли — толпой, толкаясь, сшибая друг друга, кинулись ублюдки в золотых масках — то ли они спешили спасти своего рыцаря, то ли желали отомстить за него.

И над полем, через динамик или мегафон, прокатился командирский крик, — видно, наш комполка быстрее ображал, чем его противник:

— Лучники, стрелы готовы!

Послушно — когда это успели в нас внедрить? — мы все, у кого были луки, потянулись к колчанам. Другая рука уже вытаскивала из футляра лук.

Кажется, что никто, кроме нас, не услышал приказа.

— По противнику, за кровь наших детей и матерей, прицельный огонь!

Толпа ублюдков — именно толпа — уже поглотила несчастного Коршуна и смешалась, лишенная стимула бежать дальше.

Стрелы вонзались в ублюдков, вряд ли многие из них погибли — большинство ублюдков облачены в кольчуги, маски и шлемы. И все же несколько человек упало, это внесло еще больший беспорядок в ряды противника.

— Вперед! — кричал наш командир полка.

И я увидел, что он выбежал вперед, на открытое пространство, отделявшее нас от ублюдков, и поднял меч.

Мы кинулись за ним. Нас трудно было остановить, потому что мы не только спасали город, мы спасали нашего отважного товарища, мы неслись мстить!

И я несся со всеми, понимая, что веду себя неразумно, но я не мог остановиться, не потому, что верил в город, —

я хотел помочь Коршуну, я не мог бросить своих солдат — я же командир взвода! Что же мне, отсиживаться в траншее? Ведь разведчик — уж кому-кому, а ему не было нужды лезть в схватку — размахивал своим мечом рядом со мной.

Я тоже махал саблей. Я должен был победить. Главное — пробиться сквозь их толпу, чтобы отыскать Коршуна.

Я не могу точно сказать, как и когда наш противник не выдержал натиска и кинулся бежать — это не было отступлением: ублюдки тяжело бежали, утаскивая своих ренных и убитых.

Коршун и Шундарай остались лежать посреди поля, и солдаты убежали дальше, преследуя ублюдков.

Я склонился над Коршуном. Он был избит, окровавлен, одежда на нем разорвана — но он дышал. Ублюдки так спешили убить его, что помешали друг другу.

Я хотел было оттащить его назад, но возникший рядом Шейн — как он умеет это делать! — крикнул:

— Его подберут! Сзади идут санитары. Важнее захватить наши старые окопы. Понимаешь?

Я не понимал, зачем нам нужны старые окопы. Может быть, из принципа?

Мы трусили с полковником следом за солдатами, которые уже ворвались в траншею и продолжали гнать врагов. Тут еще — я не сразу сообразил, как это случилось, — прилетел их воздушный шар и кинул несколько бомб на своих, почему-то решив, что мы уже заняли свои старые позиции. Как я понял тогда — он бросал глиняные горшки, наполненные порохом. Они шумно взрывались и поражали всех вокруг кусками своей оболочки.

— Не беги, — попросил разведчик. — Я в этом воздухе задыхаюсь. Здесь быстро изнашиваешься.

Мы спустились с ним в длинную неглубокую яму. Яма была знакома. Койками — конечно же двумя рядами косяк, ноги к ногам. Это был лазарет. Койки были пусты. Ни какое-то мгновение я снова подумал о том, что фильм был инсценировкой. Но когда я подошел поближе, то увидел, что койки залиты кровью.

Как бы угадав мои мысли, Шейн сказал:

— Они их вон там закопали, присыпали хлоркой и закопали, чтобы заразы не было.

Он показал на невысокий пологий холм в конце ямы. И если у меня и могли еще оставаться сомнения, они исчезли, потому что, не очень стараясь скрыть следы, они засыпали трупы кое-как, и из перекопанной земли высовывались скрюченные пальцы, словно мертвецы просились наружу.

Шейн прошел дальше.

Мне было страшно оставаться в лазарете, и я поспешил за ним.

Он прошел в небольшой зал — в операционную.

Мы остановились возле операционного стола, на его пластиковой поверхности были видны плохо затертые пятна крови. Это от операций, подумал я.

— Вы много говорите,— сказал я.— Но я все равно не понимаю.

— Странно. Мне казалось, что я предельно ясен.

— Вы говорили о сроках жизни здесь — вас это касается?

— Я удивлен, что до сих пор жив. Я пережил всех. Даже

Шундарая.

— Кто вас может убить?

— Те, кто руководит нами. Кукловоды.

— Вот теперь мы подошли к самому главному? Как устроен этот мир? Кто им правит? Почему мы воюем? Кто хочет вас убить?

— Вы можете задавать вопросы бесконечно. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз обсудить.

— Тогда пошли,— сказал я.

Это развеселило разведчика:

— Не слишком ли вы доверчивы, мой юный друг?

— Не заставляйте меня проливать слезы над сентиментальным романом из жизни лордов! — огрызнулся я.

Сзади послышались голоса.

В операционную заглянул мужчина в зеленом халате.

— Мы переносим сюда лазарет,— сказал он.

— Хорошо. Только сначала пускай перенесут на общее кладбище трупы, которые закопаны в углу палаты.

— Тут нет опасности для раненых? — спросил доктор.

Я догадался, что в лазарете садистский фильм не показывали — врачам не нужно бросаться на врагов и рвать их глотки. Доктор не знает, что здесь произошло.

— До следующего боевого времени никакой опасности нет.

— А где похоронная команда? — спросил доктор.

К нам присоединился второй.

— Ты знаешь, что там, в углу? — спросил он. — Там людей закопали. Вот сволочи!

— Зови похоронную команду, — приказал старший доктор. — Пускай переносят трупы.

— А мы начнем работать? Рядом с трупами?

— Ничего, — сказал старший врач. — Не впервой.

— А я в первый раз, — сказал младший врач.

— А где Маргарита? — спросил я. — Медсестра Рита Сивельева? Где она?

— Я ее в начале боя видел, — неуверенно сказал младший врач.

— Она могла пойти на поле глядеть на бой, — сказал старший врач.

— Нет, ее еще раньше не было, — сказал младший врач.

Над операционной появилась группа солдат. Двое вели третьего, раненого, который обнял их за шею.

Один из поводырей спрыгнул вниз и поднял руки. Вторым помог спуститься раненому.

— Куда его? — спросил он.

— Клади сюда, на стол, — старший врач показал на операционный стол. Потом повернулся к младшему и добавил: — Ты погоди с похоронной командой, поможешь мне.

Мы отошли от лазарета и остановились в траншее — и стороне от основного потока людей: солдаты перетаскивали свои пожитки, обустроивались на новом месте, которое для многих было старым, вчерашним местом.

— Давайте выясним одну важную штуку. Важную для нас обоих, — сказал разведчик. — Какова ваша цель?

— Уйти отсюда, — искренне сказал я.

Я не стал добавлять, что сначала мне надо узнать как можно больше об этом мире. Лишь потом я смогу уйти. Но уйти мне надо обязательно, так как иначе вся наша операция равняется нулю.

— Значит, цели совпадают, — согласился Шейн.

— И вы знаете, как отсюда уйти?

— Приблизительно. Но это не значит, что я могу это сделать.

— Почему?

— Все относительно просто, но нам не уйти.

— Меня сюда привезли и посадили в яму. А там, где есть вход, обязательно существует и выход.

— Умница! Только выход заперт снаружи.

— И что же делать?

— Те, кто управляет этим миром, те, кто контролирует эту войну, живут вон там, — он показал пальцем точно над головой, показывая в зенит.

— И наблюдают за нами?

— И наблюдают за нами.

— С помощью шаров?

— Не только — у них есть несколько способов. Когда я был там, то понял — они могут контролировать многое.

— И нас сейчас?

— Я думаю, что у нас есть шанс рискнуть. После окончания боевого времени они обычно уходят отдохнуть.

— Кто они?

— Люди. А вы о ком подумали?

— Черт его знает. Может, я попал на другую планету.

И где же они находятся?

— Я же говорил — там.

Он показал наверх.

— А вы там бывали?

— Конечно. Несколько раз. По служебным делам.

— Значит, выход открывается, когда вас зовут.

— В последнее время меня не вызывают. Скоро убьют.

А так как у них есть остроумные режиссеры, мою смерть могут обставить драматично.

Я подумал, что все-таки Шейн — ненормальный. Хотя вряд ли можно встретить здесь нормального человека. Шейн

глядел на меня яркими серыми глазами и разминал сильными пальцами кусочек земли.

— Я все просчитал, понял, что один я бессилен. Я почти смирился. И глазам не поверил, когда увидел вас. Сначала даже решил, что вы подсланы. Но кем? Кому нужно послать ко мне провокатора, если проще меня убить слушательной молнией или стрелой? И тут я заметил — вы не поддаетесь гипнозу. Вы подозреваете неладное... Значит, хотите вы или нет, вам придется быть моим союзником.

Он неожиданно хлопнул меня по локтю — я был им голову выше его.

— Если мы вдвоем, то наши шансы удваиваются — это принципиально. Мы — команда.

В его голосе не было всегдашней уверенности в себе.

— И что наша команда может сделать?

— Сначала наша команда может думать.

Два солдата притащили в палату Коршуна. Может, и ошибся? Нет, это Коршун.

— Коршун? — разведчик весь подобрался. — Жаль, что ему не жить. — Шейн подошел к Коршуну, оттянул палец, потом попробовал его пульс. — Жаль. До встречи с вами и так рассчитывал на его помощь!

— Я займу его место?

— Вряд ли. Но у меня нет другого выхода. Пойдемте, пока перерыв. Я покажу вам вход. Он открывается снаружи.

— Этому мне достаточно. Но они не будут за нами наблюдать? Через купол?

— Ничего подобного! — воскликнул Шейн. — Нет ни какого купола! Есть забор. Прозрачная упругая ограда, в которой догадываются лишь те, кого скоро ликвидируют. А наверху существует подобие широкого балкона, с которого за нами и наблюдают. Подняться на него можно лишь с внешней стороны. А отсюда мы вольны петь серенады.

— Это уже лучше, — сказал я.

— Что? Петь серенады?

— Нет, забраться на балкон.

Мне показалось, что снаружи, наверху, кто-то есть. И сделал шаг к полуосыпавшейся стенке траншеи и, отыскав

в ней выступ, резко подпрыгнул и перевалился через бруствер.

Там сидел, вытянув перед собой ноги, сержант Ким.

Он вздрогнул, когда я оказался рядом с ним, резко вскочил, но не схватился за меч.

— Ты чего здесь делаешь? — спросил я.

Разведчик запрокинул голову — он увидел Кима, когда тот встал во весь рост.

— Отдыхаю, — ответил Ким.

— Тебе же сказали, чтобы ты во взвод шел.

— Был я во взводе, там меня не требуется.

Рожа у него была красная, под глазами мешки, волосы встрепаны, он криво улыбался.

— Ты наконец-то поверил? — спросил я.

— Я ни во что не верю, — ответил Ким и неожиданно пошел прочь. Он шел медленно, перепрыгивая через траншеи, исчезая в канавах и появляясь вновь.

— Станный парень, — сказал я.

— Его следует опасаться, — заметил разведчик.

— Вы можете показать мне, где находится дверь? — спросил я.

— Как и все тут — относительно недалеко. Только надо спешить, пока хозяева отдыхают.

Вот и новое слово — «хозяева». Хозяева, которые славно организовали целую войну с настоящими убитыми.

— Тогда пойдем, — сказал я.

Разведчик задержался. Коршун был весь в бинтах. Над ним трудились оба врача и пожилая медсестра.

— И как у него дела? — спросил я.

— Плохо, — сказал старший врач. — Рука и два ребра сломаны, гематомы, отбиты почки. Долго не протянет.

— Черта с два, — с трудом произнес Коршун. Лицо у него тоже было забинтовано — лоб, щека и один глаз. Вокруг второго было черное пятно. — Я встану. Ты без меня не уходи...

— Ты переменял ход битвы, — сказал Шейн. — Если бы не ты, мы бы проиграли всю войну.

Он добавил, авторитетно обращая внимание к врачам:

— Чтобы поставить его на ноги немедленно! К следующему бою герой должен быть готов. Наложите шины, перевяжите. Я скоро проверю!

Когда мы отошли от госпиталя, Шейн сказал мне:

— Вернее всего, он — мертвец. Я не удивлюсь, если это случится в ближайшие часы.

— Почему?

— Во-первых, он нарушил правила боя. Рыцари сражаются один на один. А он ввязался в бой.

— Но только после гибели Шундарая.

— Не важно. Он изменил ход боя.

— Победа ублюдка, — возразил я, — могла означать конец войны?

— Да, — согласился Шейн. И вдруг остановился. — Ты прав! — воскликнул он. — Прав, черт побери! Войну кончить нельзя! Война — вечна!

— Почему?

— Все узнаешь, обязательно узнаешь.

Нам встретились сразу трое лам, все незнакомые. Они тащили рулоны материи. Видно, переносили свой храм на новые позиции.

Штейн шел молча, он не хотел допускать меня в свои мысли.

Мы обошли довольно глубокую яму, в которой несколько солдат играли в карты, кажется в подкидного дураки. Игра шла азартно — они нас даже не заметили.

Люди кучковались в траншеях и ямах — по несколько человек, даже дремали вместе, но можно было пройти сотню метров и не увидеть ни единого человека. Если бы наши враги захотели совершить прорыв, никто бы им не помешал.

Но они не хотели совершать прорывов. Они зализывали раны.

— А кто они — ублюдки? — спросил я.

— У нас не берут пленных, — сказал разведчик.

— Но когда пленного убили, он все равно лежит у ваших ног, только мертвый, — заметил я.

— У нас не положено снимать маску.

— Кончайте вешать мне лапшу на уши, граф,— сказал я,— неужели вам никогда не приходилось снимать маски с убитых?

— Снимали,— сказал Шейн.

— И что же?

— Ублюдки и есть ублюдки.

Я вздохнул.

— Граф, вы мне врете,— настаивал я.— Что-то заставляет вас скрывать правду. Если вы не верите мне...

— Ублюдки — такие же люди, как мы с вами,— сказал Шейн.

— Так я и подозревал.

Мы поднимались по пологому склону холма, изрезанного древними траншеями, большей частью полузасыпанными.

— Здесь давно не воевали,— заметил я.

— Да, теперь война идет ближе к речке. Так им лучше видно.

Чем выше мы поднимались, тем больше вокруг было мусора, сухих палок и даже бревен, камней, старых тряпок, железных ржавых предметов от кастрюль до детской, некогда эмалированной ванны, встретилось даже колесо грузовика без шины и железный обод на железных спицах от какой-то высокой телеги — будто некогда оно составляло часть велосипеда для слона.

И я налетел на стену. Просто забыл о том, что пора бы готовиться к встрече с ней.

Я отскочил от неожиданности.

— Спокойно, мой друг,— сказал Шейн.— Теперь нам надо найти нужное место.

Он пошел вдоль стены, легко перепрыгивая через сучья и обходя крупные камни.

Мне показалось, что за нами следят.

Я поднял голову — шариков не было видно.

Шейн водил в воздухе растопыренными пальцами.

— Смотрите, Седой,— сказал он.— Здесь дверь.

Я подошел к нему и, проведя пальцами в том месте, почувствовал вертикальную полоску.

— Дверь открывается снаружи, с той стороны. А здесь есть ориентир. Видите сухое дерево, раздвоенное?

Сухая сосна поднималась за нашими спинами.

— Ее видно снаружи. Я как-то подходил к этой двери

— А как она отпирается?

— Она не заперта. Она сейчас — одно целое со стеной

Я толкнул стену за полоской разрыва. Ничего не произошло.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил я.

— Я думал, что вы знаете. Вы же просили привести нас сюда.

У меня возникло подозрение, что Шейну известен мой секрет. Чего быть не могло, ведь в Меховске не осталось ни одного человека, который знал бы о моих московских занятиях.

— Я могу попытаться, — сказал я.

— Вы пройдете сквозь стену?

— Как высоко отсюда до балкона?

— Раньше воюющим сторонам разрешали иметь и воздушные шары при условии, что они поднимаются только на сто локтей. Но кто-то поднимался выше. Такие шары сбивали. А это, я вам скажу, увлекательное зрелище. Шаров кидают вниз горшки, наполненные греческим огнем — горючей смесью. Горшки вдребезги, люди горят!

— Значит, минимальная высота, на которой живут бранные, пятьдесят метров?

— Наверное, чуть больше. Но воздушного шара мне для вас не найти.

— Допустим, я окажусь снаружи. Я смогу открыть дверь?

— Снаружи — сможете.

— А как мне ее отыскать?

— Вам не добраться до балкона.

— Это мои проблемы, граф. Допустим, я оказался там

— Снаружи... вам покажется, что вы попали на большой старый стадион. Балкон — правительственная ложа, вынесенная над футбольным полем. А сзади — коридоры, лестницы, туалеты, служебные помещения... Все, как обычно

— Дальше!

— Дверь, которая ведет сюда, расположена в платяном шкафу сорок шестой комнаты под северной трибуной.

— У вас хорошая память, граф.

— Не жалуясь. Но как вы собираетесь туда попасть?

— Увидите. Я не буду ничего от вас скрывать. Но прошу вас, не удивляйтесь и не пугайтесь.

— Меня трудно напугать.

— У каждого свои представления о путешествиях. Я смогу попасть на балкон.

Он полез за пазуху, вытащил оттуда сложенную, расшитую позументами каскетку, наподобие бейсбольной, с необычным гербом впереди.

— Это вам может пригодиться снаружи,— сказал он.— Такие носят служители.

— Спасибо,— я надел головной убор, он был чуть мал.

— И главное,— попросил он,— если попадетесь, не говорите о моем участии в этой аванюре. Мне хочется еще немного пожить.

— Они обычно пытаются или сразу расстреливают?

— Когда как,— обреченно сказал Шейн, который решил, что я его обязательно выдам. Непроизвольно его рука, рука разведчика, который не любит оставлять нежелательных свидетелей, потянулась к рукоятке кинжала, заткнутого за пояс.

— Не беспокойтесь, граф,— сказал я,— постараюсь вас не подводить, а если вам захочется сейчас воткнуть мне ножик в спину, вы этим ничего не добьетесь. Останетесь один, и вас, по вашим же словам, завтра уберут.

— Вы заблуждаетесь,— ответил граф,— я не собирался причинить вам вред.

— Тогда — счастливо оставаться! Ждите меня у двери через полчаса!

Я отошел на несколько шагов, прикинув, что стены изгибаются внутрь. Мне надо будет лететь под углом, как круто поднимающийся реактивный истребитель.

А вдруг не получится? Я в этом мире толком еще не летал. И слишком мало использовал свои способности. Калерия обещала, что со мной займется главный психолог

института Мирский, но Мирский постоянно был занят на симпозиумах, а я — на заданиях. Так мы и не совпадали.

Я представил, как поднимаюсь над этой мертвой долиной.

— Что вы делаете! — ахнул Шейн. И я понял, что он не притворяется. Он в самом деле был поражен зрелищем человека, медленно, но уверенно воспаряющего к облакам.

Все. Получилось.

— Ждите меня, — повторил я сверху. Я понимал, что, когда говоришь с неба, твои в общем банальные фразы приобретают особое звучание. — Через полчаса у сухого дерева.

Я стал подниматься все быстрее. Мне хотелось достичь облаков и спрятаться в них.

С каждой секундой поле боя расширялось, и я уже мог охватить взором все — от нашего города, нарисованного на горизонте, до города ублюдков — его, правда, было почти не видно, до него втрое дальше, чем до нашей родной столицы. Но он тоже был нарисован — можете потрогать.

Я видел лысинку графа Шейна. Граф как граф — позыменты и страх перед пенсией. Правда, здесь пенсию дают одновременно с путевкой в крематорий.

Шейн стоял, запрокинув голову, и мне даже с высоты было видно, как удивленно сверкают его глазки, а руки дергает правый ус.

Теперь мне надо постараться не стукнуться головой о край балкона. Или правительственной трибуны.

Вокруг меня возникало молоко. Молоко сгушалось, казалось, что стало сыро. Я проходил облако. Я понимал, что облако не должно быть плотным и толстым. А над облаком должна нависать трибуна для почетных гостей.

Я быстро пронзил облака и оказался под другим небосводом, и что самое удивительное — я ждал неба голубого или, по крайней мере, ночного, в звездах, а увидел такое же серое небо и такие же бегущие сизые облака.

Впереди, в тумане, было видно закругление трибун гигантского стадиона, ближе висела правительственная трибуна. Это была далеко выдающаяся вперед веранда, спо-

собная разместить до сотни зрителей и накрытая сверху козырьком полотняной крыши.

Я взял курс на самый угол веранды. Даже если кто-то и стоит в центре ее, у меня больше шансов забраться туда незамеченным.

Некоторое время я висел на руках, разглядывая через барьер внутренность трибуны. Я был практически один. Лишь некто в униформе дремал на стуле у входа на веранду.

Я медленно и осторожно перебрался через перила балкона, поставил ноги внутрь и не спеша, но деловито направился к двери наружу, которую я высмотрел с самого начала.

В дверях я оглянулся.

Человек все так же сидел на табурете в том конце веранды. Ему до меня и дела не было.

На веранде стояло в ряд несколько кресел — не больше дюжины. Перед каждым был экран. Экран, пульт перед ним, стопки каких-то бумаг на столиках. Можно было представить, как сюда собираются астрономы или программисты, весело обмениваются приветствиями и начинают искать комету, зарегистрированную вчера в Лос-Аламосской обсерватории.

Все это — неправда. Это места Хозяев.

Я обратил внимание на то, что перед экранами в глубоких мисках кучками лежали мутные шарики, — очевидно, локаторы — маленькие контролеры.

У меня был соблазн усесться за один из компьютеров и поглядеть, как выглядит сверху перекопанная земля маленькой войны. Но это было бы неоправданным риском. Ведь я — местный служитель, вряд ли мне положено трогать приборы.

Ладно, не будем слоном в посудной лавке, сказал я себе. Сейчас я впущу внутрь графа Шейна, мне нужен проводник по кругам ада.

Спускаясь по лестнице, я обратил внимание на то, что стены ее давно не крашены, кое-где облупились, ступеньки грязные, везде валяются бумажки и окурки. Уборкой заниматься было некому.

Под краской — я постучал по стенке костяшками пальцев — был бетон. Вернее всего, они используют здесь для военных игр настоящий стадион. Пахло пылью. С каждым поворотом становилось темнее.

Мне повстречался человек в такой же, как у меня, киле кетке, в скромной черной куртке и брюках.

Человек нес ящик с бутылками, — кажется, пивными.

Он даже не посмотрел в мою сторону. Может, потому, что груз был тяжелым.

Здесь было мирно и тихо, как в ресторане задолго перед открытием. Никаких войн, грохота, стонов и лязга металла.

Где же прячутся хозяева этой войны в перерыве между сражениями? Похожи ли они на людей, а если похожи, то на каком языке разговаривают?

Для того чтобы посмотреть на мир, желательно погулять по улице, оставляя свои пыльные следы на дальних плитах.

Я медленно спустился по широкой лестнице к широким воротам входа.

Будем считать, что у меня в запасе минут десять, прежде чем Шейн начнет беспокоиться, — мало ли что могло меня задержать?

Первым ощущением было безлюдье.

Любой город, даже спящий, издает дыхание. Этот молчал.

В небе не было птиц, насекомых, воздушных шаров, парашютистов, самолетов, драконов — ничего, что бышило в небесах настоящих или сказочных.

Но это не был сказочный мир. От него исходила реальная злоба медленно ползущей гюрзы.

Через ворота стадиона я вышел на пустую, растрескавшуюся асфальтовую площадь. На деревянных столбах ни села покосившаяся таблица розыгрыша Кубка СССР по футболу, где первое место занимала фанерная фигурка футболиста в красной футболке и синих трусах. Под ним была надпись: «ЦДКА. Москва». Вторую ступеньку на лестнице

фанерных человечков занимал игрок из команды «Динамо. Ленинград».

Значит, я был на Земле. На параллельной Земле, где время отстало от нашего?

В отдалении виднелись другие здания, но идти до них было далеко, да и не хотелось идти через такое обширное открытое пространство.

Я вернулся под крышу стадионных коридоров и пошел по закругляющемуся коридору. За дверями были слышны голоса.

Я отыскивал голоса.

Они доносились из-за двери неразборчиво, словно во сне. Я приблизился к двери и постарался поймать смысл слов.

Но никак не мог врубиться в музыку фраз...

И тут сзади — ну как так можно попадаться? — раздался спокойный голос:

— Ты что тут делаешь, Гарик?

Наверное, я подпрыгнул или как-то иначе выразил страх, потому что Александра засмеялась. Искренне и без злобы.

На ней красовалась кожаная турецкая куртка, какие носят «челноки», и потертые джинсы. Была она хрупкая и похожа на мальчика. Став взрослыми, такие женщины любят рассказывать, что у них не было подруг и они всегда дрались с мальчишками. Это полуправда, да дело в том, что такие девочки рано развиваются сексуально и их безумно тянет к мальчишкам. Вот они и притворяются сорванцами. В самом деле им это не нужно, хотя порой переходит в привычку. И они до седых волос носят джинсы и короткую стрижку.

— Гарик,— сказала она,— тебе же надо быть там! — Она показала в сторону и вниз. Точно показала — там было поле боя.

— А мне захотелось поглядеть, как вы тут живете,— сказал я, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Врешь,— сказала Александра.— Оттуда еще никто живым не уходил. Надо будет Рустему сказать.

— Не надо.

— Почему? Если появился какой-то путь снизу, за тобой черт знает кто может пробраться.

Она держала руки в карманах куртки. Но никакого пистолета или ножа там не было, — вернее всего, жизнь наверху была куда более мирной, чем на поле боя.

— Я тоже не думал тебя встретить, — сказал я. — Видно, у тебя такая задача — спасти меня.

— Я не собираюсь тебя спасти, — сказала Александра. — Сейчас я позову людей.

— Успеешь, — я старался загипнотизировать ее, но это было нелегко — к тому же она уже была уверена, что видит именно меня. Я плохой гипнотизер. У меня получается лишь с теми, кто не готов к встрече со мной.

— Я тебя не боюсь, — сказала Александра.

— Слава Богу!

— Я с самого начала догадалась, что тебя подослали.

— Я так и не знаю, что все это значит. Расскажи мне.

— У тебя крыша поехала? Чтобы я тебе это рассказала?

Да я и трех минут не проживу.

Голоса изнутри приблизились к двери.

Те, кто был в комнате, намеревались выйти наружу.

— Беги, — прошептала Александра. — Беги, мать твою!

Я рванул по коридору и, когда увидел приоткрытую дверь — нырнул в нее и успел раньше, чем люди вышли из комнаты.

Мне слышно было, как кто-то спросил:

— Ты что не идешь? Там раскладывают.

— Надоело сидеть. — Это голос Александры.

— Скоро домой поедem.

— Скорей бы.

— Что-то ты не азартная. Обычно бабы азартнее мужиков.

— Я об этом не слыхала.

— А где пленные?

— К Ритке захотелось?

Я придвинулся ближе к двери.

— Тебя не касается.

— Слушай, ты не вешай мне лапшу на уши. «Мерседес» имеешь? Коттедж имеешь?

Она ни слова не сказала обо мне. Разумеется, я не преувеличивал своих мужских прелестей. Значит, у Александры здесь свои интересы. А может быть, ее собеседник не входит в круг доверенных лиц?

Лучше я все-таки выполню просьбу Шейна и проведу его. Без союзников как-то скучно.

Разговор в коридоре замолк — то ли Александра увела собеседника, то ли они зашли в одну из комнат.

Я приоткрыл дверь.

В коридоре пусто.

Я быстро пошел в сторону сорок шестой комнаты. Я старался не перейти на бег — спешить служащие могут, бегать им не положено.

Вот и сорок шестая комната.

Она оказалась двойной, с тамбуром. Правая дверь была заперта, левая поддалась мне.

Ручка у нее была выломана, будто кто-то забыл ключ и не дождался слесаря.

Внутри она была обыкновенной. Возможно, тут располагалась бухгалтерия или отдел кадров. Ведь каждый стадион — организация, которую надо кормить и содержать.

В комнате стояло два письменных стола — друг против друга. Только левый был тяжелым, из темного дерева, и на нем стоял чернильный прибор, увенчанный бронзовым медведем. На правом, ученическом, светлом, лежало толстое стекло, придавившее календарь за 1981 год и полароидную фотографию некрасивой женщины, держащей на коленях плохо различимого младенца.

Окно выходило на пустырь перед ареной, а вот где же выход во внутренний мир, я догадался не сразу. Я тупо переводил взгляд со стола на стол, оттуда на окно. А обыкновенный канцелярский шкаф избежал моего внимания. Хотя он был единственным местом, где можно было что-нибудь скрыть.

Когда же я наконец открыл дверцу, что оказалось нетрудным — она была заперта лишь на щеколду снаружи, — я сразу вспомнил, что граф мне о шкафе уже говорил.

Внутри шкафа было темно, задняя стенка была затянута занавеской до самого пола. Вернее, это была не занавеска,

а большая грязная тряпка: задник из спектакля «Собор Парижской Богоматери». Сцена первая — квартал нищих.

Я отодвинул занавес, и сразу стало светлее, потому что там была матовая дверь в мир войны.

Граф не сказал мне, как ее открыть, но, ощупав ее, и догадался, что никаких приспособлений не требуется — надо лишь сильно надавить в центре, и дверь со щелканьем, какое издает, лопаясь, очень большой мыльный пузырь, перестала существовать — пленки больше не было. Только внутренний мир.

Он отличался запахом, — вернее, смесью запахов жизни и смерти.

Здесь же, на стадионе, запахов не существовало.

Я не решился заходить за дверь — только осматривался.

Граф Шейн, который тайлся за грудой камней, поднялся, увидев меня.

Он глупо улыбался, как человек, спасенный царским декретом от казни в тот момент, когда ему уже накинули петлю на шею.

Но полковник был не один.

Рядом с ним лежал, неудобно и коряво, как лежат люди, которым больно, человек, почти обнаженный, кое-как заматанный бинтами, промокшими от крови. Он показался мне знакомым, но уверенности в том не было — на раненом была посеребренная маска.

— Тебя только за смертью посылать, — проворчал Шейн.

Его белое лицо, оттененное короткими темными волосами, казалось покрытым масляными белилами.

— Я здесь в первый раз, — сказал я. — Задержался, простите.

— Помоги затащить тело, — сказал Шейн.

— Кто это?

— Да помоги ты! Неужели не понимаешь, что в любой момент нас могут засечь? Если уже не засекли. Они же всегда наблюдают за дверью.

Я подхватил раненого под мышки, разведчик — за ноги. Он застонал. Мы проволокли его сквозь шкаф, в комнату. Шейн сам проверил, что пленка снова затянула дверь — из зоны боев никто больше сюда не проберется.

Шейн снял с раненого маску. Это был Коршун.

— Почему вы его притащили сюда? — спросил я.

— Считай, что мне не хотелось, чтобы последний ветеран погиб там бесславно.

Полковник говорил неправду. Раньше я не замечал в нем склонности к филантропии.

Он устал и уселся на пол возле Коршуна, который был без сознания.

— Садитесь на стул, — сказал я.

— Отвык. Мне так хорошо. Сейчас отдышусь... А знаешь, я уже решил, что ты заблудился или тебя поймали. Тогда ты расскажешь, кто твои сообщники.

— У меня нет сообщников.

— Это хорошо рассказывать здесь, в веселой компании.

А там мы умеем выжимать показания.

— У вас здесь есть друзья? — спросил я.

Он не ответил, а сам спросил:

— Ты кого-нибудь встретил?

Видно, он почувствовал мои колебания.

— Меня бояться не следует, — сказал он. — Я доказал, что не предаю.

— Может, у вас не было еще возможности?

— Возможность предать всегда найдется. — Он улыбнулся.

— Коршуну нужна настоящая медицинская помощь, — сказал я.

— Наверное. Но не бойся, он живучий. Мы все, ветераны, живучие. Мы вырабатывали эту живучесть месяцами боев. В основном погибают новички. А если ты пробыл на фронте два-три месяца, у тебя увеличиваются шансы прожить долго. До целенаправленной пули. Так кого ты здесь видел?

— Я разговаривал с Александрой, — сказал я. — И она, насколько понимаю, не стала доносить на меня.

Шейн не удивился имени. Оно было ему знакомо.

— А зачем ей тебя предавать? И кому?

— А с кем она здесь?

— С вожжами ветеранского движения, — почти серьезно сказал разведчик. — Они сюда прибыли, чтобы присутствовать при войне. И нажиться на ней.

— Но Александра? Из-за Порейки?

— Считай, что так,— сказал полковник. Он лгал. Второй раз.

— А что делать дальше?

— Дальше я бы попросил тебя,— он тяжело поднялся, держась рукой за стену.— Здесь воздух плохой,— пояснил он.— Изгоняет из тебя жизнь за полгода... О чем я? Да, и хотел бы попросить тебя побыть немного с Коршуном. Ему может стать хуже... Мало ли что? Мне не хочется, чтобы Коршун погиб здесь.

— А вы?

— Мне надо посмотреть, где люди, с кем я могу увидеться. Это в наших общих интересах.

Мне не хотелось оставаться здесь. Как в ловушке. Кто войдет — может взять меня голыми руками. Но и кричать вслед разведчику: «Я с вами! Не покидайте меня!» — я не мог.

Я стоял посреди комнаты. Коршун лежал у моих ног, скрытый столами от случайного взгляда от двери.

Мне было слышно, как шаги Шейна быстро удаляются по коридору.

Я попал в глупое положение. Вместо того чтобы разведывать, вынюхивать, узнавать, я стал игрушкой в руках человека, целей которого не понимал.

Чтобы не тратить времени даром, я решил заняться Коршуном.

Раненный и измученный, он еще более стал походить на хищную птицу, лицо потемнело, осунулось — нос, чуть загнутый вниз, смотрелся клювом.

Я вынул из шкафа шляпу и подложил под голову Коршуна. Больше ничего, заменяющего подушку, в комнате не оказалось.

Коршун был обнажен по пояс, вместо бинтов врачи использовали не очень чистые тряпки, но и в этом я вряд ли мог бы помочь своему командиру роты. Чище тряпок у меня не было. Так что мне ничего не оставалось, как поправить повязки, одну из них перемотать снова.

Тут Коршуну стало больно, он открыл глаза, узнал меня.

— Меня Гришка сюда приволок? — тихо спросил он.

- Я не знаю. Это — разведчик. Граф Шейн.
- Гришка,— сказал Коршун.— Я его откуда-то знаю. Давно. Но все время ускользает. Откуда у меня с памятью неразбериха? Две памяти, две жизни. Тебе скучно?
- Мне не скучно. А почему Гришка?
- Когда-то и где-то он был Гришкой. Ты не понимаешь?
- Кажется, понимаю.
- Жалко, что меня не убили. Ты видел, что ублюдки с Надин сделали?
- А ты уверен, что так и было?
- А ты не уверен? — его взгляд стал осмысленным и острым.
- Я здесь ни в чем не уверен.
- А почему? — постепенно дар речи возвращался к нему.
- Кто и зачем пришел в госпиталь с видеокамерой? Разве не странно, что ублюдки ни разу не обернулись и не заметили, что их снимают?
- Коршун думал. Но так ничего и не сказал.
- Я подошел к двери, чуть-чуть приоткрыл ее и выглянул в коридор.
- Там было пусто.
- Пить хочется,— сказал Коршун.— Жутко как хочется. Я славно этому гаду врезал?
- Славно,— согласился я.— А разве по правилам можно выходить на бой, если твоего рыцаря уже убили?
- А почему нельзя?
- Потому что их рыцарь уже устал.
- Кто об этом думает! — сказал Коршун.— Можешь воды принести?
- Шейн просил тебя стеречь.
- Ничего со мной не случится. А если придут, то мне что с тобой, что без тебя. А Шейн меня не заложит. Я его палочка-выручалочка.
- Я поверил Коршуну. Шейн волок раненого, рискуя жизнью, потому что ему это было выгодно.
- Хорошо,— согласился я.— Пойду посмотрю, где можно достать воды.

Я вышел в коридор. Коршун был прав: стоять возле него — лишь усугублять опасность для раненого. Случайно заглянувший в комнату человек и не увидит его.

Я шел спокойно и деловито, — полагая, что шапочки служителя и уверенности в себе достаточно для того, чтобы стать незаметным.

Я не знал, где здесь берут воду. Может, найти туалет?

Я дошел до центральной лестницы. Очень широкой, со стесанными бетонными ступенями.

И хоть коридор был пуст, пустота была иной, чем полчаса назад.

В ней царило внутреннее оживление. Невидимые, но странным образом ощущаемые люди пробегали рядом, соседними коридорами, лестницами, перекликались и звенели посудой.

А может, это было время проснувшихся теней?

Но вот и реальные голоса. Негромкие, уверенные в себе.

Я остановился там, где коридор пересекал центральную лестницу — еще один пролет вверх, и она выводила на площадку перед балконом.

По лестнице снизу медленно поднималась группа людей, одетых разнообразно, но с одинаковым презрением к здравому смыслу.

Сначала ты видел просто людей. Просто одетых людей. Потом ты понимал, что одежду они добыли в костюмерной провинциального театра, где остро не хватало нужных вещей.

Впереди выступал мужчина средних лет, со строгой осанкой, облаченный в длинный сенаторский плащ с пурпурной каймой и черный цилиндр не первой свежести. На голых худых ногах, по шиколотку скрытых под плащом, были сандалии, но не римские, а те, что носили дачники лет пятьдесят назад, — такие я видел в каком-то старом фильме.

Когда же этот человек приблизился и, медленно, как гриф, поворачивая маленькую лысую головку, окинул взором окрестности, я понял, что он очень стар. Он лишь

притворяется мужчиной средних лет. Когда-то он потерял свой возраст, остался в прошлых годах.

На полшага сзади шагали три других сенатора — я условно называл их сенаторами, хотя одеты они были в той же костюмерной сумасшедшего театра. Один из них раздобыл придворный камергерский камзол, наверное, из «Анны Карениной» и шотландскую юбку-килт, а двое других были в вечерних фраках и кальсонах, далеко не новых, поношенных и даже ветхих.

За ними следовало несколько служителей, в таких же, как у меня, каскетках, с кинжалами у пояса, вид у них был воинственный, но лишь на расстоянии — они тоже на поверку оказались ряжеными.

Вся эта процессия подымалась к балкону.

На опустевшей лестнице показался Одноглазый Джо, которого я видел в последний раз в вагоне-холодильнике, где он, вернее всего, играл роль того быка, которого запускают на бойню впереди стада. Он идет, оборачивается и говорит другим баранам и быкам:

«Видите, я здесь — и жив, и ничего плохого не случится».

Сенаторы подошли к главному входу на балкон. Служители распахнули перед ними двери. Сенаторы шли медленно, идти им было нелегко, а лифт, видно, не работал. Они не были старыми, по крайней мере, не все были старыми. Но казались изношенными и древними. Они даже не разговаривали между собой, словно все давным-давно уже было переговорено.

Одноглазый Джо не стремился их догонять. Он остановился посреди лестницы на площадке, откуда расходились коридоры. Закурил.

Где же добыть воды?

Служитель поднимался снизу, он нес поднос с бутылками. Для сенаторов. Я последовал за ним. Джо кинул на меня взгляд, но я сделал так, чтобы он не узнал меня. А так как он не ждал меня увидеть и подчинился легкому наваждению, я уверовал в то, что Александра промолчала и не выдала меня. Хотя непонятно почему.

Я вошел на балкон. Интересно, что, кроме каскетки, ничего на мне не указывало на то, что я — служитель. И все же окружающие, даже без моих усилий скрыть свою суть, видели лишь служителя.

Мой коллега расставлял на столе бутылки. Это была вода «Ессентуки» с каким-то номером. Я обычно стараюсь не покупать «Ессентуки», там бывают соленые и даже сернистые разновидности. Но, наверное, раненому все равно, есть привкус или нет — была бы вода мокрой.

Я протянул руку за бутылкой, но служитель сказал, не оборачиваясь:

— Рано еще разносить, погоди.

Он поставил последнюю бутылку на стол и ушел, размахивая подносом.

Сенаторы расселись в креслах.

Перед ними был барьер балкона, и я знал, что, если перемахнуть через него, свалишься прямо к нам в окопы.

Но им не было нужды прыгать или даже заглядывать вниз. Перед ними располагался большой, метра три на четыре, экран — общий вид фронта, с обеих сторон.

Помимо этого, перед каждым из сенаторов были дисплеи компьютеров — некоторые с бегущими строками, другие с увеличенными участками поля боя.

По крайней мере, теперь я увидел тех, кто наблюдает за войной.

Мне захотелось подойти поближе и посмотреть, как там мой взвод, жив ли Ким.

Мне показалось, что я различаю мою яму и в ней Мордвина.

Вдруг один из сенаторов оглянулся. Почувствовал мое присутствие. Он пронзил меня все еще острым черным взором, глубоко утопленным в черепе под бровями глаз, и, то ли увидел во мне опасность, то ли желая отделаться от источника раздражения, махнул мне тонкой рукой — рукав халата съехал к плечу, обнажив жилы, — уходи, мол, не путайся под ногами.

Я взял две бутылки воды и пошел прочь.

В коридоре я никого не встретил, хотя прошел мимо одной двери, из-за которой доносились голоса.

Я открыл нашу дверь и тихо сказал:

— Это я, Коршун, не бойся.

— Я не боюсь.

Я присел возле него. Он тяжело дышал, лоб был в испарине. Бинт на груди набух от крови.

— Воду принес? — спросил Коршун.

Я отодрал крышечку об ухо медведя на письменном приборе.

Коршун пил из горлышка.

Я не дал ему много пить. Он не обиделся. Я сказал ему, что постараюсь его перевязать снова, чтобы он не истек кровью.

— Давай, Седой, — сказал Коршун. — Мне еще нужно встать и сделать свое дело.

Он не стал ничего объяснять.

Я скинул куртку и стянул майку. Конечно, она была не самой чистой майкой на свете, но других бинтов у меня не нашлось.

Я разорвал майку.

— А что здесь? — спросил Коршун.

— А ты здесь не бывал раньше?

— Даже не знал, что город с этой стороны. Он же сзади.

— Это другой город, — сказал я.

Ему было трудно говорить. Он закрыл глаза. Я размотал кое-как накрученные бинты.

— Это не доктора, — сказал Коршун. — Это коновалы.

— А ты думаешь, что здесь нужны доктора?

— Если нельзя быстро поставить человека на ноги, — если воевать не будет, они помогут ему убраться. Я точно знаю.

— Значит, тебя считали...

— Со мной все в порядке, я оклемаюсь. Дай еще водички. «Ессентуки», что ли?

— А ты помнишь?

— «Ессентуки» помню.

— Шейн говорит, что со временем люди вспоминают все больше, поэтому их и убирают.

— Гришка прав, — сказал Коршун. — Если ты стал вспоминать, значит, ты обречен. Шундарай тоже стал вспоминать.

— Ты веришь в город, который защищаешь?

— Я уже ни во что не верю. Во мне осталась одна злость... Ты что делаешь?

Мне пришлось приподнять его, чтобы размотать бинты, которые не останавливали кровь и не скрывали рану, а лишь врезались в нее, закрутившись жгутом.

— Потерпи,— сказал я.— Я хочу как лучше.

— Все хотят как лучше. Даже когда из меня делают шашлык, хотят, чтобы он был красивым.

— Постарайся обойтись без афоризмов. Ты ведь не собираешься заниматься политикой.

— У меня есть дело. Поэтому я и терплю. Одно дело. Потом можно и уходить от вас в сияющие дали.

С помощью самодельного бинта сделать перевязку было нелегко, и получилась она лишь чуть получше, чем раньше.

— Значит, ты не знал, что тебя здесь ждет? — спросил я.

— Я и сейчас не знаю,— сказал Коршун.

— А я их видел.

— Кого?

— Тех, кто наблюдает за нами.

— Пускай наблюдают,— сказал Коршун.— Но если Гришка прав, то им еще придется покрутиться, прежде чем я сдамся. А их много?

— Хозяев меньше десятка. С ними обслуга и охрана.

— Ничего, справимся.

— Может, расскажешь мне, что у тебя за проблема?

Я старался расположить его к себе, внушая ему, что я — его единственный друг.

В этом не было лжи, потому что, по крайней мере, я не был его врагом.

— Пускай тебе расскажет Гришка,— сказал Коршун после долгой паузы.— Я обещал ему молчать.

— Мне не нужны твои тайны.— Я не скрывал, что задет отказом.

— Это связано с Надин. Гришка говорит, что она жива. Что все было инсценировкой.

Может быть, Шейн был прав. Но тогда какого черта тащить израненного, почти неподвижного человека сюда,

в диспетчерскую войны, чтобы он убедился в том, что все насилие над Надин было лишь инсценировкой?

Кто-то из них говорит неправду. Или Коршун, или Шейн.

— А как вы хотите это... как ты намерен убедиться?

— Они что-то придумали.— Коршун чуть улыбнулся. Он ослаб так, что лежал плашмя, нос — к потолку.

Но тут вернулся разведчик.

— Как у вас дела? — Он плотно прикрыл дверь.

— Так себе дела,— сказал я.— Кровотечение. Я воду ему принес.

— Да он что, потерпеть не мог? Где ты газировку добыл?

— На балконе,— сказал я.

— Я же просил, чтобы ты не выходил.— Шейн был расстроен.

— Я в шапке. А слуг не принято замечать.

— Ну что, она придет? — не вытерпел Коршун.

— Нет. Они заперты. Там она не одна. Надо подождать.

— Я не могу долго ждать. Я скоро кровью истеку.

Разведчик даже притопнул ногой, как рассерженный ребенок.

— Какого хрена я тебя тащил? На что ты мне нужен?

— Вот это меня и удивляет.

Коршун говорил медленно, ровно, стараясь не тратить сил на слова. Он даже головой не шевелил.

— Тогда потерпи еще,— сказал Шейн и вдруг молча, словно боялся, что мы станем его задерживать, выскочил из комнаты. Он был почти в истерике.

— Будем ждать,— сказал Коршун.

Потом он медленно повернул голову ко мне и вдруг подмигнул.

— Даю тебе задание,— сказал он.— Как комроты своему сержанту. Иди и сам разберись. Не доверяю я Гришке.

— Тогда скажи, откуда ты его знаешь?

— Какая-то связь у нас есть. Но забыл. Я много чего забыл... но главное помню. Учти.

В голосе звучала угроза. Он надеялся, что выздоровеет и наведет порядок в этой жизни.

Его пожелание совпадало с моими намерениями. Чем дольше я прячусь, тем хуже для дела и для меня. Сейчас я завишу полностью от Шейна, а он мне, как и Коршуну, не нравится.

Из коридора донесся звон, перешедший в звук сирены. Ноздри Коршуна задрожали, как у боевого коня.

— Боевое время! — сказал он. — Посмотреть...

— Что-то мало времени прошло, — сказал я.

— А у нас это сериями. Четыре-пять боевых времен, и потом большой перерыв — а то народу не останется. Здесь все рассчитано.

Он навел справедливость в пределах навязанных ему догм. В его сознании перемешалось освобождение от внедренной памяти и ее гнет.

— Ты поищи Надин, — попросил он. — Спроси, у кого сможешь. Здесь должны быть свои ребята, ветераны. Наши ведь везде есть, Россия великая страна, всегда где-нибудь воюет.

Дышал он мелко и часто.

— Я пошел.

— Не задерживайся, — сказал Коршун. — Хочется досмотреть.

Я вернулся на балкон.

В дверях меня не остановили. Экран горел — как хорошо видно! Общий план — наезд на поле боя.

Для того чтобы не выделяться из небольшой галактики служителей, я отступил к столам с закусками и прохладительными напитками, которые, правда, не имели большого спроса — внимание сенаторов было поглощено тем, что происходило внизу.

Я не сразу заметил моих земляков. Но они, оказывается, собрались тут же — в дальнем конце балкона, между ними и сенаторами была широкая нейтральная полоса.

У них там тоже был экран. Один на всех. На широкой ограде балкона лежали листки бумаги, на которых они что-то писали.

И вдруг я понял, что это означало,— это были бега, ипподром!

Вот они сидят: Порейко, толстый генерал, сам Рустем, Одноглазый Джо, Одуванчик, Александра... моего разведчика нет.

Александра заметила меня. Странное чувство — лишь она меня различала, для остальных я не существовал.

Она поднялась и пошла ко мне.

Проходя мимо, она кинула мне:

— Следуй за мной.

Мы остановились в коридоре, в стороне от входа. Здесь никто не ходил — все внимание уже было приковано к земле, к внутреннему миру — начиналось боевое время.

— Ну что ты здесь ходишь! — накинулась на меня Александра.— Ну простишь пять минут, десять, и кто-то обязательно тебя опознает. Тебе что от них нужно?

Часть четвертая

АЛЕКСАНДРА

Ей уже надоел этот милиционер. Она почему-то не сомневалась, что он милиционер — не разведчик, не из ФСБ — милиция.

Он обязательно попадется.

А парень хороший и совершенно не понимает, против какой системы он выступает.

Она бы давно могла его сдать тому же Порейке, который чудом его до сих пор не заметил. Но не сдавала — инстинктивно собирала себе союзников.

Графу Шейну она обещала взять его с собой.

Но сама не была теперь уверена, что их отпустят. Ну ладно, этих, из центра, сенаторы не тронут — они же поставщики мяса. А вот ее и Порейку, а уж тем более Одноглазого Джо могут и кинуть вниз. Ведь Меховск они уже обработали, теперь пойдут к Костроме или к Белозерску — они последовательно идут по России.

И все же скорее их отпустят — сенаторам нужны были хорошие отношения с поставщиками. А если сегодня они схватят Порейку, то завтра слух об этом пройдет по всем поставщикам, и черта с два ты наберешь людей без «Союза ветеранов — XX век». Так что давайте считать, что мы здесь — как на экскурсии. Наградная экскурсия.

Порейко получил семь тысяч баксов. Она знала. Он не мог не похвалиться.

Сколько же имеют генерал и Рустем?

Но главное — не это. Главное — вытащить Витю. Может, он уже мертвый. Почему-то Гришка не появляется. А как использовать этого... Гарика? Сколько ему можно сказать? Сколько он поймет? Ведь его обрабатывали вместе с остальными, но, по всему судя, он ничему не верит. Таких надо стрелять на месте, как Гришку-разведчика.

— Ну чего ты здесь шляешься? — в сердцах спросила Александра, когда вытащила любопытного милиционера наружу. — Простойшь ты минут семь-восемь, и тебя кто-то обязательно вычислит. Чего ты здесь ищешь?

Он какой-то простодушный, глаза блестящие, я бы сказала — с юмором. Скорее приятный, чем наоборот.

— Я обратно хочу, — сказал он. — Ты же знаешь, я сюда попал не совсем по своей воле.

Я мало о нем знала — может, и в самом деле заманили.

Ведь какой договор у наших руководителей с этими, отмороженными? «Союз ветеранов — XX век» поставляет им пушечное мясо, условно говоря — никому не нужных ветеранов. За каждого Союз получает по тысяче баксов. Доставку и уничтожение отморозки берут на себя. А местные отделения за сотрудничество и организацию получают единовременно. Это мой лысенький мне выложил — немощные мужики жутко любят, чтобы их уважали в постели. Не знаю, зачем им это нужно. И всегда хотят уважения за то, чего у них нет. Малочленник хочет, чтобы его уважали как быка-производителя, а дурачок — чтобы видели в нем Карла Маркса. Мой-то покровитель хотел одного — всеобщего почета и уважения от любой шлюхи государства. Кстати, я к ним имею самое прямое отношение. Раньше и не подозревала, собиралась стать ботаником или палеонтологом, книжки читала!

Раз у Порейки или генерала есть договор, а платят с головы или с группы, то надо набирать «бревна» — их в

официальной переписке называют «бревна»: «Пересылаю вам по ж/д восемнадцать бревен высшего качества».

У них всегда бревна высшего качества. Впрочем, отморозки к этому относятся спокойно. Сколько-то богатырей всегда найдется. Надо их обработать, а потом все равно всех перебьют. Пока связь есть, люди будут.

Я не удивлюсь, если в холодильник засунут и нежелающих. Для круглого счета. Под наркозом. Иначе как Ритка там могла оказаться? Чего только не бывает!

— Не верю я тебе,— сказала я Гарику.— Но дело твое. Живи.

— А обратно вернуться? — спросил Гарик.— Внутрь, на войну?

— Как ты вернешься? Там же охрана! Они очень следят за выходом. Без пропуска... на виду? Нет, не пойдет.

Он вовсе не расстроился.

— Значит, тебе известно, когда и как домой возвращаемся? — спросил он с прямодушием идиота.

О чем я ему и сообщила, тоже с прямодушием.

Гарик не стал обижаться. Не хотелось ему рисковать. Теперь уже набралось несколько мужиков, которые от меня зависят — по разным причинам. Полгода назад я об этом не мечтала.

... Полгода назад я приехала к Вите в Рыбинск, как и обещала. Хоть и не обещала.

Я не хотела к нему ехать. Расстались, значит, расстались. Что я, без этого козла не проживу?

Это мои проблемы.

Если непонятно, то уточняю. Я была студенткой. Первый курс, областной пединститут. Птичка из пролетарской семьи. О замужестве и не мечтала, берегла девственность. И вот — Витечка. А он, бывает же бабье несчастье,— не способен долго сидеть на месте и делать полезное обществу дело.

Судьба столкнула нас в Крыму, в доме отдыха «Красный водопад». Тогда все места были красными, включая водопады. Представляете — водопад низвергается кровью! Ви-

течка не был самым видным или сильным — он был особенный. И во мне произошел обвал. Девке девятнадцать, жизненного опыта — никакого. Он тоже проникся. Нет, честно, он полюбил меня. Бывают же в жизни даже последнего подонка светлые полосы? А Витечка не подонок — он просто легкомысленный. А я в него влетела как «студбеккер» в кремлевскую стену. И он мне проговорился, что собирается в Приднестровье заколачивать бабки. Там хорошо платят за кровь. Я не фига в политике не секла. Платят так платят. И вдруг мой Витечка, который снится мне в рыцарских доспехах, сматывается в это Приднестровье, которое я и на карте не найду, а меня с собой не зовет.

Что делает в таком случае невеста декабриста? Читали? Вот и я читала. Я забываю о начале семестра и несусь в Тирасполь устраиваться на работу поближе к моему суженому.

А там идет война и стреляют.

В общем, приближение к Витечке приводит меня в госпиталь. Должна же быть Маруся-санитарка или — как меня там? — Тамарка-санитарка. Наверное, я бы пошла по рукам, но меня хранила большая любовь. Витечка был рядом. Война как кроликов рожала легенды и суеверия, даже смешно. Все у нас ловили «белые колготки», прекрасных девушек-снайперов, причем литовских, видно, Литва показала свою неверность нашему славному Союзу. Было лето, я купила белые колготки — надо же, продавались, и недорого. Вот меня и взяли добровольцы из Ставрополя и рассказали, что со мной сделают. В тот день я впервые реально поняла, как плохо быть бабой на войне. О таких вещах рассказывать не хочется и не надо. Это я самой себе сейчас рассказываю.

Перед тем как расстрелять меня, вроде бы как убийцу их командира и еще славных ребят, эти казачки решили пропустить меня через весь взвод.

Это только в кино спасение приходит, когда герой уже сунул голову в петлю, но не успел даже испугаться.

Я испугалась. На всю жизнь испугалась.

Витечка примчался, когда несколько героев уже успели удовлетворить свою благородную страсть. Что обидно — даже в этом не было спасения, потому что казачки, отважные в тылу, послали Витечку куда подальше, заявив, что им лучше знать, кто «белые колготки», а кто героини медицинского фронта. Очень, видно, им понравилось мое юное тело, очень им хотелось моих скромных ласк.

Так что спас меня не Витя, а наш хирург Гурген, который давно по мне сох. Но после тех событий он от меня отвязался. Я думаю, у него были серьезные намерения, может, и жениться хотел. А кто будет жениться на девушке, которую так подпортили казачки?

Витька, правда, вел себя прилично. Особенно когда ему зашили морду, расквашенную в борьбе за мою честь. Он сказал, что женится, а я сказала, что пускай он сначала дезертирует. Но Витька — ведь он герой. Первый в классе, первый на зарядке. Он не мог оставить корешей спасать товарища Смирнова от молдавских угнетателей. Так что я уехала домой, к маме, в Саратов. Клясть свою судьбу.

Он примчался. И мы поженились. Как мне быть — поженились! И прожили полгода, пока пушечное мясо не потребовалось на Луне. Я условно говорю про Луну. Ну ладно, говорю я ему, ладно, если ты защищаешь родину от немецко-фашистского нашествия. А тут ты кого защищаешь?

Он даже стал сердиться. Оказывается, он защищал справедливость и так далее.

Но была пауза. Войну в Чечне Витечка не одобрял — ни с той стороны, ни с этой. Не полез. И то слава Богу.

Витечка отправился к своим ребятам в Рыбинск. Хватит, сказал он, нам с тобой бедствовать. Честным трудом на пирожное себе не заработаешь.

Сказал, что там есть работа на одну структуру.

Я, дура, развесила уши.

Он живет в Рыбинске, я, верная жена, в Саратове, и с каждым днем мне становится все хуже.

Не нравится мне что-то. А что — не знаю.

Витя не пишет. Правда, он никогда не писал. И не звонит. Правда, никогда не звонил. Говорил, что деньги

экономит. Но когда за мной ухаживал, забывал об экономии. Не я ли его с поля боя выносила? Не я ли ему кровотокающие раны перевязывала?

Ну ладно, шутки в сторону. Я маюсь, подозреваю, что он нашел себе другую, ненасилованную, свежую и душистую.

И собираю вещички, прощаюсь с родными и знакомыми — и в Рыбинск.

У меня был его адрес в Рыбинске. Адрес кореша Валеры. К нему я и заявилась. Но у Валеры никого дома нет. Прописан, конечно, Валера, бутылки стоят у двери, пустые. Соседки утверждают — был здесь такой Витечка, жил у Валеры. Вместе они куда-то рванули.

Вы не видели в кино, что может сделать любящая женщина? Верная кошка? Она может буквально перевернуть горы. Я провела два дня в беседах с соседками и собутельниками. Кое-что мне удалось узнать. Оказывается, Витечка вместе с другом Валерой посещали местный «Союз ветеранов — XX век». Там их подкармливали и обещали послать подальше — в прямом смысле этих слов. Витечка и одной шлюхе местной — мне и с ней пришлось пить мартини — признавался в постели, что скоро они уедут наводить очередной порядок в очередной непокорной республике. А вот когда накопит денег, то вернется к Александре. То есть ко мне. Это меня порадовало. Но не очень. Хорошо иметь мужа, но еще лучше, когда знаешь, где он скрывается.

Я сама — ветеран. Потому и отправилась в местное отделение Союза. Но решила не кричать с порога — отдайте мне мужа! Лучше посмотрю, с кем это мой Витечка общался в последнее время.

В этом ветеранском клубе — полная тишина и почти пустота. Сидит какой-то сморчок, ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!

Потом выскребла я все-таки из него любопытную информацию. Все, оказывается, уехали в неизвестном направлении. И ветераны, и начальники ветеранов, числом около полусотни. Он говорил, а я понимала: врет.

И чем больше он говорил, тем дурнее мне становилось. Знал он правду или нет, до сих пор не могу сказать.

Вы еще не знаете, какая я настырная. Мне бы следователем работать. Или в независимой газете. Правда, пристрелили бы меня через пару недель.

Тем же вечером я забралась в эту комнату — они снимали комнату на втором этаже Дома культуры речников имени тов. Щербакова. Я вскрыла их шкафы — честное слово. Нашла там дохлую мышь, до черта банок из-под пива и бутылок от водки, а на нижней полке кое-какие бумажки. В том числе список этой славной ветеранской организации с адресами.

И пошла я по адресам. Честное слово — мне очень хотелось Витечку отыскать, а сторожу-сморчку я не поверила.

Оказалось, что по этим адресам никто не проживает.

Кое-что я все же обнаружила. Почти все ветераны, что жили в городе, оказались не просто ветеранами, а людьми одинокими и безработными. То есть их никто не хватился и хватиться не мог.

Были соседи, были друзья, изредка встречались собутельники, но близких людей не оказалось.

Чего только не вытянешь из народа, если этот народ готов к разговору с красивой бабой. Ничего, что я себя красивой называю? Это не мои фантазии, меня так называли незаинтересованные люди.

На третий день я знала, что все пропали одновременно. Ушли из своих берлог и сгнули. Один собрался на рынок за картошкой, другой намылится на рыбалку, третий решил посетить тетю в деревне — все в один день и час.

Этих ребят объединяло лишь то, что они состояли в «Союзе ветеранов — XX век» и там получали льготы и пособия, а может, и не получали.

У меня возникла светлая мысль — пойду в городскую газету и расскажу, что пахнет сенсацией. Раньше можно было бы в райком сходить, а теперь — третья сила! Третья власть! Черт его знает — какие две первых?

Тут же я себя остановила.

У меня женская интуиция. Женщины ближе к природе, мы от нее не оторвались. У нас нюх звериный, у нас бывают такие предчувствия, что мужикам и не снились.

Казалось бы, ребят повезли в какой-нибудь летний лагерь. Или работка подвернулась вагоны разгрузить. Ведь войны никакой близко нет. А у меня внутри звоночек — здесь неладно! Здесь «белые колготки» по чердакам рассованы.

Плохо, что Рыбинск — не такой уж маленький городок. Если был бы маленьким, не делили бы его между вождями. Мне там один краевед сообщил, что Рыбинск уже успел побывать городом Щербаковым и даже Андроповом. А потом обратно — Рыбинском.

Так вот, этот город не так велик, чтобы в нем потеряться, и не так мал, чтобы каждый был на виду.

Пока я вела свое расследование, я все старалась найти следы этого ветеранского Союза повыше — в области, в Москве. Через неделю я уже была в Ярославле.

Я не скрывала — хочу найти мужа, к тому же я настоящая ветеранка, есть документы и даже удостоверение на Крест за оборону Приднестровья — какой-то казачий атаман раздавал.

В Ярославле я нашла областное отделение «Союза ветеранов — XX век». Я спокойно вошла туда прямо с улицы. Настоящая контора, с секретаршей.

Теперь важны детали. Сначала я заявила, что хочу стать на учет. Мымра-секретарша меня выслушала и сказала, чтобы я шла гулять, они кого попало не записывают. И по ней было видно: она приняла стратегическое решение — меня в Союз не допускать. И тут уж показывай не показывай кресты! Не поможет!

И тут — открывается дверь. Крики, возгласы, объятия — из командировки вернулось начальство. Все эти же самые — генерал, свита и доверенное лицо — товарищ Порейко. Мымра вопит: «Как съездили? Какие впечатления?» Генерал кричит: «Сейчас в ванну! Сейчас в ванну!» Порейко кричит: «Сейчас в баньку!» И я поняла — мой светлый час настал!

Я — шаг к генералу и спрашиваю:

— С каких это пор боевых ветеранов внутренних войн не пускают даже на порог? Какое имеют право меня гнать?

Надо сказать, что произнесла я это очень убедительно.

Так была восстановлена справедливость, и «Союз ветеранов — XX век» пополнился новым членом с неоконченным высшим образованием.

В тот же вечер я уже сидела с ними за праздничным столом. И узнала, что среди тех, кто был в «командировке», начальник Рыбинского отделения, отправивший, как я теперь знаю, моего Витечку на войну, с которой не возвращаются.

Но когда еще шел процесс знакомства, глаз на меня положил товарищ Порейко. Я тянулась к рыбинскому деятелю, который оказался «голубым» и на меня — ноль внимания, а Порейко уже решил перетянуть меня в Меховск с корыстными целями.

Наверное, это был самый трудный и утомительный вечер в моей жизни.

Но провела я его блестяще.

После распития спиртных напитков в неумеренных дозах и сексуальных игр с отвратительными мужиками к утру мне стало известно, что есть какое-то место, где идет постоянная война за освобождение рабочего класса и крестьянства от чертовых сионистов-дерьмократов. Вот на эту войну и отправляются — конечно же тайком — наши славные ребята. Там же воюют все исчезнувшие ветераны из Рыбинска. Берут на эту славную и очень выгодную войну только верных людей, без родственных связей. Там и остались Витечка и Валера. Потом вернуться. Но не скоро.

Я не раз изъявляла желание последовать примеру ребят и тоже пойти на войну, но я была не такой пьяной, чтобы признаться в знакомстве с ними, но мне стали говорить, что таким красивым бабам, как я, следует оставаться в рядах руководства, что нужны помощницы в трудной работе здесь.

Правда, как только заходил разговор о том, где же эта война и как мне на нее попасть, все они, независимо от выпитой дозы и степени идиотизма, замолкали. Чего-то

очень боялись. Зато, перепившись, хвалились перед мной своей боевой добычей. Добыча заключалась в камешках, золотишке и так далее — как будто они разграбили ювелирный магазин. Я-то думала, что наемникам платят баксами — но оказалось, металлом.

Я узнала еще одну важную штуку. Откуда будут следующие наборы. В частности, из Меховска, месяца через три. А меховской волостью командует Порейко. Близкое лицо к государю императору, как говорилось в одной детской книжке. Будь моя воля, выбрала бы город поближе, но в Кашине и Кимрах у меня не было связей.

Дальше все было делом техники.

На следующее утро, протрезвев немного, я села в Рыбинске в «газик» и рванула в обществе Порейки в славный город Меховск.

Следующую ночь я провела в койке товарища Порейки, который оказался никудышным любовником, но мне кудышного и не нужно было. Ведь я допустила его в койку исключительно ради моего Витечки.

Через день я получила место официантки в кафе «Синий ветер». Я сама так пожелала. Мне нужна была «крыша», нужна была независимость. У Порейки была семья в Ярославле, но здесь он был начальником, на виду — это я ему разъяснила, а он понял и высоко оценил мою девичью тактичность. Я получила комнату со всеми удобствами.

Еще через три дня я сложила два и два и поняла, что никакая это не война — просто какое-то фантастическое место, про которое в передачах по телевизору рассказывают — летающие тарелочки и так далее. Туда отправляют ветеранов, которые все равно ни на что уже не годятся, кроме как воевать насмерть.

Ветераны убивают друг дружку, тамошнее, блюдечное, или какое еще другое начальство щедро расплачивается с руководством «Союза ветеранов — XX век» за каждую отрубленную голову. И платит славно.

Об этих деталях я узнала, когда приучила к себе Порейку. Я играла роль безответной доверчивой телки, которая не думает ни о чем, кроме изысканных вкусов своего повелителя. Господи, что только мне не пришлось перетерпеть

от плешивого вождя в койке. Никому не расскажу, а то дойдет до Виточки, и он, несмотря на то, что это были жертвы на алтарь нашей любви, задушит меня, как Отелло.

Порейко всех боялся, своих соратников в первую очередь. Он, например, купил «мерседес» не первой свежести, но вместо того, чтобы катать меня по окрестностям, он спрятал его в сарае и заявил, что день еще не пришел. Я спрашивала его, когда же придет тот славный день, а Дима только отмахивался и принимался скрести свою лысину частым гребнем.

Но где-то через месяц он стал доверять мне больше, чем мужчинам. Он меня перевел в разряд «мам», полагая себя моим ласковым сыном, все груди искусал, мерзавец!

Зато начал приносить ко мне ценности. Оказывается, он получал свою долю как член руководства. Например, продали эти стервецы команду из Кашина, ему отстегивается десять или пять процентов. А раза два, он хвастался, его даже брали Туда. Но что Там, он даже мне не говорил. Облизывался, пучил глаза и изображал сома на песке.

Чем ближе подходил срок отправки из Меховска, тем чаще он мечтал вслух, лежа рядом со мной и глядя меня холодными как лед ногами (ненавижу у мужиков ледяные конечности!). Он говорил, что увезет меня в Швейцарию и буду я царицей мира.

Я благодарила, как могла, хотя, сами понимаете, что мне эта Швейцария, пять Швейцарий, десять Швейцарий! Я должна выручить Витю.

И вот этот стервец Порейко готовился сдать своих мальчиков. Они к нему ходили, называли по имени-отчеству, хоть он и не местный, даже стенгазету делали, как пионеры в лагере! Они — мальчики, у них развитие остановилось.

Когда он сдаст меховцев, то получит половину от платы, и еще слетает Туда, на блюдечко, где тоже можно выиграть,— только я тогда не знала как.

И ему не было жалко ребят. Он торопил время — скорее бы наступал День.

— А что же ты будешь делать, когда вернешься? — спрашивала я.— Ведь кто-то может спросить, куда делись мальчики.

Вот тут он и начинал мне плести про Швейцарию. И утверждал, что предыдущие председатели местных организаций, которые сдали ветеранов, уже там, в Западной Европе.

За этот месяц приезжал пару раз генерал — готовили переброску. Я уже знала, что это сделают через вагон-холодильник, специально обработанный для переброски, — деталей не знаю и не интересовалась, я вам не Эйнштейн!

И я начала культивировать в Порейко ревность. Он должен был трепетать от мысли о том, как я от него сбегу. А сбегу я немедленно, как он оставит меня одну.

Времени было мало. Уже приезжал генерал. Я обещала генералу свои скромные прелести. Но не здесь — я уже знала весь механизм, запущенный этими работоторговцами. Главным для них было одно: никто из проданных на войну ветеранов не должен возвратиться на Землю. Эти гады хотели, чтобы я стала вдовой, не обретя радостей материнства! Нет уж, не выйдет, господа! Вам нужны великие потрясения — а мне всего лишь Витечка.

— Они все забывают, счастливые люди, — исповедовался мне Порейко.— Они не помнят ни своего имени, ни своего прошлого. Они думают, что защищают родину, что за их спинами — родной город.

— А на самом деле?

— На самом деле это вроде стадиона, где бьются гладиаторы, а зрители делают свои ставки...

— Это бесчеловечно!

— Дура! Мы дарим им смысл жизни! Ветераны в нашем Союзе не имеют ничего за душой. В восемнадцать лет их отправили на несправедливые и жестокие войны, и научили убивать, и бояться мести тех несчастных, которых они обездолили и осиротили. Их сделали трусливыми и равнодушными убийцами. Они живут от пенсии до пенсии, а порой они и пенсии не выслужили, потому что их разыскивает милиция. Они забыли умереть, мы помогаем им — дарим для этой смерти.

— А как же они не догадываются, что воюют сами с собой?

— Они уверены, воюют с чужими. Тех, их врагов, набирают в другой структуре. Они не то чтобы черномазые, но их везут с юга. Даже если снять маску, наши все равно увидят чужих. В последние годы нам положено было воевать с чернозадыми. Война продолжается. Что чечен, что молдаван, что душман — все одна сволочь. А у них — вот что смешно! — у них, у душманов, — мы их зовем ублюдками — у них те же легенды и та же страсть защищать свой дом, как и у наших мальчиков. Ведь и там наши местные войны по установлению порядка создали категорию отмоороженных и никому не нужных солдатиков. Так что они умирают с чувством выполненного долга и с любовью к ближним. А мы приумножаем свои капиталы...

И тут Порейко начинал хохотать.

Я хотела поглядеть на тех, кто покупает солдатиков. Порейку и генерала время от времени допускали к инопланетному начальству... Впрочем, когда я убедилась, что оба бездельника готовы на все, — я успокоилась. Я попаду туда, где идет война, я отыщу Витечку и верну ему память и любовь. А там мы прорвемся. Прорвемся ли?

Порейко с генералом как-то шутили, а я поняла: у солдат на том свете нет огнестрельного оружия — они должны драться из луков и мечами, как в рыцарском романе. Видно, тамошние хозяева — большие романтики. Я знала, что Одноглазый Джо ходил туда, охранял начальство и брал с собой ТТ. Ничего, обошлось. А где хранится оружие, я знала.

Главное — попасть туда! Порейко обещал мне зрелище, подобного которому я в жизни не видала. Вот и ладушки.

Подходило время отправляться в путешествие. От нас туда посылали двадцать единиц корма для пушек, и тут появился ты, Гарик. Я не знала — верить тебе или нет. Но в любом случае ты — не с ними, ты — я все чувствую — ты им враг. Значит, я постараюсь тебя защитить — иначе тебя просто уничтожат. Уровень зла в Меховске выше любой человеческой нормы. Я в этом зле купаюсь, как в теплом

бассейне, потому что ступила уже за пределы морали. Может, я сложно выражаюсь, но проще не могу.

Конечно, я пыталась узнать, осторожно, аккуратно, под каким именем там существует мой Витечка, но ничего не узнала. Не могла же я показывать Порейке паспортную фотокарточку, на обороте которой написаны в мой адрес слишком теплые слова. Я эту фотокарточку уже всю зацеловала. Но это — мои проблемы.

За день до пересылки приехал генерал, с ним шеф — Рустем, он тоже хотел поучаствовать. Ненавидела я их — безумно. А тут еще они убрали Аркашу. Я его мало знала, но и его смерть легла на их черную совесть. Я до них доберусь! Думаю, Витечка меня поймет.

Я не знала, что и как буду делать там, на той планете. Правда, Порейко и компания, которые там бывали, твердили, что это не та планета, а наша родная Земля, но больше ничего объяснить не могли, потому что, думаю, и сами не понимали. И боялись копать глубоко.

Мне было жалко, что Ритку тоже туда отправляют. По их рассказам я знала, какая судьба ждет там медсестер и санитарок. Сама прошла это, только в настоящей жизни.

Но я не могла вмешиваться. Пока я не доберусь до моего Витечки, чужие судьбы меня не волнуют.

Потом наступил славный миг. Вас всех погрузили в вагон-рефрижератор и кинули куда надо.

Мы переехали туда в том же вагоне, но после вас, и конечно же нас не подвергали чистке мозгов. Мы были как вожди африканского племени. Помните, в школе проходили, как они сами работаргавцам продавали своих людей, а те везли их на плантации в Америку.

Я не знала, как проникнуть на поле боя. Даже не представляла толком, что это такое. Но была уверена, не надо торопить события — судьба сама за меня распорядится. Пошлет кого-нибудь или покажет дырку.

Вот я и попала на этот стадион. Только по другую сторону баррикады.

Главное я поняла почти сразу, потому что мои мозги работали в нужном направлении.

Здесь есть несколько сенаторов, хозяев, или паразитов, — называйте их как хотите. Это не старички. Это изношенные люди, а возраст у них разный. Мир-то пустой. И конечно, это не другая планета — это наша Земля, хотя какой-то ее далекий угол, — видно, я по географии этот урок пропустила.

Эти старики здесь пользуются абсолютной властью. Но им скучно. Понимаете?

Что делает человек, когда ему безнадежно и смертельно скучно? Этот человек начинает играть в песочек или в домино. Вот и наши сенаторы придумали себе игру в войну.

Они сидят на балконе, а под ними поле боя.

И там идет самая настоящая война, в которой сражаются самые настоящие люди. Как я поняла, эта война идет уже сто лет, и сто лет кто-то поставляет старикам пушечное мясо.

Людей загоняют под купол, только сначала их лишают имен, прошлого, вообще памяти, а вместо этого в них внедряют совсем другую память, куцую и лживую, будто они всегда там внизу живут и всегда воюют за свой город, который нарисован на стенке за их спинами.

Для того чтобы солдаты не сбежали и не вспоминали, чего не надо вспоминать, за ними наблюдают агитаторы-идеологи и патер-ламы. Со временем краска, которой замазаны их мозги, становится прозрачной и даже слезает. После определенного срока, двух месяцев на наши деньги, такого солдатика надо обязательно убрать. Вот его и убивают в бою или на поединке. Перед каждым боем происходит рыцарский поединок. Самое радостное действие для старичков.

Старички делают ставки — они играют между собой — ставят на победителя, ставят на время. Солдатики для них — главное занятие в жизни.

Игра в живых солдатиков.

Чтобы получать товар, они согласны на то, чтобы вожди движения ветеранов приезжали сюда, тоже играли, ставили на рыцарей. Им платят гонорары — терпят их присутствие.

Когда я приехала, ты был уже внизу, проходил обработку. Я узнала, что Витечка с Валерой здесь уже давно,

все сроки вышли, а они еще живы, но скоро их будут убивать.

Я засуетилась. И мне сразу повезло.

Для того чтобы сидеть на балкончике и играть в войну живыми солдатиками, сенаторам нужны помощники. Не только служители, которые приносят воду или подставляют стульчики. Главное — посредники. Нас можно презирать, игнорировать, но нас приходится терпеть. Разозлишь нашего Деникина — и не будет тебе пополнения, и умрет твоя игра за неимением пушечного мяса. И придется вам, господа, переходить на пасьянс. Это им-то, кровососам, пасьянс! Поэтому нам, поставщикам двора его величества, не только платят, — благо, золотишка у них куры не клюют, нам еще устраивают культурную программу. Нам разрешают посидеть на балконе и самим делать ставки на ту или иную лошадку.

Ну хорошо — мы приехали и привезли товар, мы уехали. За исключением нашего генерала и Рустема, вряд ли кто бывает здесь постоянно. Но есть привилегированные люди с другой стороны баррикады — изнутри.

Сейчас объясню, кто они.

У меня в свое время был воздыхатель, аспирант. Была у него книжка про Варшавское гетто. Гетто — это такое место, куда фашисты загоняли евреев, чтобы они не путались под ногами у настоящих арийцев.

В той книжке были фотографии.

На одной фотографии я увидела полицейских из гетто, как они получают задания, какие они бравые, и у них фуражки с желтым околышем, рожи толстые и уверенность в глазах: «Мы отличимся на службе главного врага, и он нас конечно же пожалеет».

Потом, когда подошло время, полицейских точно так же посадили в газовые камеры и ликвидировали. И рожи не помогли, и даже форменные фуражки.

Просекли? В военной зоне, внизу, были свои палачи, идеологи, разведчики, патер-ламы и прочая сволочь, которая помогала убивать наших ребят. А потом наступало время, и их тоже убивали — за год или даже меньше они вспоминали, какова была их жизнь раньше, и становились

опасными. А если даже не вспоминали, все равно начинали задумываться. При мне на балконе как-то обсуждали эту проблему — сенаторы этой ситуацией очень недовольны. Только подготовишь специалиста-идеолога, а уже приходится его уничтожать. Так палачей не напасешься. А вторично лишить памяти человека нельзя. Помрет.

Головка этих предателей родного народа имела право и даже обязанность время от времени появляться наверху для отчетов и нагоняев — все как в настоящем учреждении. Наши пути не пересекались — мы-то живые, а они — кандидаты в покойники.

Если ты прожил здесь несколько месяцев, если ты видел балкон и старцев, ты уже начинаешь догадываться.

Вот Гришка и догадался.

Объясняю: Гришка Кун — самый хитрый шпион на свете. Он имеет звание главного разведчика, зовется здесь графом Шейном и отвечает за идеологическую обработку новобранцев. Они к нему попадают бревнами, а должны выйти солдатами, рвущимися в бой. У него целая команда идеологов, организаторов, патеров и матеров — каждый солдат проходит через их руки.

Как-то стояла я в коридоре и думала: вот счастливый — ему можно ходить куда хочет.

А он, я уж потом узнала, смотрел на меня и думал: ну за что этой молодой бабе такое счастье — вырваться из клетки и лететь куда хочется. И готов был меня убить из зависти.

Он подошел ко мне: здравствуйте, ваше сиятельство, говорит, а мне смешно стало — как будто на балу из исторического фильма. Я засмеялась, он сказал, какие у меня чудесные зубы. Я хотела сказать, что это металлокерамика, две тысячи баксов. Сам он был непривлекательный — волосы прямые, кожа очень белая, в голубизну, а усы пышные, торчат в стороны.

Я спросила, правда ли, что он здесь — главный начальник, а он говорит — да, главный, над смертниками.

Я уже тогда о многом догадывалась. Мы разговорились, и он признался, что обречен на скорую смерть.

Я спросила — а чего же он не бежит?

А он объяснил, что ему не убежать. Здесь двери отпираются только снаружи. А дверь в наш, живой мир — никому не открыть. Возле нее всегда охрана.

И тут я решила рискнуть — времени было мало, другого такого случая может и не представиться.

И я вытащила фотографию Витечки и спрашиваю:

— Вы случайно не встречали там, внизу, такого человека?

— Как же не встречал, — отвечает он, — я его часто встречаю. Он имеет должность командира роты и чин лейтенанта, то есть офицера.

— Как его зовут?

— Вам его имя ничего не даст, — сказал главный разведчик, — потому что имена тем, кто внутри, меняют. Старого имени они не помнят.

Я почувствовала, что он чего-то недоговаривает.

— Как его здесь зовут? — спросила я.

— Коршун.

— Разве это имя? Что он, индейцем стал, что ли?

— После обработки люди становятся пустыми белыми табличками. И на этих табличках ты можешь писать что вздумается. Имя им не нужно надолго. Коршун, а может быть и Слизняк.

— Нет, — сказала я. — Слизняк быть не может. Они же на фронте. Значит, имена должны быть боевые.

Шейн только пожал плечами.

— А сами вы откуда? — спросила я.

— Я сюда попал раньше, чем Коршун, точно я не помню — уж очень энергично они стирали мою память. Но это был большой город на большой реке. Вернее, на слиянии двух больших рек. Он назывался раньше одним именем, потом ему дали другое.

— Как здесь, — улыбнулась я. — То Витечка, то Коршун.

Потом я представила себе карту нашей родины и сказала:

— Вернее всего, это — Нижний. Нижний Новгород. — Загадка была нетрудной.

— Правильно, — обрадовался разведчик. — Кстати, я помню мое настоящее имя. Григорий.

— Очень приятно,— сказала я.— Меня зовут Александрой. Вы можете привести Коршуна с собой?

— Сомневаюсь,— ответил генерал.— Во-первых, меня поймают и убьют даже раньше, чем я ожидаю. А во-вторых, он сам не захочет идти сюда.

— Вы скажете, что я его жду.

— А он вас помнит?

— Должен помнить! — воскликнула я.— Он же мой муж.

— Вряд ли это — аргумент.

— А что аргумент?

— Еще не знаю. Но не смогу оказать вам эту услугу бесплатно.

— Скажите, сколько.

— Не в том смысле.

— Если не в том, то я согласна.

Он поморщился, будто я ему чего-то кислого в суп налила.

— С женщин я платы не беру... такой платы. Мне нужна встречная услуга.

— Говорите.— Я сделала вид, что меня не задела его реплика. Даже самой последней шлюхе бывает обидно, если ее прелести отвергают. Хотя конечно же я почувствовала облегчение.

— Мне нужно уйти отсюда. Вместе с вами.

— Как же это сделать?

— Это ваши проблемы,— сказал Григорий.— Я доставляю тебе Коршуна, ты его берешь с собой. Но не забываешь и меня.

— Хорошо,— ответила я, не задумываясь.

— Если обманете — я на выходе подниму шум. Пускай меня убьют, но ни ты, ни твой муж отсюда не выйдете.

— А вот пугать меня не стоит,— обиделась я.— Меня и не такие, как ты, пугали.

Он вдруг широко ухмыльнулся. Потом сказал:

— Ты — дикая кошка.

— Вот это уже культурнее,— ответила я.

— Думай, как нас отсюда вывести.

Я стала думать.

Для меня главной трудностью были не местные — какое им дело, кто уходит и как уходит. Я здесь второй раз, так что знаю: никто нас на обратном пути не проверят. Но вот наши зададут вопросы. Наших надо нейтрализовать.

Я думала целый час, боевое время началось, но ничего не придумала. Можно было бы пристукнуть кого-то, допустим Порейку, и взять с собой Витечку. Но они размером отличаются, а лицо — ничего похожего. Да и остальные поднимут такой крик, что меня на выходе пристукнут. Значит, следует убедить моих спутников. А как их убедишь?

И тут я встретила Гарика.

Оказывается, Гриша Кун решил подстраховаться. Я как спасительница вызвала у него сомнения. И он отыскал Гарика. Хотя и обо мне не забыл.

Я понимала, что он послан мне судьбой. Ему тоже надо вырваться отсюда. Значит, нас будет четверо — четверо против них. Уже прогресс!

И тут Гарик сказал мне, что разведчик Шейн уже привел человека изнутри. Правда, израненного. Он лежит в комнате. Может, это и есть Витечка?

Гарик еще не успел закончить, как я уже мчалась по коридору — куда бежать дальше? В какой комнате?

По дороге мы никого не встретили — уже начиналось боевое время, и все, кто может, скопились на балконе или поблизости от него.

...Сенаторы играют, ставят на рыцарей, ставят на взводы — кого убьют, а кто убьет сам. Они входят в страшный азарт, я сама видела. Для них деньги не играют роли, но ради копейки удавятся, если эта копейка добыта в игре. Один как-то умер, мне рассказывали — сердце не выдержало. Хотя они, как говорят, бессмертны. И потому им очень скучно. Да любой из нас — стань бессмертным, через полгода или через сто лет, но обязательно повесится.

Вокруг сенаторов крутились служители и всякая местная шантрапа. Большею частью они тоже делают ставки на живых солдатиков, тоже играют, подражают начальству.

А рядом с сенаторами сидели наши — Порейко, генерал, Рустем. Они тоже научились играть, но для них главное не играть, а выигрывать, умножать гонорар.

Гарик первым вошел в комнату и сразу сказал:

— Здесь свои, не бойся. Как ты там?

Ответили не сразу. Я замерла в дверях — неужели сейчас я услышу его голос? Наверное, он никогда не поймет, на что мне пришлось пойти, чтобы отыскать и вытащить его отсюда. Только бы рана была небольшой... как в песне.

И он ответил. Хрипло, почти неузнаваемо — но ответил:

— Проходи. Я живой еще.

И тогда я оттолкнула Гарика и первой подбежала к Витечке.

Витечка лежал на полу, под головой у него почему-то была фетровая шляпа. Он лежал на спине вытянувшись, словно ожидал, что придет военная проверка, а раненым положено лежать по стойке «смирно», иначе выгонят из госпиталя.

Я присела на колени перед Витечкой и стала шептать:

— Витечка, я нашла тебя, ну слава Богу, я нашла тебя, миленький! Я тебя вытащу отсюда, ты уж мне поверь, и вытащу тебя...

Я стала его целовать, но осторожно, конечно, я придерживала голову ладонью под затылком и сама шептала, ласкала его своим шепотом.

Он открыл глаза — узнал меня. По голосу узнал. Он даже улыбнулся мне.

И тут же нахмурился. Как человек, увидевший змею вместо бабочки.

Он спросил:

— Ты кто?

— Что с тобой, Витечка? — испугалась я. — Это же я, твоя Саша. Не узнал, что ли?

— Как зовут? — спросил он.

— Александра я, Саша. У тебя контузия, да?

— Я ишу Надин,— произнес он медленно. Он меня не узнавал.— Мне нужна Надин. Они изнасиловали ее. Понимаешь, эти ублюдки изнасиловали ее.

— Кто такая Надин? — спросила я.

Гарик не смотрел мне в глаза. Он сказал:

— Это медсестра. Там, внутри, они ее изнасиловали. А потом у нас показывали агитационный фильм, и он все это увидел.

— Какой еще фильм? Неужели ты им веришь?

— Я не верю. Большинство поверили.

— Я сам видел,— подтвердил Витечка. Для себя он оставался Коршуном.

Тогда у меня все внутри оборвалось.

Я поняла, что он еще в отключке. Что он, как они и добивались, отмороженный — он меня не знает.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Станный вопрос. Вчера Коршуном звали.

Он попытался улыбнуться. Но неуверенно. Слава Богу, что хоть улыбки у него не получилось.

— Тебя зовут Витей,— сказала я.— Витечкой.

— Очень приятно. Но мне надо идти. Григорий сказал, что ее можно найти здесь. Это правда?

— Да на хрен мне сдалась твоя Надин! — воскликнула я. Это не потому, что я психическая. Но получилось, словно ты бежишь, бежишь, добежала, а тебе говорят: колбаса кончилась! Так, наверное, раньше вся жизнь протекала.

— Не надо,— сказал Витечка. Он не хотел меня обижать.

Так и должно быть. Витечка, который сидел в шкуре этого Коршуна, не любил обижать женщин. Потому их у него одновременно бывало до дюжины, все враждовали, ему приходилось хуже всех. Но он отказать не умел.

— Ничего не изменилось,— сказала я.— Тот же ходок.

— Ходок? — Он не понял слова.

— Ну козел! Сексуальный маньяк.

— Спасибо,— сказал Витечка.— Вы свободны.

Голос его, выражения его. Все по-старому. Только меня нет. Меня не видят и не помнят.

— А чего сюда приперся? — спросила я. Грубо, но это не от плохого отношения к Витечке, а ввиду разочарования.

Я же губы подставила — поцелуй в диафрагму, как говорили на заре моей туманной юности, а мне вместо поцелуя звонкая пощечина.

— Я ищу Надин, — объяснил Витечка, — они ее изнасиловали и убили, понимаешь?

— Так изнасиловали или нет? Я не выношу боевых подруг, которые разрезают рот на мое имущество.

— Я не знаю, — сказал Витечка доверчиво. Он был такой израненный и так плохо забинтован, что мои руки тянулись к нему, чтобы привести его, насколько можно, в порядок. Но я сдерживала себя. Обида была сильнее свойственного мне гуманизма.

— Мне сказал полковник... Григорий, да, Григорий?

— Григорий.

— Он пообещал мне, что найдет Надин. Что Надин здесь, понимаешь? Он меня сюда ташил на горбу, а ты говоришь — он был на нас обижен.

— Откуда ты знаешь Григория?

— Люди должны помогать друг другу. — Он заговорил наставительно, как партайгеноссе на проповеди. — Это способствует их лучшему перерождению. Мы с Гришей в Тирасполе были. Это Приднестровье.

— Спасибо за объяснение, — сказала я. — Что-то я его там не заметила.

Гарик не сдержал улыбки. Ему виделось что-то смешное в нашем диалоге.

— А тебе, — повернулась я к нему, — я ноги выдерну.

— Спасибо за внимание, — сказал Гарик. — Но вряд ли это поможет нашему общению.

— Мне уже ничего не поможет.

Тут и пришел граф фон Шейн. Он вошел как раз в тот момент, когда я спрашивала Витечку:

— А где Валера? Ты Валеру видел или потерял, как и меня?

— Валера? — тупо произнес он.

— Александра, — позвал Гриша от двери, — можно вас на минутку?

— А вот и ты! Где пропадал? — рассерженно накинулась на него я.

— Простите, но я обыскал весь стадион. Я же не знал, где вы спрятались.

— Я была на виду,— ответила я.— И кто хотел,— я показала на Гарика,— без труда меня нашел.

Красиво сказала. Как в высшем обществе.

— И я бы нашел,— миролюбиво ответил Григорий.— Если бы мне не пришлось просидеть полчаса в крысиной норе, чтобы не попасться на глаза слишком внимательному охраннику.

— Убрал бы его, и дело с концом,— подсказал Витечка.— Они здесь ублюдки.

— Кончай свои солдатские бредни,— зло сказала я.— Здесь ублюдков нет.

— Это не бредни,— возразил Витечка.— Я живым не останусь, если их не замочу.

Я готова была взорваться — тогда бы от всех и клочка не осталось. Но Гриша был настойчив:

— Выйдем наружу, на минутку!

Я пошла следом за ним.

Он остановился в коридоре.

— Он меня не узнает! — пожаловалась я.

— А разве мы об этом договаривались? — Он оскалился, зубы плохие, пора к протезисту.— Я же не могу снять с твоего Вити заморозку. Не могу, что будешь делать? Какого вытащил, такого и получай. Не помнит он тебя, и твое имя ничего ему не говорит. Но он вылечится, придет в себя.

— При чем тут какая-то Надин?

— Не сердись на него,— сказал Григорий.— Если он тебя не помнит, кому он будет хранить верность? Ведь он привязчивый. Он увлекся медсестрой в лазарете, а эта медсестра попала в плен к ублюдкам. Ты знаешь, чем это кончается?

— Догадываюсь.

— И потом был сделан фильм о том, как враги добивают раненых и насилуют девушку. И этот фильм наши пропагандисты показывали перед боем, чтобы солдатики яростнее сражались.

— А как же сняли?

— Снять что угодно — несложно. С балкона можно снять, с летающего шарика можно снять. Было бы желание.

— Ладно, рассказывай дальше, — сдалась я.

— Я понял, что у меня есть только один шанс его сюда затащить — обещать ему Надин.

— Значит, ты врал?

— Может, врал, а может, и не врал. Это обычное дело на такой войне... Важен результат.

— А почему Витечка весь израненный?

— А потому, что он кинулся в бой, когда убили Шундарая в рыцарском поединке. Шундарай был его другом.

— Странное имя.

— Там встречаются и более странные имена.

— Его надо перевязать.

Григорий с облегчением вздохнул.

— Ты его получше перевяжи. А потом отправимся искать эту самую Надин.

— Зачем она нам? — удивилась я.

— Пока не будет ясности, он не успокоится, — сказал разведчик Гриша. — Мы рискуем его жизнью. Он хочет сам пойти.

Тут я разумно возразила:

— Его хватит на десять шагов. Потом кранты.

— Объясняю, — сказал Григорий. — Пока судьба Надин неизвестна, твой возлюбленный остается в критическом состоянии.

— Но в этом же вы виноваты! — заметил Гарик, который вышел в коридор. — Вы его притащили сюда.

— Я не тащил, — сказал Григорий. — Я обеспечил воссоединение Александры с Виктором. Это произойдет не сразу, но произойдет обязательно, если мы сможем вернуть Виктора домой. Ваша очередь, Александра. Зарабатывайте свои очки. — Григорий сделал приглашающий жест.

И тогда я поняла, что он прав. В обычной ситуации я бы послала всех подальше... но Витя мог в любой момент помереть, и мне не хотелось, чтобы он умер от неутоленной любви к другой бабе. И я пошла в комнату.

— Ты мне веришь? — спросила я у Вити. Мы с ним уже вроде бы познакомились.

— А что? — невежливо спросил мой суженый.

— Мы пойдем с Гришей, — сказала я. — И найдем Надин живую или мертвую. При одном условии — ты лежишь здесь и ждешь нас.

Витя растерянно повел глазами. Натолкнулся взором на Гарика.

— Такое предложение — самое разумное, — сказал Гарик.

— Только недолго, — сказал Витя.

Не желаю даже злейшему врагу оказаться в моем положении. Я смотрю на любимого мужчину, ради которого я прошла все круги ада, унижалась, жертвовала собой — все для него! И он смотрит на меня как на стул.

— Сначала, — сказала я, — Гриша, достань нам бинт и спирт. Можно йод.

— Я попробую. — В самом деле Гриша через три минуты притащил откуда-то аптечку, армейскую, земную. Я не стала допытываться, откуда дровишки. Гарик открыл мне бутылку воды.

Я начала промывать и перевязывать рану Вити. Мне хотелось кричать от ужаса — я и не представляла, насколько он плох. Какими усилиями мой милый остается в сознании? Почему он не кричит от боли, а только морщится? Неужели это все из-за нее?

Мы быстро пошли по коридору. Григорий сказал, что здесь есть киностудия управления пропаганды. Если что и можно узнать о судьбе Надин, лучше всего начать с них. Гарик увязался с нами. Все этому менту нужно!

Мне эта затея совсем не нравилась. Но я не видела другого варианта.

Нам пришлось пройти мимо балкона. Все были заняты — началось очередное сражение. Сенаторы ожили, они ставили на бойцов, на взводы, на полки. Дальше, на том краю балкона, суетились Рустем с генералом. Порейки я не увидела. Не было и Одноглазого Джо. Должно было

случиться что-то особенное, чтобы эти золотоискатели покинули Клондайк.

Служители медленно бродили по балкону, некоторые не выдерживали и замирали перед большим табло — планом боя, на котором передвигались сами по себе — ведь живые, но совершенно как игрушечные — махонькие человечки.

Внимание всех было приковано к бою, ход которого мне был непонятен.

— Здесь есть свой госпиталь? — спросила я.

— Нет, насколько я знаю, нет, — ответил разведчик. —

Им не нужны госпитали.

— Они бессмертные? — спросила я.

— Не совсем так, — сказал Гриша. — Я не смогу ответить точно, но здесь время стоит, как в болоте. И нет нужды умирать. Вы обратили внимание на то, что часы здесь только песочные? Механизмы ведут себя ненадежно.

Идти пришлось довольно далеко. Мы спустились вниз, под футбольное поле, обошли по бортику пустой и гулкий бассейн, спрятанный в обширном подвале, и оттуда по узкой железной лестнице опустились еще на этаж.

Спереди доносились гулкие, но невнятные голоса.

— Там кто-то есть, — заметил разведчик.

Перед нами открылась галерея съемочных залов.

Залы располагались анфиладой. Когда-то здесь тянулась вереница тренировочных помещений, и бывшая специализация того или иного зала угадывалась по предметам, оставленным и сваленным за ненужностью по углам.

Первый из залов был обиталищем штангистов — грифы штанг стояли копиями у стен, а чугунные блины стопками, как настоящие блины на блюде, возвышаясь рядом.

Больше от штангистов ничего не осталось, зато середина зала была занята средневековой, под альковом, кроватью. Вокруг, имитируя то ли шатер, то ли дворцовое великолепие, свисали атласные и сатиновые шторы и занавесы. Подушки и простыни на кровати были смяты и даже разорваны так, словно на них резвился полк самбистов. В эту совершенно непристойную пустоту глазели, склонившись на штативах, старомодные съемочные камеры.

Не было сомнения, что в этом зале и в таких декорациях могли снимать лишь бесстыжую порнуху для стареньких кукловодов.

Второй зал, боксерский, с оставшимися от прошлого великолепия рингами и свисающими гигантскими каплями боксерских груш, явно использовался для подготовки рыцарей, наверное к предбоевым турнирам.

На полу валялись также сломанные мечи, погнутые латы, шлем, расколотый надвое... Здесь дрались всерьез — даже на канатах ринговых ограждений были бурые пятна — бывшая кровь.

Голоса раздавались спереди, из третьего, гимнастического зала.

Что он гимнастический, я догадалась не сразу, потому что меня отвлекли необычные события.

Сначала я увидела спину Одноглазого Джо. Этот мерзавец снимал на пленку своего шефа.

Шеф стоял, обнявшись с незнакомой мне мертвой девушкой.

Теперь я постараюсь вразумительнее объяснить, что же я увидела. В гимнастическом зале осталось немного снарядов. В том числе перекладины.

Одна из перекладин, ближайшая к нам, была приспособлена под виселицу. На ней висела девушка, почти обнаженная — в остатках рваной окровавленной сорочки. За перекладиной, образуя задний фон, находилось обширное полотно, изображавшее серое облачное небо, кусты и вдали, на горизонте, силуэт нашего города.

Зритель, который увидит этот фильм, будет уверен, что девушка повешена кем-то снаружи, на улице, среди окопов, на фоне столицы.

Одноглазый Джо, повизгивая от удовольствия, снимал повешенную девушку, а в стороне с отрешенным видом стояли два местных оператора, в униформе, схожей с той, которую носил наш Гриша Кун.

Джо снимал не только девушку. Под перекладиной, обняв за талию мертвую девушку, притягивая ее к себе и

подпрыгивая от сладострастного наслаждения, стоял Порейко. И зрелище было тем более ужасным, что девушка висела так низко, что вытянутые кончики пальцев ее ног почти касались пола и Порейко как бы обнимался с ней. Даже при своем невеликом росте он был с ней наравне.

Схватив за светлую прядь, он повернул к себе голову девушки, и тело ее стало покорно поворачиваться...

Я! существо недостаточно цивилизованное, я могу быть злобной и невоспитанной, реагирую быстро — но поверьте, бывают ситуации запредельные. Ты просто опускаешь руки, вместо того чтобы кинуться вперед.

Мы молча стояли.

Я понимаю — взгляни на часы, и станет ясно, что стояли мы всего десять секунд, но именно в эти десять секунд Джо, который снимал, не выдержал и закричал одному из операторов:

— Снимай, гад, я тоже хочу!

Бросив камеру, он побежал к Порейке, чтобы тоже попасть в кадр.

Их чувственное наслаждение было за пределом разума. Я видела когда-то, как фашисты фотографировались возле виселиц и на лицах их была радость. Мне это казалось фокусом фотографа.

Но Джо стремился к виселице, потому что мечтал участвовать в сексуальной пляске смерти.

Джо успел подбежать к виселице с другой стороны от девушки, он обернулся, желая принять бравый вид... и тут увидел, что к нему несется Гарик, который первый из нас пришел в себя.

Он врзался в них каким-то странным прыжком, я поняла, что он не мог дотронуться до мертвой девушки. Он разбросал Порейку и Джо в разные стороны, хотя Порейко, теряя равновесие, вцепился в тело девушки и потянул его за собой.

А Джо вырвался и кинулся на четвереньках мимо нас из зала. Камера, за которой стоял здешний оператор, медленно и послушно повернулась за ним, продолжая снимать...

А Витю мы еще не видели, потому что он стоял за нашими спинами.

Я с некоторым опозданием почувствовала, что он где-то рядом.

Я обернулась, когда он уже бросился вперед.

Когда-то я смотрела американский ужастик о чудовище Франкенштейна. Он был хорош только тем, что из него выросли все схожие ужастики, страшные герои которых носятся от замка к замку под лунным светом, обмотанные бинтами, а окровавленные концы бинтов волочатся за ними по траве.

Это было страшное зрелище.

Но я все это видела в кино и не испугалась.

У Витечки был в руке меч. Наверное, он принес его оттуда. Не знаю.

Как назло этот зал был последним в анфиладе — дальше хода не было.

Порейко и Джо металась вдоль стены, как загнанные в угол мыши, но Витя был быстрее.

Он доставал их кончиком меча, он только касался их — и там, где он касался, появлялась капля крови или струйка крови... Потом — одно резкое движение, и я не успела заметить, что он сделал с Джо. Но голова одноглазого адъютанта откинулась назад, ноги подкосились, он сложился и сел у стены.

Витя обернулся к Порейке.

— Товарищ! — успел закричать тот. — Произошла ошибка! Я не виноват! Я ее и пальцем не тронул! Клянусь...

При этом он все ускользал и ускользал вдоль стены, и я, словно болельщица на стадионе, испугалась, что Порейко уйдет или умилюстит Витю.

Витя с размаху рубанул мечом — и Порейко был мертв.

Витя перевел взгляд с Порейки на Джо и обратно... Он был удовлетворен.

Мы не двигались с места.

Витя подошел к девушке и, приподняв меч, рубанул им по веревке. Он тут же отбросил меч, так быстро, что успел той же рукой подхватить падающее тело девушки, — впро-

чем, он и не смог бы этого сделать левой рукой — она же была у него сломана.

Он уложил девушку на маты.

— Надин,— сказал он,— ты живая, да? Что они с тобой сделали?

Надин — поняла я. Он все еще видит только ее. Он поправил ее спутанные волосы. Она была белая-белая. Как же она мучилась перед смертью! Ну почему, почему? Почему он не позвал меня, чтобы я была рядом?

Гарик, словно угадав мои мысли, прошептал:

— Он в Надин видит вас. Честное слово. Это пройдет. Он очнется. Пожалейте его. Ему так плохо сейчас.

И тут в дверях появился один из сенаторов.

Они редко ходят сами по коридорам, особенно во время боя. Но наверное, какой-то монитор отразил крики и бой, происходящий здесь, и сам сенатор в сопровождении нескольких — трех, кажется,— охранников ступил внутрь.

— Как прискорбно,— произнес сенатор скрипучим, надтреснутым голосом знатного вырожденца.— Какая грустная история. Возьмите его.

Нет, охранников было четверо. Иначе бы у них не получилось.

Двое взяли Витечку.

Один умело завернул ему левую руку за спину — израненную, сломанную в кисти руку — Витечка взвыл от боли, потом согнулся, послушно согнулся и пошел к выходу. Второй шел следом.

А еще двое встали в дверях, подняв мечи, чтобы мы за ними не побежали. И когда я все же кинулась к дверям следом за Витечкой, Гарик меня остановил.

Как я его материла!

Сенатор, прямой и жесткий, шагал следом за охранниками, которые уводили Витечку.

— Пусти! — кричала я.

— Пока мы не смирится, нас не выпустят,— сказал Гарик.

Охранники были уверены в себе. Они стояли, поглядывая на нас как на зверюшек, противных и мелких.

— Когда отсюда будет выход? — спросил разведчик Гриша.

— Минут через пятнадцать — двадцать, — сказала я. — Как кончится военный период.

— Нам надо успеть, — сказал разведчик.

— Я без него никуда не уйду.

— Не надо спорить, — сказал Гриша и пошел к охранникам в дверях. Он шел на них без угрозы, как будто сейчас его пропустят.

Охранники сначала удивились, а потом один сказал:

— Стоять!

Они были в темных плащах и касках.

И в этот момент Гриша прыгнул ногами вперед, и правой ногой, подняв ее неправдоподобно высоко, ударил охранника по руке, которая держала меч.

Гарик, желая помочь, бросился на второго охранника, и ничего бы у него не получилось — охранник был готов и поднял меч, чтобы разрубить Гарика, — я только взвизгнуть успела! Но этот визг помог Грише, который вырвал у охранника меч и полоснул его. Охранник отшатнулся и упал назад.

Я перепрыгнула через охранника и кинулась бежать по коридору.

— Осторожнее! — попросил Гриша, который бежал за мной.

...Широкие двери на балкон были раскрыты.

...Мы успели к ним в тот момент, когда охранники перекидывали через ограду балкона, вниз, тело Витечки.

Тело мертвого Коршуна.

Сенаторы стояли полукругом, некоторые все еще держали в руках фишки и указки.

Потом наступила глубочайшая тишина. Все ждали. И мы тоже ждали.

И звук, который донесся снизу, был слабым и отчетливым.

Витя ударился о землю далеко внизу.

— Бог ему судья, — сказал один из сенаторов.

Так вот и кончился мой роман с неразумным Витечкой, который даже погибнуть умудрился за другую женщину.

Я пошла прочь, обогнав остальных, и побежала наверх. Там была ниша, в ней Одноглазый Джо хранил «калашникова». Он был телохранителем и относился к делу серьезно.

Я перепрыгивала через три ступеньки — они не ожидали от меня такой прыти.

Стрела обогнула меня и, ударившись в бетонную стену, сломалась. Потом я побежала по коридору, и они меня потеряли.

Было тихо-тихо — тишина на две минуты.

Я спокойно спустилась по другой лестнице. Нужно совершать поступки, которых от тебя не ждут. А они не ожидали моего возвращения, тем более по другой лестнице.

Я шла не спеша, но мне стоило больших трудов не спешить. Они же могли прикончить Гришу и Гарика в любую минуту — через барьер балкона и — пятьдесят метров вниз. Эффектно, и трупов не остается.

Я подошла к дверям балкона.

Все, кто стоял в дверях, смотрели внутрь, на балкон.

Я подошла ближе.

Мне была видна расстановка декораций и актеров на сцене.

Гриша и Гарик стояли спиной к барьеру. Перед ними в десяти метрах, не промахнешься, — четыре охранника.

Они целились из арбалетов.

Как в рыцарском фильме. Спасение должно прийти к героям за секунду до смерти.

Но я не стала ждать этой последней секунды и рисковать тем, что они выстрелят чуть-чуть раньше, чем мне хочется.

— Позвольте, — строго приказала я служителям, столпившимся в дверях. — Позвольте!

И тут они поняли. Они еще не увидели, но поняли.

И кинулись в разные стороны.

— Стреляйте! — завопил совсем старый сенатор, который так и не поднялся из кресла-каталки.

Но этот приказ выполнила только я.

Я опоздала. Сама во всем виновата.

Зато уж я никого не оставила целым, ни из охранников, ни из сенаторов.

И у меня еще оставались патроны. Я очень экономная женщина. К тому же с запасным рожком.

Я не хотела смотреть на это.

— Пошли,— сказала я мальчикам.

Гарик с Григорием были оглушены и ничего не сообщали. Они пошли за мной. До самых ворот. И никто нас не останавливал. Если не считать двух или трех стрел, лущенных издали.

Только уже у двери в наш мир Гарик вдруг спросил:

— А как же те, кто остался?

Никто ему не ответил. Пробуждать целую армию и вести ее за собой было выше моих сил. Простите.

Для них соглашение было без обмана — вы умеете воевать, вы хотите воевать, значит, вы знаете, что на войне бывает больно. Так воюйте, получайте кайф, со временем вы все погибнете. Зато с шумом и криками, а не в мирной постели, чего вам так не хочется.

ГАРИК ГАГАРИН

Меня все мучила судьба тех, кого мы оставляем. Александра была со мной не согласна. Она считала, что это и есть их судьба. К тому же, полагала она, со временем все образуется, появятся новые сенаторы, так сказать, новое поколение старичья — да и неизвестно, сколько их там. Кого-то она убила, а кого-то не добила.

Между нами была пропасть.

Александра, такая красивая, длинноногая, быстрая в движениях, была отравлена войной и, видно, никогда уже не выздоровеет. Она и собственные поступки не считала чем-то из ряда вон выходящим. Она навела порядок, восстановила справедливость — это была ее собственная война. И то, что на балконе осталось как минимум десять мертвецов, ее не удручало.

Уже у нас, пройдя сквозь какую-то скрипучую калитку и оказавшись на заросших бурьяном и подорожником запасных путях станции Меховск, она угадала мои мысли и с вызовом заявила:

— А почему я должна их жалеть? Они Витечку пожалели? Они из него выгнали память обо мне, а потом и вовсе убили. Я сколько сил положила, чтобы его найти и спасти. А из-за них не спасла. А эта сволочь Порейко, он знал,

где Витечка и под какой кличкой. Но не сказал. Нечего их жалеть! Знаешь почему?

— Почему?

— Они сами никого не жалели. Они за десять баксов готовы мать родную задушить. Они наших ребят за людей не считали, а считали только за мясо. Я их как тараканов должна была выводить. Понимаешь?

Я кивнул, потому что у нее была своя правда.

Впереди был перрон и старое, еще дореволюционное, красное с белеными наличниками, здание станции Меховск.

— Я пойду,— сказал Григорий.

— Может, ко мне зайдешь? — спросила Александра.— Я тебе переодеться дам. У меня от Порейки осталось.

— Даже не знаю. У меня предчувствие, надо убираться отсюда.

— А не хотите встретиться с людьми... которые желали бы вас выслушать? — спросил я.

— Гарик, ты нас не подводи, хорошо? — сказала Александра.— А то ведь я тебя не пожалею. Ты меня знаешь.

На перроне стояли группой несколько штатских, среди них мой полковник дядя Миша. Они нас ждали.

Гриша увидел их и сказал:

— Прощайте! — и рванул в кусты, за пакгаузы.

Штатские во главе с дядей Мишей спокойно, чересчур вразвалочку, как ходят военные люди, когда они в гражданском, но не хотят и не умеют скрывать своей истинной принадлежности, направились к нам.

— Ну и сука ты, Гарик,— сказала в сердцах Александра.

— Не все умеют сводить счета из автомата,— сказал я.— Для некоторых есть другие, более мирные способы.

— Заложить меня? — спросила Александра.

— Я не могу тебя заложить. Ты на это ответишь, что мне все приснилось.

— А точно! Тебе и в самом деле все приснилось.

— Тогда и ты меня пойми. Существует какая-то дыра в пространстве, туда утягивает людей. И они погибают. А что, если это грозит смертью многим и многим...

— Не все ли равно? Витечку не вернешь.

Дядя Миша стоял перед нами.

— Ты познакомишь меня, Гарик? — спросил он.

Александра протянула полковнику тонкую длинную руку и представилась:

— Александра. Очень приятно. Вы меня арестуете?

— Мы никого не арестуем, даже вашего друга Григория Куна, который думал, что убежит под вагонами.

Я обернулся. Гриша возвращался к нам, его вели два человека, не дотрагиваясь, но жестко, как будто заламывали руки.

— Ох и встретимся мы с тобой, Гарик, — сказала Александра. — Тогда ты пожалеешь.

Ничего от Александры и Гриши добиться не удалось. А впрочем, на что дядя Миша мог рассчитывать? Я ведь тоже давал ему информацию, в которую было трудно поверить, а поверив, никак нельзя было использовать.

Александра знала, когда и где появится выход из того мира.

Это ей сказал Порейко, потому что и сам намеревался возвратиться этим путем. Но о следующем ходе или времени связи он знать не мог. Знали сенаторы. Но все погибли. Всех убила прекрасная валькирия Александра.

Двое суток я провел в гостинице Меховска. В первый день я зашел в комнату, где раньше находился «Союз ветеранов — XX век». Там было пыльно и пусто. Ящики стола Порейки лежали на столе пустые. Стальной сейф, сто раз покрашенный бурой краской, был открыт и тоже пуст. Контора была фикцией.

Когда я стоял в комнате, туда зашла Александра.

— Тебя отпустили? — обрадовался я.

Поздняя оса кружила над столом, — наверное, там было сладкое пятно от чая.

— Я сказала, что уеду к себе. Не пускают.

— Ты же знаешь, что они отпустят.

— Они бы рады держать меня вечно и вывернуть наизнанку, да мне нечего им рассказывать. А этот полковник

дядя Миша, ты не представляешь, как он на меня смотрит, была бы его воля... не веришь?

— Не верю.

— Ну и черт с тобой. Ты мне адрес оставишь?

— Я уже написал.

Я достал листок из кармана. Который год собираюсь заказать визитные карточки — необходимо! Научный сотрудник немаловажного учреждения...

— У меня тоже карточки нет, — сказала Александра!

Она отодвинула пустые ящики и стала писать свой адрес.

Потом попрощалась и ушла, по крайней мере, она уже не сердилась.

Когда я клал бумажку в карман, то заметил, что на ее другой стороне записан мой адрес. Значит, мне она не напишет.

На третий день с утра меня отправили вертолетом в Москву, там должны были снять энцефалограммы — я буду давать показания в глубоком сне. Дядя Миша надеялся узнать что-нибудь такое, особенное, чего я сам не представляю. И понять, где же мы были...

Я сидел в лаборатории. Тамара сделала кофе, и как всегда жидкий. Ну что за вкусы у человека!

Катрин заметила, что я хочу что-то сказать, взяла чашку, выплеснула ее, под протест Тамары, в раковину и занялась делом.

— Подытожим, — сказала Калерия. — Все-таки мы что-то с тобой знаем.

— На основе всех наших размышлений и допросов, которые так успешно провел дядя Миша, побывал я на Земле, вернее всего во время, не очень далеко отстоящее от нынешнего дня, а может, и в наши дни. Но где — не знаю. Если бы я верил в параллельные миры, то, конечно, соблазнительно считать тот стадион параллельным миром. Но он какой-то странный. Люди там немногочисленны и не очень реальны. Как будто в том мире прошла третья мировая война и после нее остались лишь осколки цивилизации...

— Фантазии,— сказала Тамара, которая умеет произносить банальности значительным тоном,— рождаются в больших головах. Но если это мечта, то совсем наоборот.

Мы замерли от глубины мысли, но переварить ее не сумели.

— Может, когда-нибудь они сами дадут о себе знать,— сказала Катрин, ставя передо мной чашку настоящего кофе.

— Мы можем не заметить этого светлого момента,— печально сказала Калерия, у которой в тот день было меланхолическое настроение — что-то у нее неладно дома.

Но тут же наша начальница взяла себя в руки.

— Допиваем кофе и принимаемся за работу. Время не ждет. Гарик пишет отчет о командировке, только не для дяди Миши, а для Академии наук, так что попрошу без грамматических ошибок. Тамара, ты когда наконец приведешь в порядок журнал экспериментов? Саша, мне сегодня в проходной сказали, что тебя вчера задержали при попытке...

— А вот это клевета! — возопил Саша Добряк, не дослушав Калерию Петровну.— Я не выносил, а вносил. И не крокодила, всего-навсего кота.

— Я не позволю убивать мышей,— заявила Тамара.— У них маленькие дети.

Конечно, прямые сравнения некорректны, но я чувствовал себя как человек, возвратившийся из отпуска на Канарских островах или в Ливадии. В первый день ты весь полон пейзажами, событиями, звуками и запахами тех сказочных мест. Но окружающие за то время, пока ты купался в океане, занимались воспитанием детей, сбором профсоюзных взносов или ремонтом дачи. Ты им начинаешь говорить о ночном океанском прибое, а они о стоимости щебня или болезни гладиолусов, а то и о последних дебатах в Государственной думе.

Разумеется, все в лаборатории ждали моего возвращения, даже беспокоились обо мне (в различной степени). Но ведь они не смогут никогда услышать, как трещат латы под ударом меча, как пахнут выгребные ямы заброшенного лазарета, как молит о жизни поганый Порейко. Ну как объяснишь кому-нибудь, даже чуткой Калерии, что я искал

и не нашел Риту и боюсь думать о том, что с ней могли сделать на той иллюзорной войне.

А раз они не могут услышать и увидеть то, что слышал и видел я, то для них существование параллельно с нами или где-то над нами гротескного и жестокого мира — плод для размышлений, а не ночные и дневные кошмары.

Кукловоды могут вернуться и снова потребовать дани. И снова найдутся люди, готовые эту дань для них собирать. В конце концов, мы знаем, что сами монголы редко появлялись на Руси — дань для них в охотку собирали русские князья, и еще приворывали.

Я чувствовал, что это — не последняя моя встреча с хозяевами...

— Кофе остынет, — сказала Катрин. И как бы невзначай прикоснулась ко мне бедром. А я отодвинулся — не обижайся, Катрин, ты не знаешь, какое видение посетило меня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Часть первая. ГАРИК ГАГАРИН	47
Часть вторая. КОРШУН	172
Часть третья. ГАРИК ГАГАРИН	251
Часть четвертая. АЛЕКСАНДРА	370
Эпилог. ГАРИК ГАГАРИН	404

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б;
издательство АРМАДА*

Кир Булычев

Б 90 Вид на битву с высоты: Роман.— М.: АРМАДА, 1998.— 410 с.: ил.— (Кир Булычев. Фантастический цикл «Театр теней»).

ISBN 5-7632-0737-8

Новый фантастический роман знаменитого российского писателя Кира Булычева открывает приключенческий цикл «Театр теней». Сотрудник Института экспертизы Гарик Гагарин должен проникнуть в существующий рядом с нами мертвый мир, чтобы разгадать тайну исчезновения людей из небольших северных городов. Еще труднее, оказывается, вырваться из этого мира, где кипит постоянная война.

**УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос-Рус)6-445я5**

РЕДАКЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

КИР БУЛЫЧЕВ
Фантастический цикл
ТЕАТР ТЕНЕЙ

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)
ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ
Роман

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
Л. В. Синицына

Компьютерная верстка
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,63. Тираж 50 000 (1-й завод — 10 000).
Изд. № 3208. Заказ № 2526.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Любителям приключенческой литературы – следующая книга
нового фантастического цикла

Кира БУЛЫЧЕВА

«ТЕАТР ТЕНЕЙ»

Книга вторая

СТАРЫЙ ГОД

Фантастический роман

О чем может мечтать окончательно разочаровавшийся в жизни человек? Может, о каком-то ином мире, в который можно удивительным образом попасть, навсегда покинув опостылевшую действительность? По крайней мере, именно такая метаморфоза происходит с двумя нашими современниками, московскими школьниками Егором и Люсей, пожелавшими уйти от действительности. В мгновение, разделяющее новый и старый год, они неожиданно переносятся в загадочный и странный мир, мир прошлого, где время остановилось и где нет смерти.

Здесь, в империи Киевского вокзала, они становятся участниками самых невероятных событий – эта «вторая действительность» вовсе не оказалась местом для блаженства. После долгих мытарств и испытаний ребятам чудом удастся вырваться обратно. Но на этом их приключения не заканчиваются. К изучению загадочного явления подключается Институт экспертизы...

Всем, кто любит и ценит юмор!

Самые веселые, самые смешные, самые уморительные
произведения фантастического жанра вас ждут
в новой серии

БИБЛИОТЕКА Юмористической ФАНТАСТИКИ

Новая серия рассчитана как на знатоков и ценителей хорошей фантастики, так и на любителей веселых и в то же время умных книг. Наряду с лучшими, классическими образцами юмористической фантастики, вышедшими из-под пера таких мастеров, как Фредрик Браун, Генри Каттнер, Аркадий и Борис Стругацкие, Клиффорд Саймак, Роберт Шекли, Кир Булычев, в серию будут включены произведения молодых писателей, успешно работающих в этом жанре.

ПЕРВЫЕ КНИГИ СЕРИИ ВЫХОДЯТ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1998 г.:

Сборник «САМОЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ»

В книгу вошли рассказы и повести 17 авторов: А. Кларка, Дж. Б. Пристли, Дж. Ганна, Р. А. Лафферти, Р. Хайнлайна, Р. Шекли, Г. Каттнера, А. Азимова, У. Тенна, Э. Ф. Расселла и др.

Генри КАТТНЕР «ХЭППИ ЭНД»

Авторский сборник, в который вошли лучшие юмористические рассказы Г. Каттнера, в том числе полные циклы о семействе Хогбенов и о чудаче изобретателе Гэллегере.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на книги серии «Библиотека юмористической фантастики», отправив заявку по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376,
издательство АРМАДА,

ЛЮБИТЕЛЯМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ADMA DA

ПРЕДЛАГАЕТ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

В серии представлены произведения отечественных и зарубежных мастеров современной остросюжетной фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные произведения боевой фантастики непревзойденных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ
BATTLITESH**

Звездные войны, боевые машины будущего в фантастическом суперсериале корпорации FASA

**ММР
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

Необычайные приключения, увлекательная фантастика и захватывающие детективы для взрослых и юношества

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы современных российских писателей

**Знаменитые
СЫЩИКИ**

Избранные произведения детективной классики

**ШЕРЛОК
ХОЛМС
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

Блестящие расследования знаменитого сыщика в произведениях современных авторов

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
БЛАГОВЕЩЕНСК	"Центрпол"	(4162)	42-62-71
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Инком-сервис"	(3812)	23-99-92
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА – ПОЧТОЙ»

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д. 14, магазин «Пресня»	тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д. 25, библиотека №84	тел. 976-75-09
проспект Мира, д. 41, строение 1, помещение Художественного салона	тел. 280-24-06

ОН — МАСТЕР С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Фантастику КИРА БУЛЫЧЕВА знают и любят все. И вот — новый фантастический роман мэтра «Вид на битву с высоты», первый из увлекательного приключенческого цикла «Театр теней»

...В небольших городках к северу от столицы стали пропадать люди... «Подумаешь, невидаль! — воскликнет читатель.— В наше-то время...»

Но пропадают не единицы, а целые группы, причем все исчезнувшие побывали когда-то в «горячих точках»...

У бывшего детдомовца, ныне археолога, а на самом деле космического пришельца, Гарика Гагарина обнаружены удивительные способности — сила внушения и левитация. Он-то и становится главным участником поиска пропавших людей.

Вы узнаете многих и многое. Писатель переплетает реалии сегодняшней жизни с безудержной фантазией.

ISBN 5-7632-0737-8

9 785763 207378